

2-й изд

В О П Р О С Ы ИСТОРИИ

В НОМЕРЕ:

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС СССР И РАЗВИТОЙ СОЦИАЛИЗМ

ПОРЕФОРМЕННОЕ СЛАВЯНОФИЛЬСТВО

АНГЛО-СОВЕТСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ 1920 — 1921 гг.

ИСТОРИКИ ФРГ О КРИЗИСЕ ЛИБЕРАЛИЗМА

ИЗ ДНЕВНИКА ДИПЛОМАТА

О «ВЛЕСОВОЙ КНИГЕ»

6

МОСКВА · 1977

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

НОВЫЕ КНИГИ

В борба на братска земя. (Спомени на българи комунисти и антифашисти в Чехословакия). Съст.: Петко Сираков и др. София. Партиздат. 1976. 474 с.

ГЕНОВ Ц. По бойния път на освободителите. 1877—1878. София. Медицина и физкултура. 1976. 225 с.

ДИМИТРОВ С. и МАНЧЕВ К. История на балканските народи. 1879—1918. София. Наука и изкуство. 1975. 476 с.

ТЪПКОВА-ЗАИМОВА В. Долни Дунав — гранична зона на византийския запад. Към историята на северните и североизточните български земи, края на Х—ХІІ в. София. Изд-во на БАН. 1976. 187 с.

ХРИСТОВ Х. Аграрният въпрос в българската национална революция. София. Наука и изкуство. 1976. 311 с.

KRISTÓ G. Az Aranybullák évszázada. Budapest. Gondolat. 1976. 254. old.

Magyarország története 10 kötetben. Készült a magyar tudományos akadémia történettudományi intézetében. Szerkesztő bizottság: Pach Zsigmond Pál é. m. 8. 1918—1919, 1919—1945. Foszterk. Ránki György. Szerk. Hajdu Tibor, Tilkovszki Lorant. Budapest. Akad. kiadó. 1976. 1400. old.

MORAVCSIK G. Einführung in die Byzantinologie. Budapest. Akad. kiadó. 1976. 186 S.

Óstársadalom és ázsiai termelési mód. Szerk. Tökei Ferenc. Budapest. Magvető. 1976. 344. old.

Grundprobleme der entwickelten sozialistischen Gesellschaft. Zur weiteren Gestaltung der entwickelten sozialistischen Gesellschaft in der DDR. 13. Tagung des Wiss. Rates für die wirtschaftswiss. Forschung bei der Akad. der Wiss. der DDR am 25. März 1975. Berlin. Akademie-Verl. 1976. 139 S.

HACKETHAL E. Kreuzweg Chile. Christen, Kirche und Klassenkampf vor und nach dem Militärputsch. Mit einem Dokumentaranhang. Berlin. Union Verl. 1976. 189 S.

HELDER P. Antifaschistischer Kampf und revolutionäre Militärpolitik. Zur Militärpolitik der KPD von 1933 bis 1939 im Kampf gegen Faschismus und Kriegsvorbereitung, für Frieden Sozialismus. Berlin. M. 1976. 311 S.

LUXEMBURG P. lam Universal-Bib

VOGEL P. Zwis haufen. Ketzer in Neues Leben. 1976

БНМАУ-ын конк зарим баримт бичг атар. Улсын хэвлэ

МААМ Д. Маор дэж буй Товд оро хэвлэлийн газар.

BASZKIEWICZ J. Maksymilian Robespierre. Wrocław i i. Zakł. nar. im Ossolińskich, wyd-wo. 1976. 301 s.

KOCOJ H. Francja a upadek Polski. Polskie rachuby na pomoc Francji w czasie Sejmu czteroletniego i insurekcji Kościuszkowskiej. Kraków. Wyd-wo lit. 1976. 186 s.

KRÓLIKOWSKI B. Czas wrastania. Wrocław i i. Zakł. nar. im Ossolińskich, wyd-wo. 1976. 154 s.

LOSSOWSKI P. Między wojną a pokojem. Niemieckie zamysły wojenne na wschodzie w obliczu traktatu wersalskiego. Marzec-czerwiec 1919 roku. Warszawa. KiW. 1976. 350 s.

MANTEUFFEL T. Historyk wobec historii. Rozprawy nieznanie, pisma drobne, wspomnienia. Warszawa. PWN. 1976. 427 s.

Documenta Romaniae historica. A. Moldova. Vol. I (1384—1448). Vol. întocmit de C. Cihodaru ș. a. 1975. IV, 605 p.; Vol. 2. 1449—1486). Vol. întocmit de Leon Siman-schi în colab. cu Georgeta Ignat și Dumitru Agache. 1976. LVIII, 647, p.; B. Tăra Româneasca. Vol. 3. (1526—1535). Întocmit în cadrul seminarului de paleografie slavă condus de Damaschin Mioc. 1975. XXXII, 449 p. București.

Brève histoire du Parti des travailleurs du Viet Nam. (1930—1975). Hanoi. Ed. en langues étrangères. 1976. 174 p.

HROCH M. a PETRAN J. 17. století—krize feudální společnosti? Praha. Svoboda. 1976. 314 p.

PLEVZA V. Trvalé hodnoty. Zv. 2. Zápas za socialistické premeny. Bratislava. Ľľenská kniž. Pravda. 1976. 358 s.

Prátelstvi zrozené v boji. Buzuluk—Dukla—Praha. Uspoř. a text napsal Vladimír Remeš. Praha. Artia. 1976. 174 s.

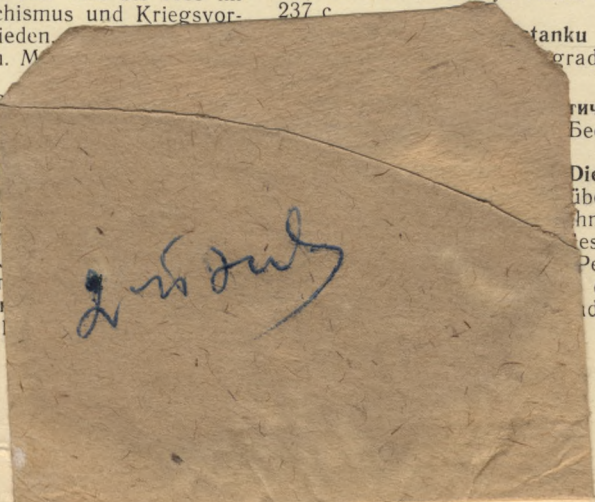
Zbraslavská kronika. Vyd. 2., oprav. Praha. Svoboda. 1976. 597 s.

Во срцето на Шпанија. Секавања на интербригадисти од Македонија. Избор. ред. и подготвување на материјалите на печат: Перо А. Коробар (одг.) и Владимир Ивановски. Скопје. Наша книга. 1975. 237 с.

tanku i razvoju grad. Grafički

гички сукоби Београд. Рад.

Die ägäische über die Aus-
hnt und über
Geschichtsbild.
Perioden des
der Kykla-
nd. der Wiss.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1926 года
МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

Вопросы ИСТОРИИ

№ 6

И Ю Н Ь

1977

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- С. Л. Сениянский — Социальный прогресс советского общества в условиях развитого социализма 3
В. А. Китаев — Славянофилы в первые пореформенные годы . . . 19
Н. А. Казакова (Ленинград) — Европейские страны в записках русских путешественников середины XV века 37
А. И. Сизоненко — Развитие связей СССР с Латинской Америкой в 30-е годы 49
С. В. Лавров — Борьба в политических кругах Великобритании во-круг англо-советских переговоров 1920—1921 годов 59
В. Н. Виноградов — Кризис буржуазного либерализма в годы Вей-марской республики в освещении историографии ФРГ 81

ПУБЛИКАЦИИ

- Из дневника В. Н. Ламздорфа. (Вступительная статья И. А. Дья-коновой) 98

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

- И. Л. Андреев — Движение балашовцев 116

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Отделении истории АН СССР и Научных советах

- Т. А. Игнатенко, В. С. Шилов — Всесоюзная историографическая конференция 129
К. В. Хвостова — Дискуссия о соотношении общесоциологических и исторических закономерностей 134
М. А. Молодцыгин — Всесоюзный симпозиум по истории революцион-ного движения в вооруженных силах России в 1917 году 138

Обзоры

- А. Ф. Васильев — Новейшие исследования по истории промышленно-сти и рабочего класса СССР периода Великой Отечественной войны 141

Рецензии

В. Т. Анисков (Ярославль) — М. Л. Богденко, И. Е. Зеленин. Совхозы СССР. Краткий исторический очерк (1917—1975) . . .	148
А. И. Залесский (Минск) — В. М. Гринев. Борьба крестьянства оккупированных областей РСФСР против немецко-фашистской оккупационной политики. 1941—1944.	151
С. С. Дмитриев — Е. Л. Рудницкая. Шестидесятник Николай Ножин	154
О. Н. Матковская — В. Ф. Петровский. Американская внешнеполитическая мысль. Критический обзор организации, методов и содержания буржуазных исследований в США по вопросам международных отношений и внешней политики	158
Л. Р. Полонская, А. Н. Хейфец — К. А. Антонова, Г. М. Бонгард-Левин, Г. Г. Котовский. История Индии. Краткий очерк	161
Академик А. П. Окладников (Новосибирск) — В. М. Массон. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии)	164
Новые книги	167
Статьи в советских периодических изданиях	169
Хроникальные заметки	172

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

А. Р. Корсунский — Конференция по проблеме падения Западной Римской империи	177
---	-----

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Обзоры

Б. Я. Табачников (Воронеж) — Проблемы новейшей истории и методологии в журнале «Kwartalnik historyczny» за 1970—1976 годы	181
---	-----

Рецензии

В. В. Чубинский (Ленинград) — «Революционная партийная программа — революционное рабочее единство. Исследования о борьбе за соединение марксизма с рабочим движением»	188
М. А. Заборов — В. и М. Грохи. Крестоносцы на Востоке	192

По страницам зарубежных журналов

Содержание журналов, выходящих в социалистических странах . .	195
Рецензии на советские издания	198
Хроникальные заметки	199

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ

В. И. Буганов, Л. П. Жуковская, академик Б. А. Рыбаков — Мнимая «Древнейшая летопись»	202
---	-----

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

М. И. Синяжников (Кострома) — Кострома, 1905 год	206
В. А. Моисеев (Алма-Ата) — В джунгарском плену	209
А. С. Шофман (Казань) — Античные «танки»	213

Сведения об авторах	217
Об итогах IV Всесоюзного конкурса работ молодых ученых по общественным наукам, посвященного XXV съезду КПСС	218
Резюме статей на английском языке	221

СТАТЬИ

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА

С. Л. Сениявский

Шесть десятилетий назад российский пролетариат, первым в мире свершив социалистическую революцию, открыл новую эру в истории. **«Победа Октября — главное событие XX века, коренным образом изменившее ход развития человечества»**¹. Великий Октябрь положил начало современной эпохе, эпохе перехода от капитализма к социализму в мировом масштабе. Это обусловило и ускорение социального прогресса всего человечества.

Социальный прогресс человеческого общества — понятие конкретно-историческое. Чем на более высокой стадии развития общества осуществляется социальный прогресс, тем шире спектр его задач и направлений, тем глубже и совершеннее его результаты. Его содержание различно не только в условиях разных общественно-экономических формаций, но и в пределах становления и развития коммунистической формации. «Развитой социализм,— говорится в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции»,— это сегодня высшее достижение социального прогресса»².

В экономической стратегии Коммунистической партии задачи дальнейшего развития экономики и социального прогресса в условиях зрелого социализма ставятся в едином социально-экономическом комплексе. XXV съезд КПСС, конкретизируя программные установки коммунистического строительства и развивая решения предыдущих съездов, выдвинул широкий круг задач, направленных на дальнейший социальный прогресс советского общества. Огромное методологическое и практическое значение имеет тот факт, что в социально-экономической программе XXV съезда КПСС, органически развивающей решения XXIV съезда и составляющей с ними единое целое³, дано развернутое определение содержания и сущности социального прогресса в условиях зрелого социалистического общества, строящего коммунизм. Программные решения XXV съезда КПСС не только определяют перспективы на будущее, но и отражают реальные, объективные закономерности коммунистического строительства, воплощенные в историческом опыте нашей страны.

Из решений XXV съезда КПСС следует, что основными направлениями социального прогресса советского общества в условиях развитого социализма, строительства материально-технической базы коммунизма являются: дальнейшее совершенствование социальной структуры об-

¹ «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 года. М. 1977, стр. 3.

² Там же, стр. 9.

³ См. «Материалы XXV съезда КПСС». М. 1976, стр. 39.

щества, дальнейшее повышение материального и культурного уровня жизни народа, всемерное совершенствование и развитие социалистической демократии и советского образа жизни. Каждое из этих направлений имеет свое содержание, свои конкретно выраженные аспекты. В то же время все три основных направления социального прогресса советского общества органически связаны между собой и содержание каждого из них не может быть выражено с достаточной полнотой без связи с теми или иными аспектами других направлений.

Так как в рамках статьи невозможно исследовать всю сложную и многогранную взаимосвязь названных трех направлений социального прогресса советского общества в условиях зрелого социализма, представляется целесообразным сосредоточить внимание на процессах дальнейшего совершенствования социальной структуры советского общества и повышения материального и культурного уровня жизни народа на основе улучшения социально-экономических и производственных условий труда, усиления его творческого характера, всемерного сокращения ручного, малоквалифицированного и тяжелого физического труда, роста образовательного и культурно-технического уровня трудящихся, дальнейшего сближения уровня благосостояния и культуры, условий труда и быта различных социальных групп советского общества, жителей города и деревни⁴. Взаимосвязь совершенствования социальной структуры советского общества с различными аспектами улучшения условий труда и быта, повышения культурно-технического уровня трудящихся под воздействием научно-технической революции является одной из наиболее характерных черт зрелого социализма.

«Развитое социалистическое общество — закономерный этап в становлении коммунистической формации. На этом этапе социализм, развиваясь уже на собственной основе, все более полно раскрывает свои творческие возможности, свою глубоко гуманистическую сущность. Развитой социализм характеризуется соединением достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства, решительным поворотом к интенсивным методам развития экономики, качественно новым уровнем и масштабами производства, позволяющими непосредственно решать задачи создания материально-технической базы коммунизма, обеспечивать непрерывный рост благосостояния трудящихся, добиваться важных успехов в экономическом соревновании с капитализмом. Развитой социализм знаменует высокую степень зрелости всей системы общественных отношений, постепенно перерастающих в коммунистические», — указывается в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции»⁵.

Чертами зрелости характеризуется в условиях развитого социализма и социальная структура советского общества. Эти черты вытекают из закономерностей ее развития на предшествующем этапе строительства социализма. Каковы же основные из этих закономерностей и каково их воздействие на формирование черт зрелости социальной структуры советского общества в условиях развитого социализма?

Важнейшей закономерностью развития социальной структуры социализма является увеличение численности и удельного веса в ней рабочего класса. С 19,7 млн. в 1940 г. он вырос до 43,5 млн. человек в 1960 г., а удельный вес его в структуре общества поднялся соответственно с 27,5 % до 51,5%⁶. Естественно, что преобладание в социаль-

⁴ См. там же, стр. 215—216.

⁵ «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», стр. 8—9.

⁶ Рассчитано по: «Народное хозяйство СССР в 1960 г.». М. 1961, стр. 27, 521, 633, 636, 648.

ной структуре социализма основной производительной и ведущей общественно-политической силой общества — весьма важная черта ее зрелости.

В условиях научно-технического прогресса опережающими темпами по сравнению с другими слоями общества росла численность советской интеллигенции, особенно ее научно-технических кадров. С 2,4 млн. в 1940 г. она увеличилась до 8,8 млн. человек в 1960 г., то есть более чем в 3,5 раза, при росте численности рабочего класса в 2,2 раза и снижении абсолютной численности и удельного веса колхозного крестьянства с 29 млн. человек (40,3%) в 1940 г. до 22,3 млн. (26,2%) в 1960 году⁷. Эти закономерности обусловили не только количественные, но и качественные сдвиги в соотношении между различными элементами социальной структуры общества в сторону ее большей зрелости, подготовив условия для соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства.

Процесс сближения двух форм социалистической собственности за счет постепенного подтягивания степени обобществления групповой формы собственности до уровня общенародной привел к тому, что в городе к началу 1960-х годов все артели промысловой кооперации слились с государственной промышленностью, вследствие чего 1,4 млн. членов промысловой кооперации влились в ряды рабочего класса и служащих⁸. Город стал всецело базироваться на общенародной форме собственности на средства производства, а социальная структура городского населения стала отражать более зрелый тип производственных отношений.

Рост численности и удельного веса рабочего класса, особенно сельскохозяйственного его отряда, а также интеллигенции влиял на существенные сдвиги в социальной структуре села в направлении сближения ее со структурой города. Если в 1940 г. доля рабочих, интеллигенции и служащих в социальной структуре села составляла всего 20,1%, то в 1960 г. уже — 41%⁹. Это значит, что к началу периода развитого социализма уже созрели условия для широкого процесса стирания существующих различий между городом и деревней в социально-классовой сфере.

Важнейшей закономерностью развития социальной структуры советского общества в условиях построенного в основном социализма был качественный рост всех ее элементов, и прежде всего социалистических классов, подготовивший условия для широких процессов сближения работников умственного и физического труда, классов и социальных слоев в ходе коммунистического строительства. Естественно, что качественные изменения в составе рабочего класса, колхозного крестьянства, рост их культурно-технического уровня не только стали главными признаками зрелости социальной структуры советского общества эпохи развитого социализма, но и обусловили весь механизм ее дальнейшего совершенствования.

После построения в основном социализма неуклонно уменьшались численность и удельный вес крестьян-единоличников и некооперированных кустарей. С 9 млн. в 1940 г. их численность упала до 0,2 млн. человек в 1960 г., а удельный вес ее в структуре советского общества снизился с 12,5% до 0,2%¹⁰. Закономерность постепенного вытеснения социальных категорий, связанных с остатками мелкотоварного уклада производства, привела к такой черте зрелости социальной структуры развитого социализма, как практически полное исчезновение из нее не-социалистических социальных слоев. Социальная структура социализма была как бы очищена от остатков социальных слоев старой форма-

⁷ Рассчитано по тем же данным.

⁸ Там же, стр. 633.

⁹ Рассчитано по: «Народное хозяйство СССР в 1960 г.», стр. 7, 521, 523, 633, 636, 648.

¹⁰ Рассчитано по тому же сборнику, стр. 27, 521—523, 633, 636, 648.

ции, стала структурой, адекватной социализму. Естественно, что эту черту его зрелости трудно переоценить.

Таким образом, в результате изменений, происшедших в социальной структуре советского общества на этапе, предшествовавшем развитому социализму, в ней сформировался ряд черт, характеризующих зрелость социально-классовых отношений общества, строящего коммунизм. Именно эти черты зрелости, в свою очередь, обусловили закономерности дальнейшего совершенствования социальной структуры развитого социализма в сторону постепенного перерастания социально-классовых отношений зрелого социализма в бесклассовые, социально-однородные коммунистические отношения. В этой связи в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции» сказано, что «на основе динамичного развития экономики приобретает новые черты социальный облик советского общества. Происходит дальнейшее стирание классовых различий, укрепляется его социальная однородность»¹¹.

Каковы же основные закономерности совершенствования социальной структуры советского общества в условиях развитого социализма? Каков механизм постепенного перерастания социалистических общественных отношений в бесклассовые, социально однородные, коммунистические?

Как уже говорилось выше, достигнутые черты зрелости социальной структуры развитого социализма обусловили и процессы последующего ее совершенствования. Прежде всего социальная структура советского общества и в условиях развитого социализма продолжает цементироваться повышением в ней численности и удельного веса рабочего класса, который уже своим количественным ростом оказывает влияние на ряд аспектов социального прогресса общества, строящего коммунизм. «Только этот класс может помочь трудящимся массам объединиться, сплотиться и окончательно отстоять, окончательно закрепить коммунистическое общество, окончательно его построить»¹², — указывал В. И. Ленин. Не через отмирание, а через развитие классов происходит процесс их сближения. Особенно это касается ведущей силы строителей коммунизма — рабочего класса. Поэтому дальнейшее повышение его численности и удельного веса в социальной структуре советского общества с 43,5 млн. и 51,5% в 1960 г. до 70,3 млн. человек и 59,8% в 1975 г.¹³ явилось решающим фактором ее совершенствования в условиях коммунистического строительства. Увеличение доли и численности основной производительной и ведущей общественно-политической силы советского общества укрепляет позиции коммунистического строительства. Кроме того, даже сами интеграционные процессы в социально-классовой сфере коммунистического строительства проходят при решающем влиянии всестороннего, в том числе и численного, роста рабочего класса.

Именно из численного роста рабочего класса и изменений в его отраслевом составе вытекает такая важная закономерность развития социальной структуры советского общества, как резкое повышение в структуре сельского населения доли рабочего класса, которое привело также и к преобладанию на селе доли рабочих, интеллигенции и служащих над удельным весом колхозного крестьянства, сократившимся с 57,8% в 1960 г. до 40,4% в 1975 году¹⁴. Произошел радикальный сдвиг

¹¹ «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», стр. 11

¹² В. И. Ленин. ПСС. Т. 41, стр. 310.

¹³ Рассчитано по: «Народное хозяйство СССР в 1975 г.». М. 1976. стр. 440, 442, 448, 525, 531, 533.

¹⁴ Рассчитано по: «Народное хозяйство СССР в 1960 г.», стр. 7, 216, 521, 526, 626, 636; «Народное хозяйство СССР в 1975 г.», стр. 7, 210, 440, 448, 525, 531—533, 550; «Вестник статистики», 1971, № 10, стр. 88.

в социальной структуре села, который настолько сблизил ее со структурой города, что деревню уже нельзя назвать, как это было в недавнем прошлом, преимущественно крестьянской. В условиях проводимой партией после мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС интенсификации сельскохозяйственного производства на основе его индустриализации, специализации, межхозяйственного кооперирования и агропромышленной интеграции такого рода социальные последствия при сближении двух форм социалистической собственности являются закономерными. Они и определяют социальный аспект процесса сближения города и деревни. В этой связи в постановлении «О дальнейшем развитии специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции» ЦК КПСС отметил, что «специализация и концентрация сельскохозяйственного производства на базе широкого кооперирования, перевод его на современную индустриальную основу — это магистральное направление дальнейшего развития социалистического сельского хозяйства, новый этап практического осуществления идей ленинского кооперативного плана в условиях развитого социализма»¹⁵.

Под воздействием научно-технической революции опережающие темпы численного роста интеллигенции в условиях развитого социализма привели к такому радикальному сдвигу в социальной структуре общества, как превышение численности и удельного веса интеллигенции над колхозным крестьянством. Количественный рост интеллигенции — необходимый фактор соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства, способствующий подъему культурно-технического уровня всего народа. Этот процесс определял одно из существенных направлений совершенствования социальной структуры общества развитого социализма. В этой связи XXIV съезд КПСС отметил: «Этот процесс закономерен. Он является результатом политики партии, направленной на всемерное ускорение научно-технического прогресса, на дальнейшее повышение культуры и образованности народа»¹⁶. С этим процессом органически связана такая закономерность совершенствования социальной структуры общества развитого социализма, как качественный рост всех составляющих ее элементов, прежде всего рабочего класса и колхозного крестьянства.

Как известно, XXV съезд КПСС подчеркнул необходимость изучения теоретических проблем развитого социализма, закономерностей его перерастания в коммунизм, механизма их действия и использования¹⁷. Названные выше закономерности развития социальной структуры советского общества в период зрелого социализма являются важнейшими составными частями механизма действия более общих закономерностей перерастания социализма в коммунизм в социальной сфере — процессов сближения классов и социальных слоев, города и деревни, умственного и физического труда. В то же время каждая из проанализированных выше конкретных закономерностей обладает и своим, более узким механизмом действия в процессе формирования бесклассового, социального однородного общества. Из всего сложного и многогранного механизма действия и использования закономерностей совершенствования социальной структуры советского общества в условиях развитого социализма возьмем лишь некоторые его стороны, связанные с закономерностью качественного роста основных элементов социальной структуры, то есть повышение культурно-технического и общеобразовательного уровня рабочего класса, колхозного крестьянства, всей массы трудящихся в условиях соединения достижений научно-технической революции с пре-

¹⁵ «Правда», 2. VI. 1976.

¹⁶ «Материалы XXIV съезда КПСС». М. 1971, стр. 74.

¹⁷ См. «Материалы XXV съезда КПСС», стр. 214.

имуществами социалистической системы хозяйства, улучшение социально-экономических и производственных условий труда.

Рост образовательного и культурно-технического уровня трудящихся, являясь необходимым условием успешного развития современного производства, в то же время лежит в основе ряда процессов совершенствования социальной структуры зрелого социализма. Достаточно отметить, что без роста образовательного и культурно-технического уровня (который включает в себя и рост политической сознательности) трудящихся, в первую очередь рабочего класса, нельзя не только решить важнейшую проблему коммунистического строительства — стирание существенных различий между работниками умственного и физического труда, но и осуществить такие конкретные предпосылки совершенствования социальной структуры общества развитого социализма, как «улучшение социально-экономических и производственных условий труда, усиление его творческого характера, всемерное сокращение ручного, малоквалифицированного и тяжелого физического труда», на которые указывается в решениях XXV съезда КПСС¹⁸.

Выдвигая задачу дальнейшего роста общеобразовательного и культурно-технического уровня трудящихся в качестве важнейшего условия социального прогресса советского общества, строящего коммунизм, XXV съезд КПСС исходил из уже достигнутых в этом деле советским обществом внушительных результатов. Если в 1939 г. среди занятого населения СССР лишь 12,3% составляли лица с высшим и средним (включая неполное среднее) образованием, то в 1959 г. их стало 43,3%, а к началу 1976 г. — 76,7%¹⁹. Анализ фактических данных позволяет установить, что темпы роста образовательного уровня советских трудящихся на разных этапах социалистического и коммунистического строительства последовательно увеличивались. Если в 1940—1959 гг. среднегодовой их рост составил 1,5%, то в 1960—1970 гг. — 2%, а в 1971—1975 гг. — 2,3%²⁰.

Для процесса стирания существенных различий между работниками умственного и физического труда показателен тот факт, что темпы роста образовательного уровня среди занятых преимущественно физическим трудом опережали темпы роста среди занятых в основном умственным трудом. Так, среди работников главным образом физического труда удельный вес лиц с высшим и средним (полным и неполным) образованием вырос с 4,4% в 1939 г. до 32,2% в 1959 г., 54% — в 1970 г. и 68,4% — к началу 1976 г., то есть за весь период завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму — в 15,5 раза. За тот же период удельный вес лиц с высшим и средним (полным и неполным) образованием среди работников преимущественно умственного труда вырос всего в 1,9 раза²¹. Конечно, соотношение лиц с высшим, средним и неполным средним образованием среди обеих категорий трудящихся разное, но, во-первых, как будет показано ниже на примере рабочего класса, среди работников физического труда повышается доля лиц не только с неполным, но и с полным средним и даже высшим образованием, а во-вторых, увеличение среди работников физического труда доли лиц даже с неполным средним образованием постепенно подтягивает их до образовательного уровня работников преимущественно умственного труда.

Особо важное значение для совершенствования социальной структуры советского общества и социального прогресса в целом имеет рост образовательного уровня рабочего класса; от этого зависит в конечном счете рост культурно-технического уровня, политической сознательно-

¹⁸ Там же, стр. 215.

¹⁹ «СССР в цифрах в 1975 году». М. 1976, стр. 17.

²⁰ Рассчитано по тем же данным.

²¹ Рассчитано по: «Народное хозяйство СССР в 1975 г.», стр. 37.

сти основной производительной силы общества, определяющей успехи в решении всего комплекса социальных задач коммунистического строительства. Чем выше образовательный и культурно-технический уровень рабочего класса, тем интенсивнее процесс стирания существенных различий между умственным и физическим трудом и его главными носителями в производственной сфере — рабочими и инженерно-техническими работниками. Именно сближение характера труда рабочих и инженерно-технических работников находится в центре решения такой социальной проблемы, как стирание существенных различий между работниками умственного и физического труда. Повышение образовательного и культурно-технического уровня рабочего класса оказывает влияние на вытеснение из производства ручного, малоквалифицированного и тяжелого физического труда. Наконец, от роста образовательного и культурно-технического уровня рабочих зависит дальнейшее развитие общественно-политической и производственной активности всех советских трудящихся, их творческой инициативы.

В 1939 г. всего 8,8% рабочих имели высшее, среднее и неполное среднее образование, в 1959 г. — уже 39,6%, а в 1976 г. — 71,5%²². Образовательный уровень промышленных рабочих был еще выше: уже в 1973 г. указанная категория лиц среди них составила 70,9%, при этом 29,7% промышленных рабочих имели высшее и полное среднее образование²³. Для определения перспективы дальнейшего роста образовательного уровня ведущей силы нашего общества большое значение имеет сравнение среднего уровня образования рабочего класса в целом с соответствующим уровнем молодых рабочих. Характерно, что среди молодых рабочих промышленности (до 30 лет) доля лиц с высшим, средним и неполным средним образованием составила в 1973 г. 94%, а 50,5% молодых рабочих имели высшее и полное среднее образование²⁴.

Опережающий рост общеобразовательного уровня молодых рабочих явился следствием политики КПСС, направленной на повышение образовательного и культурно-технического уровня рабочего класса в условиях научно-технической революции, строительства коммунизма. Научно-техническая революция и социальный прогресс советского общества потребовали в качестве основной предпосылки роста культурно-технического уровня рабочего класса в целом интенсивного роста образовательного уровня молодых рабочих. Культурное строительство в СССР создало условия для осуществления этой задачи. В этом процессе немалую роль сыграло превращение выпускников средней школы со второй половины 1950-х годов в массовый источник пополнения советского рабочего класса²⁵.

Опережающие темпы роста общеобразовательного уровня молодых рабочих привели к превышению среди них доли лиц с высшим, средним и неполным средним образованием по сравнению с соответствующими показателями по промышленным рабочим в целом на 23,1%. Причем среди лиц с высшим и средним образованием это превышение составило 20,8%, что свидетельствует об опережающих темпах роста среди молодых рабочих главным образом категории лиц с полным средним и высшим образованием. Интересно, что разница в доле лиц с неполным средним образованием среди всех промышленных рабочих и молодежи составила всего 2,3%²⁶.

Анализируя тенденцию опережающих темпов роста общеобразовательного уровня молодых рабочих, нельзя не обратить внимания на тот

²² Там же, стр. 38.

²³ «Вестник статистики», 1974, № 7, стр. 92.

²⁴ Там же.

²⁵ См. об этом: С. Л. Сенявский. Рост рабочего класса СССР (1951—1965 гг.). М. 1966.

²⁶ Рассчитано по: «Вестник статистики», 1974, № 7.

факт, что именно среди рабочей молодежи преобладает категория лиц с полным средним и высшим образованием; в составе рабочих старшего возраста она почти вдвое ниже. Это имеет решающее значение для процесса стирания существенных различий между работниками умственного и физического труда, так как сближает их не только по уровню, но и по структуре образования: 7,5% молодых рабочих промышленности в 1973 г. имели высшее и среднее специальное образование²⁷, то есть по уровню и профилю образования уже ничем не отличались от инженерно-технических работников.

Учитывая ведущую роль рабочего класса в социальном прогрессе советского общества и таком центральном его звене, как повышение образовательного и культурно-технического уровня трудящихся, XXV съезд КПСС, принимая решение о дальнейшем росте этого уровня и его влиянии на совершенствование социальной структуры общества и другие направления социального прогресса, исходил из созданных предшествующим историческим опытом развития рабочего класса и других отрядов трудящихся СССР реальных предпосылок для успешного осуществления этой задачи в годы десятой пятилетки и в дальнейшей перспективе. Предполагается, что уже в одиннадцатой пятилетке все промышленные рабочие будут иметь образование не ниже неполного среднего, а почти все молодые рабочие — полное среднее и высшее. Такова перспектива выполнения решений XXV съезда КПСС о росте образовательного уровня ведущей и основной производительной силы общества, строящего коммунизм, на основе созданных для этого исторических предпосылок.

Темпы роста образовательного уровня колхозного крестьянства являются опережающими по сравнению с соответствующими темпами роста рабочего класса. Так, удельный вес колхозников, имеющих высшее, среднее и неполное среднее образование, вырос с 22,6% в 1959 г. до 53,7% в 1976 г. (в 2,4 раза), в то время как за тот же период удельный вес соответствующей образовательной категории рабочего класса вырос с 39,6% до 71,5%, то есть всего на 80%.²⁸ В результате уровень образования колхозного крестьянства интенсивно сближался с образовательным уровнем рабочего класса, о чем свидетельствуют следующие данные: если в 1959 г. соотношение удельного веса указанной образовательной категории в составе крестьянства и рабочего класса выражалось как 1:1,8, то в 1976 г. уже как 1:1,3.²⁹ Сближение образовательного уровня колхозного крестьянства с соответствующим интенсивно растущим уровнем рабочего класса явилось важнейшим фактором роста образовательного и культурно-технического уровня всех советских трудящихся, условием и реальной предпосылкой успешного осуществления в нашей стране таких магистральных процессов социального прогресса общества в ходе строительства коммунизма, как стирание существенных различий между работниками умственного и физического труда, между городом и деревней, сближение классов и социальных слоев советского общества.

Для более полного и всестороннего выявления результатов и перспектив роста культурно-технического уровня советских трудящихся, и в первую очередь главной, ведущей общественной силы — рабочего класса, необходимо проанализировать и такие показатели этого роста, как повышение квалификационного и совершенствование профессионального их уровня под воздействием научно-технической революции. Только за 1962—1972 гг. средний тарифный разряд рабочих промышленности при 6-разрядной сетке вырос с 3 до 3,3, а в строительстве — с 3

²⁷ Рассчитано по тем же данным.

²⁸ Рассчитано по: «Народное хозяйство СССР в 1975 г.», стр. 38.

²⁹ Рассчитано по тем же данным.

до 3,6³⁰. Это свидетельствует не только о постоянном повышении квалификационного уровня рабочего класса, но и о том, что основная его масса имела квалификацию выше средней. Поскольку влияние научно-технического прогресса на развитие производства, интенсификация последнего, безусловно, ускоряют и темпы роста квалификационного уровня рабочего класса, можно утверждать, что к концу десятой пятилетки, а тем более в дальнейшем основная масса рабочего класса станет высококвалифицированной.

Однако изменение технологии производства под воздействием научно-технического прогресса требует более сложной и многосторонней оценки квалификационного уровня рабочего класса, чем определение его среднего тарифного разряда. В этих условиях тарификация рабочих неразрывно связана с их профессиональным профилем и характером труда по степени его механизации и автоматизации. Во всех отраслях народного хозяйства, особенно в промышленности и строительстве, неуклонно растет удельный вес рабочих, связанных с новой технологией производства, прежде всего с профессиями механизированного и автоматизированного труда. Этому способствуют опережающие темпы роста численности рабочих новых, прогрессивных профессий. Так, при росте общей численности рабочих в промышленности и строительстве с 1959 по 1972 г. в 1,6 раза численность рабочих новых профессий, связанных с высококвалифицированным, механизированным и автоматизированным трудом, с новой технологией производства, выросла от 1,8 до 49 раз³¹. Аналогичные процессы происходят на транспорте. Так, машинист паровоза как основная фигура железнодорожного транспорта уступил место водителю электровоза и тепловоза, а профессия кочегара на транспорте уходит в прошлое. В сельском хозяйстве ускоренными темпами повышаются численность и удельный вес механизаторов. В составе колхозного крестьянства он вырос в 1959—1975 гг. с 6,8% до 14,8%³². Даже в сфере обслуживания появляются профессии механизированного труда и растет численность освоивших их рабочих.

Таким образом, важнейшим показателем совершенствования профессионально-квалификационной структуры рабочего класса и колхозного крестьянства в условиях научно-технической революции является рост численности и доли рабочих профессий механизированного и автоматизированного труда за счет вытеснения старых профессий, главным образом ручного, малоквалифицированного и тяжелого физического труда. Эта тенденция соответствует курсу, намеченному XXV съездом КПСС: «Чтобы создать более благоприятные условия для высокопроизводительного труда и широкого применения творческих способностей трудящихся, будет продолжен курс на усиление механизации и автоматизации производственных процессов и постепенное вытеснение ручного труда, особенно тяжелого и малопривлекательного»³³. В этой связи особый интерес представляет анализ изменений в соотношении доли рабочих ручного и механизированного труда прежде всего в таких ведущих отраслях народного хозяйства СССР, как промышленность и строительство.

В решениях XXV съезда КПСС социально-экономический прогресс советского общества, в том числе совершенствование его социальной структуры, поставлен в непосредственную зависимость от вытеснения ручного и тяжелого физического, малоквалифицированного труда путем

³⁰ «Вестник статистики», 1970, № 10, стр. 7—77; 1973, № 11, стр. 77, 78, 79, 89.

³¹ Рассчитано по: «Народное хозяйство СССР в 1959 г.». М. 1960, стр. 139, 579; «Народное хозяйство СССР в 1975 г.», стр. 181, 496, 518—521.

³² Рассчитано по: «Народное хозяйство СССР в 1965 г.». М., 1966, стр. 405, 436, 437, 443; «Народное хозяйство СССР в 1975 г.», стр. 440, 448.

³³ «Материалы XXV съезда КПСС», стр. 122—123.

его всемерной механизации и автоматизации. Рост культурно-технического уровня и творческой активности рабочего класса является важнейшим условием и в то же время следствием указанного процесса. Вот почему проблема соотношения ручного и механизированного труда приобретает в десятой пятилетке и в дальнейшей перспективе такое значение в связи с социальным прогрессом советского общества.

В результате отмеченных выше ускоренных темпов роста численности рабочих профессий механизированного и автоматизированного труда меняется и соотношение в численности и удельном весе рабочих ручного и механизированного труда. Только за семь лет, с 1965 по 1972 г., численность рабочих в промышленности, выполняющих работу при помощи машин и механизмов, а также по наблюдению за их работой, выросла с 40,3% до 44,3%, а рабочих, выполняющих работу вручную, снизилась с 40,9% до 36%; в строительстве численность рабочих механизированного труда выросла с 27,7% до 34,2%, а рабочих тяжелого ручного физического труда снизилась с 60,1% до 52,2%³⁴. Процесс вытеснения тяжелого ручного труда и связанных с ним профессий, замены их новыми профессиями особенно показателен в строительстве, индустриализация которого началась фактически лишь со второй половины 1950-х годов. Труд землекопа здесь практически полностью заменен работой землеройного оборудования. В связи с внедрением в строительство сборных деталей и конструкций и превращением строительной площадки в сборочную основная строительная профессия каменщика — профессия чисто ручного труда — уступает место профессиям монтажников, электро- и газосварщиков, машинистов башенных кранов и такелажников. Но и в самой промышленности, где труд рабочего всегда был в значительной части механизирован, растет число рабочих наиболее квалифицированных профессий, связанных с комплексно-механизированным и автоматизированным трудом, с новой технологией производства.

Как можно в соответствии с достигнутыми результатами определить дальнейшие перспективы решения проблемы сокращения ручного, малоквалифицированного и тяжелого физического труда? При сохранении тех же темпов роста удельного веса рабочих механизированного и автоматизированного труда и с учетом поправки на ускорение темпов роста доли рабочих механизированного и автоматизированного труда в составе рабочего класса (а это естественно в условиях научно-технической революции) к концу десятой пятилетки значительно более половины промышленных и около половины строительных рабочих будут связаны с высококвалифицированным механизированным и автоматизированным трудом. Темпы вытеснения тяжелого и малоквалифицированного физического труда из года в год и из пятилетия в пятилетие должны быть нарастающими. Именно этот процесс обеспечит интенсификацию всего нашего производства, увеличение его эффективности.

Повышение творческой активности и инициативы трудящихся, как уже отмечалось, является следствием роста их образовательного и культурно-технического уровня и в то же время важнейшим показателем и двигателем социального прогресса развитого социализма. Указанный фактор стимулирует не только интенсификацию и качественный рост самого производства со всеми вытекающими отсюда социальными последствиями, но и влияет на рост общественно-политической активности трудящихся, лежащей в основе дальнейшей демократизации общества, строящего коммунизм. Повышение творческой активности трудящихся характеризуется наряду с другими факторами ростом их технического творчества. Особое значение при этом для социального прогресса имеет техническое творчество рабочего класса, в ходе которого сближается

³⁴ «СССР в цифрах в 1973 году». М. 1974, стр. 166.

характер труда рабочих и инженерно-технической интеллигенции. Оно находит свое выражение в самых разнообразных формах, начиная от широкого размаха новаторства и кончая участием рабочих в научно-технических обществах и комплексных бригадах ученых, рабочих и инженеров, разрабатывающих научные основы развития производства.

Важным показателем роста технического творчества рабочего класса, растущим вкладом его в совершенствование технологии производства является увеличение активности рабочих в деятельности Всесоюзного общества рационализаторов и изобретателей (ВОИР). Так, если к 1 января 1959 г. среди членов ВОИР было 504,4 тыс. рабочих, то на 1 января 1976 г. их стало уже 3946 тыс., почти в 8 раз больше; удельный вес рабочих среди членов ВОИР вырос за тот же период с 45,2% до 52,9%³⁵. Значительную, всевозрастающую роль в развитии технического творчества трудящихся, в том числе и рабочего класса, в сближении характера их труда с трудом инженерно-технических работников и даже ученых в период развитого социализма, в условиях научно-технической революции играют научно-технические общества (НТО). Численность их членов выросла с 796,8 тыс. в 1959 г. до 7,5 млн. к 1976 году. При этом численность и удельный вес в их составе рабочих постоянно увеличивались: если в 1956 г. рабочих в НТО было 32,2 тыс., то на 1 января 1976 г. их стало 920 тыс., почти в 30 раз больше; удельный вес рабочих за тот же период среди членов общества вырос с 8,2% до 12,2%³⁶.

О результатах роста технического творчества трудящихся, его эффективности можно судить по итогам движения рационализаторов и изобретателей в народном хозяйстве. В 1975 г. поступило 5100 тыс. рационализаторских предложений и изобретений против 3937 тыс. в 1960 г., или на 30% больше. Если в 1960 г. в производство было внедрено 63,6% поступивших изобретений и рационализаторских предложений, то в 1975 г. — уже 76,5%³⁷. Значит, не только ширится движение изобретателей и рационализаторов, но и повышается его эффективность. Не случайно, что с 1960 по 1975 г. сумма экономии, полученной народным хозяйством от внедрения изобретений и рационализаторских предложений, выросла в 3,3 раза — с 1457 млн. до 4700 млн. рублей. Если учесть, что численность предложений за тот же период выросла всего на 30%, а количество внедренных предложений в 1975 г. превысило уровень 1960 г. на 57,7%, то станет очевидным, что росло не только количество, но и качество изобретений и рационализаторских предложений³⁸, чем прежде всего и определялась их эффективность.

Естественно, что повышение творческой активности явилось следствием бурного роста культурно-технического уровня трудящихся, политической сознательности рабочего класса, крестьянства, интеллигенции. Если повышение творческой активности, расширение участия рабочих и крестьян в техническом творчестве были обусловлены постепенным сближением их культурно-технического уровня с соответствующим уровнем интеллигенции, то рост численности и удельного веса интеллигенции среди трудящихся масс не в меньшей мере обуславливал эффективность их технического творчества, поскольку обеспечивал повышение их культурно-технического уровня. В этой связи Л. И. Брежнев на XXIV съезде КПСС отмечал, что опережающие темпы роста научно-технической интеллигенции в составе всех других социальных групп носят законо-

³⁵ Текущий архив Всесоюзного общества рационализаторов и изобретателей. Отчет по форме 8-СВ.

³⁶ Текущий архив Всесоюзного совета научно-технических обществ. Сводный отчет организационно-инструкторского отдела.

³⁷ Рассчитано по: «СССР в цифрах в 1973 году», стр. 76; «СССР в цифрах в 1975 году», стр. 72.

³⁸ Рассчитано по тем же данным.

мерный характер и являются «результатом политики партии, направленной на всемерное ускорение научно-технического прогресса, на дальнейшее повышение культуры и образованности народа»³⁹. Влияя на уровень культуры, образованности и творческой активности всего народа, рост численности и доли интеллигенции среди остальных слоев населения является в то же время и сам по себе показателем культурно-технического уровня трудящихся масс, одним из факторов повышения их творческой и общественно-политической активности.

Между творческой активностью масс и социальным прогрессом общества существует теснейшая и непосредственная взаимосвязь. Уже одно только техническое творчество трудящихся, будучи следствием роста их культурно-технического уровня, имеет и свои социальные последствия: не только повышение эффективности производства, но и расширение участия масс в рационализации производственных процессов, в их управлении. Что касается ведущей силы советского общества — рабочего класса, то, в соответствии с ленинским критерием классово-социальной дифференциации людей «по их роли в общественной организации труда»⁴⁰, чем более творческим, квалифицированным по мере роста культурно-технического уровня рабочего класса становится труд его основной массы, тем во все большей степени весь класс сближается с научно-технической интеллигенцией не только по характеру труда, но и по роли в организации производства.

Таким образом, рост культурно-технического уровня трудящихся и связанные с ним факторы улучшения социально-экономических и производственных условий труда (усиление его творческого характера, всемерное сокращение ручного, малоквалифицированного и тяжелого физического труда, сближение условий труда и быта различных социальных групп советского общества, жителей города и деревни) XXV съезд КПСС рассматривает как важнейшие стороны в многообразном и сложном механизме совершенствования социальной структуры советского общества и его социального прогресса в целом. Но совершенствование социальной структуры как основной фактор социального прогресса общества выступает в неразрывной связи с повышением условий материального уровня жизни трудящихся. Этому вопросу Коммунистическая партия на XXV съезде уделила первостепенное внимание.

В социалистическом обществе существует прямая связь между эффективностью производства и материальным благополучием трудящихся. Это вытекает из основного закона социализма, подчиняющего результаты развития производства максимальному удовлетворению постоянно растущих материальных и духовных потребностей советских людей. Поэтому провозглашение XXV съездом десятой пятилетки как пятилетки эффективности и качества имеет основной своей целью максимальное удовлетворение запросов трудящихся. Л. И. Брежнев, определяя в Отчете ЦК КПСС XXV съезду партии экономическую стратегию партии, подчеркнул, что фундаментальной, долговременной, высшей ее целью «был и остается неуклонный подъем материального и культурного уровня жизни народа»⁴¹.

Проводя связь между достигнутыми историческими результатами в подъеме материального уровня жизни советских людей и намечаемыми перспективами, Л. И. Брежнев указывал: «За прошедшие пятнадцать лет реальные доходы на душу населения выросли в стране примерно вдвое, а общий объем материальных благ и услуг — примерно в 2,4 раза. Это дает представление о масштабах тех задач, которые могут быть поставлены на следующее пятнадцатилетие»⁴². В связи с этим

³⁹ «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 74.

⁴⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 39, стр. 15.

⁴¹ «Материалы XXV съезда КПСС», стр. 39—40.

⁴² Там же, стр. 40.

большой интерес представляет анализ в сравнительно-историческом плане уже достигнутых конкретных результатов в различных областях решения проблемы роста материального уровня жизни советских трудящихся.

Известно, что мерилom богатства общества является его национальный доход. Однако уровень национального дохода в капиталистических странах вовсе еще не свидетельствует об уровне благосостояния трудящихся, так как даже та доля его, которая идет на потребление, распределяется не в пользу трудящихся, а в пользу эксплуататоров их труда. Национальный доход социалистического общества целиком используется в интересах трудящихся, в том числе и та его часть, которая идет на накопления. Но большая часть национального дохода в обществе развитого социализма идет на непосредственное потребление трудящихся. В этом отношении характерна структура национального дохода советского общества в 1975 г.: около $\frac{3}{4}$ его было использовано на потребление, а с учетом затрат на жилищное и социально-культурное строительство непосредственно на народное благосостояние было направлено $\frac{4}{5}$ национального дохода⁴³. Национальный доход вырос со 145 млрд. руб. в 1960 г. до 362 млрд. руб. в 1975 г., то есть за 15 лет в 2,5 раза⁴⁴. Дальнейший рост национального дохода создаст реальную основу для повышения материального и культурного уровня жизни трудящихся.

Огромным социальным завоеванием советского общества является рост реальных доходов рабочих. В 1975 г., по сравнению с дореволюционным 1913 г., они возросли в 6,5 раза, а с учетом ликвидации безработицы и сокращения рабочего дня — в 9,4 раза, реальные доходы крестьян за тот же период — в 9 раз. Но и в условиях уже победившего социализма доходы рабочих и крестьян постоянно росли. Так, с 1940 по 1975 г. реальные доходы рабочих и служащих выросли в 3,5 раза, а колхозников — в 5,7 раза⁴⁵. При социализме в основе реальных доходов рабочих и служащих лежит их зарплата, соответствующая количеству и качеству затраченного труда. Среднемесячная зарплата рабочих и служащих увеличилась с 80,6 руб. в 1960 г. до 146 руб. в 1975 г., а с добавлением выплат и льгот из общественных фондов соответственно со 107,7 до 198 рублей⁴⁶.

Опережение роста доходов колхозников по сравнению с ростом зарплаты рабочих и служащих способствовало и будет в дальнейшем способствовать сближению материального и культурного уровня жизни различных социальных слоев нашего общества, прежде всего рабочего класса и колхозного крестьянства, города и деревни. Сближение уровня заработной платы рабочих и инженерно-технических работников способствует сближению уровня жизни рабочего класса и интеллигенции. Если в 1940 г. в промышленности зарплата рабочих составляла в среднем 32,4 руб. в месяц, а инженерно-технических работников — 69,6 руб., то есть в 2,1 раза больше, то в 1960 г. соответственно — 89,9 и 135,7 руб., то есть больше лишь в 1,5 раза. В 1975 г. среднемесячная заработная плата промышленных рабочих составила 160,9 руб., а инженерно-технических работников — 199,2 рубля. Уровень среднемесячной зарплаты последних опережал теперь зарплату рабочих всего на 24%⁴⁷. По мере усложнения технологии производства и роста культурно-технического уровня рабочего класса, сближения характера его труда с трудом ин-

⁴³ «СССР в цифрах в 1975 году», стр. 187.

⁴⁴ Рассчитано по: «СССР в цифрах в 1973 году», стр. 175; «СССР в цифрах в 1975 году», стр. 187.

⁴⁵ «СССР в цифрах в 1975 году», стр. 188, 190.

⁴⁶ Там же, стр. 179.

⁴⁷ Рассчитано по: «Народное хозяйство СССР в 1972 г.». М. 1973, стр. 516; «Народное хозяйство СССР в 1975 г.», стр. 546.

женерно-технических работников, усиления процесса участия широких рабочих масс в руководстве производством закономерным становится процесс сближения материального и культурного уровня жизни рабочих и интеллигенции. Ему и соответствует социальная политика КПСС, направленная на сближение классов и социальных слоев, города и деревни, умственного и физического труда в условиях коммунистического строительства.

Рост номинальной зарплаты соответствует росту зарплаты реальной лишь при условии стабильности цен на продовольствие, предметы широкого потребления и на услуги, обеспечения спроса соответствующим количеством, качеством и ассортиментом товарной массы. XXV съезд КПСС уделил этим проблемам первостепенное внимание. О постоянном росте производства товаров народного потребления и продовольствия за последние три пятилетия свидетельствует таблица.

Рост производства важнейших товаров народного потребления в 1961—1975 гг.⁴⁸

Вид продукции	Количество товаров				в 1975 г. больше, чем в 1960 г.
	1960 г.	1965 г.	1970 г.	1975 г.	
Ткани, млн. кв. м	6 636	7 498	8 852	9 956	в 1,5 раза
Бельевой и верхний трикотаж, млн. шт.	584	903	1 229	1 417	в 2,4 »
Обувь кожаная, млн. пар	419	486	679	638	на 66%
Часы бытовые, млн. шт.	26	30,6	40,2	55	в 2,1 раза
Радиоприемники и радиолы широко- кошечательные, тыс. шт.	4 165	5 160	7 815	8 376	в 2 »
Телевизоры ширококошечательные, тыс. шт.	1 726	3 655	6 682	6 961	в 4 »
в том числе цветные	-	-	46	588	
Холодильники бытовые, тыс. шт.	529	1 675	4 140	5 606	в 10,6 раза
Стиральные машины, тыс. шт.	895	3 430	5 243	3 284	в 3,7 »
Электропылесосы бытовые, тыс. шт.	501	800	1 509	2 920	в 5,8 »
Мотоциклы и мотороллеры, тыс. шт.	533	711	833	1 029	в 1,9 »
Велосипеды, мотовелосипеды и мо- педы, тыс. шт.	2 783	3 873	4 443	5 005	в 1,8 »
Фотоаппараты, тыс. шт.	1 764	1 053	2 045	3 031	в 1,7 »
Сахар-песок, млн. т	6,4	11	10,2	10,4	в 1,6 »
Мясо, тыс. т	4 406	5 245	7 144	9 883	в 2,2 »
Колбасные изделия, тыс. т	1 351	1 606	2 286	2 949	в 2,2 »
Улов рыбы, добыча морского зве- ря, китов и морепродуктов, млн. т	3,5	5,8	7,8	10,3	в 2,9 »
Масло животное, тыс. т	737	1 072	963	1 231	в 1,7 раза
Цельномолочная продукция в пе- ресчете на молоко, млн. т	8,3	11,7	19,7	23,6	в 2,8 »
Масло растительное, тыс. т	1 586	2 770	2 784	3 354	в 2,1 »
Консервы, млрд. условных банок	4,9	7,1	10,7	14,5	почти в 3 раза
Кондитерские изделия, тыс. т (без продукции предприятий общест- венного питания)	1 744	2 315	2 896	3 247	в 2,9 »

Как видно из таблицы, производство важнейших видов одежды, обуви, товаров культурно-бытового назначения и продуктов питания из пятилетия в пятилетие значительно росло, что и явилось материальной основой обеспечения роста реальной зарплаты рабочих и служащих и реальных доходов крестьянства.

Однако доходы трудящихся не могут быть рационально и полностью реализованы без дальнейшего совершенствования сферы обслуживания, включая торговлю, общественное питание и службу бытовых услуг.

⁴⁸ Рассчитано по: «СССР в цифрах в 1975 году», стр. 96—99.

Вот почему и этому важному участку повышения жизненного уровня трудящихся XXV съезд КПСС уделил большое внимание, указав на необходимость дальнейшего улучшения качества обслуживания населения и с этой целью — укрепления и совершенствования хозяйственных связей между промышленностью и торговлей, исходя из того, что заказы торговли должны стать основой определения объема и ассортимента товаров народного потребления, повышения ответственности промышленных и торговых предприятий за выполнение договоров. Предусматривается также совершенствование системы торговли, общественного питания и бытовых услуг путем развития и механизации их материальной базы, улучшения режима работы предприятий сферы обслуживания и дальнейшего повышения уровня обслуживания населения.

Опыт трех последних пятилеток дает основание оптимистично оценивать перспективы осуществления директив съезда и в этом направлении социального развития нашего общества. Только за годы восьмой и девятой пятилеток розничный товарооборот государственной и кооперативной торговли вырос вдвое, со 104,8 млрд. руб. в 1965 г. до 210,3 млрд. руб. в 1975 году⁴⁹. При этом продажа таких важнейших продуктов питания и предметов первой необходимости, как мясные продукты, молоко, сыр и другие молочные продукты, одежда, белье, обувь, чулки, носки, стекло-фарфоровая посуда, мебель, выросла более чем вдвое, а яиц и трикотажных изделий — более чем втрое⁵⁰.

В то время как экономический кризис в капиталистических странах уже поставил миллионные массы трудящихся перед фактом постоянно растущей инфляции, безработицы, снижения жизненного уровня, лишив их веры и в лучшее будущее, советский социалистический строй уверенно планирует поступательное движение общества к материальному изобилию и духовному расцвету, как того и требует программа коммунистического строительства. Достигнутые в этом направлении успехи и перспективы роста материального уровня жизни трудящихся, намеченные XXV съездом КПСС, — убедительное тому подтверждение. Значение социального прогресса советского общества в этой области трудно переоценить.

Одной из острейших социальных проблем всегда была и остается в условиях капитализма жилищная проблема. Начало форсированного жилищного строительства, на основе которого стал успешно решаться в нашей стране вопрос обеспечения в достатке широких масс рабочих и служащих современным благоустроенным жильем, совпало с вступлением советского общества в период развитого социализма, одним из критериев которого является мощь экономики. Именно эта мощь в условиях развертывающейся научно-технической революции позволила обеспечить и материальную базу широкого жилищного строительства — его индустриализацию. Если за 43 года Советской власти, с 1917-го по 1960-й, было построено 1426,9 млн. кв. м полезной площади, то только за три последние пятилетия — 1553 млн. кв. метров⁵¹. Однако дело не только в количестве жилья, но и в его качестве. Важнейшим показателем благоустройства жилищ является их газификация. Если в 1960 г. было 3332 тыс. газифицированных квартир, то в 1975 г. их стало 41 926 тыс., почти в 14 раз больше⁵². В 1961—1975 гг. 164,5 млн. советских граждан получили новую жилую площадь или построили кооперативные квартиры⁵³. Решениями XXV съезда КПСС определено, что «в новой пятилетке в стране будет продолжаться массовое **жилищное строительство**. Улучшение жилищных условий рабочего класса, крестья-

⁴⁹ «СССР в цифрах в 1975 году», стр. 195.

⁵⁰ Рассчитано по тем же данным, стр. 199—200.

⁵¹ Рассчитано по тем же данным, стр. 192—193.

⁵² Рассчитано по тем же данным, стр. 195.

⁵³ Рассчитано по тем же данным, стр. 194.

яинства, интеллигенции партия считает одной из главных задач в деле повышения народного благосостояния»⁵⁴.

Социальную значимость решения жилищной проблемы в условиях развитого социализма, коммунистического строительства следует оценивать и еще с одной стороны. Самая низкая в мире квартирная плата, носящая почти символический характер (2—5% от доходов семьи), равное, зависящее не от меры труда, а от размеров семьи, обеспечение трудящихся жилой площадью, практически означает, что наряду с другими формами социального обеспечения подавляющей массе населения нашей страны (жителям больших городов и рабочих поселков) жилища предоставляются из общественных фондов потребления. Отсюда следует вывод, что в этой области социального развития уже в условиях социализма советское общество приблизилось к практическому осуществлению коммунистического принципа распределения материальных благ по потребностям. В этой связи необходимо подчеркнуть, что увеличение в доходах трудящихся доли выплат и льгот, получаемых из общественных фондов потребления, ведет к постепенному перерастанию социалистического принципа оплаты по труду в коммунистический принцип равного обеспечения по потребностям. Решение жилищной проблемы в условиях развитого социализма является наиболее показательным и важным фактором, определяющим эту тенденцию в ходе коммунистического строительства, и потому социальная значимость его особенно велика.

XXV съезд КПСС уделил большое внимание и другим важным факторам социального развития, связанным с обеспечением роста материального и культурного уровня жизни трудящихся за счет общественных фондов потребления. **«Гуманизм нашего строя, нашего социалистического общества всегда, даже в тяжелые времена, ярко проявлялся в заботе об условиях труда, охране здоровья, о росте образованности и культурного уровня советских людей,— говорится в «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы».**— Крупные социальные мероприятия намечены в этих областях и в десятой пятилетке»⁵⁵.

Социальный прогресс советского общества зависит не только от объективно действующих закономерностей развития социализма, но и от степени их познания и использования в руководстве процессами коммунистического строительства. Поэтому, говоря о необходимости дальнейшего совершенствования партийного руководства всеми сторонами развития общества, строящего коммунизм, Л. И. Брежнев отметил, что **«динамика развития советского общества, растущие масштабы коммунистического строительства, наша деятельность на международной арене настоятельно требуют непрерывного повышения уровня партийного руководства развитием экономики и культуры, воспитанием людей, улучшения организаторской и политической работы в массах»**⁵⁶.

Определяя основные направления социального прогресса нашего общества, XXV съезд КПСС выделил из них те узловые вопросы, с помощью которых вскрывается механизм социально-экономического развития в условиях зрелого социализма, научно-технической революции, коммунистического строительства. Тем самым решения съезда, призывая ученых-обществоведов **«исследовать теоретические проблемы развитого социализма, закономерности его перерастания в коммунизм, механизм их действия и использования»**⁵⁷, дают образец подхода к такого рода исследованиям, вооружают ученых методологической основой для их разработки.

⁵⁴ «Материалы XXV съезда КПСС», стр. 122.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, стр. 65.

⁵⁷ Там же, стр. 214

СЛАВЯНОФИЛЫ В ПЕРВЫЕ ПОРЕФОРМЕННЫЕ ГОДЫ

В. А. Китаев

Общеизвестно, что славянофильство оставило заметный след в истории русской общественной мысли XIX века. Однако не все звенья эволюции этого идейного явления, равно как и индивидуальное своеобразие главных деятелей славянофильского лагеря, достаточно уяснены в литературе. Преимущественным вниманием исследователей пользуется идейное наследие основоположников славянофильского учения — К. С. Аксакова, А. С. Хомякова, братьев И. В. и П. В. Киреевских, чья деятельность падает на 1840-е — 1850-е годы. В меньшей степени освещена история пореформенного славянофильства¹. Данная статья представляет собой опыт сравнительной характеристики общественно-политических позиций славянофилов «второго призыва» — И. С. Аксакова, Ю. Ф. Самарина, А. И. Кошелева в период первых буржуазных реформ, в пору кульминации и спада первой революционной ситуации в России.

В 1850-е годы И. С. Аксаков держался особняком в славянофильском кругу. Человек практического склада ума, мало склонный к отвлеченному теоретизированию, он более, чем кто-либо из славянофилов, чувствовал и болезненно переживал отрыв славянофильских построений от действительности. В идеализации допетровской Руси Аксакову виделось пренебрежение развитием личности. Поклонение внешним формам патриархального быта расценивалось им как ненужная помеха естественному ходу народной жизни. Дорогие славянофилам «русские начала» выглядели в его глазах не столь уж идеальными: к ним было примешано немало «великорусской мерзости», «великорусской народной порчи». Его собственная программа в 50-е годы XIX в. откровенно тяготела к западнической. «И мы сами, поборники народности,— писал он,— не знаем других орудий для исцеления зла, кроме указываемых европейской цивилизацией: железные дороги, изменение крепостного права, журналы, газеты, гласность»². Это «чистое и яркое» западничество Аксакова весьма смущало редактора «Русской беседы» А. И. Кошелева³.

Аксаков, в свою очередь, критически относился к направлению «Русской беседы». Слова «народность», «православие», «русский дух», которыми изобилдовал журнал, приводили его в «нервическое содрогание». Возглавив к концу 1858 г. редакцию «Русской беседы», он сразу же попытался поставить журнал в более независимое по отношению к правительству и церкви положение. Однако его редакторство оказа-

¹ Об этом свидетельствует и содержание двух новейших монографий, посвященных славянофильству: Ю. З. Янко в с к и й. Из истории русской общественно-литературной мысли 40-х — 50-х годов XIX столетия. Киев. 1972; В. И. Ку л е ш о в. Славянофилы и русская литература. М. 1976.

² «И. С. Аксаков в его письмах». Т. III. М. 1892, стр. 290—291.

³ «Записки А. И. Кошелева». Берлин. 1884, стр. 75.

лось столь же скоротечным, как и опыты по изданию «Молвы» и «Паруса». «Подрезанная», по словам Хомякова, равнодушием общества, «Русская беседа» прекратила свое существование в 1860 году. Издательские неудачи не остановили Аксакова. Он вынашивал план основания периодического сборника с приложением в виде еженедельной газеты. Разрешение было получено только на издание газеты, да и то без политического отдела. 15 октября 1861 г. вышел первый номер аксаковского «Дня».

«Знамя нашей газеты есть знамя «Русской беседы», знамя русской народности, понятой и определенной Киреевскими, Аксаковым Константином и всей так называемой славянофильской школой» — так определил свое идейное кредо И. С. Аксаков в первом номере «Дня»⁴. Как же случилось, что он, долгое время ревизуя славянофильскую теорию, вновь вернулся к ее основам и сделал их знаменем своей газеты? Первое, что обычно приходит на ум в качестве объяснения такого поворота, — особое положение, в котором оказался И. С. Аксаков в 1860 г. после смерти А. С. Хомякова и К. С. Аксакова. «Призванный обстоятельствами и постоянно призываемый всеми оставшимися друзьями заменить Константина, — писал он своему младшему брату Григорию в январе 1861 г., — я должен на каждом шагу испытывать, кроме скорби, обидное чувство личной моей несостоятельности... Между тем приходится поневоле служить им всем хотя бы внешним центром. Я не только не буду отказываться от общества вообще, но всеми силами буду стараться поддерживать связь и влияние на общество, а через это поддерживать память и влияние Хомякова и Константина»⁵.

Волею судеб Аксаков становится центральной фигурой славянофильства. Он вдруг почувствовал себя, как подметил А. А. Корнилов, «если не наследником, то душеприказчиком и ответственным хранителем оставленного духовного наследства»⁶. В этой ситуации издание газеты рассматривалось как продолжение дела, начатого старшим поколением славянофилов. «Я, начиная газету, — писал Аксаков В. А. Черкасскому, — задавался скромной целью — не дать совершенно прерваться голосу известного направления»⁷. Но только ли необходимость во что бы то ни стало «предупредить перерыв преданий» заставила Аксакова отбросить прежние колебания и объявить себя хранителем чистоты славянофильского учения? Только ли долг перед ушедшими из жизни Хомяковым и К. С. Аксаковым обязал его к возвращению на их позиции? Нетрудно убедиться, что новая роль не была для Аксакова лишь внешней, вынужденной обязанностью. «Я вполне верю, — признавался он в письме к А. Д. Блудовой от 7 февраля 1861 г., — что мысль Хомякова и брата есть мысль совершенно жизненная и плодотворная и она-то именно заставляет меня вернуться на журнальное поприще»⁸. Ведь И. С. Аксаков никогда не порывал до конца со славянофильством. И все же, приняв это во внимание, можно тем не менее говорить о серьезной переоценке идейных ценностей, происшедшей в мировоззрении Аксакова на рубеже 1850-х — 1860-х годов.

«Только теперь начинает вполне сказываться наша социальная революция помещицкому и всему общественному быту, — читаем в одном из писем Аксакова начала 60-х годов... — С уничтожением крепостного права разрушается не только быт помещичий, но и все здание нашего

⁴ «День», 1861, № 1, стр. 2. В дальнейшем ссылки на «День» с указанием года, номера и страниц даются в тексте.

⁵ Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), ф. 3, оп. 16, д. 16, л. 10 (далее — ПД).

⁶ «История русской литературы XIX в.». Под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского. Т. V. М. 1910, стр. 110.

⁷ ПД, ф. 3, оп. 2, д. 67, л. 4.

⁸ «И. С. Аксаков в его письмах». Т. IV. М. 1896, стр. 182.

общества»⁹. Ломка крепостнического уклада, революционное брожение поселяют в Аксакове ощущение общественной дезорганизации. В страхе перед неизведанностью будущего он пытается найти «положительные элементы», способные к новому социальному «синтезу», и обнаруживает их как раз в учении славянофилов. Социальный идеал славянофильства, пропаганда которого казалась неуместной в пору ожидания крестьянской реформы, получал теперь значение единственной «здоровой пищи» для больного общественного сознания. «Созрело время,— писал Аксаков Н. С. Соханской (Кохановской) в начале 1862 г.,— и освобождение крестьян указало на необходимость самосознания, разумения нашей народности: к тому же все прочие основы и подпорки оказались несостоятельными»¹⁰. Успех первых номеров «Дня» Аксаков приписывал исключительно тому, что самый ход исторических событий потребовал к жизни именно ту общественную силу, которую представляло собой славянофильство. Собственную же задачу он определял следующим образом: «Мне бы хотелось, чтобы газета отзывалась на каждое явление общественной жизни, подвергая его суду с известной точки зрения, освещая его светом славянофильской мысли, и в то же время, в настоящем лабиринте, в хаосе стремлений, понятий и направлений указывая путеводную нить»¹¹. «День» мыслился Аксаковым как орган, посвященный «преимущественно русским», «внутренним» вопросам.

Манифест и «Положения» 19 февраля 1861 г. вызвали у Аксакова резко отрицательную реакцию. Он хотел видеть в крестьянской реформе одну из «громаднейших социальных революций всего мира», которая восстановит «внутреннюю целостность социального организма». Но вынужден был признать, что освобождение крестьян в реальных своих очертаниях весьма далеко от чаемого результата. Двухлетний срок, отведенный на составление уставных грамот, временнообязанное состояние откладывали на долгий срок окончательную развязку прежних отношений между помещиками и крестьянами и лишали таким образом реформу «организующей силы». Наибольшее недовольство порождало у Аксакова то, что документы реформы обошли молчанием освященный славянофильскою традицией принцип «исторического права народа на землю». Однако ни это обстоятельство, ни то, что он искренне возмущался военно-полицейскими методами «освобождения крестьян», не дают оснований заподозрить Аксакова в демократизме. Жалуясь одному из своих корреспондентов на непонятный народу, «тарабарский» язык манифеста, Аксаков роняет такую фразу: «Дело поистине громадное, необъятное, великое и святое, но важно тут собственно произнесенное слово, уничтожение крепостного права как права и заявление принципа о нераздельности крестьян с землею»¹². Аксакову, как видим, противно не грабительское в отношении крестьян существо реформы, а словесное оформление. Впечатление еще более усиливается при проверке эпистолярных свидетельств материалами «Дня».

Постоянно твердя о необходимости соблюсти в реформе верность народным воззрениям, Аксаков вовсе не собирался приносить этим воззрениям в жертву «праву юридическое», иными словами, интересы помещика. «Нарушение этого права,— читаем в одной из передовых статей «Дня»,— привело бы к разорению целого сословия и пало бы всею своею тяжестью на невинных, на тех, которые были вовсе не причастны первоначальному допущению неправды и только унаследовали положение, изменить которое сами они были бы не властны. Следовательно, необходимо соблюсти все требования справедливости относительно ма-

⁹ ПД, ф. 3, оп. 2, л. 20, л. 57.

¹⁰ «Русское обозрение», 1897, № 5, стр. 66.

¹¹ ПД, ф. 3, оп. 2, д. 48, лл. 27—28.

¹² «И. С. Аксаков в его письмах». Т. IV, стр. 48.

териальных интересов помещичьего сословия» (1861, № 7, стр. 2). Именно с точки зрения материальных интересов дворянства Аксаков отвергал возможность ускорения реформы повсеместным предоставлением крестьянам четвертного, дарственного надела. Примирение «народного» и «юридического» воззрений было приемлемо для редактора «Дня» лишь в форме, не допускавшей уменьшения хозяйственных выгод своего класса. Потому-то он всецело поддержал Ю. Ф. Самарина, выступившего в его газете с идеей перевода барщинной и оброчной повинностей за пользование наделом в государственную подать и возвращения последней помещикам в виде ежегодной ренты (1861, № 7, стр. 3—5). Встав между помещиком и крестьянином, правительство, полагал Ю. Ф. Самарин, поддержало бы крестьянскую иллюзию о безусловном праве на землю и «рассекло разом все теперешние отношения между ними».

Исходные позиции, с которых Ю. Ф. Самарин и А. И. Кошелевым были потом оценены «Положения» 19 февраля и ход крестьянской реформы, определились уже к началу 1858 года. Автор самого радикального из числа славянофильских проекта отмены крепостного права, Кошелев настойчиво проводил мысль о необходимости освободить крестьян «прямо и окончательно, без переходов от меньшей к большей свободе»¹³. Сходясь с Кошелевым в требовании передачи крестьянам существующего надела, Ю. Ф. Самарин вместе с тем выступил убежденным сторонником переходного периода. Переходный период рассматривался им как надежная гарантия крестьянского права на землю. Эта точка зрения разделялась представителями либеральной бюрократии, и у автора биографии Самарина имелись все основания считать, что в главных линиях крестьянская реформа явилась осуществлением именно самаринской концепции¹⁴.

Торжество ненавистой Кошелеву бюрократической регламентации в документах реформы предопределило его преимущественно негативное отношение к тому, что должно было произойти в деревне после объявления манифеста. «Я и прежде был убежден,— писал он П. А. Валуеву в мае 1861 г.,—что Положение, заключающее в себе много, очень много хорошего, в сложности неудобноисполнимо и должно повести к страшным столкновениям между помещиками и крестьянами. К несчастью, теперь это уже оказывается на деле. Барщина вольных людей у нас в России невозможна. Пишите, что хотите, гоните сквозь строй, кладите на месте десятки, сотни людей, а обязательной барщины, отбываемой вольными людьми, вы не получите»¹⁵. Реальность реформы, сопряженная с некоторым ущемлением собственных материальных интересов, и трудности перевода помещичьего хозяйства на капиталистические рельсы дополняли причину того подавленного состояния, в котором находился Кошелев в 1861—1862 годах. «Несговорчивость» крестьян, хозяйственные неурядицы и прочее заставили Кошелева быстро забыть свой «радикализм»: он согласился с предложением В. А. Черкасского об усилении «дисциплинарных мер». «Для барщинных имений розга в руках старост необходима»,— полагал он и считал обязательным предоставить мировым посредникам право телесного наказания старост. Учреждения же крестьянского самоуправления не внушали Кошелеву никакого доверия. Если в 1861—1862 гг. перспективы реформы рисовались ему в мрачных тонах, то уже к весне 1863 г. настроение его заметно изменилось. Снижение активности крестьянского движения, первые успехи в капиталистическом хозяйствовании вселили известную уверенность в завтрашнем дне, и помещик повеселел.

¹³ «Записки А. И. Кошелева», прил. 5, стр. 128.

¹⁴ Б. Э. Нольде. Юрий Самарин и его время. Париж. 1926, стр. 132.

¹⁵ ПД, ф. 559, д. 47, лл. 6—6 об.

Ю. Ф. Самарина сразу отличала большая убежденность в благополучном завершении крестьянской реформы. Поручкою ему служил тот факт, что крестьяне «отсрочили» свою надежду на волю до введения уставных грамот. Будучи одним из авторов «Положений» 19 февраля, Самарин враждебно относился к любым попыткам пересмотра их главных оснований. Особое негодование возбуждало в нем стремление большинства помещиков к немедленному выкупу. Он не находил в прекращении временнообязанных отношений каких-либо экономических выгод, по-прежнему отстаивал их и как условие сохранения крестьянского надела (особенно в степных губерниях), и как институт, имевший, с его точки зрения, «воспитательное значение» для народа. Развитие событий в деревне в основном устраивало его, и уже в начале 1862 г. он был уверен, что Россия благополучно миновала «пороги крепостного вопроса».

Аксаков тоже, подобно Самарину и Кошелеву, занят был не защитой реальных интересов крестьянства, а поиском средств, способных парализовать его сопротивление реформе. Недовольство отсрочкой окончательного разрешения тяжбы между двумя сословиями не делало из него принципиального противника правительственной программы по крестьянскому вопросу. И не было ничего удивительного в том, что по мере нарастания успехов царизма в подавлении протеста крестьян раздражение Аксакова и стремление к корректировке отдельных сторон реформы уступало у него место спокойному, даже благодушному взгляду на положение дел. Впрочем, не только спад крестьянского недовольства, означавший победу правительства и дворянства, превращал Аксакова из критика «Положений» в их ревностного защитника. Либерализм редактора «Дня» начинали возмущать попытки пересмотра крестьянской реформы в крепостническом духе. Аксаковская газета становится основным оппонентом «Вести» и «Московских ведомостей», где прежние владельческие претензии, враждебное отношение к общине и учреждениям крестьянского самоуправления подкреплялись лозунгами «экономической свободы».

Редактор «Московских ведомостей» М. Н. Катков и его единомышленники не прочь были подменить крестьянское самоуправление юстицией мировых судей, в руках которых соединялась бы судебная и исполнительная власть. Дворянский характер этого учреждения не вызывал сомнений. У Аксакова, таким образом, имелись основания усматривать в позиции катковских изданий желание водворить на прежнее место «помещика с крепостным правом». Особенно беспокоило славянофилов наступление на общину, предпринятое «фалангой либералов-крепостников» в «Вести» и «Московских ведомостях». Либерально-экономическая аргументация против неотчуждаемости крестьянских участков оспаривалась в выступлениях Самарина и Кошелева. Последний, к примеру, считал далеко не доказанным, «чтобы крупная собственность вообще была производительнее мелкой» (1864, № 10, стр. 9). Защищая общинную организацию, «День» постоянно указывал на опасность «пролетаризации» крестьянства, грозившую в случае насильственного разрушения общины.

Аксаков часто сравнивал крестьянскую реформу с брешью в крепостной стене. То был не просто полюбившийся ему образ, а достаточно емкая характеристика, вобравшая в себя славянофильское понимание изменений в социально-политической структуре России, которые приносила отмена крепостного права. «Эта стена,— писал Аксаков Д. А. Оболенскому 20 марта 1861 г.,— с одной стороны, держала население в плену, с другой стороны — удерживала напор государственного начала, теперь в пробитую брешь с одной стороны устремится всею страшной силой своей государство, а с другой — будет вылезать и народ на свет

божий. Боюсь, что первое явление пересилит последнее, боюсь страшного развития государственности»¹⁶. Нарушение «равновесия» между земским и государственным началами в пользу последнего, о котором говорит здесь Аксаков, не могло быть предотвращено никакой политической конституцией. Он к тому же и не верил в ее возможность в России. «Одно только поможет,— считал Аксаков,— если мы, дворяне, признав торжественно, что историческая миссия дворянства как сословия кончилась, обратимся вполне и искренно в земство и внесем в земское сословие новый элемент просвещения, сознания и личности, умеренный и просветленный элементом народности»¹⁷. Итак, «земля» сможет противостоять государству, лишь приняв в себя дворянство. Требование слияния сословий в земской стихии диктовалось не только желанием Аксакова обеспечить жизненность славянофильского общественного идеала. Стремление по возможности умерить классовый антагонизм вообще было характерно для дворянского либерализма конца 1850-х — начала 1860-х годов. В нем нашли прямое отражение интересы дворянства.

Редактор «Дня» настойчиво рекомендовал дворянству «совершить великий акт уничтожения себя как сословия» (1862, № 12, стр. 2). Будущее же социальной организации в России рисовалось ему следующим образом: «В земстве мы видим, или скоро увидим, два начала, две бытовые стихии: начало общины и начало личности, начало общинного поземельного владения и начало личного поземельного владения, общинников-крестьян и личных землевладельцев, большинство которых едва ли не исключительно составляют дворяне. Других делений нам не предвидится. Взаимный союз этих стихий, чуждых замкнутости, исключаящий взаимную односторонность, их искреннее сближение и дружное действие, сближение не внешнее только, но и нравственное в области исторических и духовных общенародных начал, могли бы служить, кажется нам, залогами богатого будущего развития» (1861, № 8, стр. 3). В представлении Аксакова и его приятелей-славянофилов вставал идеал такого социального величия, перед которым, как им казалось, должна была закружиться голова у самого отъявленного фурийериста. Из сказанного не следовало, что лишенное сословной организации дворянство должно было утратить значение. Аксаков стремился закрепить за помещичьим классом «нравственное», «бытовое» преобладание, оправдывая последнее преимуществами образования.

Тем же стремлением убрать помехи на пути к установлению классового мира в пореформенной России объясняется позиция, занятая Аксаковым в отношении ценза. Настаивая на уничтожении юридических перегородок, существовавших между сословиями, он шел дальше и хотел предотвратить возможность выделения нового землевладельческого сословия теперь уже на основе имущественного ценза. Аксаков всерьез опасался, что цензовое устройство земских и судебных учреждений будет консервировать прежнее сословное неравенство. Редактор «Дня» считал недопустимым перенесение чисто «западного» цензового начала, определявшего порядок выборов в дворянских собраниях, в новые учреждения. Идея ценза была объявлена в «Дне» абсолютно безнравственной и несостоятельной.

Как же были встречены эти «импровизации» в славянофильской среде? «Ваша статья о цензе,— писал Аксакову В. И. Ламанский 27 декабря 1861 г.,— вносит путаницу в понятия, только увеличивает смуту и хаос, господствующие в нашем обществе. Ни одна статья в нашей журналистике не производила на меня такого грустного, тяжелого впечатления. Пусть бы это было в «Современнике». А то нет, и ваш «День»

¹⁶ ПД, ф. 3, оп. 2, д. 30, лл. 50—50 об.

¹⁷ Там же, л. 50 об.

начинает смущать и путать, а не прочищать наше сознание»¹⁸. Столь же категорично осуждалась «неясная и ложная теория» редактора «Дня» А. И. Кошелевым и В. А. Черкасским, находившими в ней «совершенное подавление элемента частной собственности»¹⁹. Особенно негодовал Кошелев. Обнаружившиеся вдруг разногласия Аксаков считал возможным вынести на страницы своей газеты, где Кошелев в форме писем к редактору изложил сущность позиции славянофильского большинства. Он недоволен был тем, что аксаковский нигилизм в отношении ценза лишал состояние личных землевладельцев всякой определенности и значения. Уравнительный романтизм Аксакова представлял собою, по мнению Кошелева, непонимание задач, стоявших перед дворянством. Отказавшись от исключительных гражданских привилегий, расставшись с прежней обособленностью и очистив себя от безземельных элементов, оно должно было теперь возродиться в составе землевладельческого сословия, причем только на основании ценза.

Находя в цензе единственный инструмент для выделения землевладельческого сословия, Кошелев не мог представить себе без него и новых общественных учреждений. Как и Аксаков, он дорожил идеей «народного единства», но считал наивным мнение редактора «Дня», будто ценз лишает огромное большинство неимущих права голоса. «Неимущие или малоимущие, — писал он, — могут составлять особое состояние и иметь особых представителей и сословных распорядителей; посредством ценза только определяются размеры и виды общего народного представительства, разграничиваются состояния и избегается то, чтобы «огромное большинство неимущих» не давило, не сокрушало меньшинства «имущих», что, конечно, должно быть в видах всякого благоустроенного государства» (1862, № 18, стр. 7). Убедившись, что речь идет не об избирательном цензе, лишающем часть народа права голоса, а о цензе вообще и распределении граждан по достатку, стороны пришли к соглашению. Смысл его заключался в принятии Аксаковым и Кошелевым многоцензовой системы, где личные собственники, поделенные на три разряда, имели бы равное число выборных, а общее число последних равнялось числу представителей от волостей.

Для понимания общественно-политической позиции И. С. Аксакова в первой половине 60-х годов XIX в. имеет значение содержание тех новых моментов, которые он привносит в историко-социологическую концепцию славянофильства. В своих теоретических построениях Аксаков не довольствовался наследием, завещанным ему старшим поколением славянофилов. Основополагающие в исторической схеме К. С. Аксакова понятия «земля» и «государство» дополняются теперь новой категорией «общество», которая приобретает значение решающего фактора для «правильного» исторического развития русского народа. Эта теория общества была изложена в ряде статей «Дня» 1861—1862 годов. «Мне кажется, — делился И. С. Аксаков размышлениями в письме к Ю. Ф. Самарину от 22—23 марта 1862 г., — что эти статьи восполняют некоторый пробел в славянофильском учении, особенно в учении Константина о государстве и земле. Там не было места обществу, литературе, работе самосознания. Непосредственность народного бытия и деятельность сознания, безличность единиц, народ составляющих, и личная деятельность их в обществе — все это не было высказано, а потому сбивало с толку публику и читателей, потому что понятия эти и представления, как неразграниченные, постоянно смешивались»²⁰.

Повторяя вслед за К. С. Аксаковым мысль о необходимости противодействовать «уродливому» развитию государства за счет народа,

¹⁸ «Русская мысль», 1917, № 2, отд. II, стр. 85.

¹⁹ О. Трубецкая. Кн. В. А. Черкасский и его участие в разрешении крестьянского вопроса. Материалы для биографии. Т. I, кн. 2. М. 1904, стр. 345, 355.

²⁰ ПД, ф. 3, оп. 2, л. 48, л. 40.

процессу поглощения сердцевины корою, редактор «Дня» видел спасение внутренней, органической силы народа в возбуждении ее деятельности. «Эта деятельность в народном организме,— писал он,— в деятельности общества, или лучше сказать: общество есть не что иное, как народный организм в деятельном развитии, не что иное, как сам народ в его поступательном движении» (1862, № 22, стр. 2). Таким образом, общество как среда, в которой совершается сознательная умственная деятельность народа, призвано обеспечить его развитие по законам «внутренней правды». Общество, по Аксакову, служит не только сознательному выражению народных начал, но и внутренней целостности народного организма. Потому он и не мог допустить проявление в общественной среде элементов сословной исключительности. Аксаков старался уберечь общество от привнесения в его сферу и элементов политики. Поступаясь нравственной своей сутью, оно, в его понимании, перестает быть обществом и заражается болезнью государственности, а свой аполитичный характер удержит только при условии, если единственным орудием его деятельности будет слово.

Созданное в результате петровских реформ, рассуждает он далее, новое русское общество до самого последнего времени имело преимущественно дворянский характер и не могло похвастаться верным пониманием народных начал. Обнаружив признаки жизни в ходе подготовки к крестьянской реформе, оно в дальнейшем не смогло справиться с распространением самых крайних политических заблуждений и показало тем самым свое полное бессилие. Однако Аксаков не терял надежды на общественное возрождение. Говоря о программе «Дня», он на первое место выдвигал задачу развития и усиления общества. Решение ее должно было сочетаться с усилиями по перевоспитанию общества в духе русской народности, как ее трактовали славянофилы. Эти аксаковские статьи об обществе удостоились высокой оценки Ю. Ф. Самарина, мнением которого редактор «Дня» чрезвычайно дорожил²¹.

Общественно-политическая ситуация в России весной и летом 1863 г. соответствовала намерениям Аксакова «вернуть к жизни» русское общество и заставить его проникнуться пониманием народных начал. Возбуждение, вызванное восстанием в Польше и возникшей в связи с ним угрозой войны против коалиции европейских держав, он принял поначалу как давно ожидаемое выздоровление общественных сил. Следуя своей программной установке на активизацию общественного мнения, аксаковский «День» выступил здесь партнером Каткова по части нагнетания ожиданий войны и шовинистского угара. «Я желаю войны,— писал Аксаков В. А. Елагину 30 июня 1863 г.,— желаю для нас встряски организма, надеюсь, что она вызовет у нас наружу стихию народную, без которой нечего и думать об искреннем обществе»²².

Радуюсь росту шовинистских настроений в русском обществе, Аксаков все-таки не мог сказать, что был полностью удовлетворен. Его интересовала больше не количественная, а качественная характеристика общественного состояния. И с пристрастием поверяя эту сторону движения, он обнаружил приметы исключительно «внешнего», «государственного» патриотизма. В начале лета 1863 г. со страниц «Дня» по-прежнему не сходят призывы «не обольщаться надеждами на мирный исход». Но внимание Аксакова-публициста переключается в основном на проблему «качественной переработки» патриотического чувства. Он иронически оценивает усилия «рьяного льстеца патриотизма» Каткова, находя в передовых статьях «Московских ведомостей» отголоски «старого николаевского патриотизма», предлагает читателям свое понимание

²¹ См. письмо И. С. Аксакова к В. А. Елагину от 2 июня 1862 г. (ПД, ф. 3, оп. 2, д. 17, лл. 2—2 об.).

²² ПД, ф. 3, оп. 2, д. 17, л. 8.

истинно патриотического настроения и указывает на недолговечность патриотизма, апеллирующего лишь к государственным силам для решения общественных проблем.

Будучи сторонником решительного подавления восстания в Польше, Аксаков вместе с тем полагал, что одни военные меры недостаточны для победы над полонизмом как «просветительным началом». Кроме верности русским началам, он требовал от общества «самой строгой бдительности», «поддержания нравственного напряжения», той внутренней активности, которая составляет существо его деятельности и оберегает народную жизнь от вмешательства государства. Однако попытки перевода «внешнего патриотизма» в оживление «внутренней» деятельности общества на базе антиполонизма потерпели неудачу. В начале 1864 г. Аксаков с нескрываемым разочарованием признавал: «Что же касается патриотизма, то, говоря откровенно, патриотизм 63-го года не представил нам ничего особенно нового» (1864, № 1, стр. 2).

Что касается Кошелева, то преодоление кризиса, вызванного крестьянской реформой, и дальнейшее движение по пути преобразований возможны были, по его мнению, только при нейтрализации и устранении бюрократии. В выдвигавшейся альтернативе (революционное свержение «самодержавия бюрократии» или «благонамеренное, искреннее и полное единение царя с народом») Кошелев принимал лишь последнее. Форма такого единения — Земская дума вынашивалась славянофильским публицистом еще с середины 50-х годов XIX века. Находя в Думе единственное средство разрешения кризиса и оказываясь в русле конституционного движения дворянства, Кошелев сразу же оговаривался, что не имеет в виду ограничение самодержавия. Совещательная дума как форма выявления мнения и потребностей народа перед лицом монарха не обнаруживала, полагал он, никаких аналогий в конституции и парламенте. Однако Кошелев выступал не в качестве безусловно-го хулителя конституционного строя. Его критика конституционализма носила конкретный характер и зиждилась на убеждении, что в России нет для него исторической почвы.

Требуя «созвания на общий совет выборных от всей земли русской», Кошелев не помышлял о пропорциональном или равном представительстве всех сословий. Только в первой инстанции — уездном собрании предусматривались им выборные от «состояний». В губернские собрания и в Думу должны были явиться депутаты уже от «местностей». С помощью старого славянофильского тезиса об отсутствии в России исторически сложившихся сословий Кошелев открывал дорогу в свою Думу «людям вообще лучшим», в которых нетрудно разглядеть представителей дворянства²³. Восстание 1863 г. в Польше подтвердило, как казалось Кошелеву, верность его взгляда. Представительство приобрело теперь значение инструмента окончательного разрешения польского вопроса. У Кошелева появился и такой единомышленник, как редактор «Московских ведомостей» Катков.

Требование совещательного представительства не нашло поддержки в славянофильских кругах. В 1862 г. Аксаков, Самарин и Черкасский были еще едины в осуждении кошелевского «либеральничанья в руку дворянства». Самаринская критика конституционных претензий дворянства, в частности устремлений Кошелева, имела своим основанием концепцию «народного самодержавия». Содержание ее четко определено в проекте заявления по поводу предполагавшегося дворянского адреса о даровании конституции (1862 г.). Любые проявления оппозиции самодержавию в России, с точки зрения Самарина, были силой «чисто отрицательной». Единственную же положительную силу представлял народ.

²³ См. подробнее: А. И. Кошелев. Конституция, самодержавие и Земская Дума. Лейпциг. 1862.

Что касается самодержавия, то и оно в понимании Самарина получало значение положительной силы, но потому, что ее «выдвинула из себя» народная сила и тем самым признает в монархе свое олицетворение. «Пока этими двумя условиями обладает самодержавие, оно законно и несокрушимо»²⁴. Если же дворянство рискнет пойти на ограничение самодержавной власти, минуя народ, то окажется «между двух валов, идущих друг другу навстречу». Итак, конституция вне народа в России невозможна. Мысль же о конституции по воле народа выглядела еще более утопической, если вообще не смешной. Самарин делал ставку на надклассовое (как ему казалось, «народное») самодержавие, якобы способное умерять социальные противоречия. Этой не обремененной представительными учреждениями силе он доверял обеспечение интересов дворянства в буржуазных реформах. Из убеждения, что в России возведение общественного здания должно начинаться снизу, с фундамента, вырастал его интерес к перестройке местных учреждений.

Представление о зрелости русского общества и о том, насколько сильны в нем проявления народности и единства, определяло отношение Аксакова к конституционному движению первой половины 60-х годов XIX века. Ему была дорога славянофильская идея Земского собора. «Россия может обновиться и обрести целостность организма только Земским собором», — убеждал он В. И. Ламанского в 1861 г., собираясь постепенно проводить эту мысль в своей газете²⁵. Но, говоря о таком намерении, Аксаков не отступал от ортодоксальной славянофильской трактовки Собора как учреждения, которое венчает единство народа, и потому не видел для него подготовленной почвы. Однако аргументация относительно «несвоевременности» данного учреждения могла оказаться недостаточной для того, чтобы остаться вне русла конституционного движения. Поэтому, отмежевываясь и от демократической, и от откровенно дворянской тенденции, редактор «Дня» подчеркивал аполитичный характер Собора, не имеющего ничего общего с конституционными формами ограничения самодержавия. Еще накануне московского дворянского собрания (начало января 1862 г.), где настроения дворянского конституционализма выявились наиболее рельефно, «День» протестовал против попыток «строить здание без фундамента». В передовой статье по поводу дворянского собрания в Москве Аксаков резко осудил «либеральную затею», в которой проглядывала досада от потери владельческих прав. Аксакову претил государственный дух самаринской теории «народного самодержавия», однако в 1861—1862 гг. их обоих крепко соединила враждебность к идее конституции.

События 1863 г. не только вернули Аксакову на некоторое время утраченную веру в творческие силы общества, но и заставили пересмотреть прежний тезис о невозможности земского представительства. «Я и сам, — писал Аксаков 27 февраля 1863 г. Н. П. Гилярову-Платонову, — прихожу к мысли о Думе не только для разрешения польского вопроса, но и для разрешения всяческих вопросов. Это единственное средство, которое нам остается»²⁶. Аксаков не ограничивался констатацией нового взгляда на проблему народного представительства в России, а тут же подводил под него историко-теоретическое обоснование. «Дело в том, что то нравственное равновесие, которое существовало в допетровской Руси между правительством и народом, уже не существует, — говорилось в том же письме, — то единство и общение между собой, которые были в древней Руси у царя, общества и народа, нарушены. Организм лишился цельности. Народ, земство хранят до сих пор старые отношения к власти, но власть уже не та. Поэтому и выходит

²⁴ «Русь», 1881, № 29, стр. 13.

²⁵ «Русская мысль», 1916, № 12, отд. II, стр. 101—102.

²⁶ «И. С. Аксаков в его письмах». Т. IV, стр. 270.

постоянный диссонанс, постоянное недоразумение. Оказывается, что любовь, вера, чаяния народа относятся к какому-то историческому идеалу, но во всяком случае не к существующему явлению, не к реальности». Кроме того, династия давно переродилась, и неограниченная власть принадлежит теперь не русскому царю, как думает народ, а «немцам», окруженным «немецкой бюрократией». В таком случае народ вправе предложить правительству свои условия²⁷.

Впрочем, требование Собора как неотложной практической меры недолго держалось в программе «Дня». Не найдя в русском «патриотическом» движении 1863 г. признаков действительной общественной силы и понимания народности, Аксаков отказался от мысли о возможности земского представительства. Последним всплеском конституционной инициативы дворянства стал адрес московского дворянского собрания, представленный правительству 11 января 1865 года. В нем не было уже, как в 1862 г., чисто дворянской формулы представительства. Речь шла о «созвании общего собрания выборных людей от земли русской для обсуждения нужд, общих всему государству». Но Аксаков не забывал о наличии в московском собрании сильной олигархической тенденции и воспринял адрес как очередное домогательство дворянской конституции.

Отмена крепостного права и последовавшие земская и судебная реформы не составляли в сознании Аксакова однозначного ряда. Нельзя сказать, что он не чувствовал связи между ними. Но он постоянно противопоставлял «великий, жизненный переворот 19 февраля» остальным реформам и делал это не в пользу последних. Как приверженец преобразований, которые вытекали бы из бытовых нужд и представлений народа, а не «навязывались» ему, Аксаков с удовлетворением указывал на «органический» и чисто «отрицательный» характер крестьянской реформы. Иное содержание несли в себе земская и судебная реформы, призванные ввести русскую жизнь в новое русло. Он отмечал активный формирующий этап этих преобразований и опасался, что не возведенные еще в степень научного факта «народные юридические обычаи» будут принесены в жертву «отвлеченным теориям» или «модным доктринам», когда либеральная поспешность обернется искажением «русских начал». Вот почему, даже понимая неотвратимость следующих реформ, Аксаков скептически оценивал усилия бюрократического либерализма и не раз говорил о преждевременности введения земских и судебных учреждений.

Для Самарина же, смотревшего на дворянство и бюрократию как на «один общественный орган, одно юридическое лицо», благосклонная оценка правительственной инициативы в земской и судебной реформах была более чем естественной. Наконец, Кошелев отказывался принять дар из рук бюрократии и предсказывал полный неуспех готовившимся преобразованиям. Но, как ни страстны были его филиппики в адрес правительственной бюрократии, сохранить неприязнь к ее мероприятиям первой половины 60-х годов XIX в. ему не удалось. В своих «Записках», создававшихся в течение 70-х годов XIX в., он иначе оценивал содержание следующих реформ. Да и собственная позиция ретроспективно виделась ему иной, чем та, которую он в действительности занимал ранее²⁸.

Реформы становились реальностью, от которой нельзя было отгородиться. Перед лицом этой реальности мнение редактора «Дня» тоже раздваивалось. Аксаков-либерал не мог не приветствовать новых учреждений. Но как наследник и продолжатель славянофильской тради-

²⁷ ПД, ф. 3, оп. 2, д. 13, лл. 6—6 об. В опубликованном тексте письма имеются большие купюры.

²⁸ «Записки А. И. Кошелева», стр. 142.

ции он тут же ставил под сомнение их жизненность и действительное общественное значение. Именно мысль о необходимости приближения нового суда к нравственно-бытовым представлениям народа, как их понимали славянофилы, руководила Аксаковым, когда он высказывал свои замечания и пожелания по поводу «Основных положений» судебной реформы 1864 года. Его предложения были направлены прежде всего к тому, чтобы ослабить «внешний», «формальный» характер новых судебных установлений через максимально возможное усиление в них нравственного элемента. Так и не преодолев неприязни к реформам, не имевшим под собой «твердой народной почвы», Аксаков позднее заметно продвинулся в оценке той же судебной реформы. В момент объявления новых судебных уставов он ставил эту реформу на первое место после освобождения крестьян. Судебная реформа в его представлении более верно выражала понятие о земстве, чем «Положение о земских учреждениях». Земская реформа тоже не обнаруживала, полагал Аксаков, никаких признаков «органического» законодательства. По этой причине он отказывался подойти к правительственному проекту земских учреждений «со всюю строгостью критики». Однако сквозь скепсис, порожденный несоответствием между идеальными устремлениями славянофильства и реальными результатами реформы, пробивалось признание ее положительного практического значения, особенно всесословного характера земских учреждений.

У Самарина, выступившего в «Дне» с обстоятельным разбором проекта земских учреждений, тоже не было сомнений в «искренности и добросовестности» правительственных начинаний. Анализируя проект, он в большей степени был озабочен вопросом: окажется ли земство внутренне состоятельным и жизнеспособным? Поправки и дополнения Самарина к проекту преследовали в основном цель обеспечить земским учреждениям в пределах отведенной им компетенции внутреннюю устойчивость и реальный характер. Исходя из этой посылки, он находил неоправданным стремление авторов проекта обеспечить «наибольшую по возможности» самостоятельность действий уездных хозяйственных учреждений и дублировать в уезде губернские учреждения. Самарин предлагал трехступенную систему деления уездов, в которой лишь уезды последней, высшей степени имели бы тот вид организации, какой определен был в правительственном проекте. Он указывал также на преждевременность устранения правительственного элемента из земских учреждений. Опасаясь, что подобная мера приведет к «внезапному перерыву в местных административных приемах и преданиях», Самарин считал необходимым разрешить самим земским собраниям принимать в свою среду с правом голоса опытных и авторитетных представителей правительственной администрации.

Как теоретик социального равновесия, Самарин не мог допустить формального его нарушения в учреждениях местного самоуправления. Поэтому попытка законодательно закрепить преобладание в них дворянства вызвала в статьях Самарина отпор. В предложенной им «комбинации» названы были три основные общественные группы: личные землевладельцы, сельские общины и занимавшие «серединное место» духовенство с городскими обывателями. Каждая из них получала бы равное количество представителей в заранее определенном количестве в составе земского собрания. Провозглашение и защита принципа равного представительства в земстве могут создать поначалу впечатление, что в лице Самарина существовал противник доминирования дворянства в местном самоуправлении. Такое впечатление будет обманчиво, ибо, высказавшись за равноправность, Самарин с самого начала был убежден в фактическом первенстве представителей дворянско-помещичьего землевладения. Исключение у него должно было составить

лишь польское дворянство западных губерний, для которых он требовал решительного перевеса православного духовенства и крестьян. В этих суждениях Самарина проглядывало куда больше практицизма и трезвости. А теоретический максимализм, исповедуемый редактором «Дня», казался ему непростительной наивностью.

Сдержанности и скепсису в аксаковских суждениях вообще не было места, когда речь заходила о свободе печатного слова. Аксаков последовательно и страстно выступал за освобождение печати от цензурных стеснений, ибо свободное слово являлось для него единственно приемлемым орудием общественной деятельности. Только преобразование цензуры могло открыть простор «органическому законодательству». Вот почему цензурная реформа приобретала ключевое значение, давая смысл остальным реформаторским начинаниям. Свобода печати имела для Аксакова не только значение первоочередного программного требования, а была важнейшим условием его дееспособности как издателя и редактора. Этот глубоко личный аспект придавал вопросу о ликвидации цензурного давления особую остроту и злободневность. Аксаков не грешил против истины, когда жаловался на свою странную судьбу в русской журналистике. Столкнувшись с прежним предубеждением правительственных кругов к славянофильской периодике еще в момент основания «Дня», он получал в дальнейшем все новые подтверждения особых «забот» цензуры о своей газете. Его передовые статьи начинали хождение по административному лабиринту со специального цензора, присланного из Петербурга, проходили через присутствие Московского цензурного комитета, руки двух министров — народного просвещения и внутренних дел и, наконец, самого Александра II и часто не возвращались на полосы «Дня». Цензурные стеснения, апогеем которых явилась приостановка выхода «Дня» в июне 1862 г. вместе с журналами революционной демократии, были основным источником, питавшим враждебность Аксакова к правительственной бюрократии. Опережая устремления редактора «Дня» в судебной и земской реформах, правительство демонстрировало в то же время непонятный для него консерватизм в отношении центрального пункта его программы — вопроса о свободе печати и вынуждало Аксакова к резким суждениям на сей счет. «Если кого следует повесить,— писал он Н. С. Соханской (Кохановской) в 1862 г.,— так не поджигателей, не нигилистов,— а Г[оловнина] и В[алуева], посягающих теперь святотатственно на свободу и независимость мнения и слова»²⁹. Правда, он предупреждал, что его оппозиция правительству не носит политического характера. Желать свободы слова не значило, по Аксакову, посягать на принцип власти.

Аксаков ставил крестьянскую реформу выше Французской революции конца XVIII в., подчеркивая исключительно «социальный» характер переворота в России. Однако столь высокая оценка отмены крепостного права отнюдь не означала примирения Аксакова с правительством. Глубина свершившейся «социальной революции» еще резче оттеняла несостоятельность политики полицейско-административного угнетения. Правительственная бюрократия являлась в его представлении «величайшим, ненавистнейшим врагом» русской народности. Бюрократический либерализм для Аксакова — одна из разновидностей «западного деспотизма». Он не раз говорил, что нынешнее состояние отношений между обществом и государством не соответствует теоретическим представлениям славянофилов. «Нравственное равновесие» двух главных исторических контрагентов было нарушено в пользу государства, а первейшее условие возвращения к нему — в «разумном самоограничении» правительства. Но закрепить и поддержать это равновесие можно только в случае, если само общество обнаружит способность к исто-

²⁹ «Русское обозрение», 1897, № 6, стр. 502.

рической самодеятельности. Вот почему уровень аксаковской оппозиции правительству был не постоянным, а колебался в зависимости от состояния русского общества. Общественные настроения 1861—1862 гг. не вызвали у редактора «Дня» ничего, кроме разочарования и пессимизма. Но и шовинистическая кампания 1863 г. не дала ожидаемого Аксаковым результата, хотя примечательно, что именно в ходе ее он поднялся до требования о созыве Земского собора. Возвратившись же после 1863 г. к мнению о несостоятельности общественных сил России, Аксаков исключил этот пункт из своей программы.

Проблема преодоления общественной «апатии» становится ведущей темой публицистики Аксакова в 1864—1865 годах. Он не оставил еще своего недовольства либеральной бюрократией, поспешно громоздящей реформы, и сетовал на недостаток общественных свобод. Но основной заряд его критики адресован уже не правительству, а обществу. Аксаков приходит к безрадостному итогу: либеральное дворянство, с которым он связывал свои надежды как с «наиболее здоровой и разумной» частью общества, утрачивало остатки оппозиционности, оказывалось абсолютно неспособным выставить перед правительством собственную положительную программу укрепления общественного здания пореформенной России и в то же время не обнаруживало никакого желания понять и оценить «животворную» силу идей, которые предлагались славянофилами. Утратив в конце концов веру в творческие силы современного ему поколения дворянской интеллигенции, Аксаков почувствовал бессмысленность продолжения обращенной именно к этому поколению проповеди. «Я должен сознаться тебе, что теперь в свой труд вношу мало и любви, и веры,— писал он Ю. Ф. Самарину в июле 1864 года.— Мало любви потому,.. что издаю звуки в пустом пространстве: никакого резонанса, никакого отзыва, чувствуешь и знаешь, что можешь то же самое повторить и через два года, что для многого еще не пришло время разумения, а тем менее осуществления»³⁰. Осознание бесплодности усилий ускорило решение о прекращении издания «Дня».

Переакцентировка аксаковской критики сопровождалась примирительными по духу оценками комплекса правительственных мероприятий первой половины 60-х годов XIX века. Такого рода характеристика была и в последней передовой статье «Дня». «Нам нечего сваливать вину на правительство или ожидать от него таких новых реформ,— писал Аксаков, прощаясь со своими читателями,— которые бы мигом поставили нас на ноги и возвратили нам здоровье. Самое главное — освобождение крепостных крестьян и свобода (хотя бы даже и не полная) печатного слова, самое необходимое мы уже имеем: дальнейшее развитие принадлежит уже самому обществу. Все, что зависит от внешней государственной власти, уже дано или будет дано» (1865, № 52, стр. 1229). Еще одним свидетельством снижения оппозиционности Аксакова может служить признание им за самодержавием «русского» характера (1865, № 34, стр. 798).

Органической частью идейной позиции славянофилов была борьба с материалистической и революционной тенденциями. Словно следуя примеру Каткова, аксаковская газета начала эту борьбу с нападком на философские основы революционно-демократического движения. Уже в № 2 «Дня» было напечатано первое из «Писем о материализме» Самарина, содержавшее «мысли и впечатления» по поводу весьма чтимой тогдашними демократами книги Л. Бюхнера «Сила и материя». Аксаков и его сотрудники не утруждали себя анализом истинного содержания философских взглядов лидеров революционной демократии. Замеченных ими уступок вульгарному материализму Бюхнера, К. Фохта и Я. Молешотта в статьях «Современника» и особенно в писарев-

³⁰ ПД, ф. 3, оп. 2, д. 48, л. 89.

ском «Русском слове», популярности этих идей среди молодежи было для них совершенно достаточно, чтобы подверстать вообще все революционное движение к «разносчикам дешевого материализма». Выдавая их представления за последнее слово материализма, славянофильские публицисты обретали почву, которая была удобна для попытки компромата на сторонников материалистического учения.

Но борьба с материализмом составляла лишь один из участков фронтального наступления на идейные позиции революционного движения. Одновременно «День» пытался опорочить также социально-политические идеалы революционной демократии. Демократизм «Современника» и «Русского слова» не имел, по мнению Аксакова, ничего общего с истинными интересами народа. Демократические идеи как законнорожденное дитя буржуазной Европы теряли у него всякий смысл в приложении к России. Аксаков протестовал против смещения понятий «демократизм» и «народность», а выражение сочувствия русскому народу во имя демократизма квалифицировалось им как нравственное угнетение народного духа. В этом смысле, считал он, «петербургская демократия» чрезвычайно близка «петербургскому бюрократизму». Отвергая идею народовластия как «абсолютно чуждую» славянскому миру, «День» демонстрировал такую же непримиримость и относительно социализма. Историческая функция социализма ограничивалась у Аксакова лишь отрицанием «неправды» западной жизни. В то же время им усиленно подчеркивалась «неспособность» социализма к практическому созиданию. В поле зрения Аксакова и его авторов находились социалистические теории не только западного происхождения. Еще более отрицательную реакцию возбуждала в них концепция «русского социализма». Славянофилы не хотели уступать крестьянскую общину, которая была основным элементом их собственной утопии, «доморощенным» социалистам.

Редактор «Дня» с осуждением отнесся и к зачинщикам «беспорядков» в Петербургском университете. Когда события повторились в Москве, Аксаков откликнулся на них передовой статьей, написанной, по его словам, «вполне благонамеренно даже с правительственной точки зрения»³¹. Немало беспокойств доставляло Аксакову прокламационное движение. Его пугали масштабы распространения «подземной литературы», как он называл прокламации, и он был удручен тем, что цензура не разрешает открытой борьбы с ними. Аксаков допускал существование прямой связи между революционными авторами «Молодой России» и майскими пожарами 1862 г. в Петербурге: поджог «логически истекал» из учения, проповедовавшегося ее авторами, хотя редактор «Дня» и не находил оснований для фронтального поворота в сторону реакции. Запрещение журналов и закрытие воскресных школ выглядело, с его точки зрения, «бестолково».

Начиная издание «Дня», Аксаков не собирался вступать в прямую полемику с журналами русской демократии. Он находил более приличествующую для себя форму борьбы с ними в «полемике против идей и начал». Действительно, материалов, представлявших собою прямые отклики на те или иные выступления «Современника» и «Русского слова», было в его газете мало, принадлежали же они, как правило, не Аксакову, а немногочисленным сотрудникам. Эта особенность славянофильской газеты обуславливалась не только своеобразной тактической установкой ее редактора. Надо принять во внимание и более продолжительное, в сравнении с «Днем», молчание этих журналов после приостановки их выхода в июне 1862 года. Наконец, польские события 1863 г. переключили внимание Аксакова на деятельность редакции герценовского «Колокола» и М. А. Бакунина.

³¹ «Русская мысль», 1916, № 12, отд. II, стр. 105.

История взаимоотношений И. С. Аксакова и А. И. Герцена началась с их личной встречи в Лондоне в августе 1857 года. Аксаков, выделявшийся тогда в кругу славянофилов радикализмом и остро чувствующавший неуместность славянофильского консерватизма накануне реформ, произвел на Герцена благоприятное впечатление. После лондонского свидания в IV кн. «Полярной звезды» увидели свет «Судебные сцены» Аксакова, попавшие в руки Герцена вместе со статьями для «Голосов из России». Аксакову принадлежал разоблачительный материал, который был использован Герценом в статье «La regata перед окнами Зимнего дворца»³². Контакты с Аксаковым имели для Герцена гораздо большее значение, нежели просто личное знакомство. В условиях обозначившегося к 1858 г. разрыва с правым крылом либерального западничества Герцен стремился поддержать и укрепить свои связи со славянофилами. Хотя его отношения со славянофильским лагерем в конце 50-х годов XIX в. были далеко не идиллическими, он находил все-таки в славянофильском учении «верное сознание живой души в народе», «чаяния будущего века», и перспектива союзнических отношений с его представителями казалась ему реальной. С этой точки зрения фигура Аксакова-младшего приобретала для Герцена особый интерес. Склонный к отказу от наиболее косных черт славянофильской доктрины, И. С. Аксаков подходил для роли соединительного звена между издателями «Колокола» и славянофильским кружком. А некоторая обособленность Аксакова среди славянофилов старшего поколения напоминала Герцену его собственную обособленность среди западников.

Еще за год до крестьянской реформы Герцен обращался к Аксакову с призывом «взять общие меры, настоящую линию действий»³³. Но наступило 19 февраля 1861 г., и чем дальше уходила Россия от этого рубежа, тем яснее становилась иллюзорность герценовских надежд на взаимопонимание и согласие со славянофилами. Еще в июне 1861 г. Аксаков благодарил Герцена за отклик на кончину брата Константина, а уже годом позже оправдал публикацию катковской «Заметки для издателя «Колокола». «Герценизм» теперь представлял и для него серьезную опасность. Ни в 1861, ни в 1862 г. имя Герцена не называлось в «Дне». Но антиреволюционное, антиматериалистическое направление газеты Аксакова расценивалось современниками как борьба в первую очередь с революционно-демократическими установками «Колокола», как «противоядие от Герцена». Мемуаристка А. О. Смирнова (Россет), которой принадлежит это определение роли аксаковской газеты в идейной борьбе начала 60-х годов XIX в., писала ее редактору: «Ваша задача нелегка: овладеть уже испорченным молодежью и излечить язвы, нанесенные Герценом и западниками вообще»³⁴.

Факт безоговорочной поддержки редакцией «Колокола» польского восстания 1863 г. окончательно убедил Аксакова в необходимости открытого противодействия Герцену. «А каковы Герцен и Бакунин, особенно последний, живущий теперь в Швеции и подбивающий теперь шведов на Россию. Вот они, демократы, обограющие руки в крови русского народа», — писал он Ю. Ф. Самарину 5 мая 1863 года³⁵. Неделию спустя в «Дне» появилось третье письмо Касьянова (псевдоним Аксакова) «Из Парижа», в котором дан полный простор спекуляциям по поводу «изменничества» Герцена и Бакунина. Подчеркивая нравственное превосходство Герцена над Бакуниным, Аксаков выражал надежду, что издатель «Колокола» в конце концов вернется к «правильному пониманию» социальных и исторических требований русского народа.

³² Н. Я. Эйдельман. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М. 1966, стр. 82—92.

³³ А. И. Герцен. Собрание сочинений. В 30-ти тт. Т. XXVII, кн. 1. М. 1963, стр. 12.

³⁴ ЦГАЛИ, ф. 10, оп. 3, д. 207, л. 73.

³⁵ ПД, ф. 3, оп. 2, д. 48, л. 78 об.

Письмо Касьянова послужило началом антигерценовской кампании в «Дне». Одобряя выпады Аксакова, Кошелев еще раньше указывал правительству на опасность «согласия между крестьянами и мещанами, к которым присоединятся молодые и немолодые люди, сочинители и приверженцы «Великорусса», «Молодой России», и которое могло оказаться гораздо сильнее «умеренной, благомыслящей и самостоятельной оппозиции»³⁶. Он оправдывал правительственную тактику развращения и запугивания и подталкивал самодержавие к истреблению «отчаянных голов»³⁷.

У Самарина борьба с материализмом на страницах «Дня» и неосуществленный замысел публичных лекций, тоже нацеленных против революционных и материалистических идей, нашли логическое завершение в столкновении опять-таки с Герценом. Памятуя о близости, которая была между ними в середине 40-х годов XIX в., Самарин просил Герцена о свидании в июле 1864 г., надеясь заставить «одуматься» издателя «Колокола». Самарин, как и Аксаков, не оставлял упований на «нравственное возрождение» Герцена и ожидал от его раскаяния «отрезвляющего воздействия» на молодое поколение. О содержании состоявшегося тогда лондонского разговора мы можем судить отчасти по письму Самарина Герцену от 3 августа 1864 г., близкому по своему жанру «Обвинительному акту» либерала Б. Н. Чичерина. Самарин не мог похвастаться оригинальностью в споре с Герценом. Издателю «Колокола» были предъявлены обвинения, к тому времени уже прозвучавшие в русской либерально-охранительной прессе. Начав с осуждения проповеди материализма, Самарин ставил в вину Герцену поддержку польского движения и поощрение революционных замыслов внутри России³⁸. Самонадеянно полагавший, будто результатом его визита в Лондон может стать «перерождение» Герцена, Самарин уезжал оттуда разочарованным.

Подведем итоги. Попытка воскрешения славянофильских идей, которую предпринял Аксаков в начале 60-х годов XIX в., была по-своему закономерной. Она отразила стремление части теоретиков дворянского либерализма найти альтернативу буржуазно-демократическому варианту развития России, при сохранении некоторой независимости от бюрократического самодержавия. Содержание реформы 1861 г., сделав возможным пропаганду славянофильской социальной утопии, обусловило вместе с тем обращение к ней как к средству нейтрализации революционно-демократической идеологии. Испытывая натиск революционного движения, либералы лихорадочно нащупывали пути приспособления дворянства к новым историческим условиям. Они были захвачены идеей установления такого типа общественных отношений, который не таил бы в себе угрозы помещицкому землевладению. На проблеме установления именно такой, «бесконфликтной» социальной структуры и сосредоточились помыслы славянофилов. Результаты их поисков органично входили в систему общественно-политических представлений пореформенного либерализма. Примером могут служить социально-политические концепции консервативного либерала К. Д. Кавелина и Каткова, в которых западные идеи частично трансформировались в славянофильские по характеру суждения и прогнозы относительно дальнейших судеб России.

Призванное, по убеждению своих идеологов, решить поставленную крестьянской реформой задачу нового социального синтеза славянофильство не обнаружило при этом внутреннего единства. Самаринский вариант внешне упорядоченной, «правильной» буржуазной эволюции

³⁶ А. И. Кошелев. Конституция, самодержавие и Земская Дума, стр. 50—51.

³⁷ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 5, стр. 31—32.

³⁸ «Русь», 1883, № 1, стр. 35—42.

под опекой и по инициативе бюрократического самодержавия резко контрастировал с отстаивавшейся Кошелевым от посягательств бюрократии «свободной игрой» общественных сил. Разница в степени доверия общественно-политической активности русского дворянства, которая наблюдалась в процессе подготовки отмены крепостного права, еще острее выявляется в оценках практического осуществления крестьянской реформы и роли правительства при проведении земской и судебной реформ. Так, Аксаков не разделял ни ориентации Самарина на либеральную бюрократию, ни взглядов Кошелева, тяготевшего к дворянскому конституционализму. Требуя ликвидации сословной обособленности дворянства и растворения его в земстве, он непрестанно обличал конституционные планы, вынашиваемые в дворянской среде, хотя это обстоятельство не может скрыть дворянско-помещичьей сущности его программы. Одновременно он скептически судил о реформаторских начинаниях правительства, которые, по его убеждению, были лишены всякого понимания народности. Нравственная оппозиция Аксакова самодержавию оказалась практически бесплодной. Как ни смел был его протест против подавления мысли и слова, как ни решительны призывы к освобождению общественного мнения, подчеркнутый аполитизм его позиции обернулся на деле оправданием тех полицейско-бюрократических учреждений, без которых немыслима неограниченная монархия. Так и не поднявшись до уровня подлинно политической оппозиции, Аксаков, равно как Самарин и Кошелев, сознательно поддерживал правительство в его борьбе с польским национально-освободительным движением. Непримируемая вражда к русской революционной демократии делала славянофилов, хотели они того или нет, союзниками правительственной реакции.

Стремясь придать славянофильству значение действенного идейного фактора, который мог бы оказать влияние на ход общественного развития после крестьянской реформы, Аксаков старался приглушить ретроспективное звучание его идей. «Русские начала» высвобождались им из исторически-бытовой оболочки и утверждались в сфере сознания. В лице И. С. Аксакова славянофильство попыталось сблизиться с новым общественным движением и пошло ради этого на модернизацию своей старой историко-социологической схемы. Вместе с тем все более очевидным становилось противоречие между субъективно антикапиталистической сущностью славянофильской утопии и тем объективно буржуазным содержанием общественно-политической программы, которую выставили славянофилы на рубеже 1850-х — 1860-х годов³⁹. Неудавшаяся попытка мобилизации общественного сознания на усвоение славянофильских представлений наглядно показала полную их безжизненность. Кроме того, позиция славянофилов в первой половине 60-х годов XIX в. свидетельствовала об исчерпанности их внутренних идейных ресурсов, об умирании дворянского либерализма.

³⁹ См. Е. А. Дудзинская. Буржуазные тенденции в теории и практике славянофилов. «Вопросы истории», 1972, № 1.

ЕВРОПЕЙСКИЕ СТРАНЫ В ЗАПИСКАХ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ СЕРЕДИНЫ XV ВЕКА

Н. А. Казакова

Киевский период — время широких международных связей Руси. Выдающийся русский писатель XI в. митрополит Иларион с полным правом мог написать свои знаменитые слова о том, что Русская земля «ведома и слышима есть всеми четырьмя конци земли»¹. Экономические, политические и культурные контакты развивались в то время и между Русью и Западом. Но монголо-татарское завоевание оказало на них роковое влияние: они были чрезвычайно сужены, а с рядом стран прерваны совсем. Возобновление этих контактов было связано в значительной мере с участием русского посольства в Феррарско-Флорентийском соборе 1438—1439 гг., на котором была провозглашена уния между католической и православной церквами. Она была обусловлена турецкой угрозой Византии: правящие круги последней ценою унии рассчитывали получить помощь Запада против турок. Папство же посредством унии надеялось подчинить своему влиянию православную церковь, а вместе с нею и страны Восточной Европы.

Митрополит Исидор, возглавлявший русскую делегацию на Флорентийском соборе, подписал акт об унии. Но по возвращении на Русь Исидор был низложен, и в 1448 г. собором русских епископов митрополитом был избран рязанский епископ Иона. Русская церковь стала автокефальной. Великий князь Московский Василий Васильевич и русские церковно-политические круги поняли, что уния означает для Руси опасность подчинения влиянию Ватикана, и поэтому ее отвергли.

Участниками русского посольства на Флорентийский собор были написаны четыре произведения, рассказывавшие о том, что их авторы видели и нашли достойным внимания. Одно из этих сочинений — «Хождение во Флоренцию 1437—1440 гг.»² — содержит описание путешествия русского посольства во Флоренцию и обратно на Русь, другое — «Заметка о Риме» — передает впечатления от посещения Рима, третье — «Исхождение Авраамия Суздальского» — повествует о мистериях, которые автор наблюдал в храмах Флоренции, четвертое — «Повесть о восьмом соборе» Симеона Суздальского — специально посвящено деятельности Флорентийского собора.

Все эти произведения уже давно привлекали внимание исследователей. Однако дореволюционные авторы интересовались ими главным

¹ Н. Н. Розов. Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. «Slavia», гош. XXXII (1963), seš. 2, str. 164.

² Этот памятник известен под разными названиями: «Путешествие митрополита Исидора», «Путешествие Симеона Суздальского», «Дневник путешествия митрополита Исидора», «Путевые заметки неизвестного суздальца», «Хождение на Флорентийский собор», «Хождение во Флоренцию». Последнее название наилучшим образом (в пределах, возможных для заглавия) характеризует памятник, определяя его жанр и указывая географическую цель описанного в нем путешествия.

образом в плане изучения антилатинской полемики³. Современные западногерманские историки подвергли анализу часть «Хождения во Флоренцию», содержащую описание Германии; Г. Штёкль осуществил перевод текста «Хождения» на немецкий язык и составил первый в научной литературе к нему комментарий⁴. В советской историографии рассматривался вопрос об авторе «Хождения», списках и редакциях текста этого произведения, литературной истории «Исхождения Авраамия Суздальского» и «Повести о восьмом соборе» Симеона Суздальского, об идейном содержании последней⁵. Но в комплексе как памятники литературы путешествий, как записки русских людей середины XV в., отразившие их впечатления от знакомства с Западом, указанные произведения исследованы еще недостаточно. А между тем такое изучение представляет интерес не только потому, что позволяет проникнуть в духовный мир русских людей середины XV в., но и в связи с тем, что опровергает бытующее в некоторых кругах и сейчас мнение о культурной изоляции Руси⁶.

Из названных произведений наибольшую ценность как памятник литературы путешествий имеет «Хождение во Флоренцию». В его тексте перечисление географических пунктов (через которые проезжали путешественники) перемежается очерковыми описаниями виденного. «Хождение» носит дневниковый характер, и время его возникновения совпадает со временем поездки русского посольства на Феррарско-Флорентийский собор (выезд из Москвы 8 сентября 1437 г., возвращение в Суздаль 29 сентября 1440 г.). По мнению большинства исследователей, автор «Хождения», член свиты суздальского епископа Авраамия, был мирянином⁷, что обусловило, в частности, его интерес к самым различным сторонам жизни европейских стран.

24 января 1438 г. посольство выехало из Пскова, пересекло русско-ливонскую границу и вступило на территорию Дерптского епископства.

³ А. Н. Попов. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.). М. 1875, стр. 326—406; А. Павлов. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб. 1878, стр. 88—112; Ф. Делекторский. Критико-библиографический обзор древнерусских сказаний о Флорентийской унии. «Журнал Министерства народного просвещения» (ЖМНП), 1895, июль (отдельный оттиск — СПб. 1895); А. Д. Щербина. Литературная история русских сказаний о Флорентийской унии. Одесса. 1902.

⁴ «Reisebericht eines unbekannten Russen (1437—1440)», übersetzt, eingeleitet und erklärt von Günther Stökl. «Europa im XV. Jahrhundert von Byzantinern gesehen». Byzantinische Geschichtsschreiber. Bd. II. Styria-Graz—Wien—Köln. 1954 (далее.—G. Stökl); H. Ludat. Lübeck in einem russischen Reisebericht des Spätmittelalters. «Zeitschrift des Vereins für lübekische Geschichte und Altertumskunde». Bd. 35, 1955; L. Müller. Ein Russe bereist 1438 die Salzstrasse. «Lauenburgische Heimat. Zeitschrift des Heimatbundes und Geschichtsvereins Herzogtum Lauenburg», N. F. Hf. 9. Ratzeburg, Dezember, 1955.

⁵ Л. В. Черепнин. К вопросу о русских источниках по истории Флорентийской унии. «Средние века». Вып. 25. 1964; Н. И. Прокофьев. Русские хождения XII—XV вв. «Ученые записки» МГПИ имени В. И. Ленина, 1970, № 363; Н. В. Мошинская. Об авторе Хождения на Флорентийский собор в 1439—1441 гг. Там же; е е же. Хождение неизвестного суздальца на Ферраро-Флорентийский собор 1436—1440-х годов. Там же, 1970, № 389; е е же. Литературная история «Повести об осьмом Ферраро-Флорентийском соборе» Симеона Суздальского. Там же, 1971, № 455; е е же. «Повесть об осьмом соборе» Симеона Суздальского и «Хождение на Ферраро-Флорентийский собор неизвестного суздальца» как литературные памятники середины XV в. Автореф. канд. дисс. М. 1972; Н. А. Казакова. Хождение во Флоренцию 1437—1440 гг. (списки и редакции). «Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ)», т. XXX, 1976.

⁶ О живучести этого мнения в буржуазной историографии свидетельствует сделанный Г. Штёклем на заседании общества по исследованию земли Северный Рейн — Вестфалия доклад «Изображение Запада в древнерусских летописях» и обсуждение этого доклада (G. Stökl. Das Bild des Abendlandes in den altrussischen Chroniken. «Arbeitsgemeinschaft für Forschung des Landes Nordrhein-Westfalen», Hf. 124. Köln u. Opladen. 1965).

⁷ Обзор точек зрения по вопросу о личности автора «Хождения» см.: Н. А. Казакова. Указ. соч.

Дерпт (Юрьев)⁸ произвел на русских путешественников впечатление своими каменными зданиями, столь контрастирующими с деревянными строениями русских городов. «Град же бе Юриев камен, велик, полаты же в нем велми чюдны», — записал автор «Хождения». Особо он отметил существование в Дерпте русских православных церквей: «Церкви же христианские бе у них две: святой Никола и святой Георгий»⁹. В ливонских городах церкви являлись не только местами религиозного культа, но и организующими центрами русского купечества на чужбине (из-за отсутствия там их подворий): при них имелись складские помещения для товаров, совместных пиршеств и т. д.¹⁰. Запись автора «Хождения» является древнейшим свидетельством источников об этих двух церквях.

Из Дерпта через Вольмар («Володимерь») путь посольства лежал к Риге, расстояние до которой автор определяет в 250 верст. «А от Юриева ехал к Ризе, много градов видехом» (стр. 63),¹¹ пишет автор «Хождения», кратко отмечая особенность заселения страны, через которую он проезжал: относительную частоту населенных пунктов, очевидно, как городов, так и местечек. 5 мая 1438 г. Исидор со свитой выехал из Риги. После двухнедельного плавания по морю 19 мая они достигли Любека. Бургомистры и ратманы встретили русское посольство в гавани, где в распоряжении сошедших с корабля путников были предоставлены 20 возов, на которых они прибыли в город (стр. 64).

Любек, глава Ганзейского союза, поддерживал с городами северо-запада России, особенно с Новгородом, давние и тесные торговые связи. В XII в. русские купцы посещали этот город. Но в XIII—XIV вв. из-за пиратства и господства Ганзы на Балтийском море их поездки прекратились. Участники свиты митрополита были первыми русскими, посетившими после долгого перерыва Любек. Один из самых цветущих, богатых и красивых городов северной Германии, он не мог не произвести на них сильного впечатления. Автор «Хождения» называет его «славным градом» и рассматривает как эталон большого и процветающего города. О некоторых других городах Германии он пишет далее: «величеством подобен» Любеку.

Описание Любека в «Хождении» начинается с передачи общего впечатления от города и его окрестностей: «И видехом град велми чюден и, поля бяху, и горы невеликиы, и садове красны, и полаты велми чюдны, позлащены врѣхы, и монастыри в нем велми чюдны и силни». Специально оговаривается торговое значение города: «и товара в нем всякого полно». Подробно описывается посещение храмов и монастырей. В одном из них русским путешественникам показали библиотеку, включавшую более тысячи книг. Особенно поразило путешественников религиозное представление на евангельскую тему — дары волхвов младенцу Христу (стр. 64). По поводу характера представления и его места точки зрения исследователей расходятся: русские ученые полагают, что в Любеке Исидор и его свита смотрели мистерию¹¹; западно-германские исследователи считают, что путешественникам было показано представление с фигурами, приводившимися в движение специ-

⁸ Здесь и далее в скобках указывается название географических пунктов в написании, содержащемся в тексте «Хождения».

⁹ Н. А. Казакова. Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор». ТОДРЛ, т. XXV, 1970, стр. 63 (далее страницы издания этой редакции указываются в тексте). В «Хождении» даты путешествия обозначены большей частью по дням святых, мы перевели их в соответствующие числа.

¹⁰ Н. А. Казакова. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. Л. 1975, стр. 138—139.

¹¹ «История русской литературы». Т. II, ч. I. М.-Л. 1945, стр. 232; Н. И. Прокофьев. Указ. соч., стр. 199. П. О. Морозов думал, что русские видели в Любеке кукольное представление (П. О. Морозов. История русского театра до половины XVIII столетия. СПб. 1889, стр. 25).

альным механизмом. По мнению Г. Штёкля, это были механические рождественские ясли, находившиеся скорее всего в монастыре францисканцев, по мнению Г. Людата,— фигурное устройство, связанное с механизмом часов знаменитой церкви св. Марии¹².

Чрезвычайно заинтересовали в Любеке автора «Хождения» городское благоустройство и технические сооружения. Прежде всего его внимание привлекли водопровод и фонтаны: «А воды приведены в него (Любек.— Н. К.), текут по всем улицам по трубам, а иные ис столпов студены и сладки текут». Отметил он и подающее воду из реки устройство: «И ту видеком на реце устроено колесо, около его сто сажень, воду емлет из реки и пускает на все дома». Описано и другое, находившееся по соседству сооружение, приводимое силой воды в движение колесо, заставлявшее работать мельницу и сукновальню: «И на том же вале колесо мало, тоже мелеть и сукна точет красные» (стр. 64). Г. Людат полагает, что автор «Хождения» описал колесное устройство, подававшее воду в водопровод, которое было сооружено на Гюкстерской плотине, а также существовавшие уже в XIV в. на той же плотине («на том же вале») сукновальню и три мельницы¹³. Заканчивается изложение впечатлений от города следующим образом: «Ту же видеком два зверя люты в полате у окна, прекованы железом». Обычно эту фразу понимают как описание зверинца, который автор видел в Любеке¹⁴. Но Г. Людат отмечает, что зверинцев в Любеке в то время еще не было. Речь может идти только об экзотических животных, присланных совету Любека в дар¹⁵.

Из северной Германии в Италию путь посольства пролегал через многие немецкие города. В Мельне, где посольство провело только ночь, внимание автора привлекла озерно-речная система: «приведена река боле 20 верст из великиа реки Елевы» (Эльбы.— Н. К., стр. 65). Г. Штёкль считает, что здесь речь идет о сооруженном в 1390—1398 гг. канале, связавшем через озеро Мельн Эльбу с р. Траве¹⁶. О Люнебурге («Луньбег»), известном городе Ганзейского союза, автор «Хождения» в общей форме замечает: «Тои убо град величеством подобен есть Любку» и затем дает замечательное по своей детальности описание фонтанов, украшенных позолоченными статуями людей, из рук, ртов, ушей, глаз которых били струи воды; о реалистичности статуй он пишет: «те бо люди просте, яко живи суть». Интересно, что автор обратил внимание не только на внешний вид фонтанов, но и на их практическое назначение: «те бо люди напаяють весь град тои и скоты» (стр. 65). Описание Брауншвейга («Брунъзвиг»), этого цветущего ганзейского города, столицы герцогства, автор также начинает с кратко-го общего впечатления о нем: «И тои град величеством вышши тех градов прежних». Специально останавливается он на поразивших его островерхих крышах, сравнивая покрытие из черепицы со знакомым ему на родине покрытием из лемеша. И еще одну черту облика города передает «Хождение»: каналы, берега и дно которых были выложены камнем («морованы камением»), и фонтаны (без описания их), «якоже и в предписанных градах» (стр. 65).

Из Брауншвейга посольство проследовало в «Батмер» (по мнению западногерманских историков, Магдебург)¹⁷, а оттуда в Лейпциг («Липес») и Эрфурт («Афрат»). Магдебург сравнивается с Любеком, отмечается наличие в нем мощеных улиц, палат и «вод», очевидно, каналов. О Лейпциге автор замечает, что он «велми велик». Характеристика

¹² G. Stöckl, S. 178, A. 46; H. Ludat. Op. cit., S. 80—82.

¹³ H. Ludat. Op. cit., S. 78—79.

¹⁴ Н. И. Прокофьев. Указ. соч., стр. 199.

¹⁵ H. Ludat. Op. cit., S. 82—83.

¹⁶ G. Stöckl, S. 179, A. 53.

¹⁷ Ibid., A. 56; L. Müller. Op. cit., S. 5.

Эрфурта более подробно: «велик и чуден, и имением многим и хитрым рукоделием преумножен; и такового товара и хитра рукоделия ни в ком-е граде в предписанных не видехом» (стр. 65). Здесь обращается внимание не столько на внешний вид города, сколько на его торговое значение и высокий уровень развития в нем ремесел. В этом проявился интерес автора не только к «иноземным диковинам», бросающимся в глаза, но и к экономической жизни западных городов.

Из Эрфурта путь посольства лежал в Бамберг («Бемибъверег»), а затем в Нюрнберг («Нурбех»), главный город Баварии. Автор отмечает его величину и мощь укреплений («велми велик и крепок»), многочисленность населения и обилие товаров («И людии в нем много и товара»), красоту белокаменных зданий, каналов и фонтанов. Указав, что город стоит «среди Аламанские земли», автор дает чрезвычайно интересное ее описание: «Аламанская земля, то есть не иная вера, ни ины язык, но есть едина вера латиньская, а язык немецкий же, но раз-но, яко и русь сербы, тако и оне с немьци» (стр. 65—66). Здесь население южной Германии характеризуется с вероисповедной и языковой точек зрения. Правильно отметив его общность в этом отношении с населением северной Германии, которое автор называет «немцами», он в то же время подмечает различие между языками северной (средне-нижненемецким) и южной Германии (средне-верхненемецким). Чрезвычайно метко он сравнивает это различие с языковым различием между русскими и сербами. Рассматриваемый отрывок весьма показателен для характеристики личности анонимного повествователя: он обладал не только наблюдательностью, но и определенной лингвистической эрудицией (в частности, в вопросе о славянских языках), которую сумел удачно применить для того, чтобы объяснить читателю разницу между диалектами северной и южной Германии.

Продолжая путь по южной Германии, путешественники прибыли в другой ее крупный центр — Аугсбург («Авспрок»). По поводу истории этого города автор делает такой экскурс: «И от того града (Нюрнберга.— Н. К) 17 миль¹⁸ есть град во имя Августа царя, его же из начала тѣи царь Иустиниян нача и създа на славной реце Дунаи, и того ради зовется град тои Август, по немецки же Авспрок» (стр. 66). В этом экскурсе правильные сведения об основании Аугсбурга «во имя Августа» (город вырос из римской колонии Augusta Vindelicorum, основанной в 15 г. до н. э.), переплелись с ошибочными (создание Аугсбурга оказалось связанным с византийским императором VI в. Юстинианом, чье имя было хорошо известно на Руси. Значение Аугсбурга, в XV в. одного из торговых и финансовых центров не только Германии, но и Европы, автор подчеркивает фразой: «И величеством превъзые всех предписанных градов». Особое впечатление на повествователя произвели храмы Аугсбурга, интерьеры и экстерьеры которых были расписаны фресками. В одном из храмов путешественники увидели изображения императора Юстиниана и других «царей римских, угорских и аламаньских» (стр. 66).

Инсбрук («Жунбрюк») был последним немецким городом, через который проехало русское посольство. Дальше его путь лежал через Альпы в Италию. Автор называет ее «Фряжской землей», употребляя обычное для древнерусской литературы обозначение. Альпы, первые настоящие горы, с которыми столкнулись русские путешественники, произвели на автора «Хождения» глубокое впечатление: «Горы же те не ту суть, но от Чернаго моря пошли даждь и до Белаго моря¹⁹, яко зовутся пояс земный, камены. Только же высоци суть, облаци вполь

¹⁸ Немецкая миля, которой автор «Хождения» пользуется для исчисления пути по Германии, равна 7,5 километра.

¹⁹ Название «Белое море» употребляется в «Хождении» в значении Средиземного либо Адриатического моря.

их ходят, и облаци от них ся взимают. Снези же лежат на них от сотворения гор тех; лете же вар и знои велик в них, но снег же не тааше» (стр. 66).

В Феррару, где происходили заседания собора, посольство прибыло 18 августа. В «Хождении» характеризуется лишь состав собора и перечислены его заседания (с 8 октября до 13 декабря). Обсуждавшихся на соборе вопросов, страстных дебатов между сторонниками и противниками унии автор совершенно не касается (стр. 66). С гораздо большим интересом он сообщает о достопримечательностях Феррары и жизни этого крупного города: о часовне на папском дворе с фигурным устройством, о ценах на продукты питания (стр. 66).

В конце 1438 г. в связи с эпидемией чумы заседания собора из Феррары были перенесены во Флоренцию. В «Хождении» перечислены населенные пункты, через которые проехала русская делегация. Среди них не поддающийся идентификации²⁰ город «Берена», о котором говорится «а река под ним Ирнець быстра велми, чрез ее мост камен; и садов множество масличных, и место красно меж гор»²¹. Во время путешествия по Италии путники пересекли Апеннины: «А все горы камены высоци, а путь тесен и тяжек велми, зань же возы не ходят, но на вьюках возять». Отметил автор и находившиеся на склонах гор виноградники: «И вино родится в горах тех велми добро и сладко и красно» (стр. 67).

Флоренции (единственному, помимо Любека, городу, к которому в «Хождении» применяется эпитет «славный») автор уделяет особенно много места. Отметив красоту церковных и гражданских зданий, он специально останавливается на описании имевшегося в ней величественного храма с колокольной: «И есть во граде том божница устроена велика, камень морьмор бел, да черн; и у божницы тои устроен столп и колоколница, тако же белы камень морьмор... и ходихом в столп тои по лествице, и сочтохом степеней 400 и 50» (стр. 67—68). Несомненно, тут имеется в виду знаменитая церковь Санта Мария дель Фьоре, строительство которой с участием лучших итальянских архитекторов (Джотто ди Бондоне, Филиппо Брунелеско) продолжалось с XII по XV в.; в здании собора использован белый и темный мрамор. Рядом с ним воздвигнута Джотто ди Бондоне колокольня: полуготическая квадратная башня высотой в 81 м²², на которую и поднимались русские путешественники. Привлекла внимание автора и больница (Spedale di santa Maria Nuova), о порядках которой он отзывается с восхищением. Не забыт им и мост через Арно (Ponte Vecchio), по обоим краям которого располагались торговые здания. «И посреди града того течет река велика и быстра велми, именем Рна; и устроен на реце тои мост камен, широк велми, и с обе страны моста устроены полаты». Пишет автор и о деревьях, которые видел во Флоренции, трогательно сравнивая их с деревьями, произраставшими на родине: «Ту же видехом древние кедры и кипарисы; кедр как русская сосна, много походило, и кипарис корою яко липа, а хвоею яко ель, но мало хвоею кудрява и мягка, а шишки походили на сосновую» (стр. 67—68).

Описывая Флоренцию, где посольство провело более полугода (с 14 февраля по 6 сентября 1439 г.), автор рисует не только внешний облик и достопримечательности города, но останавливается и на его

²⁰ При идентификации итальянских городов использовались комментарии Г. Штёкля к его изданию «Хождения», кроме того, мы консультировались с чл.-корр. АН СССР В. И. Рутенбургом, которому выражаем искреннюю признательность.

²¹ Г. Штёкль считает, что под «Береной» можно подразумевать горный проход «Ronchi die Begna». Если же обратиться к наименованию упомянутой в «Хождении» реки «Ирнець», то описание города подойдет к Понтессине, находящемуся восточнее Флоренции, при впадении Сиеве в Арно (G. Stöckl, S. 183—184, A. 86).

²² Н. И. Прокофьев. Указ. соч., стр. 201—202.

экономической жизни. Он отмечает развитие торговли («товара же всякого множество») и особенно ремесла, называет производство ценных, затканых золотом тканей («в том же граде делают камки и аксамиты с золотом») и дорогих сортов сукон («и ту же сукна скорлатные делают»), пишет о производстве оливкового масла («множество и садов масличных, и тех маслиц деревяное масло»), разведении шелковичных червей («в том же городе видеком черви шолковыя, да и то видеком, как шолк тои емлют с них») (стр. 68).

Деятельность собора во Флоренции, как и в Ферраре, автором фактически не описана, только перечислены его заседания, и ничего не говорится об обсуждавшихся на них вопросах. Исключение делается лишь для заседания, на котором был подписан акт об унии церквей: «Месяца июлиа в 5 собору бывшу велику, и тогда написаша грамоты събора их, како веровати в святую троицу, и подписа папа Еугении и царь греческий Иоан и вси гардиналове, и митрополиты подписаха на грамотех коиждо своею рукою» (стр. 68). Запись эта отличается своей беспристрастностью, что может служить доказательством равнодушия автора к богословским вопросам. В последующих записях он сообщает о торжественном богослужении («в соборной божнице в имя пречистыя богоматери») 6 июля 1439 г., на котором была публично провозглашена уния, об отъезде из Флоренции 26 августа византийского императора и о богослужении 4 сентября в церкви Иоанна Предтечи, где был проклят Базельский собор: «и прокля събор базмейский Аламанские земли, занеже не пришли на собор к папе, а учинили себе собор, не хотя повинутися папе; и того деля их прокля» (стр. 69). В этой записи нашли отражение важные факты церковно-политической истории Запада: деятельность поддерживаемого императором и заседавшего в Базеле собора католической церкви, имевшего целью ограничение власти папы, и борьба папы Евгения IV против этого собора.

6 сентября 1439 г. русское посольство двинулось в обратный путь на Русь. Из Флоренции оно направилось в Венецию, причем из Феррары ехало по реке По («рекою Повою») и далее, как полагает Г. Штёкль, по системе каналов достигло города Кьоджа («Кеза»), расположенного у Адриатического («Белого») моря. «Тои град у Белого моря на брезе, ту родится соль крупна» (стр. 69), так описал автор добычу соли путем выпаривания морской воды. От Кьоджи до Венеции путники проехали морем.

Описание Венеции — одно из интереснейших в «Хождении». «А тои град стоит на мори, а суха пути к нему нет, а от берега 13 миль²³ стоит в море. Среди его проходят корабли и катарги, а по всем улицам воды, ездят на барках» — так передается неповторимый облик Венеции. Отметив величину города («велми град тои велик»), красоту и великолепие его архитектуры («и палаты в нем чюдны, а иные позлачены»), автор специально останавливается на главной достопримечательности города — соборе св. Марка. «Есть в городе том црковь камена, святый Марко Еуангелист, и столпы в неи морованы, имущи мрамор всяк цветом; а иконы в неи чюдны, Гречин писал мусиею, и до верху видети чюдно; а внутри резаны святые на мраморе велми хитро, а сама велика церковь. А над предними дверми изнутри поставлены 4 кони медяны, позлащены, велики, видети, яко живы, и повешены два змия велики убиты». Русский путешественник подметил и величину храма, и богатство его мраморной отделки, и иконы греческого письма, и мраморные статуи святых, и, наконец, знаменитую квадригу, украшающую главный портал храма.

²³ Итальянская миля, которой пользуется автор, рассказывая об Италии, равна 1 472 метрам.

Венеция, царица Адриатики, была в то время крупнейшим центром международной торговли, через который осуществлялся товарообмен между Западом и Востоком. И автор верно это отмечает: «И товару в нем всякого полно, занеже корабли прихоят изо всех земель, от Иерусалима, и от Царяграда, и от Азова, и ис Турьские земли, и из Срачин, и из Немець» (стр. 69). Согласно свидетельству «Хождения», восточные связи Венеции были особенно разнообразны. Если из ее западных торговых контрагентов названа лишь Германия, то в числе восточных перечислены Палестина, Византия, Турция, страны арабского Востока («Срачины»); не забыты и далекая венецианская колония Тана, названная принятым на Руси именем Азова.

22 декабря 1439 г. из Венеции морем русские путешественники направились к городу Поречи²⁴ («Печеря»), расположенному на западном берегу полуострова Истрия, затем к Пуле («Пола»), о соляных промыслах которой в «Хождении» сделана запись: «ту бо родится соль на море месяца июля и августа» (месяцы, когда особенно интенсивно происходил процесс выпаривания морской воды и осаждения соли). Наличие соляных промыслов автор зафиксировал и для Оссера («Осора»), куда путешественники проследовали из Пулы. В следующем «граде» Сенье («Сеня») русские 17 января 1440 г. покинули корабли и двинулись дальше уже сухопутной дорогой (стр. 70).

От Сеньи путь посольства шел к Загребу. Наблюдая хорватов, автор отмечает родство их языка с русским и в то же время иное вероисповедание: «И в тех градах живут хавратяне, язык с Руси, а вера латынская». О Загребе он пишет: «той град велик и красен» и отмечает его принадлежность венгерскому королю: «а держава угорьскаго царя». В Загребе русские путешественники увидели деспота Георгия Бранковича, бежавшего сюда после завоевания Сербии войсками султана Мурада II: «В сем граде видехом серпьскаго цесаря деспода с царицею его и с детьми, зане пленено бысть царство его Серпское от турьскаго царя Амурата» (стр. 70). Так читатели «Хождения» получили возможность узнать о подчинении близкого им по языку и вере славянского государства туркам.

Описание путешествия через Венгрию очень лаконично: называются лишь населенные пункты (правда, в большом количестве) и расстояния между ними. Исключение сделано только для нескольких городов, о которых приводятся некоторые сведения: о Буде («Будине») автор пишет, что это — «град столыный» Венгерского королевства на Дунае; относительно «Люблева» отмечает его пограничное с Польшей положение и чеканку в нем денег (стр. 72—73). В Польше и Литве русские путешественники проезжали через Краков, Львов, Галич и Вильно. Но никаких сведений о них «Хождение» не содержит: лишь в связи с упоминанием Кракова отмечено: «ту бо видехом коръля Володислава и брата его Казимира» (стр. 72).

Последняя часть «Хождения», начиная от известия о выезде из Загреба, отличается и по своему содержанию и по манере изложения от основной части: исчезают полностью очерковые описания виденного и выражения чувств и переживаний автора.

За время долгого путешествия автор «Хождения» многое сумел увидеть и отразить в своем произведении. Как и всякий путешественник, попавший в незнакомые страны, он запечатлел в первую очередь то, что бросалось в глаза. Он верно передал облик западных городов с их каменными зданиями, черепичными кровлями, каналами, фонтанами. Он сумел воспроизвести и неповторимые черты, которые придавали отдельным городам особенности их географического положения, например, расположенной на островах Венеции. Привлекли его внимание вы-

²⁴ Поречь — по-хорватски; по-итальянски — Паренцо.

дающиеся памятники архитектуры, такие, как церковь Санта Мария дель Фьоре во Флоренции и собор св. Марка в Венеции. Не остались безразличны русскому путешественнику картины иной, чем на родине, природы (величественные, сверкающие на солнце снежные вершины Альп, грозная буря на море и пр.).

Но автор увидел не только внешний облик чужих стран. Он сумел разглядеть и ряд черт жизни населявших их народов. Его внимание привлекли в первую очередь занятия городского населения — торговля, ремесло. Он подчеркивает торговое значение таких городов, как Любек, Нюрнберг, Флоренция, международные торговые связи Венеции, записывает цены на продовольственные товары в Ферраре. Русский путешественник отметил высокий уровень развития ремесла в Эрфурте и особенно во Флоренции; для последней он специально выделяет, в частности, шелководство и шелкоткацкое ремесло (изготовление шелковых тканей занимало важное место в ремесленном производстве Флоренции, и цех шелкоделов, возникший в 1218 г., являлся одним из старейших). Сделал автор запись и о чеканке денег в городе «Люблеве». Заинтересовал его и необычайный для родины способ соледобычи путем выпаривания морской воды под солнечными лучами на Адриатическом побережье.

Русское посольство делало остановки в городах, и автор «Хождения» имел возможность наблюдать жизнь преимущественно городского населения. Только в нескольких местах, рассказывая об окружающих города ландшафтах, он в общей форме пишет о полях и садах «красных». Специальное внимание уделено лишь разведению маслин во Флоренции с целью изготовления растительного масла, и виноградарству в Италии.

«Хождение» содержит любопытные наблюдения по поводу этнических и языковых особенностей населения отдельных стран, в том числе сопоставление языков южной и северной Германии и сербского с русским. Нашли в «Хождении» отражение и некоторые события того времени, главным образом из церковной истории (деятельность Феррарско-Флорентийского собора, уния западной и восточной церквей). Коснулся русский путешественник и турецкой темы, отметив один из этапов наступления турок на земли южных славян. Назвал он и целый ряд государственных и церковных деятелей Запада и Византии.

О культуре и жизни западных стран автор пишет с большим уважением, восхищаясь достижениями техники и искусства. У него нет ни тени враждебности по отношению к западному миру, хотя последний был чужд ему в религиозном плане. Православная принадлежность автора сказывалась лишь в наименовании католических храмов «божницами» (православные всегда называются «церквями»), русского населения Дерпта «христианами», да в мимоходом сделанном замечании о том, что уния означала «прощение» латинян греками (стр. 69). Неизвестный автор предстает со страниц своего труда как человек, лишенный религиозной узости и нетерпимости, с большой любознательностью всматривавшийся в открывшийся перед ним мир.

За столетие, истекшее со времени создания «Хождения» (с середины XV и до середины XVI в.), появились три новые редакции памятника²⁵. Основное направление переработки заключалось в изъятии малоинтересных отрывков с текстом собственно дорожника, с одной стороны, и сокращении религиозно-церковных сюжетов — описания церквей и монастырей и деятельности Феррарско-Флорентийского собора — с другой. Это способствовало приданию произведению большей

²⁵ О редакциях «Хождения во Флоренцию» и их датировке см.: Н. А. Казакова. Хождение во Флоренцию 1437—1440 гг.; е е ж е. Сказание о градах от Великого Новгорода и до Рима. «Памятники культуры. Новые открытия». М. 1976.

занимательности и выявлению его светской сущности. Интенсивная литературная жизнь «Хождения» в рассматриваемый период была, по-видимому, обусловлена тем, что это сочинение являлось тогда основным источником, знакомящим русских читателей с рядом европейских стран²⁶. Со второй половины XVI в. положение меняется: в 1584 г. был осуществлен перевод с польского на русский язык «Всемирной хроники» Мартина Бельского, а в XVII в. создаются на русском языке «Космографии», в основу которых положена «Космография» фламандского картографа Меркатора. С появлением этих трудов, дающих о европейских странах гораздо более фундаментальные сведения, чем «Хождение», интерес к последнему снижается и оно перестает подвергаться переработкам, хотя и продолжает переписываться.

Второй памятник, возникший также в связи с путешествием русской делегации на Феррарско-Флорентийский собор, это небольшая «Заметка о Риме». Она включает запись впечатлений о Риме и некоторые сведения о нем географического и исторического порядка: о местоположении города на Тибре («Тивере»), его архитектурных памятниках — храмах святого Петра, святого Павла, Иоанна Предтечи, императорском дворце, о крещении в Риме императора Константина и, наконец, любопытные наблюдения об упадке города: «Церкви же в нем были велики и позлащенные верхи и полаты чюдны. И то все порушилося запустения ради». Последнее замечание вполне справедливо: Рим первой половины XV в. действительно находился в состоянии упадка (экономика города переживала застой, население уменьшалось, здания ветшали и разрушались).

Возникла «Заметка о Риме» (в этом вопросе мы согласны с Г. Штёклем)²⁷ в результате неофициальной поездки одного из участников русского посольства в Рим. Совершить ее и записать впечатления о городе мог, как нам представляется, автор «Хождения»: в пользу такого предположения говорит стилистическая близость обоих памятников и наличие в них одинаковых выражений («верхи позлащенные», «полаты чюдны»). «Заметка о Риме», несмотря на свою краткость и некоторую наивность, представляет интерес потому, что является первым в русской литературе описанием Вечного города.

Автором «Исхождения Авраамия Суздальского»²⁸ исследователи (вслед за рукописной традицией) считают лицо, названное в заголовке. Этот памятник состоит из двух отрывков, рассказывающих о мистериях «Благовещение» и «Вознесение», ставившихся в храмах Флоренции.

Мистерию «Благовещение» Авраамий смотрел в церкви монастыря св. Марка²⁹ (монастырь доминиканцев), мистерию «Вознесение» — в церкви другого монастыря, как полагают исследователи, — del Carmine³⁰. Русский путешественник настолько обстоятельно передал содержание первой мистерии, что удалось установить ее итальянский оригинал: это приписываемая Фео Белькари духовная драма³¹. Оригинал второй мистерии установить труднее, так как описание ее у Авраамия гораздо короче. П. О. Морозов высказал лишь предположение, не является ли она пьесой того же итальянского автора³².

²⁶ Некоторые известия о европейских странах содержатся в летописях и особенно в посольских книгах, но в летописях эти известия лишь вкраплены в материал по отечественной истории, а посольские книги не предназначались для чтения.

²⁷ G. Stöckl, S. 181—182, A. 70.

²⁸ Новейшая публикация: Н. И. Прокофьев. Указ. соч., стр. 254—256.

²⁹ Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Отдел рукописей и редких книг, Погодинское собрание, № 1571, л. 81 об.

³⁰ Н. С. Тихонравов. Сочинения. Т. I. М. 1898, стр. 279; A. Wesselofsky. Italienische Mysterien in einem russischen Reisebericht des XV Jahrhunderts. «Russische Revue. Monatsschrift für die Kunde Russlands», Bd. X, SPb, 1877, S. 439.

³¹ A. Wesselofsky. Op. cit., S. 432—433.

³² П. О. Морозов. Указ. соч., стр. 27.

Авраамий, описывая мистерии, передает не только их сюжеты и ход действия, но и подробности сценической обстановки: длину и ширину помоста (сцены), цвет и рисунок занавеси, одеяния действующих лиц, декорации, световые и шумовые эффекты, технические приспособления, при помощи которых осуществлялись сложные для того времени перемещения. Создателем всей этой «хитрости» Авраамий называет «некоего человека хитра, родом фрязина», который устроил «многим людям на удивление дело хитро и чюдно»³³. Может быть, под «хитрым фрязином» — «мудрым итальянцем» следует подразумевать знаменитого зодчего — инженера Филиппо Брунеллеско, о котором известно, в частности, что он создал машины для постановки мистерии «Благовещение»³⁴.

Театральные представления (а мистерии были в то время на Западе основным видом театральных зрелищ), которые русские люди видели впервые, произвели на них огромное впечатление. Авраамий пишет об этом без всякого предубеждения, как о «красном и чюдном видении», которое «умилно и отнюдь неизреченная веселия исполнено». Живой и увлекательный рассказ о «чюдном видении» в далекой «Фряжской земле» в «преименитом и великом граде Флорензе» пользовался успехом у древнерусского читателя, о чем говорит значительное количество сохранившихся списков «Исхождения», которое интересно как памятник, донесший до нас впечатления русского человека середины XV в. от соприкосновения с театральной культурой Запада.

«Повесть о восьмом соборе» иеромонаха суздальского Симеона³⁵ в отличие от «Хождения во Флоренцию», «Заметки о Риме» и «Исхождения Авраамия Суздальского», представляющих собой путевые заметки, является публицистическим произведением, написанным под определенным углом зрения. Рисуя деятельность Феррарско-Флорентийского собора, Симеон ставит своей целью показать неприемлемость заключенной на нем унии между католической и православной церквями и правильность позиции великого князя Московского, отвергнувшего эту унию.

«Повесть» содержит некоторые фактические данные о соборе, хотя комплекс их беднее, чем в западных и греческих источниках³⁶. Симеон называет наиболее видных участников собора (византийского императора Иоанна VIII и его брата деспота Дмитрия, деятелей католической церкви — папу Евгения IV, кардинала Чезарини, епископа Андрея Родосского, Амброджо Траверсари, Иоанна де Монто Нигро, представителей православной церкви — константинопольского патриарха Иосифа, митрополита Марка Эфесского, Виссариона Никейского, Дорофея Митиленского и др.). Он указывает число заседаний собора в Ферраре, — близкое к истине, но не фиксирует внимания на каждом из них, не стремится к протокольному их воспроизведению. Главная ценность «Повести» заключается, как отметил Л. В. Черепнин, в нарисованной ее автором картине политической борьбы, происходившей на соборе³⁷. При этом Симеон сосредоточивает внимание лишь на нескольких фигурах, но каждая из них выступает в его изображении как воплощение определенной церковно-политической программы. Олицетворением воинствующей католической церкви является папа Евгений IV, пытавшийся посредством унии подчинить православную церковь и страны Восточной Европы и прибегавший в отношении своих противников

³³ Н. И. Прокофьев. Указ. соч., стр. 254.

³⁴ Я. Буркхардт. Культура Италии в эпоху Возрождения. СПб. 1876, стр. 334.

³⁵ Публикации: А. Павлов. Указ. соч., стр. 206—207; А. Н. Попов. Указ. соч., стр. 344—359.

³⁶ Об источниках по истории Феррарско-Флорентийского собора см.: Б. Я. Рамм. Папство и Русь в X—XV веках. М.-Л. 1959, стр. 225—228.

³⁷ Л. В. Черепнин. Указ. соч.

к неблагоприятным средствам. Верным его пособником выступает митрополит Исидор, обещавший подчинить папе всех русских князей и ловко использовавший свои связи с греками для того, чтобы добиться заключения унии. Иоанн VIII Палеолог изображен как деятель, лавировавший между латинофильствующей и ортодоксальной византийской партиями; в конце концов, хотя и неохотно, он соглашается на унию. Героем Симеона является Марк Эфесский, непримиримый противник унии. Он выступает против не только папы, но и латинофильствующих греческих церковников и самого византийского императора. Заканчивается «Повесть» панегириком великому князю Московскому Василию Васильевичу, отказавшемуся признать унию. Таким образом, идее мирового господства папства Симеон противопоставляет идею независимости Русского государства³⁸. Судя по числу дошедших до нашего времени переработок и списков, сочинение Симеона Суздальского глубоко волновало умы современников.

Произведения, возникшие в результате посещения русским посольством Феррарско-Флорентийского собора, имели большое значение для культурного развития русского общества середины XV — первой половины XVI в., являясь основным источником сведений о европейских странах. Для исследователей же они представляют интерес как памятники контактов с Западом русских людей, свидетельствующие об их наблюдательности и пытливо-благожелательном отношении к жизни иных стран.

³⁸ Там же, стр. 180—183.

РАЗВИТИЕ СВЯЗЕЙ СССР С ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКОЙ В 30-е ГОДЫ

А. И. Сизоненко

За последние годы отмечается заметный интерес к истории и современному состоянию отношений между СССР и одним из крупнейших регионов мира — Латинской Америкой. Во многом это объясняется ростом этих контактов в 60-е—70-е годы, крепнувшими в латиноамериканских странах тенденциями к проведению подлинно самостоятельной внешней политики, что выражается и в активном развитии их отношений с СССР. Этот немаловажный факт был отражен в Отчетном докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на XXV съезде КПСС, отметившего заметное расширение связей СССР со странами Латинской Америки¹. Кроме того, такой интерес вызывается растущей ролью латиноамериканских государств в международной жизни, их выходом на мировую арену.

Советско-латиноамериканские связи нашли за последнее время отражение в ряде монографических работ². Активизировалось изучение самой истории этих отношений 20-х—30-х годов — периода их зарождения и становления не только в СССР, но и за рубежом³. Появился ряд статей, в которых исследуются отдельные проблемы истории связей СССР со странами Латинской Америки⁴.

Благодаря этим публикациям картина развития отношений между СССР и Латинской Америкой стала более ясной, обогатилась новыми интересными данными. Однако почти неизученными продолжают оставаться отношения СССР с Латинской Америкой в 30-е годы. Так, в разделах «Истории международных отношений и внешней политики СССР» (т. 1. М. 1967) и книги «СССР и Латинская Америка. 1917—1967 гг.», касавшихся 30-х годов, говорится лишь о позиции СССР в Лиге наций в связи с боливийско-парагвайской войной и коротко сообщается об отношениях Советского Союза с Уругваем. Не освещен этот период и в зарубежной историографии. Между тем 30-е годы заняли важное место в складывании довоенной системы советско-латиноамериканских отношений, благодаря чему возникла возможность сотрудничества СССР со странами Латинской Америки в Лиге наций и других международных организациях, стали реальностью нормализация двусторон-

¹ См. «Материалы XXV съезда КПСС». М. 1976, стр. 21.

² «СССР и Латинская Америка. 1917—1967 гг.». М. 1967; «История внешней политики СССР. 1917—1975». В двух томах. Т. 1. 1917—1945 гг. М. 1976; А. И. Сизоненко. Очерки истории советско-латиноамериканских отношений. М. 1971.

³ Н. Cardenas. Las relaciones mexicano-soviéticas. Antecedentes y primeros contactos diplomáticos (1789—1927). México. 1974.

⁴ А. П. Малков, В. М. Марченко. Деятельность «Южамторга». «Новая и новейшая история», 1968, № 4; Б. В. Лукин. Первая программа советских научных исследований в Латинской Америке. «Латинская Америка», 1972, № 1; А. И. Сизоненко. Советская Россия и Латинская Америка в 1917—1924 гг. «Вопросы истории», 1973, № 6.

них связей, близость или совпадение позиций по кардинальным проблемам того времени Советского Союза и таких, например, стран, как Мексика.

В настоящей статье на основе вышедших в последние годы томов «Документов внешней политики СССР», а также некоторых других источников делается попытка проанализировать развитие советско-латиноамериканских отношений в 30-е годы. При этом внимание уделяется тем вопросам, которые до сих пор не нашли или находили слабое отражение в уже упоминавшихся выше работах, прежде всего связям Советского Союза и стран Латинской Америки в области внешней политики.

Исходя из генерального курса ленинской внешней политики, Советский Союз неустанно боролся в предвоенные годы за укрепление мира, активно проводил в жизнь политику мирного сосуществования на международной арене. Коммунистическая партия и Советское правительство уделяли вопросам внешней политики постоянное внимание. В 1930 г. XVI съезд партии поручил ЦК и далее проводить «твердую и решительную политику мира» и обеспечить «дальнейшее развитие экономических отношений СССР с капиталистическим миром»⁵. Именно в плане этих решений и протекала деятельность Советского Союза в 30-е годы как в различных международных организациях, так и по линии двусторонних отношений. В ходе этой деятельности советская дипломатия устанавливала связи и сотрудничала с представителями стран Латинской Америки, стремясь совместно с ними решать в позитивном плане важные международные проблемы того времени. Первые контакты такого рода относятся к февралю — марту 1928 г., когда СССР принял участие в работе V сессии Подготовительной комиссии по созыву конференции по разоружению, в составе которой были представлены также Аргентина и Чили⁶. На следующей, VI сессии в 1929 г. к участию комиссии присоединилась Колумбия.

В 1931 г. для рассмотрения представленного Советским Союзом проекта пакта об экономическом ненападении был создан специальный международный комитет. В его состав вошли представители Уругвая и Чили. На сессии в ноябре 1931 г. комитет в целом одобрил советские предложения, сущность которых сводилась к признанию возможности мирного сосуществования государств с различными социально-экономическими системами и недопустимости дискриминации одних стран другими в экономической области. Важно отметить, что делегации Уругвая и Чили поддерживали советскую позицию⁷. В июне 1933 г. СССР принял участие в международной Лондонской экономической конференции. Выступление главы советской делегации М. М. Литвинова было обращено и к присутствовавшим там представителям латиноамериканских стран. Литвинов подчеркнул заинтересованность СССР в закупке крупных партий товаров на общую сумму в сотни миллионов долларов, производимых, в частности, в Латинской Америке, таких, как цветные металлы, кожаное сырье, кофе, какао, каучук⁸.

Новый важный шаг в деле укрепления и расширения связей СССР с Латинской Америкой в международных организациях был связан с вхождением СССР в сентябре 1934 г. в Лигу наций. Определенную роль в приглашении Советского Союза вступить в эту организацию сыграла Мексика. Ее позиция во многом объяснялась тем, что новое правительство этой страны, начавшее проводить антиимпериалистические преоб-

⁵ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Изд. 8-е, стр. 408.

⁶ «История внешней политики СССР». Ч. I. 1917—1945 гг. М. 1966, стр. 460; А. В. Луначарский. Статьи и речи по вопросам международной политики. М. 1959.

⁷ «Документы внешней политики СССР» (ДВП). Т. XIV. М. 1968, стр. 674.

⁸ М. М. Литвинов. Внешняя политика СССР. М. 1937, стр. 328.

разования, с 1934 г. поставило вопрос о восстановлении дипломатических отношений с СССР, прерванных в начале 1930 г., и таким образом выразило свою заинтересованность в общем улучшении двусторонних отношений.

В начале сентября 1934 г. мексиканский поверенный в делах в Польше посетил советника полпредства СССР в Варшаве и просил передать Советскому правительству, что Мексика будет голосовать за принятие СССР в Лигу наций и предоставление ему там постоянного места, а также окажет влияние на другие латиноамериканские республики в этом же духе⁹. Вскоре Советское правительство получило телеграмму, подписанную значительным числом членов Лиги наций, в том числе представителями Латинской Америки — Мексики, Чили, Гаити и Уругвая с приглашением вступить в Лигу наций¹⁰. При голосовании на Ассамблее Лиги вопроса о приглашении СССР из латиноамериканских стран воздержались лишь Аргентина и Панама¹¹. 18 сентября 1934 г. Советский Союз вступил в Лигу наций. Этот шаг увеличивал его возможности в борьбе за мир, способствовал росту авторитета СССР на мировой арене. В связи с этим небезынтересно высказанное аргентинским историком-международником А. де Юлисом мнение о том, что «вступление СССР в Лигу наций означало автоматическое признание Советского правительства всеми членами Лиги наций»¹² (а в их число входила большая группа латиноамериканских государств).

В течение своего пятилетнего пребывания в Лиге наций делегация Советского Союза неоднократно не только поддерживала контакты с представителями Латинской Америки, но и выступала по вопросам, касавшимся этого континента. Одной из первых акций такого рода явилось активное участие СССР осенью 1934 г. в обсуждении вопроса о путях мирного разрешения боливийско-парагвайского конфликта. Созданный для его рассмотрения специальный комитет выработал соответствующие рекомендации обоим сторонам для прекращения войны. Советская делегация предложила: 1) установить конкретный срок для принятия этих рекомендаций, причем этот срок должен был быть по возможности коротким, чтобы предоставить обоим правительствам достаточно времени для принятия решений и консультаций, а с другой — чтобы помешать армиям использовать этот промежуток времени для развертывания наступательных операций и дальнейших территориальных захватов; 2) чтобы намеченное в рекомендациях эмбарго носило более строгий характер и запрещало не только поставку и продажу, но также и транзит оружия¹³. «Большое расстояние, — заявил глава советской делегации в Лиге наций Литвинов, — отделяющее нас от театра военных действий, и сравнительно незначительное число участвующих в них вооруженных сил не должны умалять в наших глазах важности проблемы. Решения, которые мы здесь примем, могут иметь весьма важные последствия в разбирательстве более серьезных конфликтов»¹⁴. Советская делегация выступила за то, чтобы постановления Ассамблеи Лиги наций по этому вопросу носили более решительный характер и чтобы она проявила твердость при проведении их в жизнь¹⁵.

В январе 1936 г. Лига наций рассматривала вопрос о разрыве Уругваем отношений с СССР. Литвинов резко осудил уругвайское прави-

⁹ ДВП. Т. XVII. М. 1972, стр. 581.

¹⁰ Там же, стр. 589—590.

¹¹ См. И. С. Иванов. Страны Латинской Америки и Лига наций. «Латинская Америка», 1973, № 5, стр. 135.

¹² A. de Iuliis. Relaciones diplomáticas ruso-argentinas. Buenos Aires. 1946, p. 34.

¹³ М. Литвинов. Внешняя политика СССР. Речи и заявления. 1927—1937. М. 1937, стр. 118.

¹⁴ Там же, стр. 119.

¹⁵ Там же.

тельство за безосновательный разрыв отношений с СССР. В своем ответном выступлении представитель Уругвая не мог привести никаких доводов в оправдание этого шага, что вновь свидетельствовало о его полной беспочвенности. Обсуждение этого вопроса в Лиге наций вызвало широкие международные отклики. Известная французская обозревательница Ж. Табуи в статье «Советский успех в Женеве», в частности, писала: «Уругвайский делегат получил от своего правительства приказ не касаться вопроса о доказательствах, ибо последних и не существовало»¹⁶. В решении Совета Лиги наций, принятом после разбора этого вопроса, выражалась надежда, что перерыв в дипломатических отношениях между Уругваем и СССР будет носить временный характер и что обе страны используют благоприятный случай для восстановления этих отношений¹⁷. Это решение было расценено как крупный политический успех СССР. В резолюции хотя и косвенно, но осуждался акт уругвайского правительства, предлагалось восстановить отношения, а также признавалось, что Уругвай не имел никаких причин для разрыва дипломатических отношений с СССР.

Одной из наиболее ярких страниц в деятельности СССР в Лиге наций явилось, как известно, его решительное осуждение агрессий фашистских держав в Эфиопии и Испании и защита республиканской Испании. Позиция Советского Союза в этих вопросах совпадала с позицией одной из крупнейших латиноамериканских стран — Мексики, которая заклеей позором фашистский мятеж в Испании, а также оказывала испанским республиканцам материальную и военную помощь. Мексика, как и СССР, выступила в Лиге наций против проводившейся западными державами политики «невмешательства». Обе страны справедливо расценили ее как политику пособничества Франко и фашистским агрессорам. Не случайно в связи с этим член советской делегации в Лиге наций И. М. Майский характеризовал мексиканцев как «наших друзей»¹⁸.

Советская делегация, выступая в защиту республиканской Испании, решительно отвергла, в частности, попытку вмешательства во внутренние дела этой страны, предпринятую представителем Чили в Лиге наций Эдвардсом. В январе 1937 г. он внес в Лигу наций предложение об обеспечении Лигой выезда из Испании нескольких тысяч сторонников Франко, нашедших убежище в иностранных дипломатических миссиях в Мадриде. Эдвардс настаивал на посылке в Испанию международной комиссии с полномочиями изъять дело эвакуации этих лиц из рук ее законного правительства. Еще при первоначальном обсуждении этого вопроса на закрытом заседании Совета Лиги наций Литвинов отметил, что Испания в данном случае не нарушила ни какого-либо договора, ни принципов международного права или Устава Лиги наций и у Совета нет никаких политических и юридических оснований для того, чтобы рассматривать вопрос о праве убежища в международном аспекте. «Такое рассмотрение, — подчеркнул Литвинов, — было бы недопустимым вмешательством во внутренние дела государства — члена Лиги наций»¹⁹. 27 января 1937 г. глава советской делегации вновь выступил против предложения Эдвардса. Последнему в конечном итоге пришлось отказаться от своего требования и согласиться на непосредственные переговоры с законным правительством Испании²⁰.

Выступая за универсальность и прочность Лиги наций, советская делегация выражала сожаление по поводу выхода из этой организации

¹⁶ «Ouvre» (Paris), 24.I.1936.

¹⁷ «Правда», 25.I.1936.

¹⁸ И. М. Майский. Воспоминания советского дипломата 1925—1945 гг. М. 1971, стр. 326.

¹⁹ М. Литвинов. Внешняя политика СССР. Речи и заявления. 1927—1937, стр. 189.

²⁰ М. М. Литвинов. В борьбе за мир. М. 1938, стр. 180.

в 1936—1937 гг. Гондураса, Гватемалы, Сальвадора, Никарагуа и Парагвая. «Мы сожалеем об их уходе,— говорил на пленарном заседании Лиги наций Литвинов,— ибо мы ценим сотрудничество всех стран, больших и малых»²¹.

Деятельность СССР в Лиге наций и других международных организациях по вопросам, связанным с Латинской Америкой, убедительно показала, что Советский Союз неизменно стоял на позициях укрепления мира и безопасности в этом регионе, развития сотрудничества с латиноамериканскими государствами и защиты их национальных интересов. Установление постоянных контактов с представителями латиноамериканских стран создавало условия для налаживания взаимопонимания между ними и СССР, выявления их точек зрения по важнейшим внешнеполитическим проблемам того периода.

Определенное место в системе довоенных советско-латиноамериканских отношений заняли двусторонние контакты в дипломатической сфере. Установление и укрепление этих отношений постоянно наталкивались на противодействие реакционных кругов этих стран. В январе 1930 г. правительство Мексики под нажимом внутренней реакции и давлением сил империализма прервало дипломатические отношения с СССР. Дипломатические отношения в тот момент имелись у Советской страны лишь с единственным государством Латинской Америки — Уругваем. В известной мере советско-уругвайские отношения подкреплялись взаимной торговлей обеих стран, а также тем, что в Монтевидео с 1931 г. находилось общество «Южамторг», содействовавшее развитию торговли между СССР и Южной Америкой. Однако с 1934 г. в области официальных межгосударственных связей начали намечаться положительные сдвиги. Весной 1934 г. по предложению уругвайского правительства в Москве и Монтевидео открылись миссии Уругвая и СССР. В мае того же года начались переговоры о восстановлении дипломатических отношений между СССР и Мексикой. Инициатором их явилась Мексика: 3 мая 1934 г. ее поверенный в делах в Польше сообщил советнику полпредства СССР в Варшаве Подольскому о том, что он получил от своего МИД письмо, в котором сообщается «о желании установить (то есть восстановить.— А. С.) дипломатические отношения»²².

Поворот Мексики к нормализации отношений с СССР был не случаен. Он был связан с антиимпериалистической программой кандидата на пост президента страны генерала Л. Карденаса²³, проводившего тогда, в мае, заключительную стадию своей предвыборной кампании. После победы Карденаса на выборах в июле 1934 г. переговоры о возобновлении дипломатических отношений между двумя странами продолжались. Позиция правительства Мексики логично вытекала из общего характера самостоятельного и независимого внешнеполитического курса ее нового правительства. На первой стадии переговоров советская сторона подчеркнула, что если мексиканское правительство обратится «непосредственно в Москву или через дипломатических представителей обеих стран с письменным предложением о немедленном и безусловном восстановлении отношений, то мы дадим на это согласие»²⁴. Советские руководители не видели необходимости в особых переговорах по этому вопросу. Нарком иностранных дел Литвинов отмечал, что единственный вопрос, который советская сторона готова была бы обсудить,— это вопрос об удовлетворении за форму разрыва отношений в 1930 г., но тут же добавлял, что «мы готовы на этом не настаивать»²⁵.

²¹ Там же.

²² ДВП. Т. XVII, стр. 314—315.

²³ А. Ф. Шultzговский. Мексика на крутом повороте своей истории. М. 1967, стр. 84.

²⁴ ДВП. Т. XVII, стр. 462.

²⁵ Там же.

Этот ответ был передан полпредом СССР в Польше Я. Х. Давтяном поверенному в делах Мексики в Польше Ривасу, который, в свою очередь, сообщил, что телеграфирует об этом своему правительству. В сентябре 1934 г. Ривас в беседе с Давтяном высказал мнение, что вопрос о нормализации дипломатических отношений «встанет вполне практически в начале января при новом правительстве»²⁶ (1 декабря 1934 г. Карденас должен был официально вступить на пост президента Мексики). В декабре 1934 г. член мексиканской делегации в Лиге наций, посланник Мексики в Париже К. Нахера сообщил Литвинову, что получил указание от своего правительства о возобновлении дипломатических отношений между СССР и Мексикой путем одновременного обмена нотами. Он считал, что этот обмен можно произвести в январе 1935 г. на сессии Совета Лиги наций²⁷. В январе 1935 г. вопрос о нормализации отношений обсуждался Литвиновым и Нахера в Женеве. В результате этой встречи была достигнута договоренность о продолжении переговоров дипломатическими представительствами СССР и Мексики в Париже²⁸. В феврале Нахера сообщил, что «мексиканское правительство уже одобрило в принципе проект обмена нотами»²⁹. С апреля 1935 г. советско-мексиканские контакты продолжались через посольства обеих стран в Англии.

За возобновление отношений с СССР выступали самые широкие круги мексиканской общественности. О дружественном отношении народа Мексики к Советскому Союзу сообщал, например, в августе 1935 г. посланник Мексики в Дании А. Саенс полпреду СССР в Швеции А. М. Коллонтай. Саенс заявил ей, что надо «поработать», чтобы восстановить отношения между обеими странами. «Мы сейчас,— подчеркнул он,— ближе к вам, чем когда бы то ни было»³⁰. В ответ Коллонтай резонно заявила Саенсу, что «дело за самими мексиканцами»³¹. Незадолго до этого с Коллонтай встретился посланник Мексики в Швеции Охеда. Как сообщала об этом в НКВД советский полпред, «он очень горячо просил ее «повлиять» на Москву, чтобы у нас в Союзе изменилось отношение к Мексике и создалась более благоприятная атмосфера для восстановления отношений»³².

Новый шаг для ускорения решения вопроса о возобновлении советско-мексиканских отношений был сделан в сентябре 1936 г., когда советская сторона приняла решение немедленно и без всяких предварительных условий установить дипломатические отношения с Мексикой³³. Благодаря инициативе советской дипломатии открылись реальные возможности для быстрой нормализации отношений между двумя странами. Казалось, что решение этого вопроса вот-вот последует. В этом плане представляет интерес беседа Литвинова в Женеве с посланником Мексики в Лондоне, членом мексиканской делегации в Лиге наций Н. Бассольсом 21 сентября 1936 года. Бассольс сообщил, что он перед тем был в Мексике, «знает настроение президента, уверен в его склонности к восстановлению отношений». «Я ему напомнил,— сообщал в Москву Литвинов,—...что теперь ввиду общих интересов мы готовы восстановить отношения без всяких условий»³⁴. Под «общими интересами» Литвинов имел в виду не только взаимное желание СССР и Мексики возобновить отношения, но и их единые точки зрения по важнейшим

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, стр. 757.

²⁸ ДВП. Т. XVIII. М. 1973, стр. 32.

²⁹ Там же, стр. 92.

³⁰ Там же, стр. 468.

³¹ Там же.

³² Там же, стр. 469.

³³ ДВП. Т. XIX. М. 1974, стр. 426—427.

³⁴ Там же, стр. 762.

международным вопросам тех дней, таким, как осуждение франкистского мятежа и помощь республиканской Испании.

Сразу же после встречи Бассольс направил письмо с советскими предложениями в Мехико. Затем при встрече в Лондоне с Майским он сообщил, что его письмо было встречено президентом благоприятно и он «надеется в течение ближайших дней получить из Мексики инструкцию о восстановлении отношений»³⁵. Однако решение этого дела приостановилось. 17 декабря 1936 г. член советской делегации в Лиге наций Б. Е. Штейн телеграфировал в НКВД СССР: «Бассольс сказал, что президент считает данный момент неудобным по соображениям своей внутренней политики»³⁶. Объясняя мотивы этого решения Карденаса, следует, видимо, исходить прежде всего из того, что его правительство в вопросе возобновления отношений с СССР испытывало двойное давление: с одной стороны, прогрессивных сил и народных масс Мексики, выступавших за нормализацию отношений с Советской страной, а с другой — сопротивление внутренней реакции и империалистических кругов. Нажим последних, а также опасения правящих кругов Мексики в связи с обострением в конце 1936 г. борьбы трудящихся, особенно рабочих-нефтяников³⁷, за свои права оказали свое воздействие на буржуазное правительство Карденаса. Однако вопрос о восстановлении дипломатических отношений с СССР не был снят с повестки дня политической жизни Мексики. На массовом митинге в Мехико 7 ноября 1937 г., организованном Конфедерацией трудящихся страны по случаю XX годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, ораторы, в том числе и Бассольс, призвали к восстановлению отношений с СССР³⁸.

В 1935 г. были установлены дипломатические отношения СССР с Колумбией. В известной мере это было связано с приходом там к власти в 1934 г. правительства либеральной партии во главе с лидером левых либералов президентом А. Лопесом, политика которого по ряду вопросов носила прогрессивный, антиимпериалистический характер³⁹. Процедура установления отношений завершилась довольно быстро. 2 июня 1935 г. колумбийский посланник сообщил полпреду СССР в Италии Штейну о намерении Колумбии установить дипломатические отношения с СССР⁴⁰. 25 июня того же года между советским полпредом и посланником Колумбии в Италии состоялся обмен нотами об установлении между двумя странами нормальных дипломатических и консульских отношений⁴¹. Как отмечалось в президентском послании конгрессу в 1935 г., установление Колумбией дипломатических отношений с СССР явилось прямым следствием положительного голосования по поводу приглашения Советского Союза в Лигу наций и вступления нашей страны в эту организацию⁴².

Появились и перспективы торговли между Колумбией и СССР. Об этом в известной мере свидетельствовал визит в сентябре 1935 г. в советское полпредство в США секретаря и коммерческого атташе колумбийской миссии в Вашингтоне Г. Фернандеса. В беседе с советскими дипломатами он высказал заинтересованность своей страны в торговле с СССР. «Мы полагаем, — заявил Г. Фернандес, — что хотя Колумбия и маленькая страна и небольшое количество товаров может быть экспортировано в Советский Союз, тем не менее такие продукты, как кофе, мо-

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ См. А. Ф. Шувальковский. Указ. соч., стр. 351—352.

³⁸ N. Bassols. Obras. México. 1964, p. 365. Отношения между СССР и Мексикой были восстановлены в 1942 году.

³⁹ См. В. М. Пчела. Рабочий класс Колумбии и политика А. Лопеса. «Латинская Америка», 1972, № 4.

⁴⁰ ДВП. Т. XVIII, стр. 260.

⁴¹ Там же, стр. 409. Обмен послами состоялся в 1943 году.

⁴² «Mensaje Presidencial al Congreso de 1935». Bogotá. 1935, p. 68.

жет быть, бананы, платина, могут быть экспортированы. Мы же со своей стороны могли бы импортировать из СССР целый ряд товаров»⁴³. Фернандес сообщил о намерении колумбийской стороны «заняться более детальным изучением советской экономики, и в особенности экспорта и импорта». Он попросил снабдить его соответствующими цифровыми материалами, в частности по советскому импорту кофе, с тем, чтобы выяснить, какие товары могли бы быть импортированы из СССР в Колумбию. Посольство СССР передало колумбийскому дипломату последние выпуски «Economic Review of Soviet Union»⁴⁴.

В 1935 г. оживились и советско-аргентинские контакты. Они были связаны с зондажем аргентинской стороны относительно возможностей установления дипломатических отношений с СССР. Его предпринял в сентябре 1935 г. председатель палаты депутатов провинции Буэнос-Айрес, член руководства консервативной партии Аргентины Кайзер, специально приехавший в советскую миссию в Монтевидео для встречи с полпредом СССР А. Е. Минкиным. Минкин с полным основанием заявил, что инициатива в этом деле «должна исходить от той страны, которая не реагировала на уведомления о приходе к власти в России нового правительства в 1917 г.», и напомнил Кайзеру, что в 1925 г. полпред СССР в Риме официально предлагал Аргентине нормализовать дипломатические отношения. Впрочем, Минкин подчеркнул, что в случае такого шага аргентинского правительства «народы СССР будут приветствовать восстановление дружеских отношений с аргентинским народом»⁴⁵.

Судя по всему, Кайзер проводил зондаж не только от себя лично. В ходе беседы он сообщил, что за установление отношений выступает, в частности, министр финансов и министр торговли Аргентины Гроппе. В какой-то мере это свидетельствовало о том, что налет на контору «Южамторга» в Буэнос-Айресе в 1931 г., прекращение его деятельности в стране и последовавший вслед за этим резкий спад советско-аргентинской торговли отрицательно сказывались на экономике этой страны. В 1935 г. объем советско-аргентинской торговли понизился до суммы в 2,3 млн. руб. по сравнению с 16,5 млн. руб. в 1930 году⁴⁶. В 1931 г. до 50% всего советского экспорта в страны Латинской Америки и до 70% импорта из этих стран приходилось на Аргентину⁴⁷. Спустя месяц, в октябре 1935 г., Минкин писал в Москву, что заведующий коммерческим департаментом МИД Аргентины Антоколец сообщил ему, что аргентинскому послу в Риме Контильо поручено войти с Литвиновым в переговоры «относительно легализации паспортов живущих в СССР аргентинцев». «Предполагается,— писал Минкин,— что таким образом начнутся переговоры о восстановлении отношений». В случае, если Контильо не встретится с Литвиновым, он должен был начать переговоры об этом с полпредом СССР в Италии Штейном⁴⁸. Однако, как сообщил позднее Штейн, Контильо к нему не обращался⁴⁹.

Позиция Аргентины объяснялась прежде всего характерными для буржуазных правительств того времени колебаниями и непоследовательностью в вопросе нормализации отношений с СССР. Вместе с тем

⁴³ ДВП. Т. XVIII, стр. 517.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Такая возможность открывалась перед Аргентиной и еще раньше, в 1924 г., после интервью Г. В. Чичерина аргентинской газете «Насьон», в котором он заявил, что «возобновление отношений Аргентины с Советским Союзом отвечало бы интересам как Советского Союза, так и Аргентины». «La Nación» (Buenos Aires), 24.VI.1924.

⁴⁶ «Внешняя торговля СССР. 1918—1966». М. 1967, стр. 13.

⁴⁷ ДВП. Т. XIV, стр. 811.

⁴⁸ ДВП. Т. XVIII, стр. 540.

⁴⁹ Там же, стр. 663.

шаги Аргентины свидетельствовали о значительно возросшем в 30-е годы авторитете Советского Союза, с которым уже нельзя было не считаться в международных делах.

В 30-е годы движение за установление отношений с СССР проходило и в других странах Латинской Америки. Так, в Чили в 1939 г. с призывом установить дипломатические отношения с СССР выступили радикальная партия и Конфедерация трудящихся⁵⁰. Активный характер носило движение за дружбу и укрепление отношений с Советским Союзом на Кубе⁵¹. Его возглавляли коммунисты, Национальная Конфедерация рабочих, отделение МОПРа на Кубе. В 1933—1934 гг. Конфедерация в специальных манифестах призвала трудящихся отметить XVII годовщину Октябрьской революции, выступить против нападков на СССР со стороны сил империализма и фашизма, проявить с ним пролетарскую солидарность⁵². В 1934 г. собравшийся в Гаване IV Национальный рабочий конгресс профсоюзного единства принял резолюцию о борьбе против угрозы империалистической войны и в защиту Советского Союза. В ней указывалось, что на фоне политики империалистов и фашистов «Советский Союз — единственная страна, которая на деле демонстрирует изо дня в день свое стремление к миру»⁵³.

В 30-е годы продолжали развиваться советско-латиноамериканские культурные и научные связи. Мексику в 1930—1932 гг. посетили известные мастера советского киноискусства С. Эйзенштейн, Г. Александров и Э. Тиссэ, снявшие там фильм «Вива Мехико!», в Уругвае и Аргентине в 1930 г. с огромным успехом гастролировал Московский Камерный театр, в Москве в международных турнирах в 1935 и 1936 гг. выступал прославленный кубинский шахматист, экс-чемпион мира Хосе Рауль Капабланка.

Существенный вклад в изучение Латинской Америки и развитие советско-латиноамериканских научных связей внесла поездка в 1932—1933 гг. по двенадцати странам (Мексика, Куба, Ямайка, Панама, Эквадор, Перу, Боливия, Чили, Аргентина, Бразилия, Уругвай, Тринидад) советского ученого-ботаника, акад. Н. И. Вавилова. Всюду его встречали с радушием, говорившем об авторитете этого ученого и советской науки в целом. Вспоминая впоследствии о своей поездке, он отмечал «исключительное содействие со стороны научных и агрономических работников во всех странах, где мне пришлось быть... Мне были предоставлены исключительные возможности ознакомления в краткое время со всеми материалами. В качестве спутников почти всегда меня сопровождали наиболее компетентные агрономы и руководители научных учреждений... Интерес к Советскому Союзу огромный»⁵⁴. О глубоком уважении к Вавилову ученых, например, Уругвая, свидетельствует письмо к нему полпреда Минкина. «С группой инженеров-агрономов Бергером, Фишером и Генри (уругвайские ученые-ботаники, известные далеко за пределами своей страны.— А. С.), — сообщал Минкин, — часто вспоминаем Вас. Они по-прежнему влюблены в Вас и «за честь почитают» вспоминать о бывших встречах с Вами и о наличии у них каких-либо знаков внимания с Вашей стороны»⁵⁵. Вавилову принадлежит основ-

⁵⁰ «Очерки истории Чили». М. 1967, стр. 366.

⁵¹ В этом плане интересны вышедшие в СССР и на Кубе сборник «Российско-кубинские и советско-кубинские связи XVIII—XX веков». М. 1975 и книга A. García, P. Mironchuk. Esbozo historico de las relaciones entre Cuba Rusia y Cuba URSS. La Habana. 1976.

⁵² Archivo nacional de Cuba. Fondo especial. legajo: fuera de caja, № 7—10; caja 8, № 108.

⁵³ Ibid., caja 8, № 171.

⁵⁴ Н. И. Вавилов. Пять континентов. М. 1962, стр. 231.

⁵⁵ Ленинградский Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства, ф. 9708, оп. 1, д. 887, л. 76.

ная заслуга в становлении и налаживании советско-латиноамериканских научных связей⁵⁶.

Продолжались контакты в области литературных и общественных связей. В СССР приезжали такие видные представители латиноамериканской литературы, как Сесар Вальехо (Перу), Хосе Мансисидор (Мексика), известный деятель латиноамериканского и мексиканского профсоюзного движения Ломбардо Толедано и др. В СССР и странах Латинской Америки выходили переводы произведений латиноамериканской и советской литературы.

На 1937 г. был запланирован прямой беспосадочный перелет из Москвы в Бразилию с посадкой в г. Пернамбуко. План его был разработан еще летом 1936 г., а осуществить его готовился прославленный экипаж М. Громова (командир), А. Юмашева и С. Данилина⁵⁷. Однако совершить этот полет на родину одного из первых в мире летчиков, Сантоса Дюмона, не удалось. Правительство Бразилии, как писала «Правда», прислало через консульства держав-посредников ответ на просьбу принять советские самолеты. В нем содержались лестные похвалы по адресу советских летчиков, восхищение перед их смелостью и отвагой и... отказ в просьбе⁵⁸.

Факты истории советско-латиноамериканских отношений в 30-е годы с полным основанием позволяют сделать вывод о том, что в целом, несмотря на малый объем дипломатических отношений и отдельные сложные моменты (налет на «Южамторг», разрыв в конце 1935 г. Уругваем отношений с СССР), эти отношения продолжали развиваться. По сравнению с 20-ми годами связи СССР и стран Латинской Америки в рассматриваемый период стали более разносторонними, охватывали больший круг вопросов и проблем. Их объективный анализ полностью опровергает явно предвзятый вывод английского буржуазного автора С. Клиссольда, претендующего на роль специалиста по истории советско-латиноамериканских отношений, о том, что их баланс за два предвоенных десятилетия якобы был «решительно отрицательным»⁵⁹. Именно в 20-е — 30-е годы был заложен фундамент в отношениях между СССР и странами Латинской Америки, сделаны важные шаги в их становлении, созданы предпосылки для их дальнейшего развития. Не случайно, что новый их этап начался уже вскоре, в годы второй мировой войны, когда 12 латиноамериканских стран обратились к СССР с предложением установить дипломатические отношения, что и было осуществлено.

⁵⁶ См. А. И. Сизоненко. Вклад академика Н. И. Вавилова в изучение Латинской Америки. «Латинская Америка», 1972, № 3.

⁵⁷ С. Гершберг. Работа у нас такая. М. 1971, стр. 315.

⁵⁸ «Правда», 13.VII.1937.

⁵⁹ «The Soviet Union and Latin America». N. Y. 1970, p. 22.

БОРЬБА В ПОЛИТИЧЕСКИХ КРУГАХ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ВОКРУГ АНГЛО-СОВЕТСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ 1920—1921 ГОДОВ

С. В. Лавров

История становления отношений СССР с развитыми капиталистическими странами, и в частности с Англией — одной из ведущих участниц интервенции против Советской России в 1917—1920 гг., ставшей затем первой из крупных держав на путь переговоров и признания Советской России, — представляет несомненный интерес. В истории такого поворота и сегодня непредвзятый наблюдатель может почерпнуть немало поучительного.

Вопросам становления англо-советских отношений и внешней политики Англии в период их зарождения уделено значительное место в советской историографии¹. 60-е годы, однако, отмечены появлением комплекса новых источников по указанной теме. К началу 60-х годов в нашей стране вышли в свет первые тома монументальной публикации документов внешней политики СССР², в Англии к 1967 г. было издано 15 томов первой серии документов по английской внешней политике, охвативших период с 1919 по 1923 г.³, а в 1966 г. и позже в Англии был открыт доступ к обширным государственным архивам и частным коллекциям документов, относящихся к периоду после первой мировой войны⁴. Среди работ, где использованы документы частных архивов видных английских политических деятелей, выделяются трехтомное исследование Р. Ульмана (который имел доступ к обширным архивам Д. Ллойд Джорджа, Э. Бонар Лоу, О. Чемберлена, лорда Милнера и др.) и книга М. Джилберта, в исключительное пользование которого был предоставлен богатейший личный архив У. Черчилля⁵. В целом эти материалы позволяют значительно полнее осветить политику Англии в отношении Со-

¹ Из работ последних лет см.: «История внешней политики СССР». В 2 тт. Т. I. 1917—1945. М. 1976; «История дипломатии». Т. III. М. 1965; К. Б. Виноградов. Дэвид Ллойд Джордж. М. 1970; А. Н. Красильников. СССР и Англия. Советско-английские отношения в 1917—1967 гг. М. 1967; В. Г. Трухановский. Уинстон Черчилль (политическая биография). М. 1968.

² «Документы внешней политики СССР». Тт. I—III. М. 1957—1959.

³ «Documents on British Foreign Policy 1919—1939». First Series. Vols. I—VI. L. 1947—1958 (ed. E. L. Woodward, R. Butler); Vols. VII—XV. L. 1958—1967 (ed. R. Butler, J. P. T. Bury) (далее — «British Documents»).

⁴ Имеются в виду материалы Государственного архива Англии — «Public Record Office», содержащие документы, материалы (протоколы заседаний) кабинета — Cab. (Cabinet Office), отдельных ведомств: Форин Оффис — F. O. (Foreign Office), военного министерства — W. O. (War Office) и т. д.

⁵ R. H. Ullman. Anglo-Soviet Relations, 1917—1921. Vol. I. Intervention and the War. Princeton. 1961; Vol. II. Britain and the Russian Civil War. Princeton/Oxford. 1968; Vol. III. The Anglo-Soviet Accord. Princeton/Oxford. 1972 (подробнее об этом исследовании см. нашу статью «Англо-советские отношения 1917—1921 годов в освещении Р. Х. Ульмана» — «История СССР», 1974, № 6); M. Gilbert. Winston S. Churchill. Vol. IV. 1917—1922. L. 1975

ветского государства в период гражданской войны и иностранной интервенции.

Вопросы установления Советской власти и образования первого социалистического государства, равно как и антисоветский курс ведущих капиталистических держав, в частности Англии, будучи постоянно одним из основных направлений в идеологической борьбе, вызвали в 60—70-х годах заметную активность в буржуазной историографии, попытавшейся использовать новую документальную базу для подкрепления фальсификаторских концепций и по-своему отреагировать на дух времени⁶. Сегодня, когда в связи с ростом могущества и авторитета Советского Союза, укреплением международных позиций других стран социализма происходит процесс разрядки напряженности, усилилось внимание к истории взаимоотношений СССР с буржуазными государствами.

В данной статье автор предполагает на основе указанных новых документов и материалов проследить конкретную расстановку сил внутри правящих кругов Англии, борьбу различных группировок в британском правительстве и эволюцию их взглядов на политику в отношении Советской России, сконцентрировавшуюся в подходе к англо-советским переговорам 1920—1921 годов.

Английский империализм был одним из главных участников вооруженной интервенции против Советской России и пособником внутренней российской контрреволюции. Действуя в союзе с другими державами Антанты, США и Японией, Англия приложила активные усилия в развязывании весной — летом 1918 г. антисоветской интервенции. Последняя, как и вся политика Англии в отношении России с 1917 г., определялась классовой ненавистью английской буржуазии к социалистической революции, которая подрывала силы капитализма в мире, являлась могучим стимулом для активизации революционного и национально-освободительного движения народов. В антисоветском курсе Лондона наглядно проявилась присущая английскому правящему классу реакционность, усугубленная специфическими интересами британского империализма как империализма колониального.

Классовая ненависть к власти рабочих и крестьян в России усиливалась у правящего класса Англии из-за страха его за свою колониальную империю. Колониальные интересы английской буржуазии были одним из ведущих побудительных мотивов антисоветской политики Англии. Одновременно с борьбой против Советской власти она намеревалась решить вторую задачу своей русской политики — расчленить и максимально ослабить Россию, поскольку британский империализм традиционно рассматривал существование сильной Российской державы как препятствие на пути к установлению своего господства в Европе и Азии, в частности в районе Ближнего и Среднего Востока, где британский империализм намеревался утвердить свою гегемонию, овладеть нефтяными богатствами Персии, Месопотамии и Закавказья. Как указывалось на совещании английских министров 13 ноября 1918 г., «наши интересы требуют, чтобы мы устранили большевизм к востоку от Черного моря»⁷.

⁶ G. A. Brinkley. *The Volunteer Army and Allied Intervention in South Russia, 1917—1921*. Notre Dame (Indiana). 1966; N. Davies. *White Eagle, Red Star. The Polish-Soviet War, 1919—1920*. L. 1972; R. Jackson. *At War with the Bolsheviks. The Allied Intervention into Russia, 1917—1920*. L. 1970; R. R. James. *Churchill: A Study in Failure 1900—1939*. Harmondsworth (Engl.). 1973; R. Lockett. *The White Generals*. L. 1971; W. N. Medlicott. *British Foreign Policy since Versailles, 1919—1963*. L. 1968; W. G. Rosenberg. *Liberals in the Russian Revolution. The Constitutional Democratic Party, 1917—1921*. Princeton. 1974; J. S. Silverlight. *The Victors' Dilemma. Allied Intervention in the Russian Civil War 1917—1920*. N. Y. 1970; E. L. Woodward. *Great Britain and the War of 1914—1918*. L. 1973; H. J. Elcock. *Britain and the Russo-Polish Frontier, 1919—1921*. «The Historical Journal», Vol. XII, 1969, № 1; M. V. Glenny. *The Anglo-Soviet Agreement, March 1921*. «Journal of Contemporary History», Vol. V, 1970, № 2.

⁷ Архив лорда Милнера, цит. по: R. H. Ullman. *Op. cit.* Vol. II, pp. 13—14.

Антисоветская политика Англии не в последнюю очередь определялась стремлением английской буржуазии сохранить в России свои сильные экономические позиции, завоеванные благодаря огромным займам, предоставленным ею царскому и Временному правительствам на сумму 5300 млн. руб., и капиталовложениям в русскую промышленность на сумму около 507 млн. рублей⁸. Английские правящие круги пытались также разрешить за счет России глобальные межимпериалистические противоречия, сохранить выгодный для Англии «баланс сил» в мире.

Основополагающая посылка английского правительства в развертывании интервенции заключалась в том, что войска интервентов должны были служить своеобразным ядром, вокруг которого сплотились бы контрреволюционные силы. Эта мысль содержалась в выступлении премьер-министра Англии тех лет Д. Ллойд Джорджа 16 марта 1918 г. на межсоюзнической конференции Антанты в Лондоне⁹ и в его письме посылу в США лорду Редингу от 17 июля 1918 г., в котором английский премьер откровенно писал: «Если мы это сделаем (то есть будет осуществлена широкая союзническая интервенция.— С. Л.), мы создадим сборный пункт... для всех либеральных и демократических сил в России»¹⁰.

Поражение Германии и окончание первой мировой войны было использовано державами Антанты и США для расширения вооруженной интервенции против Советской России. В. И. Ленин в то время говорил: «Никогда наше положение не было так опасно, как теперь. Империалисты были заняты друг другом. И теперь одна из группировок сметена группой англо-франко-американцев. Они главной задачей считают душировать мировой большевизм, душировать его главную ячейку, Российскую Советскую Республику»¹¹.

Однако уже в конце 1918 г. в английском правительстве обозначились существенные расхождения во взглядах на политику в отношении Советской России, в которых сфокусировались разногласия и колебания, возникшие по этому вопросу среди руководителей союзных держав. Они были вызваны провалом интервенционистских планов держав Антанты, отражали усиливавшееся сопротивление советского народа и рост революционного движения в капиталистических странах¹².

Наиболее реакционные круги в политическом руководстве Англии — группа твердолобых интервенционистов, куда входили лидеры правого крыла консерваторов: лорд-председатель совета маркиз Керзон, министр колоний лорд Милнер и первый лорд адмиралтейства В. Лонг, а также парламентский заместитель министра иностранных дел Р. Сесиль, министр внутренних дел Э. Шортт, военная верхушка, как и руководители Франции Ж. Клемансо и маршал Фош, — выступали за военный поход Антанты для свержения Советской власти, против каких-либо переговоров и контактов с Советским правительством. Наиболее последовательно и энергично это течение в английском правительстве представлял У. Черчилль, ставший в декабре 1918 г. военным министром¹³. Такие взгляды находили поддержку влиятельных кругов монополистической буржуазии, солидных изданий буржуазной прессы Англии «The Times», «Morning Post», консервативного большинства в парламенте, значитель-

⁸ См. П. В. Оль. Иностранные капиталы в России. Пггр. 1922, стр. 9.

⁹ «France. Ministère des Affaires Etrangères. Archives diplomatiques Guerre 1914—1918». Vol. 1000, p. 262.

¹⁰ R. H. Ullman. Op. cit. Vol. I, p. 222.

¹¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 164.

¹² См. там же, стр. 461.

¹³ На парламентских выборах в конце 1918 г. победу одержала коалиция консерваторов и группы либералов Ллойд Джорджа, получивших соответственно 351 и 136 мест. В новом, коалиционном кабинете военным министром стал Черчилль, бывший тогда в партии либералов, а Милнер — его предшественник — получил пост министра колоний.

но поправившего на выборах 1918 года. Однако, ослепленные ненавистью к Советской власти, эти деятели не учитывали, что прямой военный поход против Советской России грозил подорвать финансовое и экономическое положение Англии, революционизировать в громадной степени ее рабочий класс, вызвать в стране социальный взрыв.

Именно этих последствий продолжения прямой интервенции опасались Д. Ллойд Джордж и президент США В. Вильсон, занимавшие более осторожные позиции; они сравнительно трезво оценивали силу революционных народов России, лучше понимали внутривнутриполитическую ситуацию в своих странах. В английском правительстве подобные взгляды разделяли видные консерваторы — Э. Бонар Лоу (лидер партии), министр иностранных дел А. Бальфур, министр финансов О. Чемберлен, а также либералы — министр образования Г. Фишер, министр здравоохранения К. Аддисон и ряд других. Вместе с Ллойд Джорджем они составляли другое течение в политических кругах Англии — группу умеренных консерваторов и либералов. Эти деятели также стремились уничтожить очаг социалистической революции в России, но веские причины побуждали их искать более гибкие политические методы достижения этой цели.

К началу 1919 г. стало очевидным, что расчет интервентов на то, что иностранные войска послужат ядром, вокруг которого возникнут мощные белогвардейские армии, способные уничтожить Советскую власть, не оправдался. Уже 15 февраля А. Бальфур признавал в секретном меморандуме, предназначенном для узкого круга членов кабинета, что «заверения, которые мы одно время постоянно получали, что достаточно только иметь дисциплинированное иностранное ядро в любой части России для того, чтобы все патриотические и уважающие порядок элементы выкристаллизовались вокруг него в подавляющих количествах, ни в одном из конкретных случаев не подтвердились»¹⁴.

В самой Англии правительство столкнулось с мощным размахом рабочего движения. В 1918 г. бастовало более 1 млн. человек — в два раза больше, чем в довоенном, 1913 г., а в 1919 г. число бастовавших достигло 2,5 млн. человек¹⁵. Англию потрясли невиданные по своим масштабам выступления трудящихся — стачка 100 тыс. рабочих промышленного района Глазго в январе 1919 г., грандиозная стачка 400 тыс. железнодорожников осенью того же года. Под воздействием Великого Октября в английском рабочем классе росли революционные настроения, организованность, чувство пролетарской солидарности. Экономические цели борьбы тесно переплетались с политическими требованиями. Англия вступала в период послевоенного революционного подъема. Несмотря на обман общественного мнения со стороны правительства, в английском народе зрело понимание антисоветского характера интервенции. В решениях совещания английских министров 13 ноября 1918 г. содержалось признание того, что «народ не даст согласия на (антибольшевистский) крестовый поход»¹⁶. В январе 1919 г. в Лондоне состоялась общенациональная конференция различных прогрессивных организаций, выступавших с лозунгом «Руки прочь от Советской России!». Движение против интервенции стало принимать грозные размеры¹⁷. В апреле 1919 г. начальник контрразведки Б. Томсон доносил правительству:

¹⁴ R. H. Ullman. Op. cit. Vol. II, pp. 127—128.

¹⁵ Ф. Д. Волков. Великий Октябрь и интернациональная помощь английскому рабочему классу. «Вопросы истории», 1975, № 8, стр. 67, 69.

¹⁶ R. H. Ullman. Op. cit. Vol. II, p. 14.

¹⁷ Многие буржуазные авторы признают важность влияния этого фактора на политику английского правительства (R. R. James. Op. cit., p. 131; J. S. Silverlight. Op. cit., p. 263; R. H. Ullman. Op. cit. Vol. II, pp. 187, 335, 362—363; E. L. Woodward. Op. cit., p. 448; D. G. Boodle. Winston Churchill and the German Question in British Foreign Policy 1918—1922. Hague. 1973, p. 69; S. R. Graubard. British Labour and the Russian Revolution, 1917—1924. Cambridge (Mass.). 1956, pp. 73—74).

«Представляется, что все слои рабочих настроены против воинской повинности и интервенции в Россию»¹⁸. Под воздействием масс лейбористская партия на своей конференции 26 июня 1919 г. осудила интервенцию во всех формах и с целью ее прекращения пригрозила объявить всеобщую забастовку¹⁹.

Соображения внутренней политики исключали возможность отправки новых крупных контингентов войск в Россию. К росту движения протеста добавилась усталость масс от войны. Брожение охватило армию, требовавшую скорейшей демобилизации и отмены воинской повинности. Волнения солдат происходили в Англии, в экспедиционном корпусе во Франции. Началось разложение союзнических войск в России. Поэтому английское правительство было вынуждено в 1919 г. вывести свои войска из России, а основную ставку сделать на силы русской контрреволюции: весной 1919 г. — на Колчака, а затем — на Деникина.

Однако хотя расхождения в политических кругах Англии и борьба различных течений в них были одним из существенных факторов, затруднявших проведение интервенционистской политики, это были различия по тактическим вопросам, о методах и формах осуществления этой политики, не затрагивавшие ее принципиальных целей. Отсюда происходила нерешительность и непоследовательность умеренных английских политиков, их своеобразное «раздвоение». Черчилль с полным основанием писал Ллойд Джорджу в частном письме 22 сентября 1919 г., что «трудность» премьер-министра заключалась в том, что он «имел одну политику в сердце, а проводил другую политику»²⁰.

Поражения белогвардейцев и могучее движение против интервенции, охватившее широкие демократические круги английского общества, были важнейшими факторами, которые привели к прекращению открытой, а затем и косвенной интервенции Англии против Советской России. В то же время на позицию правительства оказывали воздействие и другие соображения.

В военных кругах Англии стало ощущаться несоответствие реальных возможностей армии (учитывая широко распространившиеся антивоенные настроения в стране) и тех новых задач, которые включали подавление растущего рабочего движения в Англии, ведение грязной колониальной войны в Ирландии, подавление национально-освободительного движения в британских колониях на Востоке²¹. Начальник имперского генштаба Г. Вильсон писал вице-адмиралу Ковану 11 апреля 1919 г.: «Вся моя энергия направлена сейчас на то, чтобы вызволить наши войска из Европы и России и сконцентрировать всю нашу мощь в наших приближающихся центрах бури, а именно: Англии, Ирландии, Египте и Индии»²².

Беспокойство, которое стал высказывать с начала 1919 г. О. Чемберлен, один из влиятельнейших консерваторов, канцлер казначейства, который по своему положению обязан был следить за финансовыми ресурсами Великобритании, отражало признание лондонскими политиками

¹⁸ «Public Record Office» (далее — PRO). «Report on Revolutionary Organisations in the United Kingdom», № 1, 30 April, 1919, Cabinet Paper G. T. 7195; Cab. 24/78.

¹⁹ «Labour Party, Report of the Nineteenth Annual Conference». L. 1919, p. 156.

²⁰ M. Gilbert. Op. cit., p. 334.

²¹ Эти задачи были перечислены в меморандуме Черчилля Ллойд Джорджу в начале сентября 1919 г. (см. M. Gilbert. Op. cit., p. 195). Черчилль указывал, что «в соответствии с директивами, полученными от кабинета», военное ведомство готовило «определенные действия на случай забастовки «Тройственного союза» (самых передовых отрядов английского пролетариата: горняков, транспортников и железнодорожников). На заседании кабинета 21 июля 1919 г. Ллойд Джордж говорил об угрожавшей забастовке горняков, что «это — практический, а не теоретический большевизм, и с ним следует разделиться твердой рукой» (цит. по: R. R. James. Op. cit., p. 131).

²² R. H. Ullman. Op. cit. Vol. II, p. 227.

того факта, что Англия, ослабленная мировой войной и охваченная брожением, не в состоянии взять на себя бремя войны с Советской Россией. 17 февраля 1919 г. Ллойд Джордж писал Черчиллю в Париж, когда военный министр попытался на мирной конференции добиться решения об организации широкого военного похода: «Мы не можем взять на себя такую ношу. Чемберлен сообщает мне, что мы едва свеем концы с концами в мирных условиях даже при теперешних огромных налогах, и если мы втянемся в войну против такого континента, как Россия, то это будет прямой дорогой к банкротству и установлению большевизма на Британских островах»²³. На заседании кабинета 25 июля Чемберлен указал, что Англия будет «не в состоянии взять на себя поддержку генерала Деникина до конца»²⁴.

Мы остановились столь подробно на этих факторах потому, что именно под их разносторонним воздействием формировались подход правящих кругов Англии к переговорам с Советским правительством и эволюция взглядов этих кругов в ходе самих переговоров.

На протяжении 1918—1919 гг. английские правящие круги лишь однажды рассматривали возможность переговоров с Советской Россией: в декабре 1918 — январе 1919 г., и объяснялось это попыткой, используя методы дипломатии, задержать развертывавшееся тогда наступление Красной Армии против белогвардейцев²⁵.

Летом 1919 г. под впечатлением провала похода Колчака на заседаниях британского кабинета 25 и 29 июля, 1 и 12 августа с критикой политики интервенции и предложениями пересмотреть курс правительства в «русском вопросе» выступили либералы Г. Фишер, К. Аддисон, министр без портфеля Дж. Барнс, которые указывали, что факты свидетельствуют об укреплении Советской власти. Они опасались, что продолжение иностранной интервенции может еще больше сплотить народы России вокруг Советского правительства²⁶. Заколебались О. Чемберлен, министр торговли О. Геддес. Признание провала планов интервентов и белогвардейцев прозвучало и в выступлениях В. Лонга и Керзона²⁷.

Пока Деникин наступал, сомнения, высказанные летом 1919 г., не привели немедленно к изменению курса правительства. Напротив, Англия играла решающую роль в оснащении армий Деникина, которые составили ударную силу второго похода Антанты в 1919 году. По мере продвижения Деникина к Москве в Лондоне росли ожидания скорого свержения Советской власти. Однако контрнаступление Красной Армии в середине октября показало необоснованность подобных расчетов. Провал планов интервентов в сочетании с другими серьезными факторами, о которых речь шла выше, привел к определенному изменению соотношения сил внутри правительства. К концу 1919 г. в политических кругах Англии обозначилась тенденция к формулированию нового подхода к

²³ D. Lloyd George. *The Truth about the Peace Treaties*. Vol. I. L. 1938, pp. 371—372.

²⁴ J. S. Silverlight. *Op. cit.*, pp. 265—266. Интервенция в России и поддержка белогвардейцев действительно требовали внушительных сумм. В речи 8 ноября 1919 г. Ллойд Джордж указал, что только на помощь белогвардейцам Англия истратила 100 млн. ф. ст. («The Times», 10. XI. 1919). В письме Черчиллю 22 сентября 1919 г. он писал о том, что «различные русские предприятия стоили нам в этом году между 100 и 150 млн. ф. ст., если принять во внимание расходы армии, флота и на транспорт» (M. Gilbert. *Op. cit.*, p. 332). Джилберт, автор официальной биографии У. Черчилля, со своей стороны, приводит данные, по которым только на содержание английского флота в Балтийском море и на осуществление им блокады советских портов в 1919 г. было израсходовано 94 млн. ф. ст. (*ibid.*, p. 307).

²⁵ Эти цели лежали в основе известных дипломатических маневров Ллойд Джорджа и Вильсона в период Парижской мирной конференции — предложения о созыве конференции на Принцевых островах в январе 1919 г. и послышки миссии Буллита в Москву в марте того же года.

²⁶ J. S. Silverlight. *Op. cit.*, pp. 263—265; M. Gilbert. *Op. cit.*, pp. 308—309.

²⁷ J. S. Silverlight. *Op. cit.*, pp. 265—266.

«русской проблеме», начинают возобладать те элементы, которые способны были пойти на установление хотя бы ограниченных связей с Советской Россией.

Такова была обстановка, предшествовавшая англо-советским торгово-политическим переговорам 1920—1921 годов.

Новые нотки в позиции английского правительства в отношении Советской России впервые прозвучали в выступлении Ллойд Джорджа на ежегодном банкете у лорда-мэра Лондона в Гилдхолле 8 ноября 1919 года. Английский премьер, отметив, что «большевизм нельзя уничтожить оружием», и указав, что Англия затратила на оказание помощи и поддержки белогвардейцам более 100 млн. ф. ст., подчеркнул: «Мы, разумеется, не можем позволить себе продолжать столь дорогостоящее вмешательство в бесконечную гражданскую войну»²⁸. С самого начала, обосновывая необходимость поиска новой политики в «русском вопросе», Ллойд Джордж указывал на заинтересованности Англии в торговле с Россией, на необходимость русского продовольствия, сырья и рынка для поднятия экономической конъюнктуры в капиталистических странах в целом.

Ленин гениально предвидел, что «есть сила бо́льшая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов, эта сила — общие экономические всемирные отношения, которые заставляют их вступить на этот путь сношения с нами»²⁹. В заявлении в парламенте 13 ноября 1919 г., составленном Ллойд Джорджем совместно с Бонар Лоу, Бальфуром и секретарем кабинета М. Хэнки, отмечалось, что «урегулирование русской проблемы является жизненно важным для экономического восстановления мира. Россия — один из важнейших резервов продовольствия и сырья»³⁰. В оценке необходимости налаживания экономических отношений премьер-министр и его единомышленники в правительстве опирались на мнение ряда экспертов и чиновников. В письме Ллойд Джорджу от 2 января 1920 г. лейборист член парламента Г. Робертс указывал, что Англия страдает не только от отсутствия прямой англо-советской торговли, но и от подскочивших мировых цен на продовольствие вследствие прекращения его вывоза из России³¹. Особенно сильное впечатление произвел на премьера меморандум английского представителя в Верховном экономическом совете Антанты Э. Уайза от 6 января 1920 года³². Уайз указывал, что торговля с Россией издавна занимала важное место во внешнеэкономических связях Англии. Вплоть до первой мировой войны Россия была основным источником английского импорта леса (50 % в 1913 г.), зерна, льна (85 %), ныне же, например, из-за его отсутствия текстильная промышленность Белфаста и Данди наполовину простаивала. Россия была крупным покупателем товаров английского машиностроения. По подсчетам Уайза, английский экспорт в Россию составлял в среднем 75 млн. ф. ст. в год. К концу 1919 г. английские промышленники стали беспокоиться, что русский рынок в конце концов может быть занят конкурентами: Германией, скандинавскими странами.

Однако выводить готовность Англии к переговорам только из экономической потребности было бы упрощением. Во-первых, промышленная буржуазия, заинтересованная в скорейшем возобновлении торговли, была лишь одним из отрядов правящего класса Англии. Ленин, давший блестящую анатомию британского империализма, подчеркивал его особенности как империализма колониального, банковского³³. Позиция бан-

²⁸ «The Times», 10.XI.1919.

²⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 44, стр. 304—305.

³⁰ «The Times», 14.XI.1919.

³¹ R. H. Ullman. Op. cit. Vol. II, p. 317.

³² «British Documents». Vol. II. L. 1948, pp. 867—870.

³³ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 360—362.

ковских кругов, не желавших примириться с потерей процентов по гигантским займам, предоставленным дореволюционным правительствам России, была серьезным препятствием на пути нормализации отношений между двумя странами. Во-вторых, как показала история англо-советских отношений, английские правящие круги неоднократно сознательно шли на обострение этих отношений и жертвовали интересами развития взаимовыгодного экономического сотрудничества во имя достижения классовых целей: подавления социалистической революции, а в дальнейшем ослабления Страны Советов. В 1919—1920 гг. такие настроения олицетворял Черчилль. Он прекрасно понимал потенциальные возможности торговли с Россией. В начале июля 1919 г., когда наступал Деникин, Черчилль указывал, что британские промышленники Манчестера, Шеффилда и Лестера «могут получить в лице Южной России рынок огромного и долговременного значения»³⁴. С деникинской Россией Черчилль был готов торговать немедленно. Он не желал торговать лишь с Россией советской.

Документы показывают, что к переговорам с Советской Россией английских политиков также побуждали внутривластные расчеты и серьезные внешнеполитические соображения. Ллойд Джордж часто сравнивал русскую революцию с Французской буржуазной революцией конца XVIII в., в чем проявилась его буржуазная ограниченность. Но он понял и нечто большее. Русская революция была страшнее, потому что бросила вызов буржуазным порядкам во всем мире, а ее грозным союзником был мировой пролетариат. «Франция больше защищена от большевизма благодаря существованию значительного числа крестьян-собственников,— говорил Ллойд Джордж на заседании кабинета 14 ноября 1918 г.— Мы же имеем здесь огромное, легко воспламеняемое индустриальное общество»³⁵. Но у этой мысли была и другая сторона. Большинство населения России составляла крестьянская масса. И потому когда 16 января 1919 г. на заседании глав делегаций Антанты на Парижской мирной конференции Ллойд Джордж говорил: «Есть сообщения, что большевиками становятся крестьяне»³⁶,— то для него это был серьезнейший симптом того, что пора разнообразить средства борьбы с Советской властью.

Торговля рассматривалась Ллойд Джорджем и такими деятелями, как Р. Хорн³⁷, Бонар Лоу, Уайз, как метод борьбы с социалистическими преобразованиями в России. Они рассчитывали использовать экономические рычаги для попытки трансформации Советской России в буржуазное государство. Тезис о борьбе с большевизмом торгово-политическими средствами лежал в основе концепции завязывания отношений с Советской Россией и наиболее четко сформулирован в следующих словах английского премьера: «Нам не удалось привести Россию к здравому смыслу силой. Я думаю, что мы можем спасти ее через торговлю... Торговля, по-моему, принесет конец... большевизму вернее, чем любой другой метод»³⁸. Этот тезис станет постоянным мотивом Ллойд Джорджа и Хорна на протяжении 1920 года.

Сама концепция переговоров прошла через ряд этапов, складывалась в ожесточенной борьбе в политических кругах страны. Осенью 1919 г. Ллойд Джордж не пошел дальше постановки проблемы. Анализируя настроения в Лондоне, старший сотрудник русского отдела Форин Оффис Р. Хор отмечал в меморандуме от 22 декабря 1919 г., что из разъяснений Ллойд Джорджа английская политика показалась бы «чи-

³⁴ M. Gilbert. Op. cit., pp. 306—307.

³⁵ Ibid., p. 227.

³⁶ Цит. по: «История внешней политики СССР». Т. I, стр. 100—101.

³⁷ Министр торговли в 1920 г., непосредственно ведший переговоры с Л. Б. Красиным в Лондоне.

³⁸ «The Times», 11.11.1920.

сто негативной: нет — дальнейшим расходам, **нет** — блокаде, нет — переговорам с большевиками»³⁹. Тем не менее высказывания Ллойд Джорджа вызвали резкую критику во Франции и США⁴⁰. Государственный секретарь США Р. Лансинг в телеграмме от 4 декабря 1919 г. предложил американскому послу в Лондоне Дж. Дэвису информировать «соответствующих членов» английского правительства о возражениях США против попыток достичь соглашения с Советской Россией⁴¹, что было попыткой вызвать раскол в английском правительстве.

В Лондоне влиятельные министры упорно защищали старую интервенционистскую политику. Черчилль и в январе 1920 г. оставался убежденным сторонником организации крестового похода против Советской России. «Моя альтернатива такова,— писал он 17 января 1920 г.,— какой она была в течение всего прошлого года,— иметь определенную политику, вести войну с большевиками всеми имеющимися ресурсами и всеми имеющимися путями»⁴². Но провал Колчака и Деникина делал его позицию уязвимой. С призывом к расширению интервенции выступил в начале 1920 г. и Керзон. Выход Красной Армии к Кавказу грозил опрокинуть расчеты правящих кругов Англии на приращение их колониальной империи, срывал планы закабаления народов Ближнего и Среднего Востока, усложнял задачу удержания господства над народами Индостана. Керзон предлагал усилить английский гарнизон в Баку, направить дополнительные войска, в том числе авиацию, на Кавказ или в Персию, обеспечить «защиту Баку», осуществить поставки оружия «правительствам» меньшевистской Грузии и мусаватистского Азербайджана⁴³. Керзона поддержали В. Лонг и адмирал флота Д. Битти, также стремившиеся сохранить английский контроль над нефтью Персидского залива и Баку для нужд английского военного флота.

Однако, как указывали Черчилль и начальник генштаба Г. Вильсон, войска были нужны для подавления движения за независимость в Ирландии, для укрепления позиций Англии в Месопотамии, Индии, Египте. Р. Хорн (бывший в то время министром труда) сообщил, что правительству потребуются войска и для подавления забастовочного движения в Англии. Черчилль, кроме того, доказывал, что наилучшей защитой интересов Англии было бы свержение Советской власти, а для этого следовало прежде всего обеспечить взаимодействие деникинцев, Польши и Финляндии⁴⁴. Однако в целом английское правительство было вынуждено признать, что, как говорилось в решении кабинета 29 января 1920 г., «не может быть и речи об активной войне против большевиков по той причине, что у нас нет ни людей, ни денег, ни кредита, а общественное мнение вообще настроено против подобного курса»⁴⁵.

Но Англия тогда еще не отказалась от военных средств борьбы с Советским государством. В условиях поражения белых армий Деникина, Колчака и Юденича роль ударной силы нового антисоветского похода отводилась реакционным буржуазным правителям Польши, Румынии, Финляндии и Прибалтики. В декабре 1919 г. на англо-французской конференции в Лондоне были приняты решения об увеличении поставок оружия панской Польше. Наличие двух линий английской политики от-

³⁹ «British Documents». Vol. III. L. 1949, doc. № 619.

⁴⁰ J. S. Silverlight. Op. cit., p. 338.

⁴¹ «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919. Russia». Washington. 1937, pp. 129—130.

⁴² R. H. Ullman. Op. cit. Vol. II, p. 333.

⁴³ «British Documents». Vol. III, doc. № 635.

⁴⁴ Обсуждение положения на Кавказе проходило 16—19 января 1920 г. в Париже на заседаниях английской делегации. В конечном счете Парижская мирная конференция на заседании 19 января 1920 г. приняла предложение Ллойд Джорджа о поставках оружия и другой помощи признанным де-факто «правительствам» Грузии, Азербайджана и Армении (см. «British Documents». Vol. II, pp. 922—925).

⁴⁵ H. J. Elcock. Op. cit., p. 144.

ражало сложные маневры и борьбу в английском руководстве. Признавая необходимость торговли с Россией для экономического благополучия Англии, правящие круги в то же время рассматривали торговлю как канал буржуазного влияния на советский народ, упорно пытались избежать признания Советского правительства. Отсюда первоначальная идея установления торговли через Центросоюз, сохранивший, по мнению Лондона, значительную «самостоятельность» от большевиков⁴⁶. Эта линия получила свое закрепление в решениях Парижской конференции 16 января 1920 г. и конференции союзников в Лондоне в середине февраля 1920 года. В решении руководителей Англии, Франции и Италии от 16 января говорилось об отмене блокады Советской России и «предоставлении возможности русским кооперативам» закупать товары «для русского народа», но особо отмечалось, что «эти договоренности не подразумевают никакого изменения в политике союзных правительств по отношению к Советскому правительству»⁴⁷.

Правда, в Копенгагене в это время имели место переговоры официальных представителей Англии и РСФСР⁴⁸, но они были ограничены вопросом об обмене военнопленными, хотя советская сторона готова была вести переговоры по более широкому кругу вопросов. Это объяснялось тем, что весной, даже вплоть до июня — июля 1920 г., переговоры рассматривались английскими политиками скорее как повторение идеи конференции на Принцевых островах, то есть не как переговоры об установлении мира между Англией и РСФСР, а как «посредничество» Лондона между Советской Россией и различными пешками антисоветских комбинаций Антанты. В таком контексте не отвергал переговоры и Черчилль. Еще на заседании кабинета 12 августа 1919 г. Ллойд Джордж и Бонар Лоу поддерживали заявление Черчилля о том, что, если между «конфликтующими сторонами установится равновесие», Англия «должна попытаться заставить антибольшевиков и правительство Ленина прийти к соглашению»⁴⁹. В условиях провала Деникина и бегства его армий к Кавказу Черчилль обращается к переговорам как к средству выиграть время и спасти белогвардейцев от полного разгрома. При этом он надеялся использовать неоднократно высказывавшееся Советским правительством стремление к миру и переговорам. Черчилль откровенно излагал свои мотивы в телеграмме 11 января 1920 г. генералу Г. Холмэну, главе военной «миссии» при Деникине: «Я располагаю надежной информацией о том, что большевики хотят мира, особенно с Англией. Если Деникин в этих условиях запросит английское посредничество, я думаю, премьер-министр пойдет на многое, чтобы попытаться спасти как можно больше от краха». 9 апреля 1920 г. Черчилль заявил, имея в виду Врангеля: «Я вполне бы согласился на переговоры с Советским правительством относительно сохранения Крыма (то есть врангелевских войск в Крыму.— С. Л.) до какого-либо урегулирования»⁵⁰.

О том, что такой подход к переговорам разделялся не только Черчиллем, свидетельствуют неоднократные попытки Англии весной — летом 1920 г. выступить «посредником» между РСФСР и Врангелем, а также между Советской Россией и белополяками в разгар польско-советской войны в июле 1920 года⁵¹. В конце концов в Лондоне были вынуждены

⁴⁶ Так считал Уайз, предлагая отмену блокады (Германия и нейтралы уже торгуют) и установление торгового обмена через кооперативы Центросоюза (см. «British Documents». Vol. II, p. 870).

⁴⁷ Ibid., pp. 894—896, 912.

⁴⁸ Переговоры в Копенгагене в конце 1919 г. — начале 1920 г. между М. М. Литвиновым и О'Грейди закончились подписанием 12 февраля 1920 г. соглашения об обмене военнопленными (см. И. М. Майский. Англо-советское торговое соглашение 1921 года. «Вопросы истории», 1957, № 5).

⁴⁹ R. H. Ullman. Op. cit. Vol. II, p. 212.

⁵⁰ M. Gilbert. Op. cit., pp. 368, 389.

⁵¹ «Документы внешней политики СССР». Т. II. М. 1958, стр. 678—679, 698—702.

считаться с реальными фактами провала интервенционистской политики и укрепления Советской республики. В меморандуме от 16 февраля 1920 г. Р. Хор признавал: «Ни одно из недавно поступивших к нам сообщений не содержит ничего в подтверждение теории о вероятности скорого падения Советского правительства»⁵².

К моменту начала англо-советских торговых переговоров⁵³ (31 мая 1920 г.) английскому правительству пришлось признать, что оно ведет переговоры именно с представителями Советского правительства⁵⁴. В решении Верховного совета Антанты от 26 апреля 1920 г., принятом на конференции держав Антанты в Сан-Ремо в редакции, предложенной Ллойд Джорджем, уже рекомендовались переговоры с «Российской торговой делегацией» в Лондоне в ближайшее время о «немедленном возобновлении торговых отношений через посредство кооперативов или иначе»⁵⁵.

Стремясь не допустить распада единого фронта Запада в отношении Советской России, английское правительство весной 1920 г. попыталось склонить Францию к участию в лондонских переговорах. Правительство Мильерана ответило отказом⁵⁶. С таким же категорическим отказом вести какие-либо переговоры с Советской Россией выступили и правящие круги США⁵⁷. Тот факт, что английское правительство решило тем не менее продолжить переговоры, свидетельствовал, что межимпериалистические противоречия оказались сильнее стремления сохранить единство рядов «союзников».

Приступая к переговорам, английское правительство занялось конкретизацией своих требований. В меморандуме кабинету министров от 27 мая 1920 г. Керзон предлагал потребовать от Советской России за экономическую помощь Англии политических уступок: «Такая цена могла бы лучше быть оплачена прекращением враждебной деятельности большевиков в частях мира, имеющих для нас важное значение, нежели мнимым обменом товаров»⁵⁸. Черчилль поддержал Керзона. В своих решениях 28 мая правительство заключило, что «любое соглашение относительно торговли будет невозможно, если не будет достигнуто общее соглашение по политическим вопросам, являющимся предметом спора с Советским правительством. Было бы крайне желательным, чтобы была достигнута всеобъемлющая договоренность. Совещанию (министров) напоминалось, что недавнее политическое положение (то есть наступление белополяков.— С. Л.) давало правительству его величества возможность для хорошего торга»⁵⁹.

Английское правительство пыталось «с позиции силы» заставить Советскую Россию пойти на принципиальные уступки в политической и экономической областях. Уже на первых встречах советской делегации с английскими министрами — 31 мая, 7, 16 и 29 июня — Ллойд Джордж посвятил основное внимание требованию к Советскому правительству взять обязательство о «прекращении антибританской пропаганды и дея-

⁵² R. H. Ullman. Op. cit. Vol. III, p. 15.

⁵³ Переговорам в Лондоне предшествовали встречи Л. Б. Красина с Уайзом в Копенгагене в феврале — апреле 1920 г., состоявшиеся после решения Парижской мирной конференции от 16 января 1920 г. (см. Б. Е. Штейн. «Русский вопрос» в 1920—1921 гг. М. 1958, стр. 170—174).

⁵⁴ См. беседу лорда Риделла с Ллойд Джорджем 6 марта 1920 г.: J. S. Silverlight. Op. cit., p. 360; M. V. Glenny. Op. cit., p. 64.

⁵⁵ «British Documents». Vol. VIII. L. 1958, pp. 230—231.

⁵⁶ См. «British Documents». Vol. XII. L. 1962, p. 726 (о предложении Англии). Ответ Франции 30 мая 1920 г.— «British Documents». Vol. VIII, p. 280; см. также G. A. Brinkley. Op. cit., p. 249.

⁵⁷ См. А. В. Березкин. Октябрьская революция и США (1917—1922 гг.). М. 1967, стр. 273—275, 376—377.

⁵⁸ «British Documents». Vol. XII, pp. 723—724.

⁵⁹ PRO. Cabinet Decisions, Cabinet 33/20; Cab. 23/21.

тельности» и вопросу о признании долгов⁶⁰. Советская сторона резонно ответила, что решение таких политических вопросов, как взаимное обязательство воздерживаться от враждебной деятельности и пропаганды и урегулирование претензий, «возможно лишь по признанию Советского правительства и восстановлении мирных отношений между двумя странами после мирных переговоров и подписания мирного трактата»⁶¹.

Что касается вопроса о долгах, то Ллойд Джордж потребовал признания Советским правительством долгов Российского государства частным кредиторам. Трудность возникла и в отношении реализации советского золота⁶². Л. Б. Красин в меморандуме правительству Англии 29 июня 1920 г. подверг аргументированной критике английское требование, подчеркнув, что советский народ вправе предъявить контрпретензии за огромные разрушения в ходе гражданской войны и иностранной интервенции, а враждебная деятельность стран Антанты лишила их права добиваться выплаты прежних долгов. Это был теперь только предмет переговоров⁶³. Позиция советской стороны подкреплялась тем, что лейбористская партия на своей конференции в июне 1920 г. заявила: «Никакие частные или финансовые интересы не должны стоять на пути немедленного возобновления торговли с Россией»⁶⁴. В целом же принципиальная позиция советской стороны показала нереальность попыток Англии навязать ей свои условия.

30 июня английское правительство сформулировало в памятной записке четыре условия соглашения с Советской Россией⁶⁵: взаимное обязательство «воздерживаться от враждебных действий друг против друга и от ведения какой-либо официальной пропаганды, прямой или косвенной, против учреждений другой стороны»; обмен подданными, находящимися у другой стороны; признание Советским правительством «в принципе» обязательства уплатить компенсацию частным кредиторам. Разрешение других вопросов, связанных с долгами и претензиями обеих сторон, откладывалось «до взаимного урегулирования на мирных переговорах». Сейчас же Советскому правительству предлагалось «сделать заявление по этому вопросу». Четвертым было согласие англичан с предложениями Советского правительства в отношении мер для облегчения торговых сношений на условиях взаимности, при сохранении за каждым правительством права возражать против въезда любого официального агента, считающегося персоной нон грата. Английское правительство ультимативно заявило, что, если в течение недели не будет получен положительный ответ, оно «будет считать эти переговоры оконченными». Но в целом эти условия отражали серьезное отступление английской дипломатии от своих первоначальных требований⁶⁶.

В ноте от 7 июля 1920 г. Советское правительство заявило, что оно «принимает принципы» английского документа «в качестве базы соглашения между Россией и Великобританией». Советское правительство также было согласно рассматривать предлагаемый британским правительством план как «состояние перемирия между Россией и Великобританией» и разделяло его надежду, что перемирие откроет путь к окончательному миру⁶⁷.

⁶⁰ «Документы внешней политики СССР». Т. II, док. 403, стр. 596; см. также стр. 762—763; «British Documents». Vol. VIII, pp. 281—306, 380—388.

⁶¹ «Документы внешней политики СССР». Т. II, док. 403, стр. 596.

⁶² M. V. Glenny. Op. cit., p. 66; J. S. Silverlight. Op. cit., p. 361.

⁶³ «Документы внешней политики СССР». Т. II, док. 403, стр. 593—594.

⁶⁴ «Labour Party, Report of the Twentieth Annual Conference». L. 1920, p. 136.

⁶⁵ «Документы внешней политики СССР». Т. III. М. 1959, док. 6, стр. 17—19.

⁶⁶ Ульман и Гленни, правда, пытаются представить эти условия как носившие «предварительный характер» к заключению соглашения (M. V. Glenny. Op. cit., p. 69; R. H. Ullman. Op. cit. Vol. III, p. 129, прим. 68).

⁶⁷ «Документы внешней политики СССР». Т. III, док. 6, стр. 16—17.

Переговоры протекали на фоне разворачивавшегося похода белополяков и Врангеля. В правящих кругах Англии одерживает верх линия «военной партии», и англо-советские переговоры прерываются⁶⁸. В конце апреля 1920 г. армия Пилсудского, обильно оснащенная оружием Франции, Англии и США, начала давно подготовлявшееся наступление. Английское правительство, однако, на этот раз действовало осторожнее, предоставив Франции роль откровенного подстрекателя белополяков. В то же время оно старалось сохранить для своей игры остатки белогвардейцев под командованием Врангеля. Весной 1920 г. оно взяло на себя роль «посредника» между ним и Советским правительством, с самого начала угрожая, что окажет Врангелю всестороннюю помощь, если советские войска «нападут» на него в Крыму⁶⁹. Одновременно Черчилль и военные чины Англии в Константинополе и Крыму позаботились о поставках оружия Врангелю и об оказании ему помощи со стороны английского военного флота⁷⁰. Характеризуя тактику англичан как «сплошное жульничество», Ленин указывал, что эти усилия преследовали цель отторгнуть Крым от Советского государства⁷¹.

Буржуазные исследователи, как правило, пытаются представить дело так, будто Англия стремилась поскорее примирить Польшу и Советскую Россию⁷². Но они выдают за добродетель необходимость. Разумеется, оценка событий в Лондоне не была однозначной, ряд видных политических деятелей выступил с осуждением потворства белополякам — Р. Сесил, лидер либералов оппозиции А. Асквит, лорд Грей. Сам Ллойд Джордж оценивал шансы белополяков без особого оптимизма⁷³. Однако тяга к «посредничеству» в польско-советской войне появилась лишь тогда, когда надо было спасать от разгрома ставленников Антанты: 20 июля 1920 г. английское правительство угрожало, что, если советские войска «вторгнутся в Польшу», торговые переговоры будут прекращены⁷⁴. А 3 августа английское правительство направило в Москву ультиматум, требуя прекратить наступление Красной Армии, угрожая в противном случае открыто вступить в войну на стороне Польши.

От участия Англии в войне на стороне белополяков правительство Ллойда Джорджа — Черчилля заставили отказаться английские трудящиеся⁷⁵. Движение солидарности с Советской Россией достигло в 1920 г. наибольшего размаха. 1 августа 1920 г. была образована Коммунистическая партия Великобритании. Это свидетельствовало о возросшей политической зрелости передовых слоев английского рабочего класса. Происходила быстрая радикализация трудящихся, что оказало мощное воздействие на профсоюзы и лейбористскую партию. На чрезвычайной конференции лейбористов 9 августа была принята резолюция, содержавшая требование всеобщей забастовки, «чтобы сорвать эту войну». А конфе-

⁶⁸ Активная роль держав Антанты, в частности Англии, в развязывании войны белополяков против Советской России и их ответственность за авантюру Врангеля уже получили широкое освещение в советской историографии (см. «История гражданской войны в СССР». Т. 5. М. 1960; «История СССР с древнейших времен до наших дней». Т. 7. М. 1967; см. также Н. Ф. Кузьмин. Крушение последнего похода Антанты. М. 1958).

⁶⁹ «British Documents». Vol. XII, doc. №№ 681, 684.

⁷⁰ M. Gilbert. Op. cit., p. 391. Английский командующий в Константинополе генерал Дж. Милн, верховный комиссар адмирал де Робек и глава английской миссии в Севастополе генерал Дж. Перси советовали Врангелю «предпринять решительные действия как можно скорее», разумеется, «чтобы поставить себя в более благоприятное положение на переговорах» (G. A. Brinkley. Op. cit., pp. 251—252).

⁷¹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 51, стр. 238.

⁷² M. V. Glenny. Op. cit., p. 71; R. H. Ullman. Op. cit. Vol. III, pp. 26—31, 60, 245—246; H. J. Elcock. Op. cit., p. 144; M. Gilbert. Op. cit., pp. 416—417; G. A. Brinkley. Op. cit., pp. 259—260.

⁷³ К. Б. Виноградов. Указ. соч., стр. 322, 332.

⁷⁴ «British Documents». Vol. VIII, p. 650.

⁷⁵ Это признают и авторы книги: T. F. Lindsay, M. Harrington. The Conservative Party 1918—1970. L. 1974, p. 29.

рениция тред-юнионов и левых политических организаций 13 августа потребовала признать Советское правительство. Ленин безошибочно определил суть происходящего. «Англия струсила всеобщей стачки»⁷⁶, — говорил он. Даже такие ярые интервенционисты, как Черчилль и Керзон, признавали, что английский народ остановил руку правительства⁷⁷.

Период 1917—1921 гг. был наряду со всеобщей забастовкой 1926 г. временем наиболее мощного наступления рабочего класса Англии за всю его современную историю. Более того, в Англии до этого не имелось прецедента, чтобы непарламентские, рабочие организации вмешивались в проведение правительством внешней политики. «Советы действия», став опорой прогрессивных сил, по существу, привели к образованию в стране «двоевластия». Ленин указывал, что в августе 1920 г. «Англия оказалась в той стадии политических отношений, какая была в России после февраля 1917 г., когда Советы вынуждены были контролировать каждый шаг буржуазного правительства»⁷⁸. Правящие круги Англии ощутили серьезность угрозы своему правлению. Ллойд Джордж указывал на англо-французской конференции в Лимне 9 августа, что, если бы массы сочли, что он не стремится к миру, это «вызывало бы волнение во флоте, волнение в рабочем классе и привело бы к триумфу большевизма в Англии»⁷⁹.

Одновременно велась подготовка карательных сил — 17 и 18 августа начальник генштаба Г. Вильсон имел продолжительные совещания со своим штабом и начштабами территориальных командований Англии, планируя «возможную войну с «Советом действия»⁸⁰. Более того, как явствует из новых архивных документов, Г. Вильсон и другие реакционные военные чины всерьез дебатировали вопрос о том, «не является ли Ллойд Джордж предателем?»⁸¹. Ослепленное страхом перед мощью движения «Руки прочь от Советской России!» и ненавистью к Советскому государству, военное руководство Англии во второй половине августа, в условиях изменившейся ситуации на польско-советском фронте, потребовало высылки советской делегации, используя в качестве предлога перехваченные английскими разведслужбами телеграммы из Москвы в Лондон и советской делегации в Москву, посвященные переговорам в Лондоне. Вильсона поддержали адмирал Битти и начштаба ВВС маршал Тренчард, главы военной и морской разведок и службы контрразведки — генерал У. Туэйтс, вице-адмирал А. Синклер и Б. Томсон, а также Черчилль и ряд членов кабинета⁸². Черчилль, как и другие твердолобые, не делал секрета из того, что рассматривал высылку как предлогу к полному прекращению переговоров с Советской Россией⁸³.

Летом 1920 г. проявилась глубокая связь антисоветских планов Лондона с его подходом к другим проблемам английской политики. Борьба с революцией в России и ее последствиями с 1918 г. становится в центре политики Англии в Европе. Британские правящие круги опасались перенесения революции в Европу, особенно в Германию, и сближения последней с Советской Россией. Тотчас после окончания мировой войны Англия повела линию на превращение Германии в оружие антисоветской борьбы⁸⁴. Однако во взглядах Ллойд Джорджа и Черчилля на реализа-

⁷⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 51, стр. 254.

⁷⁷ См. В. Черчилль. Мировой кризис. М. 1932, стр. 181; см. также телеграмму Керзона в Париж 10 августа 1920 г. («British Documents». Vol. XI. L. 1961, p. 477).

⁷⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 41, стр. 283.

⁷⁹ «British Documents». Vol. VIII, p. 741.

⁸⁰ R. H. Ullman. Op. cit. Vol. III, p. 266.

⁸¹ Фраза из дневника Г. Вильсона от 23 июля 1920 г. (ibid., p. 275).

⁸² См. R. H. Ullman. Op. cit. Vol. III, pp. 274—280, 296—300; M. Gilbert. Op. cit., pp. 423—430.

⁸³ M. Gilbert. Op. cit., p. 425.

⁸⁴ В. Черчилль. Указ. соч., стр. 3, 4—6; «Архив полковника Хауза». Т. IV. М. 1944, стр. 89—90.

цию этой политики существовали определенные различия. Премьер-министр стремился не допустить сближения Германии и России и роста революционного движения, прежде всего смягчая условия мира с Германией. Соображения антисоветской борьбы переплетались у него с желанием сорвать планы установления французской гегемонии в Европе, воссоздать Германию как противовес Франции в классической схеме европейского «баланса сил»⁸⁵. Наиболее яркое выражение эти взгляды нашли в известном меморандуме из Фонтенбло, написанном Ллойд Джорджем совместно с его советниками 25 марта 1919 года.

Черчилль делал упор на другом аспекте. Летом 1920 г. он разрабатывает альтернативу переговорам с Советской Россией и соглашению с нею, которую он видел в антисоветском союзе западных держав. На протяжении 1919—1920 гг. постоянным лейтмотивом его выступлений был призыв к немедленному приобщению Германии к антисоветской борьбе в качестве партнера и союзника. В меморандуме кабинету 29 августа 1920 г. Черчилль писал, что «лучшее средство сделать Францию разумной — это успокоить ее. Уверенность может быть только дана в форме обязывающего союза между Великобританией, Францией и Германией... Что мы должны потребовать взамен? Очевидно, трехстороннее соглашение между Великобританией, Францией и Германией о реконструкции Европы и успокоении ее восточных районов. Это подразумевает глубокую ревизию Версальского договора и признание Германии как равного партнера в будущем руководстве Европой»⁸⁶. На заседании кабинета 30 августа 1920 г. Ллойд Джордж выразил сомнения в отношении предложений Черчилля, а О. Чемберлен, будущий министр иностранных дел в правительстве С. Болдуина в 1924—1929 гг., поддержал их. Черчилль по-прежнему настаивал на своем: «Ничто не будет невозможным, если нам удастся связать вместе Францию, Германию и Соединенное Королевство. Мы сможем тогда реконструировать Европу и Россию»⁸⁷.

Однако разгром осенью 1920 г. белополяков и Врангеля выбил последние козыри из рук сторонников военного решения. По крайней мере в конце 1920 г. их ставка была бита. Английские правящие круги вновь обращаются к концепции переговоров. Начинается второй этап англо-советских переговоров. Но вопрос о переговорах и условиях, которых Англия должна была добиваться на них, продолжал оставаться предметом ожесточенной борьбы в политических кругах страны.

Черчилль был принципиально против ведения переговоров вообще⁸⁸. В меморандуме кабинету 16 ноября 1920 г. он резко критиковал исходные посылки политики Ллойд Джорджа: «Поскольку Советское государство взяло в свои руки всю торговлю, наши торговцы не смогут вступить в прямой контакт с простыми людьми России, стало быть, не будет никакого здорового «поучительного влияния» от такого контакта, а ведь об этом первоначально говорили как об одном из главных мотивов нашей политики». Для возобновления торговли нужно было скорейшим образом восстановить транспортную систему России, а Черчилль отвергал «поставки товаров, таких, как локомотивы», ибо они «просто укрепят нынешний... режим»⁸⁹. Черчилля неизменно поддерживал, как и в 1919 г., первый лорд адмиралтейства В. Лонг, входивший в число пяти самых влиятельных консерваторов. Недоверие премьер-министру выразили военные круги, о чем говорилось выше.

⁸⁵ См. В. Г. Трухановский. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918—1939 гг.). М., 1962, стр. 35—38.

⁸⁶ M. Gilbert. Op. cit., p. 427. Черчилль, разумеется, имел также в виду заставить Францию (как плату за предоставляемые ей гарантии) «добросовестно принять английскую политику... в отношении Германии» (D. G. Boodle. Op. cit., p. 137).

⁸⁷ D. G. Boodle. Op. cit., p. 139.

⁸⁸ R. R. James. Op. cit., p. 159; M. V. Glenn. Op. cit., p. 74.

⁸⁹ M. V. Glenn. Op. cit., pp. 74—75.

Важным фактором, оказавшим влияние на ход англо-советских переговоров 1920 г., да и на развитие англо-советских отношений в дальнейшем, явились колониальные интересы Англии, особенно на Ближнем и Среднем Востоке. Влиятельные «средневосточные» круги английской колониальной буржуазии, выразителями интересов которой в правительстве были Керзон⁹⁰ и Милнер, пытались использовать антисоветскую интервенцию на юге нашей страны в 1918—1919 гг., чтобы одновременно закрепить свое господство над Персией, распространить его на Кавказ, Среднюю Азию, Афганистан, установить контроль над бакинской нефтью. Керзон подчеркивал в декабре 1918 г.: «Я думаю, что мы не уделяем достаточно внимания важности нефти и нефтепровода» (Баку—Батум)⁹¹. Это было частью усилий по реализации давней программы установления английской гегемонии на Ближнем и Среднем Востоке. Во вспыхнувшей конкурентной борьбе с Францией и США Англия спутствовала успех. В августе 1919 г. Лондон навязал Персии кабальный договор, фактически превращавший страну в английский протекторат. Керзон считал это «достижение» личным триумфом. В апреле 1920 г. на конференции Антанты в Сан-Ремо Англия формально закрепила за собой мандат на Палестину и Месопотамию (ныне Ирак). В предвоенные месяцы 1914 г. Германия уступила Лондону 75% капиталовложений, или добычи иракской нефти⁹². В Сан-Ремо Англия добилась этих же условий от Франции, а США оказались в стороне⁹³.

Однако планы английских правящих кругов о создании ближневосточной колониальной империи рухнули под ударами Красной Армии и освободительного движения народов Востока. Англо-афганская война 1919 г. привела к краху попыток Лондона навязать свое господство афганскому народу. Росло возмущение английскими поработителями в Персии, вспыхнули восстания в Месопотамии и Египте. Пришли в движение многомиллионные массы Индостана. Весной 1920 г. английские интервенты полностью очистили Закавказье, а затем были вынуждены уйти и из Северной Персии.

На протяжении 1918—1919 гг. в английских правительственных кругах не было единства взглядов на методы проведения колониальной политики. Министр по делам Индии либерал Э. Монтегю решительнее всех выступал против амбиций Керзона на Кавказе и в Персии. В декабре 1918 г. при обсуждении английской политики на Кавказе он, например, говорил: «В том, что касается обороны Индии, мне не кажется необходимым для нас думать о Кавказе. Я считаю, что этот район полностью находится вне наших интересов»⁹⁴. Такая «удивительная» для министра по делам Индии позиция объяснялась тем, что Монтегю и тогдашний вице-король Индии лорд Челмсфорд, находившийся в гуще бурных событий региона, раньше других осознали мощь национально-освободительного движения народов Востока, возникшего под влиянием революционных событий в России. Они призывали к проведению более гибкой политики, к заигрыванию с национализмом, чтобы придать ему антикоммунистическую направленность, а не раздражать его старомодным империализмом Керзона. В одном из документов английской администрации в Индии весной 1919 г. говорилось: «Происходят антианглийские волнения в Египте... Мы боремся с антианглийскими волнениями в Индии. Поставив Персию перед этим соглашением (от 1919 г.— С. Л.),

⁹⁰ Подробно о «средневосточной группировке», взглядах Керзона и планах создания ближневосточной колониальной империи см.: Г. Л. Бондаревский. Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива (конец XIX — начало XX в.). М. 1968, стр. 12—57, 115.

⁹¹ R. H. Ullman. Op. cit. Vol. II, p. 73.

⁹² Г. Л. Бондаревский. Указ. соч., стр. 534—535.

⁹³ «British Documents». Vol. XIII. L. 1963, doc. № 286.

⁹⁴ R. H. Ullman. Op. cit. Vol. II, p. 79.

мы рискуем вызвать решительный поток антианглийских чувств от Каира до Калькутты»⁹⁵.

Однако в 1920 г., когда антисоветские марионетки Англии в Закавказье были сметены, а Советская Россия вступила в соприкосновение с народами Среднего Востока, позиции Керзона — Милнера и Э. Монтегю сблизились. И те и другие стремились использовать англо-советские переговоры для попыток навязать ряд требований Советской России. Так, добиваясь «прекращения антибританской пропаганды», включая прекращение переговоров о заключении советско-афганского договора, английская дипломатия пыталась сорвать установление дружественных отношений между Советской Россией и ее южными соседями, изолировать страны Востока и Советское государство друг от друга.

О. Чемберлен и стоявшие за ним финансовые круги требовали полного признания Советским правительством всех долгов, включая обязательство выплатить компенсацию за национализированную собственность⁹⁶.

Новые документы английских архивов свидетельствуют, что окончательное решение о доведении переговоров до конца было принято только в середине ноября 1920 года. В ходе заседаний 17 и 18 ноября были подробно изложены мотивы, побуждавшие Англию идти на соглашение с РСФСР. На заседании 17 ноября после Р. Хорна, Керзона и Чемберлена выступил Бонар Лоу: «Я согласен с Хорном... Нельзя бесконечно говорить и не заключать соглашения. Нам угрожает серьезная безработица... Если мы не заключим соглашения, у нас не будет никакого средства политического давления на Россию... Какая польза говорить, что мы не будем торговать из-за того, что не можем добиться выплаты старых долгов?»⁹⁷. Ллойд Джордж подчеркнул: «Мы принимаем решение первостепенного значения... Наша ненависть побуждает нас говорить, что мы скорее навредим себе, чем сделаем добро им. Но мы обязаны прежде всего заботиться о наших интересах, ибо впереди плохие времена. Я встречался со многими предпринимателями, и они даже испугали меня прогнозами на предстоящие 18 месяцев. Бонар Лоу и я встречались с Райлендсом, председателем ФБП⁹⁸, и он не смог опровергнуть мнение, высказанное предпринимателями. Заказы не поступают. Потребители не хотят покупать. Нам, возможно, предстоит наихудший период безработицы, который кто-либо из нас когда-нибудь видел. Русские готовы платить золотом, а вы не хотите продавать. Мы торгуем слюдоедами на Соломоновых островах. В течение последних нескольких дней английскому правительству был предложен заказ на 10 млн. ф. ст. при условии, что он будет выполнен в этой стране... Если мы откажем, просочатся сведения, что мы отказали из-за Персии и Ташкента и из-за того, что мы ненавидим большевиков, в то время когда мы выделяем 4 или 5 млн. ф. ст. на безработных⁹⁹. Из 10 млн. ф. ст. половина пойдет на зарплату рабочим. Об этом будут говорить и говорить, и это добавится к общественному недовольству»¹⁰⁰.

Ллойд Джордж затем перешел к вопросу о «пропаганде»: «Бессмысленно говорить, что если в течение следующих шести месяцев не будет пропаганды, вы вступите в соглашение. К тому времени вы будете в пучине торговой депрессии и вас вынудят заключить торговое согла-

⁹⁵ «Persia Series». Pt. XXV. Notes, p. 20.

⁹⁶ M. V. G l e n y. Op. cit., pp. 68, 74.

⁹⁷ PRO. Minutes, Cabinet 61/20, 17 November, 1920; Cab. 23/23, p. 97/4.

⁹⁸ Федерация британской промышленности — руководящий орган английских монополистических кругов.

⁹⁹ Министр труда Т. Макнамара уточнил, что выделено 5 млн. ф. ст. на дотацию безработным.

¹⁰⁰ PRO. Minutes, Cabinet 61/20, 17 November, 1920; Cab. 23/23, p. 97/4.

шение. Наши промышленники выступают за... Я надеюсь, вы позволите Хорну вести переговоры на основе проекта соглашения от 1 июля. Если мы попробуем расширить его, мы станем отходить от него... Если мы сделаем условия предварительными, это будет означать, что мы не готовы торговать, пока существует Советское правительство». В этом, как известно, заключалась суть дела. «Я слышал предсказания о падении Советского правительства в течение последних двух лет. Деникин, Юденич, Врангель — все потерпели крах, но я не вижу никаких ближайших перспектив падения Советского правительства»¹⁰¹, — закончил Ллойд Джордж.

Однако для принятия решения потребовалось еще одно заседание. 18 ноября Керзона поддержали О. Чемберлен, Черчилль, Монтегю. Чемберлен снова указывал: «Ведущие банковские дома настроены целиком против этого соглашения». Бальфур в целом поддержал Ллойд Джорджа. Лорд Биркенхед, другой влиятельный деятель консерваторов, хотя и с оговорками, также высказался за соглашение. И хотя Черчилль, Керзон, Милнер и Лонг голосовали против, в решении отмечалось, что «значительным большинством» кабинет согласился «поручить министру торговли заключить торговое соглашение с Россией»¹⁰².

Борьба вокруг переговоров в английском правительстве и дебаты 17—18 ноября подтвердили слабость противников соглашения. Критикуя Ллойд Джорджа, они не смогли противопоставить его линии реалистичную альтернативную политику. Их рекомендации шли вразрез с реальным положением вещей в Англии.

В ходе дебатов 17—18 ноября Ллойд Джордж, Бонар Лоу, Хорн, Бальфур (чью позицию поддерживали некоторые министры, связанные с внутренними делами Англии, — Фишер, Барнс, Аддисон, Макнамара) подробно охарактеризовали экономические и внутривластные мотивы, толкавшие к заключению соглашения с РСФСР. Потребность английской экономики в торговле с Россией была подчеркнута начинавшимся тяжелым кризисом 1920—1921 гг., который сильнее всего дал себя знать в Англии. Индекс промышленного производства (1913 год принят за 100) с 90,5 в 1920 г. упал в 1921 г. до 61,5. Почти на 40% сократился объем внешней торговли¹⁰³. В меморандуме сотрудника русского отдела Форин Оффис Г. Максе от 22 ноября 1920 г. подчеркивалось, что отрасли промышленности «отчаянно нуждаются в новых рынках»¹⁰⁴. Кризис вызвал массовую безработицу. Только по официальным данным, число безработных увеличилось с 318 тыс. в августе 1920 г. до 2 млн. человек к середине 1921 года¹⁰⁵. Промышленно-торговая буржуазия, особенно старых индустриальных районов — Севера и Мидленда, и выражавшая их взгляды газета «Manchester Guardian», традиционно поддерживавшая либеральную партию, призывали правительство скорее заключить соглашение. А возможности для английской промышленности открывались немалые. Советская страна только приступала к восстановлению своего хозяйства, но уже тогда она готова была разместить крупные заказы «незамедлительно по заключении торгового договора между двумя правительствами» на многолетние поставки паровозов, другого железнодорожного оборудования на 10 млн. ф. ст. ежегодно, станков, автомобилей, металлов, текстиля. В ответ она предлагала экспорт леса, льна, марганцевой руды, нефти и нефтепродуктов¹⁰⁶.

¹⁰¹ Ibid., p. 98.

¹⁰² Ibid., Cabinet 62/20, 18 November, 1920; Cab. 23/23, p. 102.

¹⁰³ В. Г. Трухановский. Внешняя политика Англии..., стр. 22.

¹⁰⁴ «British Documents». Vol. XII, p. 809.

¹⁰⁵ R. H. Ullman. Op. cit. Vol. III, p. 434.

¹⁰⁶ См. письмо Л. Б. Красина Ллойд Джорджу от 4 октября 1920 г. («Документы внешней политики СССР». Т. III, док. 123, стр. 228—232).

Массовая безработица и «грязная» колониальная война в Ирландии обостряли социальную обстановку в стране¹⁰⁷. Рецидивы интервенционистской политики вызвали мощное движение протеста трудящихся. Нормализация отношений с Советской Россией и решение экономических проблем страны путем беспрепятственной торговли с Россией оставались одним из главных политических требований рабочего движения Англии. Поэтому умеренные английские политики придавали первостепенное значение смягчению социального климата в Англии¹⁰⁸.

Борьба двух течений в английском правительстве задержала возобновление переговоров вплоть до конца ноября 1920 г.¹⁰⁹, хотя основа соглашения была выработана еще в середине лета 1920 г. путем обмена нот 30 июня — 7 июля. Все это время Советское правительство и советская делегация в Лондоне прилагали неустанные усилия с целью возобновления переговоров и достижения на них реального прогресса¹¹⁰. После решения английского кабинета 18 ноября борьба в английских политических кругах не прекратилась. Противники примирения с Советской Россией постарались оказать максимальное влияние на формулировку текста соглашения.

Известно, что позиции Ллойд Джорджа как главы правительства в 1918—1922 гг. во многом зависели от поддержки основной силы коалиции — консерваторов¹¹¹. Ллойд Джордж находил поддержку умеренных тори — Бальфура, Хорна, Биркенхеда. Однако в условиях, когда ведущая группа министров-консерваторов Керзон, Чемберлен, Лонг, Милнер выступила против линии премьера, ключевую роль в расстановке сил внутри правительства играл Бонар Лоу — влиятельный лидер консерваторов. Бонар Лоу поддержал Ллойд Джорджа. Однако разногласия между двумя группами касались выбора направления политики Англии, в определении целей правительство было единым. Не случайно, получив принципиальное согласие, Ллойд Джордж тотчас пошел на серьезные уступки правому крылу своего кабинета. В «помощь» Хорну Ллойд Джордж создал комиссию в составе Керзона, Монтегю и Черчилля.

Переработанный Хорном проект соглашения от 25 ноября (вручен Л. Б. Красину 29 ноября) содержал значительные изменения и поправки, предложенные комиссией и в большинстве своем принятые Хорном. В основном они касались принципиальных положений преамбулы и статьи о признании долгов. Английская сторона следовала своей тактике включения в торговое соглашение чрезвычайно важных политических пунктов, в которых она была заинтересована, не желая в то же время вести политические переговоры о заключении окончательного мира и признать Советское правительство де-юре. Обязательство воздерживаться от враждебной деятельности и пропаганды конкретизировалось только для Советского правительства, которому предлагалось не вести таковой «против британских интересов или Британской империи, особенно в районах Кавказа и Малой Азии, Персии, Афганистана и Индии и... также удерживать российских граждан от любых таких действий или пропаганды». По вопросу о признании долгов новая формулировка теперь указывала, что «все претензии каждой из сторон или ее граждан

¹⁰⁷ R. R. James. *Op. cit.*, p. 161; Гленни также отмечает, что премьер-министру в конце 1920 г. пришлось много заниматься «промышленными беспорядками» (M. V. Glenny. *Op. cit.*, p. 73). Подробно ирландский кризис в 1919—1920 гг. рассматривает Джилберт (M. Gilbert. *Op. cit.*, pp. 443—471).

¹⁰⁸ См. меморандум Максе («British Documents». Vol. XII, pp. 808—810).

¹⁰⁹ Ряд буржуазных авторов признает эту действительную причину задержки переговоров (см. M. V. Glenny. *Op. cit.*, p. 73; G. A. Brinkley. *Op. cit.*, pp. 271—272; R. H. Ullman. *Op. cit.* Vol. III, p. 399).

¹¹⁰ См. «Документы внешней политики СССР». Т. III, док. 105, 128, 170, 171.

¹¹¹ T. F. Lindsay, M. Harrington. *Op. cit.*, pp. 27, 32—38.

к другой стороне» будут рассмотрены в упоминавшемся в тексте предстоящем мирном договоре¹¹².

Английские предложения не содержали ни ясной позиции по вопросу о прекращении блокады России, ни условий продажи Советским правительством драгоценных металлов¹¹³, ни гарантий того, что до взаимного урегулирования претензий обеих сторон на будущей мирной конференции собственность Советского правительства не будет подвергаться конфискации или аресту в Англии по требованию прежних кредиторов или владельцев¹¹⁴. По существу, в новом проекте были отражены все предварительные условия и требования, выдвигавшиеся противниками продолжения переговоров. Это означало серьезный отход Англии от согласованной 30 июня — 7 июля основы и свидетельствовало об ужесточении ее позиции.

Советское правительство в ноте от 4 декабря 1920 г. справедливо указывало, что, «несмотря на все свое желание возобновить торговлю с Англией, оно несогласно идти дальше этого соглашения (30 июня — 7 июля. — С. Л.) или изменить в нем хотя бы один пункт без проведенных надлежащим образом политических переговоров, на которых обе стороны могли бы формулировать свою точку зрения на основные принципы и пойти навстречу желаниям друг друга путем взаимных уступок, как это еще раз изложило Российское Правительство в своей ноте от 9 ноября»¹¹⁵.

Англия стремилась навязать свои условия, рассчитывая использовать острую потребность нашей страны в промышленном оборудовании для скорейшего восстановления ее экономики. После встречи 21 декабря 1920 г., на которой советский представитель выразил естественную отрицательную реакцию на новые английские требования, британский кабинет высказал мнение, что «в настоящее время заключение соглашения вряд ли вероятно»¹¹⁶. Англия по-прежнему затягивала переговоры.

Понадобилось все искусство и терпение советской дипломатии, принципиальная твердость Советского правительства, чтобы привести их к завершению на согласованной основе, взаимно учитывающей интересы сторон. Наконец, 16 марта 1921 г. Р. Хорн и Л. Б. Красин подписали англо-советское торговое соглашение.

В преамбуле соглашения, имевшей политический характер, содержалось важное положение о том, что в целях последующего регулирования экономических и политических отношений между двумя странами будет заключен «формальный общий мирный договор». Стороны брали на себя обязательство «воздерживаться от враждебных действий» и ведения вне собственных пределов какой-либо официальной пропаганды друг против друга. Условия возобновления экономических отношений между двумя странами во многом вобрали в себя предложения, настойчиво выдвигавшиеся в ходе переговоров советской стороной. В соглашении особо отмечалось, что стороны не будут устанавливать друг против друга блокады и немедленно устранят все препятствия на пути возобновления торговли между ними. Соглашение предусматривало обмен официальными представителями, которые пользовались бы дипломатическими привилегиями для ведения торговли и выдачи виз.

¹¹² «British Documents». Vol. VIII, pp. 869—878.

¹¹³ Что касается золота, то Банк Англии закупал его (кроме золота из Южной Африки) по произвольной цене — 77 шиллингов и 9 пенсов за унцию вместо цены на мировом рынке в 116 шиллингов. Таким образом, советское золото продавалось бы с принудительной скидкой в 33% («British Documents». Vol. VIII, p. 868).

¹¹⁴ «Документы внешней политики СССР». Т. III, док. 196, стр. 351—353; док. 231, стр. 400—402.

¹¹⁵ Там же, док. 207, стр. 368.

¹¹⁶ M. V. G l e n n y. Op. cit., p. 80.

Наряду с соглашением была подписана декларация¹¹⁷ о признании претензий, в которой указывалось, что все претензии одной стороны и ее граждан к другой стороне будут разрешены в формальном договоре, о котором говорилось в преамбуле соглашения. Это же относилось и к заявлению Советского правительства о признании в принципе обязательства выплатить компенсацию частным лицам за предоставленные, но не оплаченные товары или услуги России, равно как и к аналогичному заявлению английского правительства.

Англо-советский договор был документом огромного исторического значения. Англия, одна из сильнейших капиталистических держав, тем самым признала Советскую Россию де-факто. Это означало также признание краха политики вооруженной борьбы против Советской власти с целью ее свержения. Был прорван антисоветский фронт империалистических держав, направленный на политическую и экономическую изоляцию молодого социалистического государства. Будучи первым договором, заключенным с капиталистической державой, англо-советский договор 1921 г. в то же время был примером практического претворения в жизнь принципа мирного сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества.

Со стороны буржуазных исследователей, однако, ясно прослеживается тенденция представить соглашение 1921 г. как односторонне выгодное для Советской России или просто умалить его значение. С помощью подобных фальсификаторских концепций буржуазная историческая наука пытается извратить историю англо-советских отношений. В самом деле, более чем полувековой исторический опыт подтверждает тезис, что соглашение 1921 г. «не явилось введением в эру гармонии и сотрудничества» двух стран. Но причину того, почему же заложенные в соглашении потенции и возможности не были реализованы на благо народов Англии и СССР, западные авторы тщатся найти в политике... Советского государства. В их работах встречаются бездоказательные утверждения, что оно якобы «не выполнило» те или иные условия соглашения, а главное — советская политика мира извращенно трактуется как временное, конъюнктурное явление, проводится тезис о мнимом «отсутствии ясной цели среди русских руководителей», о некоем неизбежном недружественном характере отношений между СССР и «парламентскими демократиями»¹¹⁸.

Такая трактовка есть не что иное, как конкретное проявление широко предпринятого буржуазной пропагандой и наукой опорочивания политики мирного сосуществования, последовательно проводимой КПСС и Советским государством. Эта трактовка созвучна современным тезисам реакционных западных идеологов об «односторонней выгоде» разрядки напряженности для СССР, о якобы конъюнктурном его подходе к политике разрядки. Общеполитические рассуждения о далеком 1921 г. приводят нас, таким образом, на передовую линию политического и идеологического противоборства сегодняшнего дня.

Действительная причина сложностей в англо-советских отношениях заключалась в том, что именно влиятельные круги в Англии, настроенные резко враждебно к Советскому государству, рассматривали соглашение не более как «временное урегулирование с временным правительством»¹¹⁹, не отказались от новых попыток конфронтации с Советской Россией. Борьба двух тенденций в политике английской буржуа-

¹¹⁷ Текст соглашения и декларации см.: «Документы внешней политики СССР». Т. III, док. 344, стр. 607—614; см. также док. 345, стр. 615.

¹¹⁸ R. H. Ullman. Op. cit. Vol. III, p. 454; M. V. Glenny. Op. cit., p. 81; J. S. Silverlight. Op. cit., p. 366; W. N. Medlicott. Op. cit., p. 84; E. L. Woodward. Op. cit., pp. 448—449.

¹¹⁹ R. H. Ullman. Op. cit. Vol. III, p. 454.

зии по отношению к СССР прослеживается во всей последующей истории англо-советских отношений.

Трудности не могли не возникнуть и потому, что правящие круги западных держав пытались использовать развитие отношений с Советским государством для вмешательства в его внутренние дела. Показателем настроений в Лондоне весной 1921 г. служит доклад специальной парламентской комиссии, в котором «основополагающим предварительным условием» для предоставления кредитов РСФСР ставилось «прекращение политики политических репрессий внутри страны (?) и агрессивной большевистской пропаганды за рубежом»¹²⁰. В 1921 г. не только Черчилль, Керзон и другие сторонники военного решения «русского вопроса», но и такие деятели, как Ллойд Джордж, Бонар Лоу и Хорн, привносили в свою политику элемент конъюнктурного расчета, стремясь использовать торговлю как средство борьбы с Советской властью. Однако течение умеренных политиков не было однородным. Уже тогда в английском правительстве существовали реалистически мыслящие деятели, подчеркивавшие возможность и целесообразность установления взаимовыгодных англо-советских отношений. От развития равноправного сотрудничества на принципах мирного сосуществования, взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела выигрывали и РСФСР, и Англия. Английская промышленность получала новые рынки, что имело большое значение в условиях жестокого экономического кризиса 1921 года. Создавались благоприятные условия для последующей полной нормализации и развития разносторонних советско-английских отношений. В этом, как показало время, Англия объективно нуждалась в не меньшей степени, чем Советская страна.

¹²⁰ «Report of the Committee to Collect Information on Russia». Russia № 1 (1921), Cmnd. 1240, p. 114.

КРИЗИС БУРЖУАЗНОГО ЛИБЕРАЛИЗМА В ГОДЫ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ОСВЕЩЕНИИ ИСТОРИОГРАФИИ ФРГ

В. Н. Виноградов

Вопрос о судьбах буржуазного либерализма в XX в. представляет научный и политический интерес, поскольку он занимал и все еще занимает важное место в системе методов, с помощью которых буржуазия стремится сохранить свои позиции. В первые годы Веймарской республики либерализм как политическое направление, объединявшее определенные круги германской буржуазии, сыграл немаловажную роль в борьбе против революционного движения и спасении капиталистического строя. Либеральные силы, выступавшие под лозунгами защиты демократии и республиканского режима, вначале привлекли на свою сторону многочисленных представителей немонополистической буржуазии и интеллигенции, стремившихся к обновлению всей политической и хозяйственной жизни страны на демократических основах. Однако либералы оказались не в состоянии удержать за собой своих сторонников. По мере роста классовых противоречий среди германской буржуазии получили перевес круги, взявшие курс на отмену парламентарной демократии и установление открытой диктатуры монополистического капитала. Наряду с глубокими сдвигами в расстановке политических сил в Германии непоследовательность либералов в защите республиканских основ, их постоянные уступки крупному капиталу и правым силам были теми причинами, которые обусловили прогрессирующее сужение их массовой базы, привели на рубеже 20-х и 30-х годов германский либерализм к глубокому кризису. Накануне прихода Гитлера к власти либерализм окончательно исцезает с политической арены Веймарской республики.

История буржуазных политических партий в годы Веймарской республики, кроме общих работ по этому периоду, нашла специальное отражение в исследованиях Б. Г. Тартаковского и М. П. Лаптевой¹. Группа историков ГДР во главе с Д. Фрикке интенсивно разрабатывает историю буржуазных партий Германии, в том числе партийно-политическую историю либерализма². Достижения марксистских историков являются надежной основой для борьбы с буржуазной и реформистской историографией, в искаженном свете представляющей судьбу этого политического направления в Веймарской республике.

Западногерманская историография либерализма испытывает влия-

¹ Б. Г. Тартаковский. Буржуазные партии Веймарской республики и приход фашизма к власти. «Из истории Германии нового и новейшего времени». М. 1958; М. П. Лаптева. Германская демократическая партия и тактика либерализма в годы относительной стабилизации капитализма (1924—1928). «Вопросы истории международного рабочего движения». Вып. 11. Пермь. 1973.

² «Die bürgerlichen Parteien in Deutschland. Handbuch der Geschichte der bürgerlichen Parteien und anderer bürgerlicher Interessenorganisationen vom Vormärz bis zum Jahre 1945». Bd. 1. Leipzig. 1968; Bd. 2. Leipzig. 1970.

ние общих концепций, которые определяют историографию ФРГ, таких, как «доктрина индустриального общества» (и ее разновидность — «доктрина сформированного общества»); доктрина тоталитаризма, в которой «правому» и «левому» радикализму противопоставляется «политическая середина»; тезис о слабости политической системы Веймарской республики, об ответственности широких слоев населения за трагическое развитие событий в последние годы ее существования и т. д. В основе данных концепций заложено стремление уйти от анализа классовой борьбы и оправдать действительных виновников краха Веймарской республики — связанные с фашизмом круги монополистической буржуазии, реакционный рейхсвер, враждебное республике чиновничество.

История германского либерализма изучается в ФРГ преимущественно в рамках более крупной темы — «политическая и экономическая стабильность», в разработке которой наряду с социологами и политологами участвуют и историки. Целью их усилий является выработка рекомендаций для укрепления капиталистического общества, его бескризисного развития³, попытки с помощью различных концепций привязать рабочий класс и другие немонополистические слои общества к существующему порядку, интегрировать их в капиталистическую систему, драпирующуюся под «социальную» и «демократическую»⁴. Особое внимание при этом уделяется Веймарскому «государству партий» и его сравнению со «второй германской демократией» — ФРГ, ставится цель извлечь «уроки из крушения Веймарской республики». Представители направления, близко стоящего к правящей коалиции Социал-демократической партии Германии (СДПГ) и Свободной демократической партии (СвДП) — такие, как К. Д. Брахер, Т. Эльльвайн, Р. Лёвенталь, К. Зонтаймер⁵, — сравнивают возможности и шансы обоих парламентарных «экспериментов», причем Веймарской республике, этому «хрестоматийному примеру недееспособности партийной демократии», противопоставляется «стабильность» и «жизненность» политического устройства ФРГ⁶. Реформистские историки стремятся оправдать политику правой германской социал-демократии, несущей главную ответственность за раскол рабочего движения. Они обвиняют буржуазные политические партии в том, что те не пошли на союз с СДПГ ради сохранения политического режима Веймарской республики; одновременно они критикуют руководство СДПГ за то, что оно упустило возможность развития Германии по «третьему пути», то есть по пути создания Советов с чисто хозяйственными функциями при сохранении основ капиталистического строя.

В целом для современной западногерманской историографии характерен отход на второй план наиболее консервативных, националистических концепций, которые не отвечают нынешним потребностям господствующих классов. Им на смену пришли буржуазно-реформистские течения, в главных чертах смыкающиеся с социал-реформизмом. Под влиянием марксистской историографии среди части историков ФРГ усилился интерес к социально-экономической проблематике, критика отдельных сторон Веймарской республики, которые считаются «преодо-

³ См. W. R u g e. Zur bürgerlichen Geschichtsschreibung der BRD über die Weimarer Republik. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1974, Hf. 7, S. 681.

⁴ См. S. P e t e r s e n. Bürgerliche «Politische Wissenschaft» und Zeitgeschichtsschreibung. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1976, Hf. 7, S. 758—760.

⁵ К. Д. B r a c h e r. Das deutsche Dilemma. Leidenswege der politischen Emanzipation. München. 1971; Th. E l l w e i n. Das Regierungssystem der Bundesrepublik Deutschland. Opladen. 1973; R. L ö w e n t h a l. Sozialismus und aktive Demokratie. Essays zu ihren Voraussetzungen in Deutschland. Frankfurt/M. 1974; K. S o n t h e i m e r. Grundzüge des politischen Systems der Bundesrepublik Deutschland. München. 1971.

⁶ «Die zweite Republik. 25 Jahre Bundesrepublik Deutschland». Hrsg. von R. L ö w e n t h a l und H.-P. S c h w a r z. Stuttgart. 1974, S. 204 u. a.

ленными» в современной ФРГ. Другой особенностью историографии ФРГ является тесная кооперация с американской историографией на основе широко рекламируемого тезиса об общности судеб «западного мира». Интерес буржуазных и реформистских историков к изучению германского либерализма определяется прежде всего тем, что либеральная тактика и принципы широко используются в политической жизни ФРГ большинством буржуазных партий, а также СДПГ. Этот интерес усилился с тех пор, как образовалась правительственная коалиция и появилась потребность в историческом обосновании тесного союза между либеральными силами, выразительницей которых стремится представить себя СвДП, и правой социал-демократией.

В предисловии к «Истории немецкого либерализма», вышедшей под эгидой «Фонда Ф. Наумана», Б. Витте отмечает возросшую популярность либеральных лозунгов в политической жизни ФРГ. По его словам, всякая более или менее крупная партия в этой стране стремится полностью или частично усвоить наследие либерализма. Это относится прежде всего к экономической политике, но не только к ней. Так, Годесбергскую программу СДПГ некоторые критики называют «леволиберальной». Либеральные принципы просматриваются в программе ХДС, выступающего за «социальное рыночное хозяйство». СвДП, основатели которой сознательно отказались от наименования либеральной, сегодня объявляет себя единственной хранительницей либеральной идеологии⁷. На XXII съезде СвДП во Фрейбурге (октябрь 1971 г.) был провозглашен в качестве цели партии «прогрессивный, социальный либерализм», а Ф. Науман вновь назван идейным отцом «социального либерализма» в Германии. В тезисах к съезду и изданной перед ним работе одного из руководящих в то время деятелей партии, К. Г. Флаха, «Еще один шанс для либералов, или будущее свободы» была сделана попытка отмежеваться от негативных сторон прежнего либерализма, выдвинуто притязание на то, чтобы и сегодня возглавлять борьбу за прогресс⁸. О перспективах либерализма в современном мире Г. Райф пишет: «Пока существует опасность злоупотребления властью и необходимость контроля за властью в государственной, экономической и социальной областях, либерализм как политическая сила и в дальнейшем будет и должен будет существовать»⁹.

Однако, как отмечает прогрессивный западногерманский исследователь Р. Опиц, целью либерализма является отнюдь не защита демократии, а борьба против революционного движения¹⁰. «Если между консервативной костью и социалистической утопией,— заявил Флах на Фрейбургском съезде СвДП,— мы не укажем третий путь либеральных социальных реформ, тогда страна вступит в опаснейший период политической поляризации со всеми непоправимыми последствиями для либерализма, гуманизма и положения теперешней демократии... Тот, кто этого не понимает, ведет себя подобно тем близоруким феодалам накануне Французской революции или Октябрьской революции в России, которые своей узколобой политикой даже тогда чинили препятствия либеральным реформаторам и таким образом способствовали насильственному перевороту»¹¹.

⁷ B. C. Witte. Liberalismus in Deutschland. «Geschichte des deutschen Liberalismus». Köln—Opladen. 1966, S. 5.

⁸ K.-H. Flach, W. Majhofer, W. Scheel. Die Freiburger Thesen der Liberalen. Reinbeck bei Hamburg. 1971; K.-H. Flach. Noch eine Chance für die Liberalen, oder: Die Zukunft der Freiheit. Eine Streitschrift. Frankfurt/M. 1971.

⁹ H. Reif. Renaissance des Liberalismus. «Geschichte des deutschen Liberalismus», S. 183.

¹⁰ R. Opitz. Liberalismuskritik und Zukunft des liberalen Motivs. «Blätter für deutsche und internationale Politik» (Köln), 1972, Hf. 2, S. 167.

¹¹ K.-H. Flach. Die Zukunft der Liberalen. FDP-Information. 22. Ordentlicher Bundesparteitag. Freiburg, 26. Oktober 1971, S. 4—5.

В историографии ФРГ отсутствует единство в вопросе о дефиниции либерализма. Буржуазные историки нередко исходят в классификации течений германского либерализма из расплывчатого, идеально сконструированного понятия; такой подход игнорирует реальное содержание того или иного политического направления. Так, составленная М. Фройндом антология немецкого либерализма включает имена от Г. В. Лейбница, И. Канта до В. Ратенау, М. Вебера и даже Р. Люксембург. Фройнд относит к либералам всех, кто «признает за отдельным человеком самостоятельную ценность», и ставит знак равенства между историей либерализма и историей западного мира¹². По словам Б. Витте, частичное признание либеральных идей не дает права ни социал-демократам, ни консервативным силам быть представителями либерализма; либералом может считаться только тот, утверждает он, кто выступает за осуществление либеральных принципов общественного и государственного устройства в целом¹³.

В историографии ФРГ утвердилась схема, согласно которой история либерализма в Веймарской республике рассматривается в рамках двух буржуазных партий — Демократической (ДП) и Народной (НП), которые отождествляются соответственно с левым и правым течениями внутри либерализма. Хотя в эпоху империализма происходит размывание либерализма как единого политического явления и либеральные принципы становятся достоянием многих буржуазных партий, а также реформистской социал-демократии, Народная партия — партия крупного капитала, возглавляемая таким империалистическим политиком, как Г. Штресман, и выступавшая за отмену буржуазной демократии, может быть лишь условно отнесена к лагерю либерализма. Как показано марксистской историографией, здесь налицо империалистическая политика, выступающая под вывеской либерализма¹⁴. Реакционный характер НП выступает особенно рельефно при сопоставлении с Демократической партией, в которой были широко представлены средние слои и интеллигенция и которая провозглашала своей целью защиту республиканских институтов и стремилась, хотя и не всегда последовательно, к проведению в жизнь буржуазно-демократических принципов в том виде, как они были закреплены в веймарской конституции.

При исторической оценке либерализма, замечает Опиц, важно установить масштаб: что вообще является либеральным, в чем неизменная основа либерализма, каково конкретно-историческое содержание лозунга свободы, выдвигаемого либерализмом в каждую эпоху. Для этого нужно выяснить, что для нее объективно означает борьба за свободу и равенство. Опиц выделяет два главных либеральных принципа: частная собственность и политическая свобода. Если до империалистической стадии они сочетались, то теперь они противоречат друг другу¹⁵.

Анализируя кризис либеральной политики и идеологии в Веймарской республике, ряд авторов обращается к предистории этого процесса, когда закладывались основы германского либерализма, формировались его особенности. По словам Беккера, действительный конфликт между поднимающейся буржуазией и феодализмом в Германии так и не со-

¹² M. Freund. Der Liberalismus. Stuttgart. 1965.

¹³ B. C. Witte. Op. cit., S. 18.

¹⁴ См. H. Bertsch. Die FDP und der deutsche Liberalismus. 1789—1963. B. 1965, S. 141; W. Ruge. Stresemann. Ein Lebensbild. B. 1965.

¹⁵ R. Opitz. Op. cit. «Blätter f. deut. u. intern. Politik», 1972, Hf. 1, S. 15; см. также оценку данной проблемы у историка ГДР Л. Эльма: L. Elm. Liberalismus und Imperialismus. Zur geschichtlichen Einschätzung der «Krise des Liberalismus» in Deutschland. «Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität Jena». Ges.- und sprachwiss. Reihe. 1965, Hf. 2, S. 247.

стоялся¹⁶. Буржуазия германских государств оказалась не в состоянии решить главный вопрос национального развития немцев — объединение Германии на демократической основе и после победы Пруссии под Садовой открыто перешла к поддержке монархии и бисмарковского режима. Либералы признали свою некомпетентность в вопросах государственной политики и славословили прусскую военщину. «Такая позиция объясняет,— отмечал Г. Кон,— почему не только в бисмарковской империи, но и в Веймарской республике свобода и гражданское достоинство потерпели катастрофу»¹⁷.

С 80-х годов XIX в. влияние империалистической идеологии на политическое движение либерализма прослеживается во всех империалистических странах, но нигде не проступает так ярко, как в Германии, и нигде оно не привело к таким роковым последствиям. В. Моммзен расценивает тесную связь с империализмом на рубеже XIX—XX вв. как «самое тяжкое грехопадение либерализма» за всю его историю. Он пишет, что империалистические тенденции либерализма не только привели к «роковой дискредитации либеральной идеологии, но и способствовали возникновению двух мировых войн»¹⁸. Л. Галль считает, что в данном случае следует говорить о псевдолиберализме, поскольку в конце XIX — начале XX в. германский либерализм настолько отличался по содержанию от классического английского образца, что общие программные требования «подчас скрывали в сущности диаметрально противоположные политические и социальные модели будущего»¹⁹. Американский историк немецкого происхождения Ф. Селль отмечает империалистические амбиции таких видных деятелей и идеологов либерального движения, как Е. Бассерман, Г. Штреземан, Ф. Науман, Г. Тройчке, П. Рорбах, которые поддерживали экспансионистскую политику вильгельмовской Германии, вынашивали планы расчленения России и колониальных захватов²⁰. Эти особенности развития германского либерализма неизбежно должны были сказаться и в годы Веймарской республики.

Особое внимание буржуазных и реформистских историков привлекает неудавшаяся попытка сплотить широкие слои буржуазии и создать крупную партию, тесно сотрудничающую с правой социал-демократией и таким образом выполняющую функцию примирения классовых антагонизмов между буржуазией и пролетариатом. Эта функция либерализма в годы Веймарской республики, актуальная с точки зрения сегодняшних усилий интегрировать рабочий класс в систему буржуазного государства, вызывает большой интерес в историографии ФРГ. Большое значение придается при этом социально-реформаторским идеям Ф. Наумана, особенно его попытке привлечь рабочий класс к поддержке империалистического государства, оказавшим большое влияние на идеологию левого либерализма в период Веймарской республики, особенно в первые годы после Ноябрьской революции, когда Науман стоял во главе созданной в ноябре 1918 г. Демократической партии. В истории ДП многие исследователи видят отражение или символ судьбы Веймарской республики. Начав с положения третьей по величине партии в 1919 г.,

¹⁶ W. Becker. «Demokratie des sozialen Rechts». Die politische Haltung der Frankfurter Zeitung, der Vossischen Zeitung und des Berliner Tageblatts 1918—1924. Göttingen. 1971, S. 211.

¹⁷ H. Kohn. Die Kapitulation des Liberalismus, in: H. Baumgarten. Der deutsche Liberalismus. Eine Selbstkritik. Frankfurt a/M.—Berlin—Wien. 1974, S. 175.

¹⁸ «Liberalismus und imperialistischer Staat. Der Imperialismus als Problem der Liberalen Parteien in Deutschland 1890—1914». Hrsg. von K. Holl und G. List. Göttingen. 1975, S. 110. Сборник содержит материалы международного colloquium по этим проблемам, проходившего в сентябре 1975 г. в Гуммерсбахе.

¹⁹ Ibid., S. 147—148.

²⁰ F. C. Sell. Die Tragödie des deutschen Liberalismus. Stuttgart. 1953, S. 276, 282, 290 u. a.

ведущие представители которой оказали большое влияние на выработку основ веймарской конституции, ДП быстро захирела. К 1933 г. ее социальная база, организация и даже программа являли собой лишь тень прежней партии. Хотя этот упадок до известной степени можно отнести за счет общего упадка европейского либерализма после первой мировой войны, отмечает М. Экштейнс, встает вопрос — был ли подобный масштаб его в Германии неизбежен (то есть полное исключение буржуазного либерализма как политической силы еще перед приходом Гитлера к власти) или он был следствием ошибок и просчетов со стороны самих демократов²¹?

Многие буржуазные и реформистские авторы в оценке главных проблем истории германского либерализма в период Веймарской республики отталкиваются от книги З. Ноймана, вышедшей впервые еще в 1932 году. Ее переиздание в ФРГ (3-е издание вышло в 1973 г.) свидетельствует о том, что подход автора отвечает политической и идеологической ситуации в Западной Германии. Действительно, уже в этой работе можно найти тезис о том, что Демократическая партия являлась главной поборницей демократии в годы Веймарской республики, материал об усилиях ДП по сплочению «политической середины» в борьбе против левых и правых сил — «красного и коричневого радикализма»²², перечень упущений партийного руководства, возложение ответственности за упадок этой партии и самой Веймарской республики на широкие слои немецкой буржуазии: «Упадок и гибель ДП означают тяжелейшее потрясение созданной в Веймаре демократии. Это свидетельствует также о духовном и политическом кризисе немецкой буржуазии»²³. В работе содержатся верные выводы о том, что прогрессирующий отход избирателей от поддержки левого либерализма объясняется их разочарованием в «политической формальной демократии», за которую ратовала партия, и что они требовали действительно, «социальной демократии». Справедливо также мнение Ноймана, что в ответственный момент, когда решалась судьба партии и самой республики, республиканцы не проявили воли к борьбе, несмотря на их приверженность демократическим принципам. Нойман объясняет это тяжелым грузом прошлого, доставшимся ДП от кайзеровских времён, когда либералы постоянно находились в оппозиции и были отстранены от практической политики.

В. Хубер характеризует ДП как «левую буржуазную партию», занимавшую положение на крайнем левом фланге буржуазных партий. Из такой позиции, по его словам, вытекала задача посредничества между буржуазией и рабочим классом, а значит, между буржуазными партиями и социал-демократией. ДП ставила своей целью преодолеть классовые антагонизмы и в союзе с другими силами создать единый немецкий народ. Поэтому она нередко называла себя «государственной партией», причем под «государством» подразумевала бесклассовое общество, демократическую республику²⁴.

Отношение к социал-демократии было тем камнем преткновения, о который в конечном счете разбивались все попытки сплочения правого и левого либерализма в годы Веймарской республики. Г. Шустерайт исследует взаимоотношения между ДП и СДПГ. В первые годы Веймарской республики буржуазные демократы поддерживали СДПГ из опасения, что последняя вернется к прежней политике борьбы против существующего государства. В 1920 г. ДП выступила против объединения с Народной партией, желая сохранить функцию «моста», соединя-

²¹ M. Eksteins. Theodor Heuss und die Weimarer Republik. Ein Beitrag zur Geschichte des deutschen Liberalismus. Stuttgart. 1969, S. 13.

²² S. Neumann. Die Parteien der Weimarer Republik. 3. Aufl. Stuttgart. 1973, S. 51.

²³ Ibid., S. 53.

²⁴ W. Huber. Gertrud Bäumer. Eine politische Biographie. München. 1970, S. 120.

ющего буржуазные партии с СДПГ, для того, чтобы «закрыть пропасть между буржуазией и рабочими», угрожающую крушением государства. Из среды демократов даже раздавались голоса, что участие ДП в буржуазной коалиции приведет к расколу страны на два враждебных лагеря и, возможно, к гражданской войне²⁵. Несмотря на неудавшиеся на рубеже 1925 и 1926 гг. попытки создания большой коалиции (с участием СДПГ), эту цель ДП неизменно преследовала и в дальнейшем, даже в ущерб себе, как пишет Шустерайт, ибо такая позиция стоила партии немало голосов буржуазных избирателей, что особенно ясно показали выборы 1928 г. в рейхстаг.

В целом Шустерайт констатирует у СДПГ гораздо меньшую заинтересованность в сотрудничестве между двумя партиями, чем у ДП, что он объясняет большой разницей в их политическом весе в стране. Он считает, что СДПГ недооценила возможности сотрудничества с ДП — единственной буржуазной партией, которая была готова пойти на политический союз с СДПГ²⁶. Вывод Шустерайта: если бы ДП развилась в сильную либерально-демократическую партию, то в союзе с СДПГ она сумела бы сохранить Веймарскую республику как демократическое правовое государство. Но для этого, полагает он, было необходимо, чтобы буржуазные демократы пересмотрели свои социально-экономические взгляды. «Важнейшей задачей ДП должно было быть сближение социал-демократических и социально-либеральных представлений, их координация или даже их синтез» (особенно учитывая развитие СДПГ в «народную партию», ее отход от классовых позиций)²⁷.

Л. Альбертин в монографии «Либерализм и демократия в начале Веймарской республики» также констатирует, что в «ключевом вопросе» об отношениях с социал-демократией либералы упустили открывавшуюся перспективу. В случае прочного союза между ними, пишет он, можно было рассчитывать на создание стабильного режима²⁸. В центре внимания автора — реформаторские тенденции, наблюдавшиеся у инициаторов создания ДП — Т. Вольфа, А. Вебера и др. Именно в этих оставшихся неосуществленными планах Альбертин видит реальный шанс к тому, чтобы либеральная партия упрочила свое место и влияние в политической системе республики. Он признает, что главной целью Вольфа, Вебера и др. было сдерживать радикализацию народных масс. В планах основателей ДП, выступавших за обновление либерализма, Альбертин видит «новую концепцию экономического строя в Германии», в которой «принципы участия рабочих в управлении предприятиями, повышение благосостояния трудящихся сочетались бы с частной инициативой и правом предпринимателей на присвоение прибыли, пусть ограниченной»²⁹.

Однако эти планы были построены на песке. Альбертин не отвечает на вопрос, какие силы были призваны взять на себя задачу широкого политического и социального обновления Германии. Буржуазные слои, вначале примкнувшие к ДП из страха перед революционными действиями пролетариата, вскоре отошли от нее к правым партиям, в первую очередь к Народной. В самой ДП, как показали выборы 1920 г. в рейхстаг, буржуазные реформаторы потерпели поражение и верх одержало

²⁵ H. Schustereit. *Linksliberalismus und Sozialdemokratie in der Weimarer Republik. Eine vergleichende Betrachtung der Politik von DDP und SPD 1919—1930*. Düsseldorf. 1975, S. 252.

²⁶ Ibid., S. 267.

²⁷ Ibid., S. 220.

²⁸ L. Albertin. *Liberalismus und Demokratie am Anfang der Weimarer Republik. Eine vergleichende Analyse der Deutschen Demokratischen Partei und der Deutschen Volkspartei*. Düsseldorf. 1972, S. 427.

²⁹ Ibid., S. 116.

правое крыло, выступавшее за укрепление власти крупного капитала. Ряды сторонников ДП резко сократились, и эта тенденция в дальнейшем продолжала нарастать. Но Альбертина интересует не проблема демократических преобразований, а поиски упущенных возможностей укрепления капиталистического строя.

Е. Портнер также сочувственно изображает стремление левого либерализма выйти за рамки чисто буржуазного течения. Он указывает на попытки руководства ДП привлечь на свою сторону рабочих и служащих. Но остатки гирш-дункеровских профсоюзов, на которые распространялось влияние партии, охватывали только 2,2% всех организованных рабочих. Значительно большим было участие служащих: ориентировавшийся на эту партию «Общий союз служащих» включал 20,7% всех служащих в стране³⁰. Портнер повторяет вывод Т. Шидера³¹: «Политическая трагедия германского либерализма» объясняется тем, что либералы не сумели приспособиться к условиям «массовой демократии». Но в отличие от Шидера он возлагает ответственность за это на избирателей, а не на партию, которая, по его словам, в организационном отношении не уступала даже СДПГ. Главную же причину политического упадка левого либерализма он видит в субъективном факторе — отсутствии во главе партии сильной личности, вождя, который сумел бы увлечь за собой массы, сделать принципы либерализма привлекательными в глазах широких слоев населения³². В целом же он высоко оценивает попытку (хотя и неудавшуюся) создать «демократическую массовую партию», «партию, охватывающую все классы и сословия». По его словам, «ДП потерпела неудачу не только из-за своих упущений, но и из-за своих высоких целей» — достичь «классовой солидарности»³³.

Отвлечение рабочих от классовой борьбы, стремление превратить их в «стабилизирующий фактор» внутри капиталистического государства — главная тема мемуаров Э. Леммера³⁴, видного деятеля Демократической (затем Государственной) партии, возглавлявшего гирш-дункеровские профсоюзы, через которые либеральная буржуазия стремилась осуществить свою «социальную» функцию внутри рабочего класса. Возражая против утвердившейся за этим профсоюзным объединением славы «желтых» профсоюзов, Леммер вместе с тем не скрывает, что вся политика профсоюзного руководства была направлена на то, чтобы «устранить социальные противоречия». С этой точки зрения он высоко оценивает созданное в ноябре 1918 г. «Центральное деловое сообщество», в котором участвовали представители профсоюзов и предпринимателей, называет деятельность этой организации одним из «самых впечатляющих и революционных достижений»³⁵. Леммер испытывает удовлетворение оттого, что «вплоть до захвата Гитлером власти между верхушкой социальных партнеров сохранялось согласие по принципиальным вопросам». Он особо отмечает «отношения доверия» между руководящими деятелями профсоюзов и Имперского союза германской промышленности³⁶.

Ряд авторов затрагивает позицию либералов в социальной и экономической сферах, в области финансов. Именно в этих сферах обнару-

³⁰ E. Portner. Der Ansatz zur demokratischen Massenpartei im deutschen Links-liberalismus. «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte». Jg. 13, 1965, Hf. 2, S. 155.

³¹ Th. Schieder. Das Verhältnis von politischer und gesellschaftlicher Verfassung und die Krise des bürgerlichen Liberalismus. «Historische Zeitschrift», 177 (1954), S. 68.

³² E. Portner. Op. cit., S. 154.

³³ Ibid., S. 159, 161.

³⁴ E. Lemmer. Manches war doch anders. Erinnerungen eines deutschen Demokraten. Frankfurt a/M. 1968.

³⁵ Ibid., S. 88.

³⁶ Ibid., S. 91.

живается подлинная классовая сущность либерализма как защитника капиталистической системы, интересов крупного капитала. При решении конкретных вопросов социальной и экономической политики либеральная буржуазия отказывалась защищать интересы не только рабочего класса, но и так называемых средних слоев, которые она безуспешно старалась привлечь на свою сторону. Соображения о поддержке конкурентоспособности германской промышленности неизменно получали перевес над защитой интересов трудящихся. Буржуазные историки пишут о «трагическом конфликте» между либеральными и социал-демократическими защитниками республики в области финансовой политики. Они стремятся оправдать позицию главных буржуазных партий в этом вопросе, направленную на поощрение промышленных кругов и сокращение ассигнований на социальные нужды, критикуют СДПГ за ее «расточительность» в расходах государства на страхование по безработице и коммунальные нужды. Со своей стороны, право-социалистическая историография обвиняет либералов в односторонней ориентации исключительно на крупную промышленность, на решающий перевес «хозяйственной» политики над социальной, что приводило к нарушению политической стабильности и росту радикализации народных масс.

При этом вскрываются непосредственные связи между буржуазными политиками и монополиями, которые диктовали свои условия правительству. Многие факты такого рода приводились на международном симпозиуме «Индустриальная система и политическое развитие в Веймарской республике», состоявшемся в Бохуме в июне 1973 года. Так, согласно данным П.-К. Витта, под нажимом со стороны всех буржуазных партий, в том числе ДП, начиная с 1920 г. постоянно проводились изменения в налоговом законодательстве в пользу предпринимателей³⁷. Л. Альбертин, также принявший участие в симпозиуме, приводит красноречивые данные о давлении промышленных кругов на ДП с целью заставить партию отказаться от осуществления радикальных социально-экономических реформ. Так, возглавляемый К.-Ф. Сименсом «Попечительский совет для восстановления промышленной жизни Германии», который черпал денежные средства преимущественно из берлинской металлообрабатывающей, электротехнической и текстильной промышленности, финансировал в 1919 г. всю избирательную кампанию ДП в надежде, что она станет крупной буржуазной партией, противостоящей СДПГ. Альбертин выдвигает предположение, что партийное руководство, видимо, дало указанному совету определенные заверения в том, что партия не будет посягать на интересы крупного капитала³⁸. Созданный в составе ДП комитет по торговле, промышленности и ремеслу установил связи с главными объединениями предпринимателей Германии. В 1922 г. представитель комитета вошел в правление Имперского союза германской промышленности. И в дальнейшем либералы шли в фарватере крупного капитала. Несмотря на все усилия удержать за собой средние слои населения, отмечает Альбертин, «ДП оставалась в глазах простых людей... партией крупного капитала»³⁹.

М. Фогт критикует буржуазные партии за то, что они не пошли на сотрудничество с СДПГ в вопросах финансовой политики. ДП и НП на переговорах о заключении коалиции в июне 1928 г. высказались про-

³⁷ P.-Ch. Witt. Finanzpolitik und sozialer Wandel in Krieg und Inflation 1918—1924. «Industrielles System und politische Entwicklung in der Weimarer Republik. Verhandlungen des internationalen Symposiums in Bochum vom 12.—17. Juni 1973». Hrsg. von H. Mommsen u. a. Düsseldorf. 1974, S. 417.

³⁸ L. Albertin. Faktoren eines Arrangements zwischen industriellem und politischem System in der Weimarer Republik 1918—1928. Ibid., S. 661.

³⁹ Ibid., S. 668.

тив повышения налогов на капитал, чтобы сделать промышленность конкурентоспособной⁴⁰. Лозунг «народной общности», который выдвигался либералами, на деле оказался пустой фразой. Интересы рабочих и всех нуждающихся, пишет Фогт, значили очень мало по сравнению с требованиями предпринимателей, добивавшихся наряду со снижением налогообложения промышленности сокращения пособий по безработице, чтобы укрепить свои позиции в борьбе против забастовочного движения⁴¹. Фогт прослеживает все больший переход либералов на сторону крупной буржуазии в условиях наступившего экономического кризиса. Он показывает, что в вопросах налоговой политики ДП и НП занимали близкие позиции. При обсуждении проекта государственного бюджета в декабре 1929 г. демократы пошли на большие уступки требованиям НП, добивавшейся освобождения промышленности от всякого налогового «бремени», которое препятствовало бы быстрому накоплению капиталов. Член демократической фракции рейхстага О. Майер вместе с Г. Брюнингом составили проект реформы страхования по безработице, который, как отмечает Фогт, «был более приемлем для НП, чем для СДПГ»⁴², пытавшейся лавировать между рабочими и предпринимателями. Защищая правое руководство СДПГ, Фогт обвиняет все буржуазные партии правительственной коалиции в том, что своей позицией в социальной и финансовой сфере они противопоставили себя социал-демократам и тем самым вызвали кризис парламентарной системы. Фогт подчеркивает и ответственность за распад большой коалиции в 1930 г. заправил германской промышленности, применявших внепарламентские методы давления на правительство Г. Мюллера. По его словам, внутри буржуазных партий, особенно НП, активно действовали многочисленные лоббисты, которые «в значительной мере были заинтересованы в том, чтобы большая коалиция потерпела провал»⁴³.

Большое внимание в западногерманской историографии уделяется роли средних слоев в Веймарской республике — мелких предпринимателей, ремесленников, служащих и интеллигенции. Либеральные партии оказались не в состоянии привязать эти слои к буржуазно-демократической парламентарной системе, что объявляется главной причиной кризиса либерализма и республиканских институтов. Проблемы средних слоев так или иначе касаются все авторы, занимающиеся историей либерализма. Специально ее исследует Г.-А. Винклер, концепция которого изложена им в монографии⁴⁴ и затем в докладе на симпозиуме в Бохуме. После Ноябрьской революции средние слои вначале примкнули к ДП — не потому, как пишет Винклер, что они обратились в веру «левого либерализма», а потому, что хотели иметь крупную буржуазную партию, противостоящую «социалистическим экспериментам» социал-демократии. Но уже в 1920 г. большинство избирателей из средних слоев перешли к НП, поскольку они желали иметь правительство без СДПГ. В дальнейшем и эта партия перестала устраивать средние слои из-за ее связей с крупным капиталом, и они изменили свою ориентацию сначала в пользу Национальной, затем — Хозяйственной партии, пока, наконец, не попали под влияние НСДАП⁴⁵.

Винклер отмечает, что ни одно правительство Веймарской республики не имело сколько-нибудь определенной программы своей поли-

⁴⁰ M. Vogt. Die Stellung der Koalitionsparteien zur Finanzpolitik 1928—1930. Ibid., S. 444.

⁴¹ Ibid., S. 446—447.

⁴² Ibid., S. 446.

⁴³ Ibid., S. 976.

⁴⁴ H. A. Winkler. Mittelstand, Demokratie und Nationalsozialismus. Die politische Entwicklung von Handwerk und Kleinhandel in der Weimarer Republik. Köln. 1972.

⁴⁵ H. A. Winkler. Vom Protest zur Panik: Der gewerbliche Mittelstand in der Weimarer Republik. «Industrielles System und politische Entwicklung in der Weimarer Republik...», S. 787.

тики в отношении средних слоев. Как либеральные партии, так и крупные промышленники не поняли необходимости систематически завоевывать средние слои на свою сторону. Политика частичных уступок, проводимая ДП и другими партиями, не могла смягчить радикализацию средних слоев и переход их к поддержке национал-социализма⁴⁶. Однако эти и другие верные наблюдения Винклер использует для того, чтобы сконструировать свою версию происхождения фашизма. В существовании многочисленных средних слоев он видит следствие незавершенности промышленной революции и отсталости Германии по сравнению с более передовыми капиталистическими странами. Он пишет о сословных традициях, переживших промышленную революцию и еще сохранявшихся в Веймарской республике. По его словам, эти традиции стали источником того «корпоративного антипарламентаризма», который был использован нацистами в борьбе за власть. Таким образом, на место действительной проблемы — «монополистический капитал и фашизм» — Винклер ставит мнимую проблему — «фашизм и социальная отсталость»⁴⁷.

Как справедливо отмечает историк ГДР Г. Берч, либеральным силам не удалось изжить иллюзию, что можно укрепить верную республике «политическую середину», одновременно борясь как против реакции, так и против левых. Все попытки такого рода неизменно вели к дальнейшему изменению в расстановке сил в пользу самых реакционных, шовинистических и агрессивных кругов⁴⁸. При этом обнаруживается, какую роковую роль сыграли антикоммунистические тенденции в судьбе как германского либерализма, так и республиканского режима, за сохранение которого ратовали либералы. Кризис либеральной политики и идеологии особенно четко прослеживается начиная с поражения ДП на выборах в рейхстаг в мае 1928 года. С этого времени ДП заметно эволюционирует вправо, стремясь сблизиться с НП — партией крупного капитала — и постепенно отказываясь от либеральных принципов. Реальным содержанием дискуссий о «новом либерализме», которые оживленно велись в конце 20-х — начале 30-х годов в либеральных кругах, была прогрессирующая переориентация на монополистическую буржуазию, отказ от притязаний на то, чтобы выступать в качестве партии всего народа.

Касаясь данных сюжетов, буржуазная историография ограничивается констатацией попыток по сплочению либеральной буржуазии, объясняя их неудачу в лучшем случае тактическими промахами или тем, что ДП не поддержали широкие слои немонополистической буржуазии, и умалчивая о том, что своей политикой правое руководство партии способствовало переходу этих слоев в лагерь реакции. «Трудно сказать, — пишет В. Беккер, — кто несет ответственность за это — интеллигенция ли, оказавшаяся политически не на высоте, или партия — ДП, не отвечавшая требованиям, или «обстоятельства» сделали невозможным другое развитие. Наконец, буржуазия скоро оставила ДП; это является исторической виной буржуазии и одновременно симптомом конца либерализма»⁴⁹.

Усилия либералов по сплочению политической «середины» не могли составить альтернативу растущей фашистской опасности. Буржуазные историки поднимают на щит Г. Штреземана как государственного деятеля, который мог бы, возглавив либеральный лагерь, открыть перед либерализмом историческую перспективу». Ф. Селль, хотя и с оговорками, включает Штреземана в историю германского либерализма и утверждает, что Штреземан проделал эволюцию от националистиче-

⁴⁶ Ibid., S. 785.

⁴⁷ Ibid., S. 791.

⁴⁸ H. Bertsch. Op. cit., S. 142.

⁴⁹ W. Becker. Op. cit., S. 224.

ского партийного деятеля к крупному государственному деятелю, который стремился к миру и объединению Европы на основе мирного сотрудничества европейских стран. «Он никогда не пошел бы на компромисс с Гитлером,— пишет Селль,— никогда не согласился бы с безумием расизма. Если бы он прожил дольше... фашизм не победил бы в Германии»⁵⁰. Этот же тезис поддерживает Г. Шварц, утверждая, что если в 1918 г. образование крупной республиканской партии во главе со Штреземаном было невозможно, то спустя десять лет оно было немыслимо без него⁵¹. Как показано в марксистской историографии, за либеральной демагогией Штреземана скрывались прежние гегемонистские цели германского империализма. То, что буржуазными историками преподносится как успех либерализма, оказывается в исторической перспективе прелюдией к 1933 году⁵².

Обращаясь к партийно-политической истории Веймарской республики, многие буржуазные и правосоциалистические авторы рассматривают данные проблемы в отрыве от социально-экономических отношений, обострения классовой борьбы в последние годы республики, что позволяет им уходить от проблемы ответственности монополистического капитала за усиление реакции. Р. Фирхаус выдвинул тезис, который часто повторяется во многих работах: «Не наличие радикализмов, а отсутствие достаточных сил сопротивления им является главной проблемой истории Веймарской республики и возникновения национал-социалистического господства»⁵³. По словам В. Конце — известного историка либерального направления, — лидеры буржуазных партий не использовали возможностей коалиционной политики, чтобы поддержать стабильность веймарского режима; политическая система якобы «сама» распалась задолго до того, как к власти пришел Гитлер⁵⁴. Он заявляет, что в начале 30-х годов не существовало альтернативы — «Веймар или Гитлер», что не могло быть возврата к парламентской системе и отмена демократических основ веймарской конституции была неизбежной. Конце выдвигает тезис о «недееспособности»⁵⁵ буржуазных партий и необходимости замены республиканских институтов открытой диктатурой. В свете сказанного получает оправдание и политика правого крыла ДП, стремившегося переориентировать партию на союз с правыми силами и поддерживавшего реакционные мероприятия Брюнинга и Папена.

Е. Маттиас и П. Морзай, рассматривая неудавшуюся вторичную попытку объединения Демократической и Народной партий в 1930 г., сводят причины этой неудачи к разногласиям по вопросу об отношении к СДПГ⁵⁶. «Левая» либеральная партия — ДП — не решилась противопоставить себя социал-демократии, на чем настаивало руководство НП, из боязни окончательно потерять массовую базу и сохранила свое положение «буфера», или «моста», между буржуазией и рабочим классом в надежде, что такая тактика, как и в 1918 г., принесет успех. Слияние ДП с «Младогерманским орденом» в новую, Государственную партию Маттиас и Морзай также рассматривают под углом зрения спло-

⁵⁰ F. C. Sell. Op. cit., S. 396.

⁵¹ G. Schwarz. Theodor Wolf und das «Berliner Tageblatt». Eine liberale Stimme in der deutschen Politik 1906—1933. Tübingen. 1968, S. 96.

⁵² H. Bertsch. Op. cit., S. 141; W. Ruge. Op. cit.

⁵³ R. Vierhaus. Die politische Mitte in der Weimarer Republik. «Geschichte in Wissenschaft und Unterricht», 1964, Hf. 3, S. 149.

⁵⁴ W. Conze. Die deutschen Parteien in der Staatsverfassung vor 1933. «Das Ende der Parteien 1933». Düsseldorf. 1960, S. 3.

⁵⁵ W. Conze. Op. cit., S. 4. Подобный тезис защищает также Д. Цирер. D. Zieger. Niedergang und Zusammenbruch der Weimarer Parteien von 1930 bis 1933. München. 1973.

⁵⁶ E. Mattias, P. Morsey. Die deutsche Staatspartei. «Das Ende der Parteien 1933», S. 35.

чения «середины» с целью более успешной борьбы с правыми и левыми. Они пишут, что изменение политического курса новой партии произошло «лишь в нюансах»⁵⁷. В действительности объединение вызвало кризис и раскол ДП, новая партийная программа свидетельствовала об уступках национализму и отказе от прежних либеральных принципов⁵⁸.

Правое крыло Государственной партии во главе с ее председателем Г. Дитрихом, занимавшим посты вице-канцлера и министра финансов в правительстве Брюнинга, выступало за реформу конституции, отмену демократических свобод и введение «умеренной диктатуры». Тем не менее авторы видят в таком антидемократическом курсе лишь желание укрепить республиканские основы веймарской политической системы⁵⁹. Курс Государственной партии на всемерное укрепление исполнительной власти против врагов государства «справа» и «слева» находит у них полное одобрение. Особенно высоко оценивают они выработанный либералами в августе 1931 г. план «личной унии» между главой прусского правительства социал-демократом О. Брауном и рейхсканцлером Брюнингом. Согласно этому плану, Браун должен был занять пост вице-канцлера в правительстве Брюнинга; таким образом предполагалось возродить большую коалицию на имперском уровне, привязать СДПГ к правительству Брюнинга и устранить дуализм между Пруссией и империей. Этот план установления «авторитарного правительства на парламентной основе» потерпел неудачу, как и другие попытки спасения республики с помощью антиреспубликанских методов. Характерно, что план предусматривал прямую интервенцию в Пруссию со стороны имперской власти и создание директории во главе с Брюнингом в случае, если СДПГ окажет сопротивление. Известно, что подобные планы в отношении Пруссии вынашивали и правые силы, стремившиеся к установлению открытой диктатуры, что доказывает государственный переворот в Пруссии, совершенный Папенем год спустя.

Специально истории ДП посвящена работа полумемуарного, полупроследовательского характера, которую написал В. Штефан, возглавлявший с 1922 по 1929 г. центральный секретариат ДП и в последующие годы входивший в состав руководящих органов этой, а затем и Государственной партии. Штефан критически оценивает деятельность руководства партии, упрекая его за невнимание к нуждам средних слоев, за тактические промахи в коалиционной политике, в сплочении всех верных республике сил. Однако он рассматривает партийно-политическую эволюцию ДП без связи с главными факторами, определявшими изменение курса этой партии, — обострением классовой борьбы в стране и давлением со стороны влиятельных организаций крупного капитала. Таким существенным вопросам, как источники финансирования партии или социальная структура ее избирателей, не нашлось места в его книге. Лейтмотив рассуждения автора — отсутствие во главе партии деятеля, равного Штресеману. По его мнению, это обстоятельство особенно сказалось после 1928 г., когда очередные неудачные выборы вызвали сильное замешательство в партийном руководстве. Председатель партии Е. Кох-Везер, по словам Штефана, потерял чувство реальности и, пойдя на объединение с «Младогерманским орденом», изменил наумановской традиции⁶⁰. Отказ от либеральных принципов в последние годы Веймарской республики Штефан считает большим несчастьем для

⁵⁷ Ibid., S. 38.

⁵⁸ См. «Die bürgerlichen Parteien in Deutschland». Bd. I, S. 324.

⁵⁹ E. Matthias, P. Morsey. Op. cit., S. 40—41.

⁶⁰ W. Stephan. Aufstieg und Verfall des Linkliberalismus 1918—1933. Geschichte der Deutschen Demokratischen Partei. Göttingen. 1973, S. 502—503. См. также написанный им раздел о ДП в «Geschichte des deutschen Liberalismus».

демократов, хотя и сам он несет ответственность за кризис политики и идеологии «левого» либерализма⁶¹.

О политических устремлениях и идеологии правого крыла германского либерализма дают представление две работы, посвященные Т. Хейсу⁶², который, как известно, после второй мировой войны стал первым президентом ФРГ. В отличие от работы М. Экштейнса, в которой Хейс представлен и как политик, и как идеолог, Ю. Гесс исследует только идеологию. Он анализирует представления Хейса о возможности реформ в период до 1918 г., о сущности государства, демократии, парламентаризма и проч. Выясняется, что Хейс выступал за умеренные реформы, был противником радикальных структурных изменений в вильгельмовской Германии. Он был решительно против идеи Советов и упразднения монархии, но постепенно встал на «почву реальных фактов», то есть примирился с установлением республиканского строя. Стремясь изобразить Хейса представителем «демократической традиции»⁶³, которая якобы была продолжена в Западной Германии после 1945 г., Гесс не стремится определить его место внутри партии. Между тем такой анализ показал бы, как отмечалось в рецензии К. Вегнер⁶⁴, что подчеркивание Хейсом роли «вождя» в демократической системе, его критическое отношение к «господству партий» в государстве, его тяга к президентскому правлению на заключительном этапе Веймарской республики, его экспансионистская внешнеполитическая программа — все это соответствует представлениям влиятельного правого крыла ДП, группировавшегося вокруг Коха-Везера, Г. Хёпкера-Ашофа, Г. Дитриха, Г. Фишера. Сам Гесс признает, что в годы Веймарской республики Хейс не был «прежде всего» либералом, а стал таковым лишь после трагических уроков фашистского господства в Германии⁶⁵.

В. Беккер и Г. Шварц в работах о либерально-демократической прессе Веймарской республики поднимают проблему ответственности буржуазной интеллигенции за судьбы либеральной идеологии, республиканского режима, за приход фашистов к власти. Фактически речь идет о газетах, представлявших позицию левого крыла ДП: «Frankfurter Zeitung», «Vossische Zeitung», «Berliner Tageblatt». Беккер видит причину слабости либеральной прессы в «слабой интегрирующей силе государства», в том, что республика не обладала «прочным фондом общепризнанных духовных ценностей» (что в действительности было отражением классовых антагонизмов) и, наконец, в кризисе либеральной идеологии, вследствие чего воздействие демократических газет на широкие слои общества неуклонно уменьшалось⁶⁶. Беккер не затрагивает при этом социально-экономические факторы этого процесса, эволюцию самого либерализма в условиях наступления реакционных сил.

Г. Шварц рассматривает политические взгляды Т. Вольфа, одного из основателей ДП, который стремился провести в жизнь свою концепцию «социальной демократии» на основе тесного союза с СДПГ. Вольф, безусловно, не одобрял Ноябрьскую революцию, и все его усилия были направлены на примирение буржуазии и пролетариата, против любых «революционных экспериментов». Задачу либерализма в Германии он видел в посреднической роли между консервативным лагерем и социал-демократией. Он предпочитал отказаться от завершения демократических преобразований, чтобы не провоцировать социалистиче-

⁶¹ W. Stephan. Op. cit., S. 505.

⁶² M. Eksteins. Op. cit.; J. C. Hess. Theodor Heuss vor 1933. Ein Beitrag zur Geschichte des demokratischen Denkens in Deutschland. Stuttgart. 1973.

⁶³ J. C. Hess. Op. cit., S. 10.

⁶⁴ «Neue politische Literatur» (Stuttgart), 1975, № 2, S. 264—267.

⁶⁵ J. C. Hess. Op. cit., S. 204, 209.

⁶⁶ W. Becker. Op. cit., S. 210.

ской революции⁶⁷. В работе отмечается нереалистичность выдвигавшихся Вольфом планов сплочения «политической середины»; у него, как и у ДП в целом, не было экономической программы, способной привлечь массы, а без нее все попытки сплочения либеральных сил были обречены на провал⁶⁸. После 1930 г. Вольф выступал в поддержку Брюнинга, усматривая в нем последнюю опору республиканского режима, возлагал надежды на СДПГ, на то, что она «еще раз» (как и в 1918 г.) спасет капиталистический строй в стране. Вольф как бы олицетворял собой основные черты «левого» либерализма в Веймарской республике с его непоследовательностью в борьбе за демократические преобразования, невниманием к насущным нуждам трудящихся, нерешительностью, приверженностью к легальным, конституционным методам защиты буржуазной демократии.

Эти черты пагубно отразились на эффективности борьбы либеральной буржуазии против фашистской опасности. Шварц отмечает, что многие буржуазные демократы слишком поздно поняли действенность национал-социалистской демагогии в отношении определенных слоев населения и что они, по сути дела, не смогли выдвинуть программу, способную мобилизовать демократические силы на отпор нацизму. Многие из них видели в Гитлере временное явление, связанное с экономическим кризисом и инфляцией. Последовательнее других выступал против фашизма Т. Вольф, но и он видел в национал-социализме «род болезни», распространившейся в условиях экономического кризиса. Руководимая им газета «Berliner Tageblatt» не сумела дать правильную оценку нацистской идеологии. Решительного отпора фашизму либералы так и не смогли оказать. Они верили в то, что национал-социалистское «движение» разобьется о принципы и политические основы «демократического конституционного государства», в то, что Гинденбург окажется надежным гарантом конституционного режима⁶⁹.

Роковую роль в судьбах либерализма и самой Веймарской республики сыграл антикоммунизм, помешавший даже последовательным демократам из числа буржуазных либералов найти истинного союзника в борьбе против фашизма и реакции. Пагубная установка на борьбу «направо» и «налево» ослабляла их позиции, мешала им создать общий фронт борьбы против сил реакции, за демократический путь развития Германии. В отдельных работах можно найти признание этого факта. Борьба как с правыми, так и левыми силами, отмечает Шустерайт, — «борьба на всех фронтах», — несомненно, ослабляла левых либералов. Помимо постоянной заботы об отмежевании от СДПГ и НП в идеологии и политике, ДП вела борьбу на левом фланге против Независимой социал-демократической партии (НСДПГ) и КППГ, а на правом — против Национальной партии и НСДАП. Исключительно опасным соперником ДП оказалась, как считает Шустерайт, Хозяйственная партия, которая отбирала у ДП на выборах десятки тысяч голосов⁷⁰.

Буржуазные и реформистские историки, как правило, предпочитают не касаться проблемы единого фронта германского либерализма с левыми социал-демократами и коммунистами. Встречаются лишь отрывочные высказывания на этот счет. Так, Беккер считает, что, несмотря на противоположность политических позиций, у буржуазных демократов (Вольфа и др.) были «точки соприкосновения и личные симпатии к левым: социал-демократам, перешедшим в НСДПГ, и даже к Розе Люксембург». Объективные причины этого, пишет Беккер, заключались в близости взглядов и целей (по крайней мере частично), в таких

⁶⁷ G. Schwarz. Op. cit., S. 47, 86.

⁶⁸ Ibid., S. 219.

⁶⁹ Ibid., S. 260—265.

⁷⁰ H. Schustereit. Op. cit., S. 227.

вопросах, как борьба против военной опасности, против реакции, за искоренение остатков прежнего политического режима⁷¹. Шварц фактически признает политическую близорукость Вольфа, который ставил на одну доску НСДАП и КПП как противников республиканского режима. Антикоммунистические предрассудки заслонили от Вольфа подлинный размер опасности со стороны нацизма. Он явно недооценил влияние нацистской пропаганды на определенные слои населения, особенно на мелкую буржуазию⁷².

На фоне охранительных в своей основе концепций буржуазной и правосоциалистической историографии заметным явлением стала работа прогрессивного историка Р. Опица, в которой исследуется история ДП на протяжении всего ее существования. В этой работе вскрываются социальные корни германского либерализма, характеризуется его главная функция в период Веймарской республики — интегрировать пролетариат и немонополистическую буржуазию в систему господства крупного капитала. Заслуживает внимания (хотя и нуждается в дальнейшем исследовании) выдвигаемый автором тезис, что попытка основать в 1919 г. крупную либеральную партию окончилась неудачей в результате непреодолимых противоречий между главными группировками монополистического капитала — тяжелой индустрией и новыми концернами химической и электротехнической промышленности. Эти же противоречия лежали в основе ряда неудачных попыток сплочения либеральных сил в последующие годы.

Опиц исследует политику правого крыла партии, его все большую ориентацию на монополистическую буржуазию и на отмену конституционных основ веймарского режима. «Легенда либералов о разрушении веймарской парламентарной демократии коммунистами и национал-социалистами, — пишет Опиц, — оказывается сплошной ложью перед лицом того факта, что призыв к упразднению этой системы исходил и от самих капиталистов и так называемых партий «середины»... Стремление монополистического капитала и его политических организаций к устранению парламентарной демократии отнюдь не было ответной реакцией на усиление этих «радикальных» партий; наоборот, оно было следствием укрепления позиций монополистического капитала и его нежелания делить свою власть (хотя бы формально) с массами». Не удивительно, указывает автор, что в дальнейшем либералы не могли выдвинуть альтернативу растущему влиянию национал-социализма⁷³.

Существовавшее внутри либерализма демократическое направление Опиц справедливо рассматривает как тенденцию определенных кругов немонополистической буржуазии и интеллигенции отмежеваться от правящей либеральной верхушки в главных вопросах, касавшихся защиты интересов крупного капитала, и перейти на действительно демократические, антимонополистические позиции⁷⁴. Это направление заслуживает большого внимания потому, что оно указывает на объективно существовавшую возможность перехода наиболее последовательных буржуазных демократов к союзу с рабочим движением. С рабочим классом их сближала борьба против подготовки войны, объективно составлявшая потенциальную основу для союза всех антимонополистических сил.

С позиций, близких к марксистским, оценивает проблемы германского либерализма также Р. Кюнль. Особое внимание он уделяет критике идеологии и политической практики либерализма в ФРГ⁷⁵.

⁷¹ W. Becker. Op. cit., S. 205.

⁷² G. Schwarz. Op. cit., S. 264.

⁷³ R. Opitz. Der deutsche Sozialliberalismus. 1917—1933. Köln. 1973, S. 181—182, 263.

⁷⁴ Ibid., S. 245.

⁷⁵ R. Kühnl. Deutschland zwischen Demokratie und Faschismus. Zur Problematik der bürgerlichen Gesellschaft seit 1918. München. 1968; e j u s d. Formen bürgerlicher Herrschaft. Liberalismus—Faschismus. Reinbeck bei Hamburg. 1971.

Таким образом, проблема кризиса буржуазного либерализма в годы Веймарской республики продолжает оставаться полем борьбы между буржуазно-реформистскими и пробивающим себе дорогу прогрессивным направлениями в историографии ФРГ. Буржуазные и право-социалистические авторы трактуют данную проблему прежде всего с точки зрения идеи классового сотрудничества, что отвечает сегодняшним устремлениям монополистического капитала. Опыт германского либерализма (хотя и неудачный) в этом отношении оценивается ими как «большая заслуга», «вклад в дискуссию»⁷⁶ о привлечении рабочего класса к «конструктивной роли» в системе господства империалистической буржуазии. Большинство их не вскрывает истинных причин кризиса либерализма, сводит их к факторам субъективного порядка. С помощью антикоммунистических аргументов они искажают действительную линию размежевания прогрессивных и реакционных сил и таким образом затемняют проблему сплочения народа против действительных врагов демократии и социального прогресса. Под влиянием марксистской исторической науки ряд прогрессивных авторов выступает против псевдолиберальных социал-реформистских концепций, разоблачает истинных виновников гибели Веймарской республики, подчеркивает историческую роль рабочего класса как авангарда борьбы за интересы всех трудящихся.

⁷⁶ W. Becker. Op. cit., S. 239.

ИЗ ДНЕВНИКА В. Н. ЛАМЗДОРФА

Дневник В. Н. Ламздорфа, посвятившего из своей жизни (1844—1907 гг.) 40 лет карьере профессионального дипломата, а на заключительном ее этапе (1900—1906 гг.) ставшего министром иностранных дел России, весьма обширен. Научное использование его содержания оказалось возможным только после Великой Октябрьской социалистической революции, причем изучение и публикация этого своеобразного источника отчасти тормозились из-за того, что записи делались Ламздорфом на французском языке с обильным включением документации на немецком и английском языках. Дневник за 1886—1892 гг. был опубликован в 1920—30-е годы¹. Дневник за 1893 г. в фонде Ламздорфа (ЦГАОР СССР) нами не обнаружен. Обширная же рукопись за последние охваченные в дневнике годы (1894—1896) до сего времени не издана. Она хранится в ЦГАОР СССР. Из нее было переведено и использовано в виде отрывочных публикаций лишь незначительное количество страниц². Автором этих строк был предпринят перевод страниц, охватывающих заключительные годы дневника. Общий объем русского текста перевода составляет 978 страниц машинописи. Ниже приводятся некоторые выдержки из записей Ламздорфа в его дневнике за 1894, 1895 и 1896 годы.

Каково же содержание дневника за указанное время и какой целью задавался Ламздорф при ведении своего дневника? К этому вопросу он возвращался неоднократно, как бы рассуждая сам с собой. Вот наиболее характерный из его собственных ответов: «Мое положение дает мне возможность записывать факты, вскрывать подспудные стороны исторической игры в карты; это может оказаться полезным в будущем. Сколько исследований пришлось бы тогда делать в секретных и недоступных архивах, чтобы выяснить даже частицу того, что мне легко сделать сегодня путем фотографирования, если так можно выразиться, своего рабочего дня»³. «Фотоснимки» своей работы, повседневно делавшиеся Ламздорфом, чрезвычайно любопытны, поскольку информированность автора была высокой.

Конкретное содержание дневника за рассматриваемый промежуток времени может быть в основном сведено к следующим темам, представляющим интерес для историка: особенности работы министерства иностранных дел России как своеобразной канцелярии царя по вопросам внешней политики; влияние династических взаимосвязей и возрастающая роль экономических интересов в иностранных делах; обстановка внутри министерства; противоречия между державами, их отражение в дипломатической деятельности и использование во внешней политике; отношения с Германией, становление франко-русского союза, попытки немецкой стороны по его нейтрализации; ближневосточные проблемы; дальневосточный узел международных противоречий; отражение страха правящих кругов перед революцией на дипломатической деятельности.

Судя по записям Ламздорфа, министерство иностранных дел России продолжало тогда работать в значительной мере по старинке. Резолюции царя, так называемые «пометы», служили основой, направляющей действия министра и его подчиненных. Когда принципиально важная бумага возвращалась царем без каких-либо «помет», нередко начинались недоумения и колебания в принятии того или иного решения⁴. «Пометы» царей, особенно Николая II, нередко поражали Ламздорфа своей некомпе-

¹ «Дневник В. Н. Ламздорфа». 1886—1890. Т. 1. М.-Л. 1926; 1891—1892. Т. 2. М.-Л. 1934.

² «Красный архив», 1931, т. 3(46).

³ ЦГАОР СССР, ф. 568 (В. Н. Ламздорф), оп. 1, д. 42, л. 30.

⁴ Там же, д. 41, л. 24.

тентностью и нерешительностью, граничащей с полной несостоятельностью. Но к этим подобиям резолюций волей-неволей приходилось прислушиваться, а норов царя и его реальные возможности тщательно изучать. Так, Ламздорф, хорошо знавший французский и немецкий языки и хуже английский, учитывал, что письма другим монархам, носившие личный характер, Николай II предпочитал писать не на традиционном тогда для дипломатии французском языке, а по-английски (поскольку изучал этот язык и получил в нем к тому же дополнительную практику, ибо царица Александра Федоровна, урожденная Алиса Гессенская, воспитывалась при дворе британской королевы Виктории). Именно в виде копий английского текста зафиксирован в дневнике Ламздорфа происходивший в 1895 г. обмен письмами между Николаем II и его двоюродным братом, германским кайзером Вильгельмом II, угрожавшим царю не доверять французам⁵, этим республиканцам, которые в свое время «отрубили головы королю и королеве», а не так давно допустили у себя Парижскую коммуны⁶.

Наряду с продолжавшимся в рассматриваемые годы существенным влиянием династических взаимосвязей на международные отношения и дипломатическую деятельность, все более возрастающую роль во внешней политике России играли непосредственные экономические интересы эксплуататорских классов. Это можно проследить, в частности, по отраженной в дневнике активности министра финансов С. Ю. Витте. Да и министерство иностранных дел стало вплотную интересоваться такими банковскими тонкостями, как разногласия между Ротшильдами английскими и Ротшильдами французскими⁷, или преждевременным разглашением российским банковским дельцом Ротштейном сведений о проектируемом Россией займе⁸. Более тщательно, чем прежде, учитывались мнения не только экспортеров зерна, но и промышленной буржуазии в отношении заключаемых Россией договоров. «Со стороны некоторых групп наших промышленников, особенно имеющих дело с шерстью, даже раздаются резкие протесты»⁹, — говорится в дневнике по поводу германо-русского торгового договора 1894 года.

Внутренняя атмосфера в министерстве иностранных дел России, судя по дневнику, была довольно тяжелой. Процветали анонимные доносы, карьеризм, интриганство, вплоть до посылки за границу апокрифических писем за чужой подписью. Начальство ханжески следило за религиозностью чиновников. Сам Ламздорф, по вероисповеданию православный, аккуратно зажигает у себя дома лампады перед иконами и ходит в министерскую церковь; однако его возмущают такие факты, когда товарищ министра стоит в этой небольшой церкви у входа, явно проверяя присутствие чиновников на богослужении, или когда не в меру старательный священник министерской церкви пытается обратить министра иностранных дел Н. К. Гирса перед самой его кончиной из лютеранства в православие.

Будучи по совместительству членом Комитета шифров, Ламздорф отдавал себе отчет в уязвимости любой шифрованной переписки и настаивал на более частой смене ключей к русским шифрам для повышения секретности служебного телеграфного обмена. Впрочем, борьба за обеспечение секретности, видимо, носила в известной мере формальный характер: например, когда слуга принес министру иностранных дел А. Б. Лобанову-Ростовскому из магазина покупку, завернутую в экземпляр секретного документа¹⁰, Ламздорф пачал нервничать, но успокоился, как только узнал, что этот документ был не из числа находившихся в его ведении.

Значительное место уделяется в дневнике вопросам расстановки сил на международной арене и возможности использования противоречий между другими державами; отмечается, например, охлаждение отношений между Англией и Германией из-за Южной Африки¹¹ и между Англией и США из-за Венесуэлы¹², что на неко-

⁵ Там же, д. 42, л. 23.

⁶ Там же, л. 50.

⁷ Там же, д. 41, л. 12.

⁸ Там же, л. 52.

⁹ Там же, д. 37, л. 16.

¹⁰ Там же, д. 41, л. 33.

¹¹ Там же, д. 42, л. 45.

¹² Там же, д. 43, л. 52.

торое время ослабило силу и активность антирусской политики Англии. Отдавая себе отчет в том, что дипломатия других стран также склонна использовать чужие противоречия и разжигать их, автор дневника внимательно следит за противоречиями внутри складывавшейся франко-русской коалиции и за поведением третьих держав по отношению к имевшимся внутри нее реальным противоречиям, например, по вопросу экспортирования зерна. Ламздорф и некоторые из его коллег отнюдь не являлись сторонниками чрезмерно тесных контактов с Францией, считая, что для России выгоднее держать баланс и играть роль арбитра между Францией и Германией. Ламздорф придерживался той точки зрения, что дружба с Францией «подобна мышьяку — в умеренной дозе она полезна, а при малейшем преувеличении становится ядом»¹³. Вместе с тем автор дневника едко обличает недальновидное поведение посла России в Германии графа Н. Д. Остен-Сакена¹⁴, который не смог в фальсифицированных сведениях увидеть интригу немецких правящих кругов о мнимом сговоре Австрии с Францией и Англией против России; эта интрига имела целью внушить царскому правительству недоверие к Франции.

Ламздорф не терял из виду и того, что Германия, как и другие державы, вела по отношению к России двойственную игру. Автор дневника остро реагирует в своих записях на разглашение Германией секретного русско-германского договора 1887 г., расценивая это как «вероломный маневр, предназначенный для создания атмосферы недоверия» во франко-русских отношениях¹⁵. В дневнике отмечается двоедушие германской политики и в дальневосточных делах: с одной стороны, Германия всячески подталкивала Россию к экспансии на Востоке и устами Вильгельма II заявляла о готовности гарантировать в этом случае русские западные границы¹⁶, а с другой — через своих дипломатов поощряла Японию не спешить с выводом войск с Ляодунского полуострова, захваченного ею в ходе японо-китайской войны¹⁷. В дневнике есть немало материалов, повествующих о событиях японо-китайской войны. Не упущен автором дневника даже такой факт, как возникновение недолговечной республики на Формозе (Тайвань), подавленной японцами.

Большое внимание уделяется в дневнике ближневосточным проблемам. Наряду с вопросами о Египте и Эфиопии, значительное место отведено записям о восстании греков против турецкого владычества и об армянской резне в Турции: «Жители Крита больше ровно ничего не понимают в нашей позиции, и мы последовательно теряем их доверие и симпатии. У Лобанова все еще доминирует идея поддержания статус-кво и оттяжки падения Османской империи. Остается под вопросом, являются ли наилучшими выбранные для этой цели средства»¹⁸. На основании документальных данных в дневнике Ламздорфа показано, что царская дипломатия (и лично Николай II) ради той же оттяжки падения Османской империи относилась довольно равнодушно к зверским расправам султанских властей и местных фанатиков над армянским населением Турции. Подробно освещается в дневнике возникший в 1895—1896 гг. вопрос о возможности высадки русских войск на Босфоре. Ламздорф был возмущен поднятой по этому поводу крикливой кампанией со стороны некоторых органов русской печати, требовавших немедленного захвата Константинополя. Сам же он считал на основании оценки положения начальником Главного штаба генералом Н. Н. Обручевым¹⁹, что овладение проливами действительно резко улучшило бы шансы России на победу в случае войны с Германией, так как высвободило бы огромное количество войск; однако русский флот на Черном море ничтожен по сравнению с английским, уже стоявшим у входа в Дарданеллы, и потому овладение проливами, по мнению Ламздорфа, практически было невозможно. В дневнике приводится ряд высказываний, вплоть до донесения военного агента России в Константинополе о численности турецких войск в проливах и благоприятной обстановке для овладения ими. При этом говорится о самообольщении Николая II, искажавшего реальное

¹³ Там же, д. 42, л. 24.

¹⁴ Там же, д. 44, л. 24.

¹⁵ Там же, д. 46, л. 6.

¹⁶ Там же, д. 41, л. 63.

¹⁷ Там же, лл. 34, 62.

¹⁸ Там же, д. 45, л. 7.

¹⁹ Там же, д. 43, лл. 4—5.

соотношение сил: «Они (англичане.— И. Д.) никогда не посмеют овладеть проливами. Впрочем, у нас в Севастополе 5 броненосцев под парами»²⁰,— утверждал Николай II. Фактически же, по сведениям Ламздорфа, у Черноморского флота не хватало снарядов и даже угля; из 35 тыс. формально выделенных для десанта войск оказались пригодными только 8 тыс., да и их моральное состояние оставляло желать лучшего: при попытке сформировать команды добровольцев охотников не нашлось. К тому же английский консул в Севастополе был прекрасно информирован о состоянии Черноморской эскадры²¹.

При изучении дневника упомянутого периода особое внимание привлекают сюжеты, повествующие о страхе правящих кругов перед революционным движением. Приводится даже конкретный расчет вооруженных сил, необходимых, по мнению Ламздорфа, для удержания в повиновении населения Петербурга²². Характерно, что автора дневника интересует в этом отношении положение не только в пределах Российской империи. Он отражает в своих записях многие факты зарубежной жизни, не забывая о таких, как невставание социалистов при появлении кайзера в германском рейхстаге и жалобы германского императора на их подрывную роль, возгласы «Да здравствует Коммуна!» на парижском кладбище, заявление одного из подсудимых на процессе во Франции, что его действия преследовали цель предупредить «это правительство буржуа, палачей мелкого люда и негодяев, что вслед за ним выступают другие и окажутся более удачливыми». По поводу последнего случая Ламздорф одобряет заявление французского правительства, что оно будет «действовать без всякой слабости и сумеет защитить общество»²³. Из дневника видно также, что между правительствами держав имелась закулисная согласованность мер противодействия «подрывным элементам». Так, полиция Французской республики выдала российской полиции списки русских революционеров во Франции; английская полиция поставила царской сведения о польских политических эмигрантах из России. Германский кайзер с возмущением писал царю, что в одном светском парижском салоне русский генерал в ответ на вопрос, что случится, если Россия столкнется с Германией, позволил себе ответить: «Нас разобьют вдребезги, ну что же, тогда и у нас будет республика»²⁴.

Ламздорф вел дневник в преддверии такого важного перевала истории, как перерастание капитализма в его высшую и последнюю стадию — империализм. Автор дневника был видным представителем современного ему эксплуататорского общества, верным слугой царского самодержавия. Вместе с тем материал, содержащийся в дневнике этого исключительно осведомленного государственного деятеля, занимавшего с 1886 по 1897 г. пост старшего советника МИДа, представляет значительную ценность, поскольку сам по себе разоблачает грязную подоплеку дипломатии капиталистических держав 90-х годов прошлого века. Десяток лет отделял тогдашнюю Россию от русско-японской войны и первой русской революции, два десятка лет — от первой мировой войны и Великого Октября. Тем не менее читатель может найти в дневнике дополнительные доказательства исторической обоснованности последующего хода событий и прозорливости революционной социал-демократии, сумевшей уже тогда дать в произведениях В. И. Ленина принципиальный анализ общей обстановки и в дальнейшем успешно решившей в интересах трудящихся проблему выхода из того тупика, в который заводила страну внешняя и внутренняя политика эксплуататорских классов.

И. А. Дьяконова

Четверг 19 мая 1894 г. Во время чаепития разговариваем с Зиновьевым¹ о болгарских делах; как мне кажется, он теперь отлично понимает грубые ошибки, совершенные в свое время. У него с языка срывается мнение, что мы так сильно

²⁰ Там же, д. 42, л. 17.

²¹ Там же, д. 45, л. XVII/250—14 (вложение).

²² Там же, д. 43, л. 11.

²³ Там же, д. 37, л. 23.

²⁴ Там же, д. 42, л. 51.

туда впутались во времена покойного Баттенберга², что не осталось никакого другого выхода, кроме резкого и мучительного кризиса... Разговариваем об общей деморализованности в правительственных сферах и о способах действий, поставленных в порядок дня. Брат Зиновьева, до прошлой осени бывший тульским губернатором, в одно прекрасное утро получил очень короткое телеграфное сообщение о своем переезде в Могилев; причин он не знает до сих пор; подобная участь выпала и на долю многих других. В провинции снова широко применяется битье палками. Орловский губернатор г-н Неклюдов недавно распорядился давать крестьянам до 120 ударов; когда ему сообщили, что у одного из несчастных пульс перестал прощупываться уже после 60-го удара, он отдал распоряжение все же продолжать экзекуцию, и человек умер. Продажность таких министров, как Дурново³, Кривошеин⁴, Филиппов⁵, общеизвестна; повсюду господствует карьеризм и отсутствует всякая совесть. Государь иногда допускает грубость в замечаниях, в особенности в своих пометах на бумагах; грубость допускается по отношению к государственным деятелям, которых он подобрал сам; да и какова среда этих сановников, вытасненных большей частью из сфер не только сомнительных, но даже и малопочтенных. Возникающие вопросы не обсуждаются больше на Государственном совете и Комитете министров, там просто переругиваются и говорят друг другу глупые дерзости, словно на каком-нибудь сборище неотесанных мужланов. Я говорю Зиновьеву, что в настоящее время лучше держаться подальше от любого министерского поста и даже поста товарища министра. Лучше в сторонке и тени стараться приносить посильную пользу. Он присоединяется к моему мнению и говорит, что теперь ценит выгоды своего мирного поста в Стокгольме...

ЦГАОР СССР, ф. 568, оп. 1, д. 38, л. 13. На франц. яз.

Пятница 20 мая 1894 г. ...Проведены новые конверсии ценных бумаг, в порядке императорских указов. Экономический кризис. Конверсии, следующие одна за другой, иногда начинают вызывать мысль о том, что после изменений в ценности старых бумаг дело дойдет и до объявления о потере ценности новыми бумагами. Цены на зерно падают, ожидание хорошего урожая внушает скорее опасение, чем удовлетворение. Разорение сельскохозяйственных собственников кажется неизбежным. Недавно у министра земледелия и государственных имуществ спросили, как следует вести себя перед лицом нарастающего кризиса, тот ответил: «Уменьшить производство». Вот до каких рецептов мы дошли...

ЦГАОР СССР, ф. 568, оп. 1, д. 38, л. 14. На франц. яз.

Понедельник 6 ноября 1895 г. Едва успеваю закончить утренний туалет, как меня вызывает князь Лобанов⁶, и я спускаюсь к нему. Вручает мне полученное вчера письмо г-на Стаал⁷ и говорит: «Вы читали этот документ? Для того, чтобы доказать, что наша пресса совершает несправедливые нападки на Англию, Стааль полностью оправдывает английское правительство». Еще вчера вечером, просматривая возвращенные государем бумаги, я обратил внимание на большой вопросительный знак, поставленный императором на полях того абзаца, где наш посол пишет: «Мы не можем предъявить никаких обвинений Англии». Говорю об этом князю. «Этот документ нельзя оставлять без ответа, и я хотел просить Вас подумать над проектом ответа. Я несколько не собираюсь защищать выражения, применяемые нашими газетами, но необходимо указать, что поведение Солсбери⁸ далеко не безупречно и вполне способно вызвать подозрения. Мы действовали вместе, а когда султан наконец согласился на наши требования, Солсбери снова начинает на него нападать и подрывать авторитет. Попробуйте провести реформы, не имея необходимого авторитета! Власть любого правительства покоится не только на его материальной силе, но и на том престиже, которым оно пользуется. Даже у нас в Петербурге разве не потребовалось бы для осуществления эффективной власти столько же агентов правительства, сколько в городе имеется жителей?». В этом отношении рас-

суждение нашего благородного князя кажется мне весьма странным; два-три хорошо вооруженных полка и одна хорошая артиллерийская батарея достаточны для того, чтобы образумить свыше сотни тысяч безоружных жителей. В данном случае престиж основывается на весьма солидной материальной силе. В конечном итоге князь хочет от меня составления письма, которое несколько исправляло бы чересчур оптимистичную, по его мнению, оценку позиции лондонского кабинета г-ном Стаалем; в письме должно быть выражено желание поддерживать полное согласие между державами на данном этапе армянских дел с целью облегчить Турции проведение тех реформ, на которые она согласилась, не подталкивая ее к торопливости и не осложняя ее задачу подрывом авторитета власти внутри страны. Немедленно принимаюсь за работу. Завтракаю с Оболенским⁹. В 3 часа, перед тем как спуститься к обычному чаю, отсылаю министру уже готовый к этому времени проект письма г-ну Стаалю. В 6 часов князь Лобанов выражает желание меня видеть. Очевидно, я хорошо понял его замысел, так как он ничего не меняет по существу в составленном мною проекте; вместе с тем он не удерживается от своей страсти переместить некоторые слова и сделать несколько благозвучных добавлений; затем, прочтя мне с некоторым подчеркиванием весь документ, он говорит: «Не правда ли, теперь это более рельефно?». У него довольный вид.

...Сегодня, 6 ноября 1895 г., князь Лобанов, не ожидая ответов от правительств, запрошенных нашими послами, и не представляя предварительно проекта на рассмотрение государя, послал нашим представителям в Вене, Берлине, Париже, Лондоне и Риме следующую циркулярную телеграмму: «В соответствии с мотивами, изложенными в моей телеграмме от 4 ноября, я вчера отклонил австрийское предложение». По существу он прав, но способ действий странен... Шишкин¹⁰ привез из Севастополя малоудовлетворительные новости. Будучи знаком со многими старыми моряками, он пришел к мнению, что те были довольно сильно обеспокоены поступившим к ним приказом о мобилизации. Наши боевые корабли будто бы не имеют ни хорошего вооружения, ни достаточного запаса снарядов и угля. Максимальное количество войск, которое можно было бы перевезти из Севастополя, не превышает 8 000 человек. Чрезмерные и малорациональные меры экономии со стороны адмирала Чихачева¹¹ (управляющего морским министерством) приводят к тому, что наши вооружения не достигают цели. К тому же состояние духа юного поколения наших моряков оставляет желать много лучшего. Когда в связи с недавними мобилизационными распоряжениями обратились с призывом к добровольцам, явился лишь один человек, так что для набора нужного количества пришлось прибегнуть к жеребьевке. Все это далеко не обнадеживает на случай крупных операций. Товарищ министра получил любопытные письма из Пекина от графа Кассини¹². Наш посланник в Поднебесной империи жалуется на полное отсутствие указаний. В то время как его коллеги инструктируются часто и очень подробно, он сам имеет возможность руководствоваться лишь короткими телеграммами по отдельным вопросам. Он спрашивает, каковы преследуемые нами цели и чего мы ждем, чтобы сформулировать наши желания. Буквально все, в особенности французы, использовали обстановку в собственных выгодах, а мы продолжаем занимать позу полного бескорыстия. В данный момент наш престиж в Китае очень велик, однако чувству благодарности свойственна недолговечность... Великий князь Владимир¹³ возвратился сегодня вечером из Берлина, где провел два дня на охоте. Его императорское высочество, конечно, имел возможность поговорить с императором Вильгельмом, но мы об этом ничего не знаем. Его величество кайзер лишь сказал нашему послу графу Остен-Сакену¹⁴ после завтрака по случаю прибытия великого князя, что он очарован присутствием «столь веселого сотоварища по охоте».

ЦГАОР СССР, ф. 568, оп. 1, д. 43, лл. 11—12. На франц. яз.

Пятница 15 декабря 1895 г. ...В пакете с бумагами, возвращаемыми государем, который мне принесли только сегодня утром, имеется телеграмма г-на Нелидова¹⁵, отправленная из Константинополя 13(25) декабря; наш посол доносит

о своей аудиенции у султана; тот посылает государю табак и другие подарки. На аудиенции зашел разговор о Зейтуне¹⁶. Абдул-Гамид¹⁷, видимо, был склонен прибегнуть к посредничеству, предложенному послами, но тем временем пришла весть, что Зейтун турками взят, а защитники города пытаются бежать в горы. В пакете содержится также почта Нелидова, датированная 7(19) декабря; личное письмо посла очень pessimистично. Как он убежден, Турция не сможет выбраться из нынешнего кризиса, и в любой момент можно ожидать наступления решающей катастрофы. Не говоря уже о волнениях в Малой Азии и среди всего христианского населения, опасения посла вызываются, главным образом, ожесточением мусульманских подданных султана. Они начинают громогласно заявлять, что цивилизованная Европа вместо того, чтобы выступать исключительно в пользу христиан, могла бы сожалеть над ними самими и освободить их от того деспотизма, под игом которого они обречены страдать. Ко всем указанным элементам раздора и ненависти теперь добавляется ужаснейшее истощение турецких финансов. Нелидов считает долгом предупредить, что создавшееся положение не может продолжаться длительно и что султан не способен с ним справиться. Посол еще раз привлекает внимание к подозрительной агитации своего коллеги из Великобритании сэра Карри¹⁸ и к продолжающимся интригам англо-армянских комитетов, деятельность которых, будь она чистосердечной или же коварной, лишь поддерживает беспорядки и увековечивает разорение в тех несчастных областях, которым они якобы желают помочь. Секретное письмо адмирала Чихачева дает объяснения по поводу внезапного выхода нашей Черноморской эскадры на маневры.

//Конфиденциальное письмо генерал-адъютанта Чихачева князю Лобанову от 14 декабря 1895 г. № 304.

Для приведения судов Черноморского флота в полную готовность главному командиру Черноморского флота и портов Черного моря послано с высочайшего его императорского величества соизволения следующее распоряжение. «Следующим судам поднять флаг и начать кампанию: броненосцам «Чесма», «Екатерина II», «Синоп» и «12 апостолов»; канонерской лодке «Кубанец», минным крейсерам «Казарский» и «Гридень», минным транспортам «Буг» и «Дунай» и шести миноносцам. Главному командиру поднять флаг вице-адмирала; контр-адмирала Чайковского назначить начальником штаба эскадры, а контр-адмиралов Вальронда и Остелецкого младшими флагманами. Крейсер I ранга «Память Меркурия» и стационарные лодки «Терец», «Уралец» и «Донец», находящиеся в Трапезонде, Самсуне и Константинополе, должны присоединиться к эскадре, когда они освободятся». Вследствие такого приказа эскадра начала вчера, 12 декабря, кампанию. Сообщая об этом Вашему сиятельству, пользуюсь случаем, и т. д.//*.

ЦГАОР СССР, ф. 568, оп. 1, д. 43, лл. 54—55. На франц. яз.

Понедельник 1 января 1896 г. Среди депеш, присланных на имя государя, есть телеграмма князя Фердинанда Кобургского¹⁹, где содержится поздравление с Новым годом. По моему мнению, было бы достаточно послать в ответ следующее сообщение, адресовав его в Софию, князю Фердинанду: «Весьма тронутый теми чувствами, которые выражены мне Вашей светлостью, искренне благодарю». Князь Лобанов приглашает меня повидаться еще раз по данному поводу и говорит: «Предлагаемый Вами текст ответного послания звучит несколько суховато». Я отвечаю: «Дело в том, что в Болгарии подобные поздравления обычно публикуются и комментируются... а при теперешних неопределенных обстоятельствах следует проявить, как мне кажется, некоторую сдержанность». Князь Лобанов говорит: «Но именно в подобной, еще далеко не выясненной обстановке²⁰ мне не хотелось бы его обескураживать, отдалять от себя». «Если он не сдержит обещаний, ну тогда, как говорится, «плюнем и разотрем», «но пока что...» (это высказывание я счел достойным взять на заметку). Выслушав князя Лобанова, я предложил дополнить текст проекта ответ-

* Две черты — // — обозначают, что заключенные между ними слова написаны в подлиннике по-русски.

ной телеграммы Фердинанду следующими словами: «...и также шлю Вашей светлости добрые пожелания». «Ведь пожелания, — поясняю я, — могут быть весьма различного рода». Князь Лобанов начинает вдруг громко смеяться и говорит: «Именно так, совершенно точно; добавьте в текст эти несколько слов и отправляйте пакет государю».

ЦГАОР СССР, ф. 568, оп. 1, д. 44, л. 4. На франц. яз.

Среда 24 января 1896 г. ...В газетах опубликован манифест князя Фердинанда²¹, сообщающий о предстоящем крещении князя Бориса. Итак, у нас на руках оказывается //«крестник»//! Остается только выяснить, стоит ли нам радоваться этому и не создается ли тем самым для нас источник будущих весьма запутанных осложнений. Желая избавить княгиню Марию-Луизу от громоподобных упреков из Рима²², ее заставили покинуть Софию. Интересно посмотреть, каково же будет содержание ожидаемого сегодня вечером письма князя Фердинанда?..

Зиновьев, придя к чаю, выражает согласие с моим мнением о неуместности перехода князя Бориса в православие при создавшейся на сегодня обстановке. Мы оказываемся связанными с судьбой бедного двухлетнего мальчугана, в особенности если государь согласится взять на себя роль крестного отца²³. Я был бы склонен скорее признать отца, по просьбе со стороны болгар, чем усыновлять сына, который останется неизвестной величиной еще в течение целых 15 лет! К тому же отводимая нам роль мало соответствует достоинству России!.. Вечером ожидаю почты из Вены, с письмом князя Кобургского, но пакета пока нет... Поздно вечером из телеграфного агентства поступает текст манифеста, опубликованного князем Кобургским. Надо сказать, что в своем манифесте он не проявляет особого почтения к болгарской православной церкви.

ЦГАОР СССР, ф. 568, оп. 1, д. 44, л. 14. На франц. яз.

Пятница 2 февраля 1896 г. ...Князь Лобанов вызывает меня к себе, я поспешно одеваюсь и иду. Он показывает записку от поверенного в делах Великобритании, где тот просит сообщить, согласятся ли их величества прийти на праздник в посольство во время коронационных торжеств²⁴. Князь просит написать об этом графу Воронцову²⁵, по обязанность доклада государю остается за ним лично. Я сообщаю своему начальнику, что собираюсь представить ему для доклада государю во вторник работу по поводу того порядка, который следует соблюдать при размещении приглашенных; князь говорит: «Есть нечто более срочное. С минуты на минуту я ожидаю сообщения о том, что в Софии проведена церемония перехода князя Бориса в православие. Тогда необходимо будет немедленно подготовить телеграмму Нелидову с тем, чтобы тот сообщил об этом другим послам. Как будет указано в телеграмме, отныне мы не возражаем против того, чтобы Порты провела необходимые демарши для признания Фердинанда князем Болгарии»²⁶. Я спускаюсь в канцелярию и оттуда присылаю князю проект телеграммы, текст которой он тут же утверждает. В телеграмме говорится: «Господину Нелидову в Константинополь, для сообщения другим послам. Поскольку состоялась торжественная церемония обращения князя Бориса в православие, государь поручает Вам сообщить турецкому правительству, что свершившийся факт устраняет, по нашему мнению, основные препятствия, имевшиеся до настоящего времени на пути признания князя Фердинанда Саксен-Кобургского князем Болгарским. Отныне мы не видим больше никаких препятствий к тому, чтобы двор союзерена предпринял соответствующие шаги для получения согласия на указанное признание от всех держав, подписавших Берлинский трактат». Я вручаю составленный мною проект Оболенскому с просьбой держать его готовым для доклада, как только будет получена из Софии телеграмма, ожидаемая князем Лобановым...

ЦГАОР СССР, ф. 568, оп. 1, д. 44, л. 17. На франц. яз.

Суббота 3 февраля 1896 г. ...Примерно в полдень министр пересылает мне телеграмму из Софии, которую ему самому только что прислал государь. Текст гласит: «Его величеству императору всероссийскому. Имею честь сообщить Вашему величеству, что сегодня в полдень состоялась церемония конфирмации крестника Вашего величества. Его святейшество экзарх Иосиф в присутствии митрополитов Тырновского, Варненского и Преславского приобщил моего сына к святому причастию. Фердинанд». Телеграмма, посланная из Софии вчера во второй половине дня, была получена здесь в 10 часов вечера, как видно, в то время, когда государь был на балу. Лобанов запрашивает у меня мой проект телеграммы Нелидову, одобренный им вчера. Сегодня утром, встав с постели, я написал записку Оболенскому, чтобы напомнить ему об этом документе. Теперь оказывается, что телеграмму до сих пор не переписали, ее переписывают только сейчас, наспех, и потому доставляют Лобанову с грубой ошибкой: вместо слов «мы не видим больше» — «мы не видимся больше». Лобанов отсылает документ мне, подчеркнув ошибку. Ему никогда не удастся распределить между нами круг ответственности, и мне это неприятно. Тем временем Оболенский является к завтраку; из-за своего нездоровья я слишком резко выражаю ему свою досаду. Весь день сижу дома, не принимаю никого. Несмотря на недомогание, начинаю нудную работу по выработке порядка размещения лиц согласно их рангу во время коронационных торжеств. Частные телеграфные сообщения передают интересные и даже трогательные подробности состоявшейся вчера в Софии церемонии. //В добрый час//. Поскольку пакет с бумагами, возвращаемыми государем, доходит до меня довольно поздно, я опять вынужден бодрствовать ночью...

ЦГАОР СССР, ф. 568, оп. 1, д. 44, л. 18. На франц. яз.

Понедельник 1 апреля 1896 г. ...Меня вызывает министр; застаю его наедине с послом Италии, которому он меня представляет. Посол пришел осведомиться, как организовать прибытие в Москву принца Неаполитанского в день торжественного въезда. Италия отказывается пропустить наш отряд Красного Креста в Массаяу²⁷. Князь Лобанов поручает мне сообщить об этом решении генералу Кауфману²⁸.

ЦГАОР СССР, ф. 568, оп. 1, д. 44, л. 23. На франц. яз.

Вторник 2 апреля 1896 г. ...Князь Лобанов вызывает меня к 9 ч. 30 м. Нахожу его опять-таки несколько озабоченным; он благодарит за мою записку относительно прибытия принца Неаполитанского и поручает отправить одну телеграмму генералу Кауфману, а другую нашему послу в Константинополе. Речь идет снова об урегулировании вопроса о злополучной экспедиции нашего отряда Красного Креста в Абиссинию. Спускаюсь в канцелярию. Вскоре Лобанов просит прийти еще раз. Он рассказывает мне о полученных вчера письмах от графа Сакена. Я говорю ему, что, как мне кажется, памятная записка г-на Эрбетта²⁹ несколько не противоречит точке зрения, выраженной в телеграммах, присланных г-ну Стаалю 19 марта. Я высказываю мнение, что в сущности нет возможности взять за основу конвенцию 1888 г. по поводу свободы мореплавания по Суэцкому каналу³⁰, поскольку англичане сделали к ней оговорки на время своей оккупации Египта; впрочем, что за беда! Мы заявим, что поскольку их оккупация длится бесконечно, а конвенция 1888 г. остается мертвой буквой, настало время, чтобы Европа ввела ее в действие. Разница в оттенках здесь такая же, как между белым колпаком и колпаком белым, т. е. нет никакой. Лобанов соглашается с такой точкой зрения. Затем я касаюсь второго письма Сакена, где говорится о попытке сближения между Англией и Францией и даже о создании своего рода союза этих двух держав с Австрией, наподобие коалиции накануне Крымской войны. Аното³¹ якобы проявляет большую активность в целях создания такого союза. Вся эта чепуха была сообщена нашему послу таинственным господином Хольштейном³², будто бы весьма влиятельным советником германского ведомства иностранных дел. А бравый Остен-Сакен, легковерно проглотивший всю эту галиматью,

излагает теперь ее с самой трогательной доверчивостью в совершенно секретном письме. «Но ведь это абсурд, — говорит мне Лобанов, — правда, я никогда не считал Сакена орлом, но все-таки никогда не думал, что он настолько слабоумен». «Приходит мысль, — отвечаю я, — что господин Хольштейн просто решил немножко поиздеваться над нашим послом». «Если иногда и позволительно сказать, недостаточно подумав, какую-то глупость вроде этой, то зачем же излагать ее в письменном виде и составлять столь курьезные документы». Лобанов смеется. «Вообще говоря, — заявляет он, — я и не стремлюсь к тому, чтобы послы были орлами; достаточно, чтобы они были порядочными людьми». «Орлы слишком любят проявлять инициативу, а всегда лучше, чтобы руководство исходило отсюда». «Тем более, — добавляю я, — что у посла широта доступного ему кругозора неизбежно относительно ограничена». Основное состоит в том, чтобы он был хорошо дисциплинированным. Я советую министру подождать с ответом Сакену до получения воскресной почты, где должен быть ответ из Лондона; только после этого вопрос можно будет считать назревшим. Лобанов уже в парадном костюме, с белым галстуком и при голубой ленте. Он вскоре едет на доклад в Зимний дворец... В 2 ч. 30 м., после возвращения из дворца, министр вызывает меня снова. Он вручает несколько документов и просит к 4 часам отослать пакет государю; самого Лобанова в это время не будет, он хочет уехать. Князь в хорошем настроении, он сообщает мне, что государь полностью разделяет его оценку памятной записки Эрбетта; что касается второго письма, полученного от Сакена, то государь сказал: //«Что это за чепуха»//, на что министр ответил: //«Я думаю, что Хольштейн хотел посмеяться над Сакеном, а вместе с тем внушить ему некоторое недоверие к Франции»//. Князь Лобанов сказал мне также: «Государь рассказал мне, что он получил через фельдъегеря, ехавшего из Тюрби от императрицы-матери³³, длинное письмо королевы Виктории³⁴, написанное невозможным почерком. Государь сказал, будто он занимался весь вчерашний день вместе с государыней расшифровкой послания, и добавил: //«В письме оказались жалобы и на Вас. Королева пишет, что с добрейшим Николаем Карловичем³⁵ гораздо легче было вести дело!»//. Лобанов смеется, рассказывая о недовольстве старой королевы, а я вставляю следующее замечание: «По существу подобные жалобы являются самым лучшим комплиментом, который ее величество королева могла сделать в Ваш адрес».

ЦГАОР СССР, ф. 568, оп. 1, д. 44, лл. 23—24. На франц. яз.

Понедельник 3 июня 1896 г. ...Лобанов жалуется, что не получил ответа по поводу нейтрализации Суэцкого канала. Думаю, что прав мой друг Юонин³⁶: в мирное время канал свободен, в военное время никакая конвенция не сможет сделать его нейтральным.

ЦГАОР СССР, ф. 568, оп. 1, д. 44, л. 46. На франц. яз.

Пятница 2 августа 1896 г. ...Вызывает князь Лобанов. Его начинает беспокоить ход событий на Крите³⁷. Давно пора. По словам Ону³⁸, ежедневно приходящего на четырехчасовой чай, вскоре после его прибытия сюда, 3—4 недели тому назад, у него сложилось впечатление, что министр твердо решил ограничить требования критян, будучи убежден в достаточной уступчивости повстанцев. Наш начальник положительно держал сторону турок. Он и слышать не хотел о том, чтобы на Кандии³⁹ обосновалась консульская комиссия, как и о том, чтобы были расширены четыре пункта с реформами, на которые согласилась Порты. Теперь, когда Порты выполила свои обещания лишь наполовину, а сопротивление критян, получающих подкрепления из Греции, довело положение до крайней остроты, князь Лобанов берется за изучение заявлений, сделанных повстанцами, и старается добиться соглашения на новых основах, которые могли бы быть выдвинуты державами, а может быть, и принудительно навязаны ими обоим враждующим сторонам. Мысль о создании на Кандии консульской комиссии начинает обретать реальные очертания. Однако г-н Ону считает

все это слишком запоздалым. По его мнению, следовало с самого начала говорить с турками твердым языком. Впервые имеет место такое положение, когда в обстановке подобного кризиса вынуждены страдать одни лишь критяне — все зверства, совершаемые турками, остаются совершенно безнаказанными. И получается, что мы, получается *, что Россия сменила таким образом свою роль! Жители Крита больше ровно ничего не понимают в нашей позиции, и мы последовательно теряем их доверие и симпатии. У Лобанова все еще доминирует идея поддержания статус-кво и оттяжки падения Османской империи. Остается под вопросом, являются ли наилучшими выбранные для этой цели средства. Г-н Ону, хорошо знающий местные условия, очень встревожен ходом событий. По его словам, он поражен также той новой манерой, с которой министр способен излагать вам вещи, якобы проистекающие из его собственных убеждений, в то время как эти вещи ему подсказаны и внушены совсем недавно.

Утром я несколько раз спускаюсь в канцелярию, чтобы разыскать в архивах текст просьб или требований в том виде, как они формулировались критянами первоначально. Минута волнения. Затем удается найти нужный материал в донесениях Демерика ⁴⁰, нашего консула в Кании ⁴¹. На этих бумагах, хранимых в Азиатском департаменте, имеется пометка *ad acta* **, сделанная рукой благородного Капниста ⁴².

ЦГАОР СССР, ф. 568, оп. 1, д. 45, лл. 6—7. На франц. яз.

Понедельник 5 августа 1896 г. ...Лобанов начинает всерьез заниматься критскими делами, которые осложняются с каждым часом. Один вслед за другим являются Лихтенштейн ⁴³ и Монтебелло ⁴⁴, принося тревожные вести; телеграммы из Афин и Константинополя очень неприятны ...Ону опаздывает, а когда мы остаемся с ним наедине, сознается, что он уезжает послезавтра из Петербурга весьма обеспокоенный. Министр, в его теперешнем состоянии, внушает ему мало доверия: полный гордости и самомнения князь Лобанов способен зарваться, закусить удила. Затем Ону возвращается снова к вопросу о поездке государя ⁴⁵. Он не понимает, как могла разумному человеку прийти мысль о поездке в Париж. В городе объясняют намерение поехать в Париж то влиянием Витте, то советами того или иного лица. Я отвечаю, что мне не нравится и меня печалит именно такое положение, когда все время происходит поиск каких-то вдохновителей. Где же наш самодержец? Я предпочел бы лучше увидеть с его стороны какую-то смелую выходку молодого человека, чем выполнение той пассивной роли, которую люди ему так охотно приписывают по каждому поводу. Что касается Лобанова, то я воздерживаюсь от того, чтобы объяснить поездку государя в Париж именно его настояниями. Данный вопрос очень деликатен: если считать, что это Лобанов посоветовал государю посетить Францию, то, видимо, он взял на себя большую ответственность; если же считать, будто поездка состоится вопреки его мнению, то это значит, что он пользуется у государя значительно меньшим доверием, чем когда-то полагали. Так или иначе, поскольку он сопровождает их величества в Париж, он является сторонником поездки, во всяком случае с официальной точки зрения. Любопытно, что //полит. обзор. Татищева ⁴⁶//, опубликованное в августовском выпуске //Русского вестника//, проповедует необходимость посещения Парижа каким-либо русским высшим сановником, который посетил бы при этом различные страны Европы, если только он хочет познакомиться с истинным положением вещей, не вызывая притом недовольства со стороны единственных настоящих друзей...

ЦГАОР СССР, ф. 568, оп. 1, д. 45, л. 8. На франц. яз.

6 сентября 1896 г. С.-Петербург ***

Господин посол, я надеюсь, что Ваше превосходительство отнесется терпимо к настоящему письму, хотя никакая предшествующая переписка не дает мне в сущно-

* Так в оригинале.

** В дело (лат.).

*** Вложенный в дневник черновик письма Ламздорфа послу в Константинополе А. И. Нелидову.

сти права на подобное послание. Вам небезызвестно, что мне всегда бывает нелегко, когда приходится выходить из глубокой тени, в которой я предпочитаю держаться. Печальные обстоятельства момента уже вынуждали меня брать на себя временное исполнение обязанностей министра, и такое положение, видимо, вскоре создастся вновь, в связи с предстоящим отъездом господина Шишкина в Шербур⁴⁷; поэтому мне приходится хотя бы несколькими строками отвечать на почту, волей-неволей адресуемую на мое имя. Прежде всего я считаю своим долгом сказать, что никто сильнее меня не сочувствует тем тяжелым заботам, которые сейчас выпадают на Вашу долю, и никто не отдает столь искренней дани той бдительности, энергии и прозорливости, образцы которых Вы непрерывно нам показываете. В подобных обстоятельствах совершенно естественно, что я предоставляю мои силы в Ваше полное распоряжение и своим рвением надеюсь внести хотя бы скромный вклад в Ваши большие усилия по обеспечению жизненных интересов России. Оплакиваемый нами всеми князь Лобанов придерживался того мнения, что если в политике вредно видеть все в черном цвете, то не менее опасно, конечно, и убаюкивать себя иллюзиями. Лучше рассматривать возникающие проблемы в их действительном и точном виде, стремясь к их разрешению в наименее неблагоприятных условиях. К сожалению, дела у нас идут далеко не так. В Бреславле мы только что снова пришли к соглашению о поддержке во что бы то ни стало прогнившего статус-кво Османской империи, считая, что сохранение статус-кво вполне возможно, пока существует согласие между великими державами и ни одна из них не предпринимает изолированных действий. Это не препятствует тому, что мощная британская эскадра стоит у входа в Дарданеллы, а царящая в Турции анархия доходит до таких пределов, когда не поддающиеся никакому предварительному учету неожиданности становятся не только возможными, но даже все более вероятными, и притом в недалеком будущем!

С самого 1879 г. идут разговоры об абсолютной для нас необходимости иметь сильный флот на Черном море. Покойный министр узнал от своих коллег по морскому и военному ведомствам, что в случае необходимости мы могли бы в течение 36 часов овладеть Босфором. Но так ли обстоит дело в действительности? Из чрезвычайно секретных источников до нас доходят сведения о том, что у наших кораблей в Севастополе нет снарядов и что англичане прекрасно об этом знают через своего консула, от которого наши brave моряки ничего не способны скрыть при их сердечной откровенности. Я умолял //Николая Павловича⁴⁸// доверительно привлечь внимание адмирала Тыртова⁴⁹ к указанным фактам. Но допустим даже, что наши морские и сухопутные силы находятся в наилучшем состоянии; кто отдаст распоряжение об их походе на Константинополь? В подобных делах все зависит от быстроты выполнения, а как мы будем обеспечивать нужную быстроту? По моему скромному разумению, при любой тревожной весточке, дошедшей к нам от Вас, придется добиваться согласования с заинтересованными министрами, а потом высочайшего приказа. Между тем императорское правительство находится на каникулах. Здесь сейчас решительно не с кем говорить. Время, которое уйдет на дешифрирование телеграммы от Вас, передачу ее к месту пребывания государя и дешифрирование там, затянет принятие решения. Этого окажется достаточно, чтобы все сорвать и, по всей вероятности, все потерять. Я в особенности опасюсь за те дни морского плавания или наземного путешествия, когда не остается никаких средств для установления связи с государем. Дай бог, чтобы не случилось ничего чрезвычайного хотя бы до момента прибытия государя в Париж. Надеюсь, что те немногие минуты, которые выделены из перегруженной программы императорской поездки на серьезные переговоры, позволят убедиться в позиции французского правительства. Однако должен Вам признаться, что чрезвычайно энергичные слова, приписанные господину Аното в телеграмме барона Моренгейма⁵⁰, сильно расходятся с языком*

* На этом черновик письма обрывается.

4 октября 1896 г.* Шишкин вернулся 3 октября. Ему очень нравится проект инструкций, выработанный совместно с Аното⁵¹, и он торопится отослать их завтра в Дармштадт. Он виделся с государем только во время переезда из Шербурга в Париж. В первое время своего пребывания в Париже он в какой-то мере уклонялся от встречи с Аното. Последний подумал, что это объясняется опасением Шишкина, как бы Аното не потребовал заключить официальный договор, и успокоил Шишкина. Затем он изложил Шишкину свой проект договора. Нежелательно, чтобы пребывание государя в Париже прошло без достижения практического результата. Проект предусматривает высылку одинаковых указаний всем послам, в том числе послам обеих держав в Константинополе. Когда Шишкин рассказывает об этом государю во время переезда в Париж, тот выражает восторг. //«Прекрасно и так все могло бы устроиться без бомбардировок. Донесения Нелидова меня пугают, в последнем письме (от 6 сентября) он даже просит, чтобы ему было предоставлено вызывать Черноморскую эскадру по своему усмотрению; что же, он хочет быть командующим флотом и т. д.//. В Париже Шишкин с государем не видится; его величество назначает ему свидание в Царском Селе. С другой стороны, наш монарх много беседует с Аното в Версале и во всеуслышание одобряет его проект реагирования на плачевное положение дел в Турции путем расширения прав Комиссии оттоманского долга и присоединения русского представителя к указанной комиссии. Я не вижу во всем этом никаких выгод для нас и потому спрашиваю Шишкина: «Как, мы собираемся стать держателями банковских векселей?» «Ну да, — отвечает он, — и мы сможем воспользоваться частью причитающейся нам с Турции, в качестве возмещения военных убытков, суммы для того, чтобы получить доступ в комиссию. Аното скоро вышлет нам подробный обзор состояния оттоманского долга, и нам придется лишь собрать в Азиатском департаменте точные сведения о современном положении дел с выплатой нам военного возмещения». Я советую Шишкину запросить соответствующие сведения в Константинополе. Из Парижа Аното и Шишкин послали обоим послам в Константинополе телеграфное сообщение, предупреждая о предстоящей высылке инструкций. Наш добрейший временный исполнитель должности министра сгорает от нетерпения выслать проекты обоих циркуляров в Дармштадт отправляющей завтра фельдьегерской почтой, и приходится заниматься данным вопросом весь день.

ЦГАОР СССР, ф. 568, оп. 1, д. 46, л. XVII—251—18.
На франц. яз.

Пятница 1 ноября 1896 г. ...Меня мучит мысль о письме, полученном вчера вечером от графа Остен-Сакена. Наш посол, видимо, очарован теми декларациями, о которых ему заранее рассказали князь Гогенлоэ⁵² и барон Маршаль⁵³ и которые намечено обнародовать в рейхстаге в ответ на запросы, ожидаемые в понедельник 4 (16) ноября. В этих заявлениях они намерены признать, что секретный договор существовал и что Германия отказалась его возобновить именно по причине его секретности. В таком случае лучше уж было, по моему мнению, опубликовать сам текст договора. Если они считают, что связаны обязательством сохранить абсолютную секретность, предусмотренную в устаревшем договоре, то нужно сохранить секретность полностью, как это обусловлено статьей 5 нашего соглашения 1887 года⁵⁴. Составляю проект телеграммы следующего содержания: «Получил письмо от 27 октября. Мы не можем одобрить те заявления, с которыми князь Гогенлоэ и барон Маршаль собираются выступить в рейхстаге. Правительство Германии обязалось сохранить в секрете не только содержание, но и сам факт существования договора (см. статью 5). Это то единственное, что следует констатировать, подчеркивая при этом своеобразие тех международных соглашений, которые в некоторых случаях необходимы и которые, по государственным соображениям, могут иметь место только при ясно выраженном условии держать в полной тайне даже сам факт существования подобного договора. Рассказывать теперь, когда прошло так много времени, что договор существовал, означало бы нарушить самым очевидным образом принятые на себя обяза-

* Черновой вариант.

тельства. Увязка отказа возобновить договор с его секретностью также не является справедливой. Как видно, тем самым хотят намекнуть, будто именно мы были особо заинтересованы в секретности договора, в то время как сохранение тайны было «взаимно» обусловлено обеими договаривающимися сторонами. Вы можете дать понять канцлеру и барону Маршалю, что намеченные ими заявления в том виде, как о них Вам сообщили, произвели бы прискорбное впечатление; более того, в России они могли бы быть истолкованы, в особенности органами печати, как вероломный маневр, предназначенный для создания атмосферы недоверия».

Я спускаюсь в канцелярию в половине десятого, Шишкин приходит в десять. Как всегда, он одобряет все сделанное мною и просит подготовить телеграмму государю, рассчитывая послать ее, с приложением текста секретного договора 1887 г., с четырехчасовым фельдъегерем в Царское Село. Готовлю телеграмму консулу в Ницце и генеральному консулу в Генуе, чтобы предупредить об отправлении сегодняшней почтой письма Шишкина, в котором тот сообщает Михаилу Гирсу⁵⁵ решение государя по поводу его женитьбы. Работаю дома. Оставляю у себя текст телеграммы барону Остен-Сакену, чтобы прочесть Оболенскому, когда тот придет завтракать. Прямо-таки ужасно нести на себе одном столь высокую ответственность; это чувство осложняется боязнью нанести вред своему начальнику, который предоставляет мне слишком широкую инициативу и оказывает безграничное доверие. Составляю несколько бумаг с ответами. Приходит Теплов⁵⁶, который по-прежнему уверяет, будто где-то должно храниться завещание князя Лобанова, как и часть его денежного состояния... Приходит с визитом барон Розен, наш посланник в Белграде, которого покойный князь Лобанов намечал перевести в Токио. Неопределенность царит сейчас во всем нашем министерстве. Привычный чай, с добавлением Ионина к собирающимся обычно. Никонов⁵⁷ запаздывает, он обижается, что Шишкин не говорит ему ничего определенного насчет ответа государя по поводу проектов женитьбы Гирса... Вечером работаю. В пакете с бумагами, возвращаемыми государем, находится мой проект телеграммы, получивший утверждение. У меня есть некоторые сомнения по поводу уместности данной телеграммы, и меня это мучит.

ЦГАОР СССР, ф. 568, оп. 1, д. 46, лл. 6—7. На франц. яз.

Суббота 2 ноября 1896 г. ...С половины десятого нахожусь в канцелярии. Навожу порядок в своем сейфе, просматриваю дело 1890 г. о возобновлении нашего договора 1887 года. Шишкин приходит в 10 часов. Говорим об ожидаемом приезде Нелидова. Граф Монтебелло, который был принят государем позавчера, в четверг, вчера пришел и рассказал Шишкину, что его величество продолжает полностью придерживаться основной линии инструкций, согласованных между Аното и Шишкиным, и что его величество надеется на поддержку этой линии как со стороны министра финансов, так и нашего посла в Константинополе. Это любопытно! Посол Франции, уже являвшийся ко мне в среду, вчера снова попросил свидания, но я его не принял, стараясь вновь уйти в тень, поскольку Шишкин снова взял на себя руководство министерством. Стараюсь доказать временно исполняющему обязанности министра, что, несмотря на выявленную у нашего монарха линию поведения, не следует слишком буквально придерживаться проекта инструктивных указаний, выработанных с Аното. Я с самого начала советовал не рассматривать эти указания в качестве окончательного варианта, а предоставить возможность их обсуждения. По своим внутренним настроениям я очень далек от восхищения выработанными проектами, если их рассматривать с точки зрения интересов России. Было бы лучше предложить Нелидову выработать контрпроект, придерживаясь той же самой целевой установки: сохранить Оттоманскую империю путем посильного улучшения ее администрации, не теряя в то же время из виду выяснения того, что нам нужно будет делать в случае внезапного, более или менее близкого, развала Турции. Можно будет найти почву для выработки общей точки зрения, возложив ответственность на министра финансов (который, по моему мнению, в данном случае совершенно прав) за отклонение идеи участия России в Комиссии оттоманского долга, а также в той своеобразной политико-финансовой комиссии, которой намерены поручить оказание помощи турецкой администрации...

ЦГАОР СССР, ф. 568, оп. 1, д. 46, л. 7. На франц. яз.

Воскресенье 3 ноября 1896 г. ...Рано спускаюсь в канцелярию и занимаюсь поисками в секретных архивах, чтобы найти идентичные инструкции, дававшиеся в 1891—1892 гг. послам России и Франции в Константинополе, а также обнаружить материалы относительно обязательств, взятых на себя германским правительством во время отказа в 1890 г. от нашего секретного договора. Захожу ненадолго к Оболенскому, куда входит и Шишкин. Он рассказывает нам, что прибывший вчера Нелидов попросил у него свидания, и таковое назначено на 11 часов утра сегодня, в министерстве. Прибыла очередная почта (курьер Савинский). Там нет ничего нового. Письмо от Николая Гирса⁵⁸; Аното продолжает уверять, что государь совершенно определенно сказал ему о намерении назначить меня товарищем министра и что граф Воронцов будто бы обещал то же самое, в случае если самого назначат министром. В сущности, просто смехотворно со стороны Аното столько говорить обо мне, ни разу не видев в глаза; возможно даже, что своими разговорами он нанес мне вред. Завтракал с Оболенским. Приходил Шишкин, чтобы отправить пакет государю. Шишкин приносит памятную записку Нелидова, в которой тот показывает все невыгодные стороны присоединения русского представителя к Комиссии оттоманского долга; как сообщает нам Шишкин, посол настолько настроен против подобного шага и вообще против выработанной в Париже программы, что готов скорее уйти с поста, чем взять на себя проведение столь пагубной политики. Шишкин посылает эту памятную записку государю. В тот же пакет мы закладываем телеграфное сообщение от графа Остен-Сакена, докладывающее, что наше предупреждение как будто произвело в Берлине нужное впечатление. Маршалл сказал, что Бисмарк⁵⁹ поставил правительство в такое положение, при котором волей-неволей приходится что-то сказать; он не может отрицать существование соглашений 1887 г., хотя признает за нами право требовать полной секретности; очевидно, он примет все меры, чтобы сказать только абсолютно необходимое и притом в самой осторожной форме. Негус Менелик⁶⁰ сообщает телеграммой на имя государя о подписании 14 (26) октября мира между Абиссинией и Италией⁶¹. Государь затребовал проект ответной телеграммы, которую я и подготавливаю... Вечером государь возвращает //докладную записку// Шишкина относительно аудиенции, просимой Нелидовым; на ней имеется пометка: //Во вторник в 2 часа//. На памятной записке посла его величество написал: //«Чем больше я думал об этом деле, тем сильнее мне кажется, что мы сделаем крупный промах, вводя своего представителя в Совет по оттоманскому долгу. От этой мысли Ганото нам надо отказаться»//. На полях памятной записки государем отмечено: //«Все, что тут сказано, вполне справедливо»//. В добрый час! Но тогда зачем же было раздавать определенные обещания в Париже и Версале, зачем же было делать помету //«Вполне согласен»// на проекте инструкций, доложенном в Дармштадте, зачем же было обещать позавчера, в четверг, графу Монтебелло, принимая его на аудиенции, что будут предприняты старания убедить Нелидова и Витте в правильности идеи, выраженной в инструкциях? Молодой монарх меняет мнение с ужасающей быстротой. Сегодня он, видимо, находится под впечатлением работы, представленной ему министром финансов в пятницу. На телеграмме графа Остен-Сакена государь начертал: //«Мне кажется, что с доводами барона Маршала можно вполне согласиться. Мы во всяком случае ничего не потеряем из оглашения о прежнем договоре»//. Это опять-таки противоречит тому, что было сказано его величеством Шишкину неделю назад, когда государь заявил, что не следует разоблачать тайны наших соглашений 1887—1890 годов.

ЦГАОР СССР, ф. 568, оп. 1, д. 46, л. 8. На франц. яз.

Понедельник 4 ноября 1896 г. Как обычно, я спускаюсь к половине десятого в свой кабинет. Приходит Шишкин, совершенно расстроенный: «Куда мы идем, куда мы идем!» — говорит он. Реорганизация Комиссии оттоманского долга была ключевым пунктом комбинации Аното. Государь как бы обязался ее поддерживать, а теперь оказывается, что он ее отвергает!

Как мне кажется, лучше уж поступать так, чем упорствовать в ложном шаге, однако нужно стараться выходить из подобных положений возможно более приличным

способом, избегая того, чтобы нашего монарха стали считать за какой-то флюгер, не заслуживающий доверия. Я рад, что сумел убедить Шишкина поддержать два последних параграфа проекта Аното, включив их в специальное письмо, предназначенное для закрепления консультативного характера инструкций, посланных Нелидову...

ЦГАОР СССР, ф. 568, оп. 1, д. 46, лл. 8—9. На франц. яз.

Вторник 5 ноября 1896 г. ...Государь окончательно решил отказаться от мысли включить русского представителя в состав Комиссии оттоманского долга и поручил нам информировать об этом заинтересованных лиц. Шишкин, видимо, воспользовался этим указанием для подчеркивания того обстоятельства, что, сохранив, несмотря на просьбу Аното, два последних параграфа идентичных инструкций и сформулировав их в отдельном письме, он придал инструкциям консультативный характер, совместимый с соображениями Нелидова. В связи с этим Шишкин сказал государю, что наш посол, который будет иметь честь представиться государю сразу после него, высказывается за отдельные действия России и намеревается просить у его величества разрешения вызывать непосредственно Черноморский флот к Босфору в подходящий психологический момент. Государь ранее высказывался против подобной идеи, разговаривая с Шишкиным о письме Нелидова от 6 (18) сентября во время переезда из Шербурга в Париж. Сегодня же он сказал: //«Ну что же, это я могу ему разрешить»//. Потом он добавил: //«Я его выслушаю»//. Шишкин пробует заговорить о благоразумии. Он отмечает, что сейчас наша позиция безукоризненна, против нас одна лишь Англия. Однако малейший промах мог бы нас снова поставить на Востоке в положение, аналогичное обстановке 1854 года. Государь возражает: //«Никогда не посмеют»//, добавляя //«Мы с ними справимся»//. Против подобных указаний возражать не приходится. Одновременно государь сказал, что при составлении ответа на английские предложения нужно хорошенько оттенить, что мы не хотим мер принуждения против султана. //«Я так написал и бабушке, королеве Виктории, вчера»//. Во всем этом очень мало ясности, я не могу усмотреть никаких логических и практических выводов из всего того, что мне рассказывает наш добрейший временно исполняющий обязанности министра. Шишкин попытался расхвалить государю воздействие нашей телеграммы графу Остен-Сакену; речи, произнесенные вчера Гогенлоэ и Маршалем, в самом деле безукоризненны. Однако государь ограничился тем, что сказал: //«В этом и не сомневался»//. Потом государь показал длинное письмо от кайзера Вильгельма, в котором тот обзывает Бисмарка изменником, и т. п. и т. д. Когда Шишкин показывает государю перевод письма негуса Менелика, к которому Леонтьев⁶² осмелился приписать: «Все остальное будет Вам передано графом Леонтьевым, который пользуется моим полным доверием», государь, видимо, не придает существенного значения этой мошеннической проделке. Вместе с тем он говорит, что абиссинцам и Леонтьеву уже пора расстаться. Шишкин проделал путешествие до Царского Села вместе с генералом Ванновским⁶³, у которого был весьма озабоченный вид. Военный министр отзывается о государе как о человеке //воинственном и самонадеянном//. Когда Шишкин говорит: //«А главное, мне кажется, что у государя нет еще устойчивости во мнениях»//, военный министр добавляет: //«Да как же, он советуется со всеми: с дедушками, тетюшками, маменькой и всякими другими; он юн и поддается взгляду последнего с ним говорившего»//. К тому же министр видит в окружении государя мало людей компетентных, могущих его просветить. Ванновский рассказывает об ужасном беспорядке в администрации на Кавказе, где теперь безопасности меньше, чем до его покорения. Он будто бы предлагал государю назначить туда в качестве генерал-губернатора генерала Куропаткина⁶⁴, но государь, видимо, настойчиво придерживается кандидатуры графа Воронцова-Дашкова. В связи с этим он не слишком склонен назначить последнего канцлером. Все это чрезвычайно интересно.

ЦГАОР СССР, ф. 568, оп. 1, д. 46, лл. 10—11. На франц. яз.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Зиновьев И. А., посланник в Швеции (1891—1897 гг.).
- ² Александр Баттенберг, в 1879 г. стал князем болгарским, в августе 1886 г. отрекся от престола.
- ³ Дурново И. Н., министр внутренних дел (1889—1895 гг.), затем председатель Комитета министров (1895—1903 гг.).
- ⁴ Кривошеин А. К., министр путей сообщения (1892—1894 гг.), член Государственного совета.
- ⁵ Филиппов Т. И., государственный контролер (1889—1899 гг.).
- ⁶ Лобанов-Ростовский А. Б., министр иностранных дел (1895—1896 гг.).
- ⁷ Стааль Е. Е., посол в Лондоне (1884—1903 гг.).
- ⁸ Солсбери Р., английский премьер-министр (1895—1902 гг.), до 1900 г. — временно министр иностранных дел.
- ⁹ Оболенский В. С. — с 1886 г. директор канцелярии министерства иностранных дел.
- ¹⁰ Шишкин Н. П., дипломат, с 1891 г. товарищ министра иностранных дел, в 1896—1897 гг. управляющий министерством иностранных дел.
- ¹¹ Чихачев Н. М., управляющий морским министерством (1888—1896 гг.).
- ¹² Кассини А. П., посланник в Китае (1893—1898 гг.).
- ¹³ Владимир Александрович, великий князь, с 1884 по 1905 г. главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа.
- ¹⁴ Остен-Сакен Н. Д., посол в Берлине (1895—1912 гг.).
- ¹⁵ Нелидов А. И., посол в Турции (1883—1897 гг.).
- ¹⁶ Зейтун — город в Малой Азии, в вилайете Алеппо. Присутствие здесь постоянного турецкого гарнизона вызывало неоднократные восстания армянского населения (в 1884, 1890, 1895—1896 годах).
- ¹⁷ Абдул-Гамид II, турецкий султан (1876—1909 гг.).
- ¹⁸ Карри Ф., английский посол в Турции (1893—1898 гг.).
- ¹⁹ Фердинанд I Кобургский, болгарский князь (1887—1908 гг.), затем царь Болгарии (1908—1918 гг.).
- ²⁰ В январе 1896 г. рассматривался вопрос о восстановлении дипломатических отношений с Болгарией, разорванных в ноябре 1886 года. Россия соглашалась сделать это и признать Фердинанда Кобургского князем Болгарии при условии, что его сын Борис будет крещен по православному обряду. Неопределенность обстановки в описываемые дни вызывалась тем, что Фердинанд медлил, пытаясь выяснить, действительно ли царское правительство официально признает его после крещения Бориса. К тому же 2 (14) января 1896 г. начиналась поездка болгарского князя в Западную Европу. (Подробнее см.: А. К. Мартыненко. Русско-болгарские отношения в 1894—1902 гг. Киев. 1967).
- ²¹ 23 января (4 февраля) 1896 г. в Болгарии был опубликован манифест Фердинанда Кобургского, в котором объявлялось о предстоящем крещении его сына Бориса по обряду православной церкви.
- ²² Жена Фердинанда Кобургского Мария-Луиза была яркой католичкой.
- ²³ 25 января (6 февраля) 1896 г. Николай II направил телеграмму Фердинанду Кобургскому, где сообщал о своем согласии взять на себя роль крестного отца.
- ²⁴ Имеется в виду предстоявшая 18 мая 1896 г. в Москве коронация Николая II.
- ²⁵ Воронцов-Дашков И. И., министр императорского двора и уделов (1881—1897 гг.).
- ²⁶ По Берлинскому трактату 1878 г. турецкий султан считался сюзереном Болгарского княжества, поэтому признание Фердинанда Кобургского князем Болгарии осуществлялось через посредство Порты.
- ²⁷ Массасау (Массава) — порт на севере Эфиопии.
- ²⁸ Кауфман М. П., председатель Российского общества Красного Креста (1883—1898 гг.).
- ²⁹ Эрбетт Ж., французский дипломат, посол в Берлине (1886—1896 гг.).
- ³⁰ Имеется в виду Константинопольская конвенция об обеспечении свободного плавания по Суэцкому каналу, подписанная 17 (29) октября 1888 г. Австро-Венгрией, Великобританией, Германией, Испанией, Италией, Нидерландами, Россией, Турцией и Францией. Конвенция декларировала идею свободного пользования каналом. Он был объявлен открытым для торговых и военных судов всех стран как в дни мира, так и во время войны; запрещалась блокада канала и военные действия в его районе (см.: «Сборник договоров России с другими государствами 1856—1917». М. 1952).
- ³¹ Аното (Ганото) Г., министр иностранных дел Франции (1894—1895, 1896—1898 гг.).
- ³² Хольштейн Ф. А., германский дипломат, советник министерства иностранных дел (1880—1906 гг.).
- ³³ Речь идет о поездке вдовствующей императрицы Марии Федоровны к своему сыну цесаревичу Георгию Александровичу, который находился на лечении в Тюрби (близ Ниццы).
- ³⁴ Виктория, английская королева (1837—1901 гг.).
- ³⁵ Гирс Н. К., министр иностранных дел (1882—1895 гг.).

- ³⁶ Ионин А. С., российский дипломат, тайный советник.
- ³⁷ В марте 1896 г. на Крите вспыхнуло восстание против турецкого гнета; в мае повстанческий комитет обратился к греческому населению острова с призывом начать вооруженную борьбу против Турции, за объединение с Грецией.
- ³⁸ Ону М. К., посланник в Афинах (1890—1901 гг.).
- ³⁹ Кандия — итальянское название острова Крит.
- ⁴⁰ Демерик Н. Н., российский консул в Кании в 1896 году.
- ⁴¹ Кания (Ханья) — населенный пункт и залив на острове Крит.
- ⁴² Капнист Д. А., директор Азиатского департамента МИД (1891—1897 гг.).
- ⁴³ Лихтенштейн Ф., посол Австро-Венгрии в России (1894—1898 гг.).
- ⁴⁴ Монтебелло Г., посол Франции в России (1891—1903 гг.).
- ⁴⁵ Имеется в виду заграничное путешествие Николая II в августе — октябре 1896 года.
- ⁴⁶ Татищев С. С., дипломат, публицист и историк.
- ⁴⁷ Министр иностранных дел Лобанов, сопровождавший Николая II в заграничном путешествии, внезапно умер 18 (30) августа 1896 г.; для дальнейшего сопровождения царя во Францию выезжал товарищ министра иностранных дел Н. П. Шишкин.
- ⁴⁸ Имеется в виду Н. П. Шишкин.
- ⁴⁹ Тыртов П. П., управляющий морским министерством (1896—1903 гг.).
- ⁵⁰ Моренгейм А. П., посол в Париже (1884—1898 гг.).
- ⁵¹ Французский министр иностранных дел Аното уговорил Николая II и Шишкина утвердить совместные инструкции послам России и Франции в Константинополе, содержавшие французские предложения, на которые до того царское правительство отказывалось дать свое согласие. Инструкции предполагали, в частности, расширение компетенции Комиссии оттоманского долга, созданной державами-кредиторами в 1881 г. после объявления Турцией банкротства. При этом царское правительство согласилось послать своего делегата в это учреждение, которое до тех пор игнорировало (см.: В. М. Хвостов. Ближневосточный кризис 1896—1897 гг. «Историк-марксист», 1929, № 13; «История дипломатии». Т. 2. М. 1963, стр. 339—342).
- ⁵² Гогенлоэ Х., канцлер Германской империи (1894—1900 гг.).
- ⁵³ Маршалль фон Биберштейн, статс-секретарь германского министерства иностранных дел (1890—1897 гг.).
- ⁵⁴ Речь идет о так называемом «перестраховочном договоре» 1887 г., подписанном в Берлине 6 (18) июня статс-секретарем германского ведомства иностранных дел Г. Бисмарком и российским послом в Берлине П. А. Шуваловым.
- ⁵⁵ Гирс М. Н., посланник в Аргентине и Бразилии.
- ⁵⁶ Теплов В. А., чиновник особых поручений при министре иностранных дел.
- ⁵⁷ Никонов М. Н., директор департамента личного состава и хозяйственных дел МИД.
- ⁵⁸ Гирс Н. Н., секретарь посольства в Париже.
- ⁵⁹ Бисмарк О., канцлер Германской империи (1871—1890 гг.).
- ⁶⁰ Менелик II, негус Эфиопии (1889—1913 гг.).
- ⁶¹ Речь идет о подписанном 14 (26) октября 1896 г. Аддис-Абебском договоре, завершившем неудачную для Италии войну с Эфиопией.
- ⁶² Леонтьев Н. С., отставной офицер русской армии, перешедший в 1896 г. на службу к эфиопскому негусу, произведенный им в генералы и назначенный правителем экваториальных провинций Эфиопии. Неоднократно посещал Россию в качестве члена дипломатических миссий Эфиопии.
- ⁶³ Ванновский П. С., военный министр (1881—1898 гг.).
- ⁶⁴ Куропаткин А. Н., генерал, военный губернатор Закаспийской области (1890—1898 гг.).

ДВИЖЕНИЕ БАЛАШОВЦЕВ

И. Л. Андреев

XVII столетие знало не одно крестьянское выступление. Человек того времени, родившись в дни, когда отряды И. И. Болотникова осаждали Москву, в зрелом возрасте мог стать свидетелем крупных городских восстаний, а в старости увидеть отряды С. Т. Разина. Недаром тот век называли «бунташным». Ниже пойдет речь об одном малоисследованном крестьянско-казацком выступлении начала 1630-х годов. В историю оно вошло под названием «балашовщина» (по имени одного из его руководителей, Ивана Балаша)¹.

В декабре 1618 г. в дер. Деулино, неподалеку от Троице-Сергиева монастыря, московские послы заключили с представителями Речи Посполитой долгожданное перемирие. Дорогой ценой досталось оно России. Многие районы страны после польско-шведской интервенции лежали в запустении. Северская земля, а также Смоленск отходили к Польско-Литовскому государству. Однако в Москве не оставляли надежд на возвращение потерянных территорий. Эти настроения усилились в 1619 г., с приездом из польского плена патриарха Филарета — Федора Никитича, отца царя Михаила Романова. Сосредоточив в своих руках почти всю власть, Филарет изменил внешнеполитический курс страны, и правящие круги начали готовиться к новой войне с Речью Посполитой. В Германию, Англию и Швецию для найма ратных людей были направлены русские эмиссары². Одновременно было решено сформировать полки «нового строя» — воинские соединения, основанные на службе добровольцев. Правительство первоначально верстало в солдаты людей из низших, беспоместных слоев служилого дворянства — кормовых детей боярских. Но последние избегали трудной солдатской службы. Пришлось на рынках «бирючам кричать не один день», призывая «вольных, гулящих людей» писаться в военную службу. Польстившись на царское жалованье, многие соглашались. В результате из 9 тыс. русских солдат около 5 тыс. оказались «гулящими людьми»³. Правительство опасалось этого обстоятельства: «молодчие» посадские и работные люди, беглые и освобожденные холопы, все, кто имел себя «вольными людьми», отнюдь не питали дружеских чувств к своим угнетателям.

Весной 1632 г. из добровольцев создали шесть полков «нового строя». По утрам под присмотром иностранных офицеров русские солдаты вышагивали по подмосковным полям, постигая премудрости строевой науки. Рядом располагались шумные и задиристые казаки, а также дворянское ополчение. Картину дополняли толпы понуро бредущих «даточных людей» — крестьян, насильно оторванных от их хозяйства для несения вспомогательной военной службы. А в августе Филарет и его сподвижники после долгих колебаний решились начать боевые действия. Момент, казалось, был выбран подходящий. Речь Посполитая, раздираемая междоусобной борьбой за осво-

¹ О «балашовщине» можно встретить упоминания в ряде работ (Д. И. Иловайского, Е. Д. Сташевского, А. А. Новосельского и др.). Однако подлинным первооткрывателем этого движения, определившим его характер и роль в событиях 1632—1634 гг., следует считать Б. Ф. Поршнева (Б. Ф. Поршнев. Социально-политическая обстановка в России во время Смоленской войны. «История СССР», 1957, № 5; его же. Развитие «балашовского» движения в феврале — марте 1634 г. «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». М. 1963).

² Е. Д. Сташевский. Смоленская война 1632—1634 гг. Организация и состояние московской армии. Киев. 1919, стр. 68, 71.

³ Там же, стр. 118, 119, табл. 7.

бодившийся после смерти Сигизмунда III престол, была заинтересована в мире. Письмо польских сенаторов, присланное летом 1632 г. с просьбой не нападать на «осиротевшую» Польшу, было воспринято в Москве как признак слабости западного соседа⁴. К тому же шведский король Густав-Адольф обещал обрушиться частью своих сил, нанятых на русские деньги, на Польско-Литовское государство⁵. Обнадеживающие вести приходили и из Турции. В Стамбуле, не без помощи русских послов, воинственно задвигался султан, готовый напасть на Польшу с юга⁶.

Для правительства царя Михаила война началась удачно. По свидетельству современника, «города разоряли, как птичьи гнезда»⁷. К февралю 1633 г. почти во всех крупных селениях, отошедших к Речи Посполитой по Деулинскому перемирию, стояли русские гарнизоны. Только Смоленск не удалось взять с ходу. Пока воеводы во главе с боярином М. Б. Шеиным и окольным А. В. Измайловым подошли к городу, поляки успели укрепить стены города и подготовить необходимые запасы. Царским полкам пришлось рыть земляные траншеи и возводить лагерь. Делали все добротнo и с размахом. «Смоленск был осажден накрепко, — читаем в разрядной книге, принадлежавшей участнику событий воеводе Б. Болтину, — под стенами около города поделаны городки и земляные шанцы накопаны»⁸. По весеннему бездорожью 1633 г. подтащили из Вязьмы «большой наряд» — осадную артиллерию. 17 марта начался обстрел Смоленска. «Из наряду по городу били беспрестанно и в день, и в ночь»⁹, и вскоре, воспользовавшись разрушениями в стенах, русские полки двинулись на штурм. Но польский гарнизон отбил атаки. После первых неудач Шеин изменил тактику: подкопы стали вести «даточные люди». Однако из-за ошибки в расчетах взрыв мины произошел не под основанием стены, а между стеной и атакующими войсками. Град камней и земли обрушился на русский авангард и смял его. Неудача постигла воевод и со вторым подкопом. После взрыва, когда штурмующие отряды бросились в образовавшийся пролом, перед ними оказалась возведенная противником новая земляная стена. Не успела осесть пыль, как сверху по полкам ударили пушки. Осаждавшие в беспорядке отошли.

Пока Шеин топтался под Смоленском, в тылу польско-литовских войск стали действовать «шиши» (партизаны). Появились они еще до прихода русских войск под Смоленск и на первых порах состояли из местных крестьян, которые с нетерпением ждали начала войны. Дело доходило до того, что накануне столкновения поляки, обеспокоенные враждебными настроениями жителей, отбирали у них даже рогатины. Однако это не помешало русским крестьянам в первые же месяцы войны двинуться на помощь своим. Б. Нагово, один из царских воевод, сообщал в Разрядный приказ: «В прошлом... году, как ты, государь, указал идти под Смоленск своим государевым стольникам и воеводам, и в ту пору были с нами вольные всякие люди, а назывались шишами,.. ваших, государь, городов крестьяне и всякие люди. И нынеча, государь, слыша вашу государеву службу, хотят вам служить многие люди тем же обычаем»¹⁰.

Один из первых партизанских отрядов возглавлял Иван Балаш. О его прошлом нам почти ничего не известно. Был он крестьянином Герасимова Болдинского монастыря в Дорогобужском уезде. После Деулинского перемирия этот уезд отошел к Речи Посполитой. С началом войны Балаш стал принимать активное участие в боевых действиях и, опасаясь репрессий со стороны противника, отправил свою семью «за рубеж», в Вязьму. О его возрасте мы можем судить по косвенным данным. Поскольку его старшего сына, тоже участника движения и тоже Ивана, «за воровство» сослали на службу в низовые города, то казацко-крестьянскому атаману было, по видимому, далеко за 30.

⁴ «Переписка между Россией и Польшей в государственное царя Михаила Федоровича». «Чтения» в Обществе истории и древностей российских при Московском университете (далее — ЧОИДР), 1862, кн. IV, стр. 48.

⁵ Б. Ф. Поршнев. Борьба вокруг русско-шведского союза 1631—1632 гг. «Скандинавский сборник». Вып. I. 1956, стр. 53—55.

⁶ ЦГАДА, ф. 89 («Дела с Турцией»), 1632, д. 3, лл. 290—295.

⁷ А. Н. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей. М. 1869, стр. 373.

⁸ Там же, стр. 369.

⁹ Там же.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 210 («Белгородский стол»), д. 42, лл. 14—15.

Впервые имя Балаша упоминается в отписке боярина Шеина, присланной с сыном боярским И. Растопчиным. Последний рассказывал боярам: «Слышал он в полках, что приходили к боярину к Михайлу Борисовичу Шеину Дорогобужского и Смоленского уезда крестьяне, которые радеют государю, Балаш с товарищами и били челом, чтоб им дозволили, собравшись с вольными людьми, быть в шишах и языков добывать. И тех шишей собралось человек с 400 и стоят ныне в острожке под Смоленском»; вероятно, воевода Шеин с радостью позволил бы Балашу, «собравшись вольными людьми,.. радеть государю», если бы не одно обстоятельство: в расспросе Растопчин добавил: «А в тех шишах самовольством от голоду пошли солдаты Фалентинова полка с 200 человек и стоят вместе»¹¹. Через несколько дней, 22 ноября, другой гонец, В. Солнцев, уточнил: «Атаман Балаш стоит по ту сторону Смоленска в Красном селе в острожке и языков посылает часто, а с ним 500 человек»¹². Из документов видно, что под Смоленском Балаш появился уже с боеспособным отрядом.

Как же возник этот отряд? Мы не знаем точно ни того места, где впервые собрались балашовцы, ни тех слов, с которыми обратился к ним Балаш. Но известно, что первоначально вокруг него сплотились крестьяне Дорогобужского, Севского и Смоленского, а возможно, и некоторых других уездов. Правительство называло предводителя партизан не иначе, как «мужицкий атаман», или «Иван Балаш с комарицкими мужиками». В Москве хорошо помнили о «бунташной» славе «комарицкого мужика», вошедшего даже в фольклор. Именно с этих мест, тогда уже беспощадно разоренных войсками Б. Годунова, начинал свой поход И. И. Болотников. Здесь нашел себе поддержку и Лжедмитрий I. Так что, принимая на службу крестьянского атамана с отрядом партизан, царские воеводы, безусловно, понимали, что эта сила при случае может обернуться и против них, хотя первые известия о действиях «шишей» успокаивали. После присоединения к «комарицким мужикам» бежавших солдат балашовцы совершили успешный налет на с. Кадино. Тогда-то Балаш и установил контакт с воеводами. Затем ему пришлось выдержать трудный бой под с. Красным с отрядом князя Мосальского. Победа вновь досталась «шишам». Когда же подошел большой отряд противника, балашовцы перебрались в Дорогобужский уезд, поближе к шедшим под Смоленск русским полкам.

Это способствовало усилению бегства ратных людей к партизанам. Покидали они полки по вполне понятным причинам. Казацкая вольница, царившая в партизанских таборах, устраивала их больше, чем палочная дисциплина в войсках Шеина, подкрепленная в лучшем случае копеечным жалованьем. К Балашу шли солдаты, донские казаки, «даточные». Попадали они в отряд иногда своеобразным путем. Так, один из новоприбывших рассказывал, что привез он в Дорогобуж товары, распродал их и ушел к Балашу¹³. О количестве бежавших можно судить по расспросным речам пленных балашовцев. «Отстало их от Царёво-Займища с 300 человек... Отстало их от Царёво-Займища 250 человек и пришли в Рославль. И в Рославле собралось... кормовых солдат и всяких охотчих людей с 500 человек... Под Смоленск пришел Иван Лесков с 50 кормовыми и вольными людьми»¹⁴. Постепенно дело стало принимать для воевод дурной оборот. Оказалось, что «шиши» не только хватали лазутчиков и рассеивали отряды неприятеля, но и способствовали быстрому таянию царских полков.

Из Дорогобужского уезда балашовцы в декабре 1632 г. перешли в Рославльский. Здесь уже давно полыхало пламя партизанской войны. Многочисленные отряды «шишей» перехватывали польских гонцов и громили гарнизоны. 20 ноября партизаны во главе с wybranнми ими «карачевским головой» С. Верекиными так прочно осадили Трубчевск, что польский гарнизон встретил русские войска как освободителей, и когда к городу подошел голова А. Зиновьев, то «литовский урядник с литовскими людьми говорил ему, что от грабежа комарицких мужиков и карачевских партизан унимал и они де польские и литовские люди государю добьют челом тотчас»¹⁵. 2 де-

¹¹ «Акты Московского государства, изданные имп. Академиею наук под ред. Н. А. Попова». Т. I. СПб. 1890, № 442.

¹² Там же, № 447.

¹³ Там же, № 504.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, № 479.

кабря Трубчевск распахнул ворота. Зиновьев вошел в город, но сдержать «шишей» не смог, ибо свыше 1 тыс. партизан тотчас бросились на обозы противника.

С появлением отряда Балаша боевые действия в этом районе приобрели еще больший размах. В январе 1633 г. с помощью балашовцев голова В. Яковлев осадил Мстиславль¹⁶. Балаш совершил успешный рейд под Кричев. Гарнизон едва успел перетянуться в остроге. Разграбив город, балашовцы вернулись под Рославль¹⁷. Здесь партизаны встретились с Нагово, который старательно делал вид, что не замечает в отрядах «шишей» беглых солдат, и вскоре установилось «взаимопонимание». Балашовцы получали от воеводы свинец и пороховое зелье. Нагово же приписывал себе все победы партизан. В январе 1633 г. обе стороны, закрепив сотрудничество, отметили его совместным походом под Кричев, где им удалось разбить крупный отряд неприятеля и захватить много пленных¹⁸.

Горящие города, толпы пленных, разгромленные отряды противника свидетельствовали о том, что балашовцы становятся значительной военной силой. После второго похода под Кричев они решились на такую сложную операцию, как осада Стародуба. «Да под Стародуб пришел из-под Смоленска атаман Балас и иные атаманы, а было их казаков с две тысячи человек и Стародуб осадили накрепко»¹⁹. Вскоре на помощь балашовцам из района Трубчевска прибыли отряды С. Веревкина и В. Рострубаева, из-под Сурожа — отряд И. Коротова²⁰. «Стародубское сидение» балашовцев стало подлинным бедствием для царских воевод. Все чаще и чаще повторялась уже ставшая привычной картина: проснувшись утром, «начальные люди» недосчитывались солдат, ушедших к партизанам. Шеин засыпал Москву жалобами на бегство ратников. «Писали к вам наперед сего, что из полков русские солдаты пошли в воровство, и мы к тем солдатам писали и к ним приказывали многожды, чтоб они от воровства отстали». В отписках воеводы звучали тревожные нотки: «И нынеча, государь, казаки и московские стрельцы, и дети боярские, и татаровя, и иноземцы с твоей государевой службы бегут ежедень беспрестанно. И донские и яицкие казаки, государь, с твоей государевой службы бегут в воровство». Заканчивает Шеин это послание воплем: «Рать твоя, государь, разбежалась»²¹. При всей своей склонности к преувеличениям на этот раз Шеин был недалек от истины. К концу лета Смоленский лагерь покинуло более 5 тыс. человек, многие из которых свернули в таборы балашовцев²².

В Москве забеспокоились. Уже в январе 1633 г. правящим кругам стало ясно, что увещевания не помогают. Беглецов не привлекали ни прощение — «наказания им никакого чинить не велено», ни обещания «жалованье давать по-прежнему беспрестанно». Решено было послать к вольнице воеводу В. П. Ляпунова с грамотами. 18 января он получил наказ убедить балашовцев от «дурна отстать» и идти с ними под Смоленск «безо всякого сумнения и опасения». Примечательно, что в черновиках имя Балаша приписано сверху, после правки дьяка. В Москве как бы раздумывали, признавать ли мужицкого атамана. События, одной из движущих сил которых стали комарицкие мужики, складывались так, что нужно было признать предводителя последних. Ляпунов выехал к балашовцам. А через несколько дней в столице вновь заговорили о казацко-крестьянском движении. Нагово писал Филарету: «Подлинно, государь, неведомо, а говорят в мире, что комарицкие мужики и Балаш пошли под Чернигов к Черкасским городкам»²³.

«Черкасы» занимали определенное место в планах московского правительства. Поскольку Филарет вел «большую политику», рассчитывая в случае успеха под Смоленском начать борьбу за освобождение Украины, то было важно заручиться поддерж-

¹⁶ ЦГАДА, ф. 210 («Белгородский стол»), д. 42, л. 493.

¹⁷ «Акты Московского государства...». Т. 1, №№ 504, 483.

¹⁸ Там же, № 504; ЦГАДА, ф. 210 («Приказный стол»), д. 60, лл. 67—71.

¹⁹ А. Н. Попов. Указ. соч., стр. 371.

²⁰ «Акты Московского государства...». Т. 1, № 504.

²¹ ЦГАДА, ф. 210 («Новгородский стол»), д. 45, лл. 135—136.

²² Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее — ОР ГПБ), Эрмитажное собрание, № 461, лл. 193—202 об.; ЧОИДР, 1909, кн. 2, «Смесь».

²³ ЦГАДА, ф. 210 («Московский стол»), д. 98, л. 18. Балаш после взятия Стародуба совершил налет на Гомель и Чечерск.

кой местного населения. Но о какой поддержке можно было говорить, если отряды Балаша, состоявшие пусть из беглых, но все же русских солдат и крестьян, опустошат черкасские городки? В столице начался переполох. 31 января вдогонку за Ляпуновым мчится гонец Ф. Щепин с грамотой: строго запретить балашовцам «без нашего царского указа збираться» и войною никуда не ходить²⁴. В начале февраля Щепин, которому было велено «ехать, не мешкая нигде ни часу», появляется в лагере партизан под Стародубом. Здесь уже обосновался Ляпунов. Упавшие, как снег на голову, воевода, царские грамоты, а через несколько дней еще один царский посланник с новыми грамотами поставили беглых в трудное положение. 2 тыс. участников вольницы решали важный вопрос: подчиниться ли требованиям правительства и идти ли к Шеину? — Да, — говорили одни и в знак покорности направили в Москву В. Рострубаева. — Да, — заявил Балаш и послал от себя к Шеину людей выяснить условия объединения. Однако в последний момент часть балашовцев взбунтовалась. Вот что сообщал об этом правительству стародубский воевода И. Еропкин: «Иные воры де послушались, а иные многие воры твоего государева указу не послушались и под Смоленск идти не захотели»²⁵.

Стародубский лагерь балашовцев стал распадаться. Первыми его покинули «400 охотчих людей из Путивля и иных городов», затем отряд атамана С. Пирога, который ушел с «великим буйством», разгромил обоз и захватил в плен самого Балаша. Б. Ф. Поршнев, как нам кажется, вполне справедливо увидел в этом стремление воспользоваться авторитетным именем мужицкого атамана для дальнейшего развития движения²⁶. 1 марта этот отряд вновь появился у Стародуба. Навстречу ему выехал Еропкин и стал уговаривать отстать «от воровства». Казаки «почали» с ним биться. Правда, задним числом они потом отрицали это: дескать, «не похотели с ним биться и отошли»²⁷. На деле же они просто не выдержали напора ратных людей и, побросав часть имущества, «утекли». Еропкину достались 220 пленных, весь обоз, а в нем на одной из телег — связанный Балаш²⁸. Воевода бросил его в тюрьму. Вскоре Еропкину из приказа отписали, чтобы, «связав и сковав», он отправил Балаша в Москву. Однако в столице так и не увидели мужицкого атамана, ибо в апрельской отписке воевода донес: «А Ивашка Балаш за приставом умер».

Раскол вольницы облегчил правительству борьбу с казацко-крестьянским движением. В ответ на свои победные реляции Еропкин получил грамоту, в которой ему было приказано окончательно разгромить неподчинившихся балашовцев. «А будут те воры нашего государева указа не послушают, на нашу государеву службу под Смоленск не пойдут, .. и ты бы на тех воров посылаи голов с нашими ратными людьми»²⁹.

Но воевода не решился второй раз испытывать судьбу, и вместо ратных людей отправился к казакам голова С. Воцин. Когда последний стал уговаривать их подчиниться царскому указу, балашовцы отклонили его предложение. А в середине марта они объявились на реке Сейм, «промеж Рыльска и Путивля». Здесь произошел новый раскол. Атаман Пирог с донскими казаками пошел на Дон. Остальные, среди которых было много холопов, повернули к Смоленску. 17 марта Ляпунов привел из-под Стародуба участников вольницы к Шеину. А несколько позже подошли остатки отряда Пирога. Казалось, что со смертью Балаша умерла и балашовщина.

Возникает вопрос: почему царское правительство столь активно боролось против вольницы? Что испугало его? Ведь балашовцы оказали большую помощь его воеводам. Дело, конечно, заключалось в том, что одновременно их лагерь стал центром, притягивавшим всех недовольных, начиная с солдат из смоленских полков и кончая крестьянами и холопами, которые бежали туда уже в первые месяцы движения. Не следует переоценивать в тот период антифеодальный характер выступлений вольницы. Он возрастает и усиливается, однако пока не становится доминирующим. Основной целью казацких отрядов оставалась борьба с Речью Посполитой. Но даже одной ан-

²⁴ Там же, лл. 21—23.

²⁵ Там же, л. 77.

²⁶ Б. Ф. Поршнев. Социально-политическая обстановка в России во время Смоленской войны, стр. 124.

²⁷ ЦГАДА, ф. 210 («Московский стол»), д. 98, лл. 78, 125.

²⁸ «Акты Московского государства...». Т. 1, № 505.

²⁹ ЦГАДА, ф. 210 («Московский стол»), д. 98, л. 88.

тифеодальной тенденции в движении было достаточно, чтобы напугать правящие круги, которые готовы были пойти на любые жертвы для ликвидации партизан.

Тем не менее мероприятия правительства не погасили пожар народного движения. Балашовцы не сложили оружия. Даже те, кто пришел вместе с Ляпуновым под Смоленск, лишь временно примирились со своим положением. «И те солдаты, которые были с Балашом в воровстве, Александра полка Лесли Ивашко Рокотов да Тобисова полка Узына Васька Рокотов, пришли под Смоленск подговаривать с собою солдат в воровство»³⁰. И с осени 1633 г. начался второй этап движения. Новым его центром стал Рославльский уезд. Почти непроходимые леса способствовали партизанским действиям. Отсюда можно было держать в постоянном напряжении коммуникации противника или, забившись в глухую деревню, отсиживаться после дерзких налетов. Рославльский лагерь быстро увеличивался. Из-под Смоленска, не таясь, приходили сюда крупные отряды ратных людей. 2 октября атаман А. Чертопруд привел 1200 человек³¹. А вот отписка воеводы И. Хилкова: «Ныне побежали с твоей государственой службы из-под Смоленска тысяч полторы»³². Шеин, теснимый со всех сторон поляками, предпринимал отчаянные попытки остановить бегство ратоборцев, но не мог успешно бороться с побегами. И он жаловался в Москву: «Солдаты идут в Рославль, потому что Дмитрий Сеитов их принимает, и на то, государь, смотря, многие солдаты и казаки... от нас, холопов твоих, бегут в воровство в разные места»³³.

После этого из Москвы написали рославльскому воеводе Сеитову «с большим укором», что, принимая смоленских беглецов, он «делает большую смуту». Однако внушение не помогло, ибо дело заключалось не столько в Сеитове, который иногда был не прочь использовать рославльских казаков, сколько в его бессилии воспрепятствовать их приходу. Вольница давно уже не считалась с воеводой и сама решала вопрос о приеме новоприходцев. «Мы де к себе не призываем, но и никого не отсылаем», — лаконично ответили казацкие атаманы на правительственное требование выдать беглецов. Это было сразу и правдой, потому что балашовцы действительно никого не выдавали, и неправдой, потому что их агитаторы вели пропаганду во многих городах и уездах, особенно же старались в Москве, подбивая «на воровство» холопов и посадских людей.

Всего в октябре 1633 г. «собралось тех кормовых детей боярских и яицких казаков с три тысячи»³⁴. В боевых действиях, которые вели балашовцы, победы чередовались с поражениями. 10 сентября вместе с Сеитовым они разгромили под Рославлем полк Станислава Сосинского. Зато в октябре в Смоленском уезде потерпел неудачу атаман И. Тесляев. В декабре балашовцы вместе с царскими воеводами взяли Пропойск и Борзу, причем в последнем деле, не поделив с московскими стрельцами трофеев, комарицкие мужики их «побили и казенные пищали поотнимали»³⁵. А летом того же года военное счастье окончательно изменило Шеину. 25 августа к Смоленску подошли полки нового польского короля Владислава IV. Они начали теснить армию Шеина, пока не заперли ее в лагере. 18 ноября Боярская дума вынуждена была принять решение о создании новой армии и посылке ее на выручку смоленских полков. Возглавили ее бояре Д. М. Черкасский и Д. М. Пожарский. Однако военные возможности царского правительства были ограничены. В январе 1634 г. в Можайске, где должна была расположиться новая армия, вместо намеченных 10—15 тыс. ратных людей стояло всего 357 человек³⁶.

Не удивительно, что правительство опять вспомнило о балашовцах. Появилась перспектива объединить рославльских казаков с еще не сформированными можайскими полками. Тут же царские воеводы изменили отношение к вольнице: до недавнего времени там были «воры да бунтари», а ныне — «вольные казаки и охочие люди, которые радуют государю». Казацкое посольство Чертопруда и Тесляева, прибывшее в январе 1634 г. с боевыми трофеями, было принято с большой пышностью. Сам царь Ми-

³⁰ «Акты Московского государства...». Т. 1, № 526.

³¹ Там же, № 584.

³² ЦГАДА, ф. 210 («Московский стол»), д. 98, л. 128.

³³ Там же («Новгородский стол»), д. 45, лл. 277—282.

³⁴ Там же («Московский стол»), д. 98, л. 273.

³⁵ Там же («Белгородский стол»), д. 53, лл. 6, 132, 296—297.

³⁶ Там же («Новгородский стол»), д. 45, л. 270.

хаил «дозволил свои царские очи видеть и вины их простил». Членов посольства пожаловали заграничным сукном и денежным жалованьем, а рославльскую вольницу — царскими знаменами. Но казаки, несмотря на такую встречу, даже в Москве не скрывали своих настроений. Их агитаторы появлялись во всех концах столицы, открыто призывая холопов променять неволю на волю. Народ повалил к балашовцам толпами. И вот в один из дней в Голутвенной слободе, где стояли казаки, появился отряд стрельцов. Служилые люди бросились на толпу холопов. На помощь холопам, размахивая саблями, выскочили казаки. Свалку еле-еле замяли³⁷.

Еще в декабре 1633 г. в рославльском лагере появился И. Наумов, присланный из Москвы, чтобы возглавить поход к Можайску. Однако воевода не смог поднять таборы балашовцев. Казаки требовали признать вольными крестьян и холопов, примкнувших к движению. Наумов отговаривался, что на этот счет ему в Москве распоряжений не давали и что он «об этом отпишет»³⁸. Казаки не соглашались ждать. Пока что эти противоречия не мешали балашовцам активизировать их действия. 14 января рославльские казаки вместе с Наумовым сражались против польского полка Яна Каминского. Бой был на редкость упорным, бились «с обеда до полуночи», и только темнота разняла сражавшихся. На следующий день поляки, получив подкрепление, вновь устремились на балашовцев, но были разбиты и бежали, оставив 12 знамен, 2 затинные пищали и 230 пленных³⁹. Сталкиваясь с поляками, балашовцы не забывали и о «внутреннем противнике». В октябре духовенство и помещики Брянского уезда стали жаловаться в столицу на Сеитова, что он не может унять казаков, которые «промышляют в брянских лесах»⁴⁰. Поскольку челобитная осталась без ответа, дворяне взялись за оружие. А в декабре 1633 г. балашовцы, в свою очередь, били челом, что «бренчане дворяне и дети боярские их побивают до смерти, грабят и в воду сажают»⁴¹.

Позиция балашовцев по вопросу о слиянии с можайскими полками все же заставила правительство пойти на уступки. Москва простила все их «вины», а присоединившихся к движению холопов и крестьян велено было «не иметь». Только после этого балашовцы согласились подчиниться царскому указу, и 6 февраля 1634 г. рославльские отряды выступили в поход. Однако прямо на Можайск они не пошли и, ссылаясь на то, что в районе Дорогобужа их может перехватить противник, свернули на брянскую дорогу. 15 февраля к ним примкнул атаман Чертопруд. Из Москвы он вернулся не один. По дороге горсточка казаков успела вырасти в большой отряд. В Вязьме, Можайске, Козельске, где бы ни останавливался Чертопруд, казаки «мутили» и звали людей к себе.

Чертопруду было поручено передать Наумову знамена, пожалованные казакам в столице. Чертопруд раздал их без ведома Наумова. Когда же воевода предъявил на них свои права, то его попросту вытолкали из казацкого круга. Обиженный Наумов писал в Москву: «Меня, холопа твоего, ни в чем не слушают и дорбгою идут на твою службу медленно, неведомо для чего, и вперед, государь, у них неведомо что будет»⁴². И действительно, оказавшись 22 февраля в Дудинской волости Козельского уезда, балашовцы не проявили желания покинуть ее. Отовсюду к ним устремились ратные люди и крестьяне. 20 марта вернувшийся из Москвы атаман И. Белобородов привел с собой 500 человек; 22 марта из Мещевского уезда подошло еще 150; 28 марта из Калужского уезда — 50 человек⁴³. «Из многих мест холопы боярские, из городов стрельцы и казаки и всякие люди, — сообщал в те дни воевода, — пристаю беспрестанно, и всякое воровство чинят, и холопей призывают к себе». Казацкие атаманы стали открыто призывать «идти на север для добычи». И для «воровства» — добавлял тот же воевода⁴⁴.

³⁷ Там же («Приказный стол»), д. 76, лл. 14—15, 19.

³⁸ См. подробнее о миссии Наумова: Б. Ф. Поршнев. Социально-политическая обстановка в России во время Смоленской войны, стр. 134.

³⁹ «Акты Московского государства...». Т. 1, № 707.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 210 («Приказный стол»), д. 76, лл. 195—197.

⁴¹ Там же («Московский стол»), д. 90, л. 300.

⁴² Там же («Приказный стол»), д. 76, л. 20.

⁴³ Там же, лл. 98, 120, 99, 116.

⁴⁴ Там же, лл. 98, 120.

К тому времени в лагере балашовцев произошли некоторые изменения. «Стояние» в Дудинской волости окончательно подорвало влияние Наумова. Оказавшись меж двух огней (и балашовцы угрожали, и Москва требовала), он счел за лучшее внезапно заболеть. 17 марта в лагере вместо Наумова появился воевода И. Бунаков. Но смена воевод не привела к переменам: казаки не считались и с Бунаковым. К марту 1634 г. таборы балашовцев выросли до 8 тыс. человек⁴⁵. Эта цифра носит приблизительный характер. По словам одного из участников событий, «сколько их, не ведает он, так как в одном месте их никогда не бывает». Действительно, весной отряды балашовцев почти одновременно действовали в Алексинском, Белевском, Воротынском, Епифанском, Калужском, Каширском, Мещевском, Лихвинском, Оболенском и Тарусском уездах. Чтобы обуздать эту силу, в Москве были готовы отказаться от объединения балашовцев с полками Черкасского и Пожарского. Правительство стремилось столкнуть участников движения с поляками. Казакам приказали немедленно напасть на врага, «чтоб в большую войну литовских людей и черкас не допустить». 30 марта 500 балашовцев нагрянули в с. Щелканово Мещевского уезда, где расположился противник. Застигнутые врасплох, польские и литовские люди не смогли оказать сопротивления. Оставив знамена и четыре орудия, они отошли. Но на обратном пути торжествующих балашовцев настигли главные силы неприятеля. В жаркой схватке рославдские казаки были разбиты.

Нельзя сказать, что с весны 1634 г. балашовцы полностью перешли к борьбе с дворянством⁴⁶. Поляки по-прежнему оставались для них противниками. Но все чаще народные отряды стали появляться в помещичьих деревнях и селах. После каждого такого налета дворяне недосчитывались значительной части имущества, а по избам — крестьян. Казацко-крестьянское движение начало принимать более ярко выраженный антифеодальный характер. Ранней весной правительство Михаила Федоровича оказалось в затруднительном положении. После капитуляции Шеина под Смоленском сил для дальнейшей борьбы с Речью Посполитой не было. Одновременно назревал внутрисполитический кризис: помещики стали высказывать открытое недовольство действиями балашовцев. «А которые в Можайске из Боровска дворяне и дети боярские, — рассказывал в апреле стряпчий И. Бутурлин, — и они сетуют, что от них люди уходят к казакам, поймав лошадей... А казаки де в их поместьях и вотчинах и жен и детей позорят и поместья разоряют. А чают от тех воров тамошних городов служивые люди большого дурна»⁴⁷. 22 мая воевода Черкасский передал челобитную помещиков-туляков, каширцев и рязанцев, которые жаловались, что «пока на государевой службе стоят в Можайске,.. без нас, холопов твоих, нынеча казаки наши поместья и вотчины разоряют без остатку... Нашу братию побивают до смерти». С аналогичными жалобами («А люди наши и крестьяне своровали...») выступили служилые люди полка Ф. Куракина⁴⁸.

Опасаясь усиления волнений, правительство затаилось в поисках выхода. Уступая помещикам, надо было разгромить балашовцев. Но для этого необходимо освободить те немногочисленные силы, которые сковала война с Польско-Литовским государством. Пока же все попытки заключить мир или перемирие успеха не имели. Тем временем армия роптала, теряла боеспособность и разбегалась. В этих условиях правительство вынуждено было тянуть время. И вот в Москве появились остатки капитулировавшей армии Шеина. Свыше 8 тысяч измученных людей ожидали награды за свою службу. Шеин с товарищами был взят под арест. Началось следствие о причинах поражения. Разбирательство дела затянулось. Это вызвало недовольство ратных людей, для которых все неудачи войны воплотились в личности незадачливого воеводы. Стряпчий Бутурлин сообщал: «Да во всех ратных людях сетование большое о том, что по ся лето Михаилу Шеину и Ортемию Измайлову и сыну его за их измену государева указу нет»⁴⁹. О том же писал архиепископ Пахомий: «В полках же

⁴⁵ Там же («Московский стол»), д. 101, л. 268.

⁴⁶ Б. Ф. Поршнев. Развитие «балашовского» движения в феврале—марте 1634 г., стр. 235.

⁴⁷ ЦГАДА, ф. 210 («Приказный стол»), д. 60, лл. 93—94.

⁴⁸ Там же («Белгородский стол»), д. 48, лл. 771—772; «Акты Московского государства...». Т. 1, № 660.

⁴⁹ ЦГАДА, ф. 210 («Приказный стол»), д. 60, л. 92.

Шейна ропот был велик»⁵⁰. Документы доносят до нас неясные известия о каких-то волнениях в столице между 25 (пожар в Москве) и 27 мая. Правительство «ради успокоения» ратных людей пошло на казнь Шейна и Измайлова. Секретарь Голштинского посольства Адам Олеарий, оставивший записки о своем путешествии в Московское государство, отмечал, что «в Москве готово было вспыхнуть всеобщее восстание, для утишения которого великий князь вынужден был обещать, что для удовлетворения народа он прикажет Шейна казнить»; это и было сделано, хотя до последней минуты Шейна заверяли, что он будет прощен⁵¹.

Весть о событиях в Москве докатилась и до польской стороны. В мае русские послы Ф. И. Шереметев и А. Л. Львов, которые вели на реке Поляновке переговоры с Речью Посполитой о мире, писали: «Переехал к королю с Москвы сын боярский, Федотом зовут... а сказывал де, что на Москве Михаила Шейна да Артемия с сыном Измайловых казнили и за то де на Москве учинилось в людях розно»⁵². Правда, обстановка вскоре разрядилась. Казнь Шейна несколько охладила горячие головы участников Смоленского похода. Свою роль сыграли в этом и пожалования, дарованные в апреле — мае. Награждали всех: помещиков — прибавкой к земельным и денежным дачам, новиков-солдат — верстанием сразу же в первую «новичью статью» (то есть с наивысшим окладом), а «вольным всяким русским людям учинены оклады против статей казаков». Делалось все это только с одной оговоркой: для будущего это «верстание не в образец»⁵³. Но в царском дворце понимали, что затишье носило временный характер. Головою Шейна откупились, однако не ликвидировали причин народного недовольства. По-прежнему в огне балашовщины горели поместья и вотчины. По-прежнему в вольницу бежали холопы и крестьяне. По столице ходили тревожные слухи. Посадские люди рассказывали: «Кузнечный староста Петрушка приказывал им прятать платье и всякую рухлядь, копая ямы для того, что нынешнего дня во вторник, 12 мая или завтра в среду или четверг, мая в 14 будет на Москве заматня великая»⁵⁴.

Правительству стало ясно, что долее оттягивать решение о рославльской вольнице нельзя, ибо она грозила новой крестьянской войной и вызывала недовольство дворян. Балашовцы сами дали Москве повод для окончательного разрыва. Их раздражало присутствие воеводы Бунакова. В условиях быстрого роста антифеодального движения он превратился в ненужного и опасного свидетеля, пристально наблюдавшего за каждым шагом мятежных станиц. 5 мая рославльские казаки «самовольством» вскрыли царские письма, адресованные Бунакову, обвинили его «в неправдах» и, чуть не зарубив саблями, выслали вон. А 7 мая Боярская дума приговорила: «На тех воров из городов посылати наших ратных людей... и поиск чинить и в уездах села и деревни воевать»⁵⁵. Несмотря на столь решительное заявление, правительство не смогло приступить к широким военным действиям. Было неясно, куда повернет Владимир IV, — к войне или миру. 8 мая казаки сообщили кн. Хованскому, что они идут к нему под Калугу. Воевода обратился в столицу с запросом, как быть. 12 мая ему приказали следовать навстречу балашовцам для совместной борьбы с поляками⁵⁶.

Внутренняя политика оказалась в прямой зависимости от хода Поляновских переговоров. А дела на них шли плохо. Польские представители выдвигали неприемлемые условия. 4 мая после московских событий и того хуже: свернули шатры и покинули место переговоров. А польский король, которому в дымке московских пожаров вновь стал чудиться царский престол (как в 1610-е годы, когда он был признан «царем» изменниками, членами Семибоярщины), снял осаду с Белой и помчался под Дорогобуж готовить поход на Москву. Переговоры оказались на грани срыва. В те

⁵⁰ А. Н. Попов. Указ. соч., стр. 373.

⁵¹ А. О л е а р и й. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб. 1906. стр. 201—202.

⁵² ЦГАДА, ф. 79 («Дела с Польшей»), 1634, д. 7, л. 679.

⁵³ Там же, ф. 210 («Белгородский стол»), л. 48, лл. 863—864; д. 61, л. 14; д. 54, лл. 189—190; ОР ГПБ, Эрмитажное собрание, № 544, лл. 148 об.—150 об.

⁵⁴ ЦГАДА, ф. 210 («Белгородский стол»), л. 48, лл. 793—794.

⁵⁵ Там же («Приказный стол»), д. 76, лл. 125—128.

⁵⁶ Там же, лл. 145, 150—154.

дни царские послы Шереметев и Львов не раз посматривали на противоположную сторону реки: не вернутся ли поляки? Они появились 12 мая. Вопросы войны и мира висели на волоске, и правительство царя Михаила не могло пока послать против балашовцев ни одного человека. Между тем польские представители на сей раз оказались более уступчивыми: внутренние и внешнеполитические трудности подталкивали и их к миру. С обоюдными уступками обе стороны составили проект мирного договора, и 2 июня он был подписан.

В Москве вздохнули с облегчением. Теперь можно было, не оглядываясь на Речь Посполитую, расправиться с непокорной вольницей. 5 июня воеводам городов, находящихся южнее столицы, было приказано послать ратных людей в Боровск, в полк И. Д. Хованского⁵⁷. Сюда же из Можайска и Калуги устремились отряды Б. С. Пушкина и Ф. Ф. Волконского. Готовился комбинированный удар: основной — силами Хованского, вспомогательный — гарнизонами городов. Одновременно правящие круги осуществили другую акцию. В лагерь балашовцев, расположенный близ Калуги, они послали грамоту с категорическим требованием прекратить «воровство», сдаться и, составив именной список, выдать холопов В. И. Стрешнева. Эта грамота застала балашовцев в переломный для движения момент. Логика борьбы постоянно подталкивала их к расширению антифеодальной войны. Именно в этом заключался главный источник их сил. Но не все хотели этого. Заявление правительству, сделанное несколько недель назад, что «воруют не они, а воруют де около их боярские холопы и крестьяне и всякие вольные люди, а называются казаками», было не только уловкой атаманов, но и выражением настроения той части участников движения, которые стремились не портить отношений с Москвой⁵⁸.

В разных по направленности действиях народных масс отразилась социальная пестрота балашовских таборов, в которых под названием «рославльские казаки» уживались и беглые холопы и дети боярские. Пока шла война, противоречия сглаживались. Но в конце мая 1634 г. ситуация изменилась: борьба с Речью Посполитой шла к концу. Балашовцы попытались убедить правительство в их стремлении продолжать войну с Польшей. Когда 15 мая польские отряды подошли к Калуге, то «после боя, как литовские отряды отошли,.. пришло казаков в Калугу 500 человек и того же дни, часу в три, дворяне и дети боярские охотники и те рославльские казаки... пошли в поход за литовскими людьми»⁵⁹. Одновременно другой отряд балашовцев бросился наперерез противнику⁶⁰. Но подобные ситуации возникали все реже и реже. И по окончании войны многие балашовцы оказались на распутье: нужно было или прекращать борьбу, или открыто выступить против правительства. Такая обстановка сложилась в лагере вольницы, когда 5 июня гонец привез царскую грамоту.

Грамота оказалась тем аргументом, который прервал колебания умеренных балашовцев во главе с атаманом Г. Растопчиным. Они (до 1500 человек) «не хотели воровать и стали за то, [чтобы] им государю наряд и зелье отдать и тех Васильевых людей Ивановича Стрешнева, сыскав, отдать». Решающую роль сыграла здесь перемена в соотношении сил. Когда в начале года правительство через Ляпунова потребовало идти под Смоленск, балашовцы знали, что, кроме посулов и церковных проклятий, Москве нечем было подкрепить свои требования. Теперь же правительство обладало реальной силой... Однако не все участники движения оказались напуганными. Вместо капитуляции, предложенной сторонниками Растопчина, «воры Федотко Лях да Анисим Чертопруд, а с ним казаков и боярских людей 6 тысяч учинили с ними бой и ничего не отдали»⁶¹. Вольница снова раскололась, что было закономерно: слишком зыбким оказался союз разных по социальному происхождению и устремлениям сил, объединившихся в одном лагере. Не менее закономерно и то, что большая часть участников движения отказалась подчиниться правительству: весной 1634 г. антифеодальные настроения почти возобладали в таборах рославльских казаков.

Разбитый отряд Растопчина двинулся к Москве сдаваться. Вперед было послано

⁵⁷ Там же, д. 76, лл. 130—136; Записные книги «Московского стола», кн. 2, лл. 92 об.—93.

⁵⁸ Там же («Приказный стол»), д. 76, л. 173.

⁵⁹ Там же («Московский стол»), д. 101, л. 537.

⁶⁰ «Акты Московского государства...». Т. 1, № 688.

⁶¹ ЦГАДА, ф. 210 («Московский стол»), д. 101, лл. 614—616.

казацкое посольство. Оно должно было признать «все свои вины» и выторговать более мягкие условия капитуляции. Правительство ответило отправкой навстречу балашовцам ротмистра Х. Роимского, ибо в столице сомневались, «прямо ли к государю идут и вину свою прямо несут». Однако опасения были напрасными. Перехваченные Роимским 13 июня в Серпухове балашовцы сдались ему. 21 июня сюда же подошел со своим полком Хованский. Царские воеводы решили переписать и разоружить отряд Растопчина, предварительно поставив напротив все царское войско. Немалый интерес представляет именной список сдавшихся балашовцев. Среди 518 человек находим 103 солдата, 89 городских казаков, 66 крестьян, 47 «вольных людей», 82 посадских человека, 68 стрельцов⁶². Обращает на себя внимание почти полное отсутствие донских казаков и холопов. Эта наиболее решительная часть балашовцев предпочла другой путь. Относительно высокий процент крестьян среди сдавшихся объясняется тем, что сторонники Чертопрада и Ляха не решились на месте разжечь пламя крестьянской войны и ушли на Дон; это означало, что крестьяне, чтобы последовать за ними, должны были бросить дом и семью. Впрочем, основная масса крестьян не присоединилась ни к тем, ни к другим, а разошлась по домам.

Иной была судьба тех балашовцев, которые сплотились вокруг донских казаков. Покинув Калужский уезд, они пошли к Дону. После переправы через Оку их отряд двинулся мимо Тулы на Епифань. Трудно сказать, сколько рославльских казаков оказалось на левом берегу Оки. Правительство оценивало их силы на основе слухов и расспросов пленных, которые давали противоречивые показания, называя цифру от двух до 6 тыс. человек. Во всяком случае, под стенами Тулы мятежников оказалось достаточно, чтобы напугать воеводу, и, несмотря на строгий приказ, тульские ратные люди не сделали никакой попытки задержать «воров». Беспрепятственное продвижение балашовцев встревожило правительство. Упускать рославльских казаков, среди которых находились самые опасные для Москвы элементы, было нельзя. Из столицы Хованскому отправили грамоту с приказом «послать в погоню за ворами конные сотни», которые должны идти «наспех, без кошей, чтоб на Дон и Волгу не пропустить». Тогда 9 и 10 июня Хованский из-под Серпухова послал 10 сотен ратных людей для «промысла» над балашовцами⁶³.

Не сразу удалось царским передовым отрядам настичь казаков. Подвижные и легкие на подъем станицы балашовцев, казалось, были неуловимы для медлительных правительственных войск. Однако, ворвавшись в Епифанский уезд, казаки бросились громить поместья и вотчины. Это задержало их, и 13 июня сотни Хованского настигли балашовцев на реке Проне. Произошло сражение. Казаки, потеряв много убитых и около сотни пленными, отошли⁶⁴. Впрочем, неудачное для казаков столкновение на Проне еще не было разгромом. Балашовцы, обходя заслоны, упорно продвигались к Дону. В 20-х числах июня их передовые отряды появились в Воронежском уезде. Напрасно местный воевода М. Языков с надеждой посматривал на московскую дорогу: люди Хованского остались далеко позади. Пришлось воеводе принимать осаду, призвав на крепостные стены даже тех, кто жил в 50 верстах от города. Рославльские казаки, простояв там несколько дней, пошли на юг. По дороге им пришлось еще раз столкнуться с государевыми ратными людьми. 23 июня 3 сотни Михеева преградили казакам путь на реке Бетяге, но не сумели надолго задержать бывших рославльцев⁶⁵.

На этом заканчивается история отряда Чертопрада, ибо, достигнув верхних казачьих городков, балашовцы разошлись, кто куда. С Ляхом и Чертопрадом пошло несколько тысяч человек, а через Бетягу перешло многим меньше. Сдаваться воеводам в Серпухов двинулось около 1500 человек. Когда же подъязыч написал последнее имя в списке, их оказалось 518. Куда же девались остальные? Масса балашовцев в одиночку и группами, минуя заставы и обходя города, попросту разошлась, «где кто живет». Путь всех этих станиц невозможно проследить: ведь в документы попали только те из них, которые были обнаружены. Так, отряд в 500 человек отошел от Чертопрада близ

⁶² Там же («Приказный стол»), д. 69, лл. 128—263.

⁶³ Там же, л. 290.

⁶⁴ Там же, лл. 96—108.

⁶⁵ Там же, л. 365.

Венева⁶⁶. Усилились «отходы» после поражения на Проне. «А как нас разбили, — сообщал один из пленных балашовцев, — пошли было по городам». Другой пленный добавил: «А как нас побили, разбежались сразу по разным дорогам»⁶⁷. Обеспокоенное бегством рославльских казаков, правительство приняло меры. Воеводам городов было приказано ставить на дорогах заставы и «имать воров». В Москве «бирючи кричали не один день», чтобы тайно вернувшихся балашовцев хватали и волокли в приказы. Опасения правительства были по-своему не напрасны. «Как мирный договор учинился, — писали воеводам городов из Разрядного приказа, — и они [балашовцы], прослыша то, пуще того на всякое воровство устремились... Дворян и детей боярских и всяких служилых людей и уездных людей стали побивать»⁶⁸.

В июле 1634 г. правящие круги рассчитались с балашовцами. «И от той поры вору казаки разбежались и тех, государь, казаков, имали дворяне и дети боярские и их люди по лесам», — хвастался венева воевода У. Хрущов⁶⁹. По приговору Боярской думы у тех немногих детей боярских, которые приняли участие в движении, были отобраны земельные владения. «Сами у себя тем воровством поместья и вотчины потеряли», — гласил приговор. Многие балашовцы были брошены в тюрьму, другие отправлены в Сибирь «на пашню». Любопытные события связаны с именем Раstopчина. При допросе оказалось, что он был сыном казанского мелкопоместного дворянина. После смерти отца он пришел в Москву «кормиться работой». В конце концов Раstopчин дал на себя кабалу И. Челкову. Последний потребовал теперь возвращения своего холопа⁷⁰. Правительство сначала согласилось удовлетворить иск Челкова, но потом, учитывая видную роль Раstopчина в движении, сослало его в Сибирь⁷¹. Такова была царская милость за капитуляцию в Серпухове. Некоторых балашовцев «под крепкими поруками» разослали по месту жительства. Одновременно шло награждение тех ратных людей, которые громили рославльские станицы. За двух-трех убитых давалось 50 четьей придачи и по рублю «за мужика»; «а у кого один убитый мужик рубль денег, а поместной придачи неуказано»⁷². Так закончилась балашовщина, одно из самых крупных крестьянско-казацких движений 1630-х годов.

Балашовщина — сложное по своему составу движение. Оно объединило под своими знаменами крестьян, холопов, донских казаков, посадских и гулящих людей. К нему примкнули низшие слои провинциального дворянства, в основном кормовые дети боярские. Это предопределило противоречивый характер действий балашовцев. На первых порах они активно вели борьбу против польско-литовских отрядов за возвращение потерянных Россией по Деулинскому перемирию уездов. Прослеживаются и «грабительские» тенденции, связанные преимущественно с действиями кормовых детей боярских. В то же время внутри движения вызревало антифеодалное направление. Оно нарастало, крепло и находило свое выражение в непослушании, «воровстве», побегах в вольницу крестьян и холопов, в погромах владений польских, а затем и русских помещиков. С перемещением рославльской вольницы на старую территорию Российского государства открылась и новая страница в истории балашовщины. Хотя участники движения по-прежнему не упускали возможности скрестить оружие с поляками, главным стало другое. Это заметно и по невиданным ранее масштабам бегства к балашовцам крестьян и по реакции господствующего класса, представители которого в своих челобитных жаловались на то, что «казаки без остатку имения разоряют, .. их людей на воровство подбивают», а их самих бьют. Не удивительно, что правительство царя Михаила увидело в балашовщине первые признаки новой крестьянской войны⁷³. Об этом свидетельствуют как русские, так и иностранные источники.

⁶⁶ Там же, лл. 283, 367—368.

⁶⁷ Там же, л. 97.

⁶⁸ Там же, л. 313.

⁶⁹ Там же, л. 93.

⁷⁰ Там же, лл. 468—473.

⁷¹ Государственный исторический музей, Отдел письменных источников, ф. 443, д. 5.

⁷² ЦГАДА, ф. 210 («Белгородский стол»), д. 61, лл. 26—27.

⁷³ Б. Ф. Поршнев. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М. 1976, стр. 424—425.

30 декабря 1633 г. шведский резидент в Москве доносил Государственному совету в Стокгольм, что у царя много врагов и изменников и переворот в скором будущем неизбежен⁷⁴. О внутренних беспорядках, побудивших царя искать мира, сообщают и другие шведские документы⁷⁵. Перекликается с этими известиями грамота из Посольского приказа, посланная навстречу русским послам после заключения Поляновского мира: «В Литовскую сторону многие города отдали поневоле, потому что было опричь того сделать нельзя и в отволоку класти нельзя»; с заключением мира «люди побудут в покое и легкости... А кто государство наше смутил и смуту учинил и людей наших поморил, и те за свои дела приняли от бога месть по своим делам»⁷⁶. Как видим, балашовщина оказалась одной из причин острого внутривосточного кризиса, который существенно повлиял на ход Смоленской войны.

⁷⁴ Г. Форстен. Сношения Швеции с Россией. «Журнал Министерства народного просвещения», 1891, № 1, стр. 355.

⁷⁵ Б. Ф. Поршнев. Социально-политическая обстановка в России во время Смоленской войны, стр. 117.

⁷⁶ ЦГАДА, ф. 79 («Дела с Польшей»), 1634, д. 7А, л. 9.

В Отделении истории АН СССР и Научных советах

ВСЕСОЮЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

14—16 сентября 1976 г. в Калининe состоялась очередная Всесоюзная конференция преподавателей историографии высших учебных заведений¹ на тему «XXV съезд КПСС и задачи изучения и преподавания истории исторической науки», организованная Отделением истории АН СССР, Научным советом по проблеме «История исторической науки», Министерствами высшего и среднего специального образования СССР и РСФСР, Министерствами просвещения СССР и РСФСР и Калининским университетом.

В работе конференции приняли участие более 200 ученых почти из 100 городов (Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Ташкента, Риги, Таллина, Еревана, Фрунзе, Душанбе, Уфы, Грозного, Йошкар-Олы, Казани, Томска, Южно-Сахалинска, Горно-Алтайска и др.)—представители университетов, пединститутов, институтов истории АН СССР и союзных республик, научно-исследовательских институтов автономных республик, а также работники библиотек и архивов, учителя истории средних школ Калининина.

Конференцию открыл ректор Калининского университета В. В. Ко м и н. С приветствием к участникам конференции обратился заведующий отделом науки и учебных заведений Калининского обкома КПСС В. Л. Бол о б о н о в. Основные задачи и цели конференции были изложены во вступительном слове председателя Научного совета акад. М. В. Н е ч к и н о й. Она отметила, что решение вопроса о повышении качества и эффективности научных исследований и преподавания историографии требует внимания к методологии исследования, более тщательного изучения как опубликованных источников, так и архивных материалов, и подчеркнула роль историографии как одного из рычагов повышения эффективности исторических исследований.

На пленарных заседаниях были заслушаны доклады А. М. Са х а р о в а (совместно с чл.-корр. АН СССР И. Д. К о в а л ь ч е н к о) «XXV съезд КПСС и задачи в области изучения и преподавания историографии»; В. П. Ш е р с т о б и т о в а (совместно с В. И. К а с ь я н е н к о, В. С. Л е л ь ч у к о м, В. П. Н а у м о в ы м) «Состояние изучения историографии советского общества на современном этапе»; А. А. И с к е н д е р о в а «XXV съезд КПСС и актуальные проблемы историографии всеобщей истории»; В. И. С а л о в а «Разрядка напряженности, идеологическая борьба и буржуазная историография истории СССР».

В докладе И. Д. Ковальченко и А. М. Сахарова были намечены пути развития советской историографии в свете решений XXV съезда КПСС. Докладчики выделили ряд крупных историографических проблем, требующих систематического и планомерного изучения (социальные функции исторической науки, ее связи с практикой коммунистического строительства, кризис буржуазной исторической науки и др.). Они подчеркнули необходимость усиления научно-информативной и справочно-библиографической работы, повышения координационной роли АН СССР, совершенствования лекционных курсов по историографии².

¹ Материалы предыдущей конференции, состоявшейся в 1973 г., см. «Вопросы историографии в высшей школе». Смоленск. 1975.

² Полный текст доклада будет опубликован в ежегоднике «История и историки».

В. П. Шерстобитов определил основные черты новейшей историографии советского общества: более глубокое освоение трудов основоположников марксизма-ленинизма, документов Коммунистической партии и Советского государства; всестороннее раскрытие и обобщение опыта КПСС по развитию марксистско-ленинской теории, руководству социалистическим и коммунистическим строительством, укреплению сил мирового освободительного процесса; повышение методологического уровня исследований; усиление их наступательности против фальсификаций советской истории. Докладчик остановился на достижениях советской историографии в разработке проблем социалистической революции, индустриализации, коллективизации, культурной революции и указал на необходимость создания монографических исследований по историографии Великого Октября, Великой Отечественной войны, советской культуры, внешней политики и др. Дальнейшего историографического обобщения требуют также теоретические проблемы развитого социалистического общества, деятельность Коммунистической партии в условиях развитого социализма, ведущая роль рабочего класса, социальная структура советского общества на современном этапе и т. д.

А. А. Искендеров подчеркнул важность выдвинутых XXV съездом КПСС идей, касающихся всеобщей истории, и отметил, что марксистская историческая наука развивается в условиях обострения идеологической борьбы. Он выделил основные направления антимарксистской историографии: реакционно-консервативное, буржуазно-реформистское, ревизионистское и националистическое. Произвольно оценивая новые явления в развитии современного империализма, буржуазные авторы пытаются выхолостить революционное содержание ленинской теории, интегрировать рабочий класс и рабочее движение в рамки буржуазного общества. Острые своей критики они направляют против мировой социалистической системы, стремясь умалить авторитет страны социализма и его значение как мощного ускорителя общественного прогресса. Все это обуславливает необходимость своевременной, решительной и эффективной критики буржуазной, реформистской и ревизионистской историографии.

В. И. Салов анализировал соотношение разрядки напряженности и идеологической борьбы, отражающей противоборство двух социальных систем. Особое внимание он уделил требованию XXV съезда КПСС о строгой классовой оценке общественных явлений и соблюдении принципа партийности в общественно-научных исследованиях. Особенно остро встает в настоящее время вопрос об общественно-экономических формациях. Это связано, в частности, с тем, что в буржуазной историографии появляется все больше работ о революции, пролетариате, национальном вопросе и т. д.

Другая часть докладов на пленарных заседаниях касалась изучения общих проблем историографии. Е. Н. Городецкий в докладе «О характере историографического введения в работах по истории СССР» остановился на возникновении введения в конкретно-историческую работу как вида историографического исследования и современном состоянии историографических введений к монографиям и диссертациям. Он сформулировал основные требования к такого рода введению: партийный анализ литературы по данной проблеме; классовая характеристика различных идейных направлений и концепций, их соотношения, борьбы, связи с эпохой; отмежевание от ошибочных концепций и идей, раскрытие их гносеологических и социальных корней; объективное определение реального вклада в науку того или иного историка, выявление закономерностей развития научных знаний по данной проблеме. Такой анализ литературы дает возможность точно сформулировать задачи конкретно-исторического исследования путем определения новизны их решения или постановки. М. Е. Плотникова (Томск) в докладе «О критериях историографических оценок (по материалам историографической литературы по истории советского общества)» сделала попытку выявить главные критерии, которые позволяют с помощью историографического анализа определить научную значимость и новизну конкретно-исторических трудов.

В докладе «Ленинская историческая концепция в курсе историографии истории СССР эпохи капитализма» М. С. Персов (Саратов) остановился на ленинском понимании особенностей капиталистического развития России и ленинской идее гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции и значении их усвоения студентами. Методологические вопросы нашли отражение в докладах Б. Г. Могильницкого (Томск) «Проблема социальной функции исторической науки в современ-

ной буржуазной историографии» и Л. Н. Хмылева (Томск) «Предмет историографического исследования».

В трех секциях — историографии истории СССР досоветского периода, историографии советского общества и историографии всеобщей истории — было заслушано более 40 докладов и сообщений, в прениях участвовало свыше 80 человек.

В первой секции с докладом об учебниках и учебных пособиях по историографии истории СССР досоветского периода выступил В. А. Муравьев. Он отметил различные принципы изложения материала в них, неравномерность освещения отдельных периодов и направлений, подчеркнул необходимость методического совершенствования учебников, глубокого анализа в них философских и социологических воззрений историков прошлого.

В докладе О. В. Волобуева «Основные этапы развития историографии первой русской революции» характеризовались главные вехи развития ленинской концепции истории революции 1905—1907 гг. и ее утверждения в трудах советских историков. Историографии крестьянских войн в России посвятил свой доклад М. Т. Белявский. Главное внимание он обратил на изучение их идеологии и подверг критике стремление некоторых историков расценивать стихийные крестьянские восстания как ранние буржуазные революции.

Новый материал о первых специальных исследованиях по историографии, изданных в России, содержался в сообщении В. И. Шевцова (Днепропетровск) «Проблемы отечественной историографии в русской исторической литературе 20—30-х годов XIX в.». Р. А. Киреева говорила о возникновении в русской науке середины XIX — начала XX в. проблемы выделения направлений. Решение ее с идеалистических позиций мешало даже таким крупным историкам, как В. О. Ключевский и А. С. Лаппо-Данилевский, видеть процесс развития исторической науки в целом и правильно определить критерии вычленения ее направлений. Вопрос о понятии «историческая школа» в историографии (на примере петербургской школы русской историографии) поднял С. В. Чирков (Ленинград). В. И. Дурновцев показал, какое место занимала история России в исторической концепции крупного буржуазного исследователя всеобщей истории П. Г. Виноградова. М. Г. Вандалковская охарактеризовала идейную борьбу по проблемам русского освободительного движения 60-х годов XIX в. в эпоху первой русской революции, подвергнув критике эсеровскую историографию (работы В. В. Иванова-Разумника, Л. Э. Шишко).

Ряд сообщений был посвящен советской историографии пореформенного движения российского крестьянства в 60—80-е годы XIX в. — В. А. Виноградов (Калинин), освободительного движения в России — А. Ф. Смирнов, истории рабочего класса в период нового революционного подъема — Н. А. Иванова. Е. К. Розов (Южно-Сахалинск) остановился на основных проблемах аграрной истории России XIX — начала XX в. в трудах В. И. Ленина. Были заслушаны также выступления В. Г. Сарбеев (Киев) о большевистской дореволюционной печати как историографическом источнике, В. В. Баженова (Свердловск) — о жанре исторической биографии, В. М. Тарасовой (Йошкар-Ола) — об исторических взглядах Н. И. Тургенева и др. А. Г. Слонимский (Душанбе) пытался обосновать тезис, что кризис буржуазной исторической мысли в России начался со времени первой революционной ситуации в России. По его мнению, отказ либеральных историков от создания истории народа и обращение их к истории государства («государственная школа») были признаком кризисных явлений русской буржуазной исторической науки. Эти положения вызвали возражения других участников конференции.

О содержании и характере лекционных курсов по методологии истории в университетах дореволюционной России рассказала А. Г. Черных (Владивосток). Вопросы преподавания историографии истории СССР досоветского периода в вузах затронули Г. И. Желтова (Ташкент), Н. Д. Овсянникова (Калинин) и др.

В секции историографии советского общества с докладом «Современная советская историография истории Великой Октябрьской социалистической революции» выступил В. П. Наумов³. Ю. Н. Климов (Калинин) в докладе «Современная исто-

³ Доклад, переработанный в статью, предполагается опубликовать в нашем журнале.

риография новой экономической политики» выделил основные этапы изучения этой проблемы и отметил значительный количественный рост исследований по истории нэпа, расширение «географии» изучения, тематики, указал на недостаточную разработанность вопросов развития и совершенствования государственного планирования, государственного капитализма, международного значения нэпа и других. В. М. Селуи-с к а я посвятила свой доклад проблемам изучения социальной структуры советского общества в переходный период, отметив достижения 60-х—70-х годов в исследовании этой проблемы и подчеркнув необходимость применения единых методик (в том числе с применением электроно-вычислительной техники) для изучения социальной структуры рабочего класса, крестьянства, интеллигенции. Ю. А. Мошк о в рассмотрел положение с учебниками и учебными пособиями по историографии истории советского общества и высказался за скорейшее издание учебника, подготовленного коллективом авторов во главе с акад. И. И. Минцем.

С сообщением о кризисе буржуазной исторической науки в Советской России в 1917 г. — середине 20-х годов выступил Е. А. Луцк и й. Этот кризис, по его мнению, ярко проявился в антинаучном характере буржуазных концепций истории Октябрьской революции. Т. А. Игн а т е н к о раскрыла отдельные аспекты ленинской критики меньшевистской трактовки проблемы власти и движущих сил в Февральской революции. Г. Д. А л е к с е е в а призвала к изучению ленинских принципов критики мелкобуржуазной (эсеровской и меньшевистской) историографии Октября, указав на различие теоретических основ их концепций Октябрьской революции. А. И. А л а т о р ц е в а, опираясь на материалы ведущих исторических журналов 20-х годов, охарактеризовала борьбу советских историков с троцкизмом по проблемам: «Ленин, партия, революция».

Советской историографии обороны и вооруженной защиты СССР от империалистической агрессии посвятил свое выступление Ю. И. К о р а б л е в. А. В. Б о л ь б у х (Грозный) остановился на изучении истории рабочего класса национальных районов РСФСР в переходный период. О результатах исследования численности и состава рабочего класса Сибири в трудах советских историков 20-х — первой половины 30-х годов сообщила А. А. Х а л и л у л и н а (Кемерово). Н. В. Е ф р е м е н к о в (Калинин), анализируя работы о коллективизации, поставил вопрос о более тесной связи конкретной историографической практики с достижениями в разработке методологии и методики истории исторической науки. В выступлениях нашли также отражение внешнеполитическая деятельность В. И. Л е н и н а (Н. П. М у н ь к о в — Казань); категория «социальной революции» (В. Ф. Ш е л и к е — Фрунзе), образование СССР (С. В. К у л е ш о в), организация и деятельность сельских Советов восстановительного периода (М. Г. Б е л о г у р о в), история советской интеллигенции (А. А. М у х и н а — Ленинград) и другие темы.

Большое внимание было уделено вопросам преподавания историографии. А. И. З е в е л е в характеризовал структуру спецкурса по историографии истории КПСС. Т. Д. К р у п и н а говорила о преподавании зарубежной историографии истории СССР, О. М. М е д у ш е в с к а я остановилась на историографических проблемах источниковедения. Л. В. Х р а м к о в (Куйбышев), З. В. Б а р м и н а (Уфа), С. М. М е л ь н и к о в (Чернигов) и другие поделились опытом преподавания историографии в вузах.

Крупные теоретические и конкретно-исторические проблемы обсуждались в секции историографии всеобщей истории. В докладах и сообщениях были поставлены проблемы методологии, вопросы преподавания историографии, а также анализировалась историография отдельных стран. С докладом «Учебники и учебные пособия по историографии всеобщей истории» выступили ленинградские историки К. Б. В и н о г р а д о в, Г. В. Л е в и н, В. К. Ф у р а е в, Г. Л. К у р б а т о в и А. С. Ш о ф м а н (Казань). В нем подводились некоторые итоги проделанной в этом направлении работы. Преподаванию историографии были посвящены также сообщения Ф. П. Т р о й н о (Ставрополь), Б. Б. К р о с с а (Псков) и др.

В докладе А. В. А д о и А. Д. К о л п а к о в а «О принципах построения университетского курса и учебника по историографии новой и новейшей истории» отмечалось, что этот курс основывается на изучении ведущих философских доктрин и их преломлении в исторической литературе и что в нем найдено удачное соотношение между изучением общего и частного при освещении историографических процессов.

Учебник по историографии нового и новейшего времени стран Европы и Америки практически уже создан на основе указанного курса, с сохранением принципа сочетания⁴ общеметодологического и страноведческо-проблемного подходов.

А. О. Чубарьян в докладе «Некоторые проблемы истории международных отношений новейшего времени и зарубежная историография» выделил следующие проблемы международных отношений, которые находятся в поле зрения буржуазных авторов: Версальская система, европейская безопасность, бриановские планы объединения Европы, происхождение и характер второй мировой войны и др. Они пытаются найти в прошлом основания для выработки различных планов западноевропейской интеграции. Задача состоит в том, чтобы скоординировать усилия советских историков-международников в критике этих положений. Докладчик поддержал выдвинутую М. В. Нечкиной мысль о расширении проблематики Научного совета за счет тем по зарубежной историографии.

В докладе Г. Н. Севостьянова «Советская историография Американской революции» указывалось, что в изучении этой проблемы существует ряд школ, концепций и направлений, идейная борьба между которыми обострилась в связи с 200-летием образования США. Работы американских историков-марксистов оказали благотворное воздействие на советскую американистику, в развитии которой выделяются два этапа: довоенный и послевоенный. Интерес к США возрос в связи с изменением роли этой страны в мире и в результате увеличения кадров американистов в нашей стране.

Е. В. Гутнова в докладе «Современные концепции буржуазной историографии истории антифеодальной борьбы крестьянства в средние века» выявила стремление буржуазных исследователей создать концепции, которые можно было бы противопоставить марксистским взглядам по этому вопросу. В современной медиевистике западноевропейских стран и США существуют три основных направления: откровенно антимарксистское (Р. Мунке, Г. Фуркен), резко полемизирующее с советскими историками; «объективистское», представители которого (М. Молла, Ф. Вольф, Р. Фоссье) маскируют свое несогласие с марксистско-ленинской трактовкой проблемы признанием правомерности отдельных ее положений и в своих конкретных исследованиях делают порою верные наблюдения и выводы по отдельным вопросам; направление, испытывавшее влияние марксистских взглядов (Р. Хилтон, Е. Хобсбаум, Х. Ланденбергер).

В докладе Л. Е. Кермана затрагивались историографические проблемы изучения истории культуры Западной Европы.

Проблемы методологии рассматривались в сообщениях А. С. Шофмана и И. И. Шарифжанова (Казань).

Значительную группу составили выступления по историографии отдельных стран. О спорах в современной западной литературе о Французской буржуазной революции конца XVIII в. говорил Г. С. Кучеренко. Ряду проблем английской и американской историографии были посвящены сообщения С. Г. Десятского (Новгород), А. В. Репневского (Ленинград). Некоторых аспектов западногерманской историографии касались С. З. Случ, И. В. Семенов (Челябинск) и другие⁴.

На итоговом пленарном заседании с докладом «Координация историографической работы в стране в свете задач XXV съезда КПСС по повышению качества преподавания и научных исследований» выступил ученый секретарь Научного совета В. А. Дунаевский. Он подвел итоги деятельности совета за время, прошедшее после конференции в Смоленске в 1973 году. Значительно расширились и укрепились его связи с вузами, с институтами Отделения истории АН СССР, редакциями журналов, библиотеками, архивами страны. Однако слабыми остаются еще контакты с другими Научными советами Секции общественных наук Президиума АН СССР.

Докладчик отметил как характерные черты развития советской исторической науки появление ряда фундаментальных историографических исследований (например, труда М. В. Нечкиной о В. О. Ключевском), количественный рост историографических изданий и высказался за расширение издания справочных, научно-библиографических и информативных материалов.

⁴ Подробнее о работе секции историографии всеобщей истории см. А. С. Шофман. XXV съезд КПСС и задачи изучения и преподавания истории исторической науки «Новая и новейшая история», 1977, № 1.

В заключительном слове М. В. Нечкина выразила уверенность, что конференция будет способствовать совершенствованию дальнейшей разработки теоретических и методологических вопросов истории исторической науки, повышению качества историографических работ, укреплению роли историографии как учебной дисциплины.

В рекомендациях конференции намечены основные пути повышения качества и эффективности научных исследований и преподавания историографии.

Т. А. Игнатенко, В. С. Шилов

ДИСКУССИЯ О СООТНОШЕНИИ ОБЩЕСОЦИОЛОГИЧЕСКИХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ

3 и 4 февраля 1977 г. в Москве состоялось заседание Научного совета по комплексной проблеме «Закономерности исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой» Отделения истории. На расширенном пленарном заседании был заслушан доклад академика-секретаря Отделения, директора Института всеобщей истории АН СССР акад. Е. М. Жукова «О соотношении общесоциологических и исторических закономерностей»¹.

Исходя из понимания В. И. Лениным закона как «отношения сущностей или между сущностями», Е. М. Жуков указал, что проблема закономерностей исторического развития общества — центральная в исторической науке. Общесоциологические закономерности, открытые К. Марксом более ста лет назад, прошли историческую проверку, полностью подтвердившую их объективный характер. Однако эти закономерности не могут объяснить деятельность общества во всем многообразии. Конкретные исследования, в основу которых положено знание общих закономерностей, приводят к познанию сущности конкретных общественных явлений, происходящих во времени и пространстве. В результате такого исследования выясняются конкретные исторические закономерности. Соотношение общесоциологических и исторических закономерностей выражено диалектикой общего, особенного и единичного. Исторические закономерности, будучи генетически связаны с социологическими, обладают самостоятельностью. Существует иерархия исторических закономерностей, которые должны устанавливаться в результате конкретно-исторических исследований, а не умозрительно, как формально-логические умозаключения. Представляется упрощенным противопоставление общесоциологических закономерностей историческим, как логического историческому. В историческом законе — как главенствующей тенденции общества — обязательно присутствует логический стержень. Нельзя сказать, что логическое в историческом процессе строго соответствует формационному диапазону, а историческое — внутриформационному. Правильнее сказать, что при рассмотрении явлений в разных аспектах применяются различные масштабы, причем, если речь идет о формациях в целом, возрастает роль абстракции.

Различия времени и места, материальных условий функционирования общества влекут за собой не только изменение формы проявления общих закономерностей, но и повышение или понижение их эффективности. Общесоциологические законы дают общий ориентир и не могут служить универсальной отмычкой для объяснения всех явлений. Чем крупнее масштабы исследования, тем отчетливее проявляется экономический детерминизм, тогда как при изучении отдельных явлений обнаруживаются варианты развития. Попытки объяснять все общественные явления действием только общесоциологических законов, распространенные в советской науке, в частности в 20-е годы, следует признать неправомочными. Важно, однако, отметить, что они явились своеобразной реакцией на немарксистскую трактовку исторического процесса.

¹ Доклад положен в основу его статьи «О соотношении общесоциологических закономерностей». «Вопросы истории», 1977, № 4.

Задачей исторического исследования является обнаружение нередко глубоко запытанной закономерности развития данного общества, выявление ее за массой случайностей, показ специфической формы закономерности. Обоснование случайности исторического процесса в немарксистских концепциях выглядит как концепция альтернативности исторического развития. В действительности имеется одно закономерное направление исторического развития, которое в конечном счете определяется экономическими потребностями общества. Одновременно можно говорить о множественности конкретных вариантов такого развития. Несостоятельны заявления некоторых социологов, утверждающих, что историческая наука не должна заниматься выявлением и формулированием исторических законов. На современном этапе открытие новых закономерностей движения общества наиболее вероятно на основе творческой кооперации представителей разных общественных наук, в том числе и истории. Следует предостеречь против наблюдающейся иногда тенденции абсолютизации возможностей точного математического выражения закономерностей. Этот метод имеет существенное значение для обогащения методики конкретного исследования, но в целом он не может обеспечить точность такой науки, как история.

Антимарксисты часто ссылаются на неповторимость и индивидуальность исторического развития. Но такого рода явления обнаруживаются и в природе, несмотря на существование общепризнанных закономерностей ее развития.

Закономерность истории в чистом виде — это абстракция, главенствующая тенденция, не имеющая ничего общего с фатализмом, но проявляющаяся через общественную активность. Существует необходимость не только разоблачать явно антимарксистские концепции исторического развития, но и помогать прогрессивным историкам Запада переходить на позиции материалистического понимания истории. Вопрос о закономерностях исторического развития связан с политической борьбой, что, в частности, проявляется в оценках Великой Октябрьской социалистической революции. Наши идейные противники отрицают ее закономерный характер. Если история необъяснима и неповторима, то не может быть никаких уроков истории. Борьба с фальсификаторами марксизма, которая в 80—90-е годы прошлого века велась Ф. Энгельсом, а на рубеже XX в. В. И. Лениным в его острой полемике с народниками, подтверждает, что теоретические проблемы общественных закономерностей имеют актуальное значение. Данная постановка вопроса имеет первостепенное значение для современной эпохи. Коммунистическая формация в своей первой фазе развивается в условиях возрастающей роли субъективного фактора, действующего на основе познания объективных закономерностей.

Все участники дискуссии выразили удовлетворение широтой и актуальной значимостью поставленных в докладе Е. М. Жукова проблем, отметили важность выявления и изучения исторических закономерностей, важность теоретических и методологических проблем исторической науки.

М. А. Барг отметил, что в конце 60-х — начале 70-х годов в работах некоторых философов наметилась тенденция, отводившая исторической науке только роль изучения конкретных явлений, тогда как за социологией резервировалась функция изучения общественных закономерностей. В действительности история должна заниматься изучением собственно исторических законов, то есть таких, которые регулируют исторический процесс в рамках стадийно-формационных регионов. Последние обуславливают пространственно-временной диапазон действия этих законов. Е. Б. Черняк остановился на общественных и необщественных факторах, обусловивших иерархию общественных законов на том, что исторический закон определяет особенности действия социологического закона, в рамках данной исторической структуры, фиксирует закономерности взаимоотношений между формационным укладом, надстройкой и несистемными элементами, а также закономерности внутри несистемных элементов. Социологический закон может действовать как непосредственно, так и через посредство порождаемых им исторических законов.

В. Д. Блаватский подчеркнул значение высказанных в докладе положений для археологов-античников. Он отметил характерное для древности многообразие исторических процессов, явления тупикового характера, несвойственные современности и являющиеся специфическим проявлением исторических закономерностей этой эпохи. Е. В. Гутнов обратил внимание на тот факт, что проблема соотношения общесо-

циологических и исторических закономерностей являлась одним из наиболее спорных вопросов европейской исторической мысли с начала XIX века. Понимание закономерностей в марксистской и буржуазной историографии принципиально различно. Это весьма существенно, ибо в современной буржуазной науке наметилась тенденция теоретического восприятия истории, появились попытки противопоставить эти концепции марксистским. Как общесоциологические, так и собственно исторические закономерности выведены в значительной мере эмпирическим путем.

Исходя из этого, Е. В. Гутнова сделала попытку выявить соотношение общесоциологических и исторических закономерностей на примере функционирования такого института, как феодальное государство.

В. В. Иванов (Казань) напомнил о существовании в современной буржуазной историографии двух ведущих направлений, различающихся своим подходом к проблеме исторических закономерностей. С одной стороны, неопозитивистско-неокантианские воззрения, противопоставляющие общесоциологические и конкретно-исторические закономерности, а с другой — иррационалистическое направление, сторонники которого вообще отрицают рациональное содержание исторических явлений. Имея в виду исторические закономерности, особую роль следует отвести историзму, без которого невозможен правильный подход к историческим источникам, позволяющий вскрыть содержание этих закономерностей. Б. И. Марушкин указал на значение изучения исторических закономерностей для научного предвидения тенденций общественного развития. Г. А. Новицкий анализировал роль экологических проблем в разные исторические эпохи, отметил влияние биосферы, роль климатического фактора в истории. Он выдвинул задачу построения исторической экологии. С. П. Пожарская остановилась на проблеме случайного в историческом развитии. Понятие случайного в обществе сложно и относительно. То, что является случайным с точки зрения общих закономерностей, является вполне закономерным в плане конкретно-исторического развития определенного региона.

К. З. Ашрафян затронула проблему соотношения общего и особенного в историческом развитии, которая не раз ставилась в азиатской историографии и неодинаково решалась представителями разных школ и направлений. Если в проколонилистской, а также в националистической литературе утверждался тезис об абсолютной специфичности развития Азии, то в произведениях прогрессивных деятелей национально-освободительного движения подчеркивалась общность исторического процесса в различных странах мира. Говоря о проявлениях общественных закономерностей, К. З. Ашрафян поддержала тезис Е. М. Жукова о «запятанности» исторических закономерностей, что, по ее мнению, особенно характерно для Востока. В то же время она возражала против излишне жесткого разграничения предметов социологии и истории, поскольку дифференциация наук в наши дни сочетается с их интеграцией.

К. В. Хвостова, указав на особенности социально-экономических закономерностей при феодализме, охарактеризовала возможности их изучения с помощью математических методов. Большинство локальных закономерностей при феодализме отражало явления одного стадийного уровня. В силу этого при статистическом анализе многих локальных закономерностей возможен своеобразный глобальный подход, при котором статистические характеристики должны интерпретироваться по-иному, чем в случае наличия одной общей закономерности и случайных отклонений от нее. Малое число общих закономерностей и преобладание локальных приводят к сочетанию при математическом моделировании макро моделирования с микроориентацией.

В. А. Дьяков остановился на соотношениях предметов истории, социологии и философии. Проблемы методологии истории могут изучаться и философами и историками. Однако и сейчас еще бытуют мнения, согласно которым проблемами методологии истории должны заниматься только философы. Вопросы методологии очень слабо отражены в программах исторических факультетов. И. С. Миллер отметил справедливость выдвинутого в докладе и в ряде выступлений тезиса о невозможности сведения истории к простому описанию исторических явлений. Для проведения комплексных исследований в области истории, позволяющих выявить все закономерности развития, необходимы усилия многих специалистов, то есть комплексные исследования. При изучении смены периодов и формаций необходимо помнить, что многие явления, возникшие в предшествующую историческую эпоху, продолжают жить и в новую эпоху.

Забвение этого означало бы превращение исследования в сухую схему. Е. П. Наумов подчеркнул, что в докладе четко намечены принципы, которыми необходимо руководствоваться при оценке состояния исторической науки за рубежом, в частности тех ее методологических суррогатов, которыми нередко подменяется марксистское представление об обществе. Наличие многообразия теоретических подходов свидетельствует о необходимости тщательного анализа теоретических положений этих работ.

В. М. Массон (Ленинград) указал на широкий размах исследований по методологии и теории истории на Западе и на необходимость усиления исследовательской активности советских ученых в этой области. Доклад нацеливает на разработку вопросов единства и многообразия исторических явлений, на совершенствование объяснительной функции исторической науки. Общие закономерности должны рассматриваться как тенденции развития, их знание существенно при изучении крупномасштабных явлений. В то же время неправомерны попытки обнаружения этих закономерностей при проведении каждого конкретного исследования. В. М. Массон отметил большую роль типологических исследований в истории. Т. В. Блаватская говорила о том, что в докладе плодотворно поставлена проблема необходимости изучения микропроцессов в обществе. Если общие закономерности развиваются как господствующие тенденции, как некоторая средняя при постоянном изменении, то задача историка — выяснить конкретно-историческую амплитуду колебаний.

В. И. Павлов подчеркнул важность выявления внутриформационных закономерностей, что позволяет обнаружить отклонения от формационных закономерностей, представленных в чистом виде. Примером выявления таких внутриформационных закономерностей является работа В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». Необходимо ввести более четкое определение уклада. Существуют уклады формационные и стадияльно-формационные. С. М. Стам (Саратов) говорил о том, что открытие новых закономерностей исторического развития наиболее вероятно на основе творческой кооперации представителей разных наук. Творческое осмысление и применение категорий диалектического материализма необходимо для понимания противоречий, качественного своеобразия и динамики общества. Важно также изучать методологические проблемы механики возникновения общественного идеала. А. С. Кан выдвинул тезис о многообразии задач истории. Наряду с выявлением исторических закономерностей существует задача непосредственного изображения явлений прошлого. Поэтому существуют теоретическое и конкретно-историческое направления в изучении истории.

Чл.-корр. АН СССР В. И. Рутенбург (Ленинград) отметил удачное решение в докладе вопросов о соотношении логического и исторического, социологических и исторических закономерностей. Поиски исторических закономерностей характерны уже для историографии позднего Возрождения, а затем XVIII века. Определенная часть современных буржуазных историков отрицает исторические закономерности, другие признают некоторые закономерности экономического развития. Однако буржуазные ученые начисто отвергают законы классовой борьбы. Поставленная в докладе проблема межформационных и внутриформационных явлений позволяет рассматривать сложную эпоху Возрождения как часть процесса складывания общеевропейской революционной ситуации, связанной с относительно длительным периодом смены формаций.

Акад. Е. М. Жуков в заключительном слове выразил удовлетворение ходом дискуссии, подчеркнув плодотворность обсуждения проблем, и призвал к научной реализации поставленных задач.

К. В. Хвостова

ВСЕСОЮЗНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РОССИИ В 1917 ГОДУ

Велико значение работы большевистской партии по привлечению на сторону социалистической революции огромных масс солдат и матросов, очень важно исследование опыта этой работы в современных условиях. На это обратил внимание академик-секретарь Отделения общественных наук АН Эстонской ССР Ю. Кахк, открывая всесоюзный симпозиум историков на тему «Революционное движение в вооруженных силах России в 1917 году и военная работа партии большевиков». Симпозиум проводился в Таллине 23—25 февраля Научным советом по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» Отделения истории, Институтом истории СССР АН СССР и Институтом истории АН ЭССР. В работе симпозиума приняли участие Председатель Президиума Верховного Совета ЭССР А. Вадер, секретарь Таллинского горкома КП Эстонии Э. Матт, главный ученый секретарь Президиума АН ЭССР А. Кёёрна, ветераны революции и Советских Вооруженных Сил, научные сотрудники АН ЭССР, преподаватели кафедр общественных наук вузов Таллина.

Приветствуя участников симпозиума, секретарь ЦК Компартии Эстонии, В. Вяляс остановился на непреходящем всемирно-историческом значении Великой Октябрьской социалистической революции, подчеркнул большую роль советских ученых в изучении и обобщении опыта Октября, рассказал о том, с какими успехами идут к 60-летию Великого Октября трудящиеся Эстонии.

С большим интересом участники симпозиума и многочисленные гости, присутствовавшие на первом заседании, прослушали доклады акад. И. И. Минца «Армия в социалистической революции», С. С. Хесина «Ленинская концепция привлечения вооруженных сил на сторону революции» и Ю. И. Кораблева «Международное значение большевистского опыта борьбы за армию». В докладе И. И. Минца содержались новые обобщения и важные выводы о роли революционной армии в борьбе трудящихся за свое освобождение от эксплуатации. В революционную армию вошли лучшие представители рабочих и крестьян, одетых в солдатские шинели и матросские бушлаты. В солдатских комитетах и других общественных организациях, в совместной подготовке к штурму твердынь капитала нашел яркое воплощение союз рабочего класса с беднейшим крестьянством. И. И. Минц подчеркнул огромное значение опыта большевиков в борьбе за солдатские и матросские массы в период войн, которые вела Россия в 1904—1905 и 1914—1917 годах. Особое место было уделено в докладе обоснованию актуальности этого опыта в наши дни. Рост милитаризма означает не только увеличение военных расходов, производство огромного количества боевой техники и оружия, использование империалистами в военных целях достижений научно-технической революции, но и привлечение в возрастающих размерах масс трудящихся в вооруженные силы. В современных условиях повышается роль вооруженных сил в судьбах народов, особенно развивающихся государств. Для дальнейшего исследования проблемы особенно важно, что И. И. Минц назвал нерешенные вопросы, которым следует уделить внимание при изучении места и значения армии и флота в социалистической революции в России. Среди них — гегемония пролетариата в вооруженных силах, их роль в складывании революционного союза рабочих и крестьян, в завоевании на сторону революции представителей трудящихся всех наций и национальностей; армия как школа революции, деятельность революционизированных солдат-отпускников по установлению Советской власти в деревне; противники большевиков в борьбе за армию и другие.

С. С. Хесин выделил из богатейшего наследия В. И. Ленина по вопросу вовлечения солдат, матросов и офицеров в революционную борьбу трудящихся масс самое существенное как для деятельности большевистской партии в трех русских революциях, так и для использования ее опыта в мировом революционном процессе. Наиболее полное раскрытие международного значения опыта борьбы большевиков за армию и флот дал Ю. И. Кораблев. Наряду с важными теоретическими положениями из ленинских трудов и документов мирового коммунистического и рабочего движения он

широко использовал фактический материал как из истории Великого Октября, так и близких к нашим дням революционных событий в ряде стран. Это позволило наиболее убедительно показать и смысл опыта КПСС и его значение для братских партий.

Одной из основных задач симпозиума являлось подведение итогов исследования проблемы советскими историками. Успешному решению этой задачи во многом способствовали как доклад И. И. Минца, так и доклад В. П. Наумова «К вопросу о месте исследований по истории революционного движения в армии в 1917 г. в историографии Великого Октября». В. П. Наумов дал обстоятельный обзор того, как в различные периоды развития советской исторической науки отражались в трудах по истории Октябрьской революции вопросы работы большевиков в армии и на флоте, революционного движения среди солдат и матросов в 1917 году. В докладе были оценены работы прежних лет — обобщающие, а также о революционном движении на отдельных фронтах, — и вышедшие в последние годы труды, расширяющие географию революционного движения с действующей армии на прифронтовые районы и тыловые округа. В. П. Наумов справедливо отметил, что достигнутые исследователями результаты недостаточно оперативно и полно используются в общих трудах по истории Октября. Хорошо дополнили доклад выступления А. А. Казакевича (Липецк) — «Борьба за большевизацию солдатских организаций в 1917 г. в советской историографии» и Л. Н. Протасова (Тамбов) — «Революционное движение в тыловых гарнизонах русской армии в 1917 г. (историография вопроса)».

О том, насколько велики еще неиспользованные возможности исследования проблемы, говорили не только историографы, но и многочисленные выступления участников симпозиума. За три дня его работы было сделано в общей сложности более 40 докладов и сообщений. Не мог не привлечь внимания доклад Д. А. Гаркавенко (Ленинград) «Социальный состав вооруженных сил России — объективная основа революционного движения солдатских и матросских масс». В нем был обобщен большой статистический материал, показывающий социальный состав новобранцев, солдатских и матросских масс, офицерского корпуса по родам оружия, показаны изменения этого состава в ходе империалистической войны, проанализирован национальный состав армии и флота России в 1917 году. Нельзя не согласиться с выводом Д. А. Гаркавенко, что при освещении революционного движения в различных военных регионах и на флотах необходимо тщательное исследование социальной основы этого движения. Проблемы социального состава войск в связи с их революционизированием нашли отражение и в выступлениях Л. И. Футорянского (Оренбург) о казачьих частях Петроградского гарнизона накануне и в ходе Октябрьского вооруженного восстания, Р. С. Цейтлина (Казань) — о переходе солдатских масс Казанского военного округа на сторону большевиков и др.

Центральное место в выступлениях занимали, естественно, вопросы борьбы ленинской партии за привлечение армии и флота на сторону революции в различных регионах. Об этом говорилось в сообщениях чл.-корр. АН Латвийской ССР А. К. Бирона (Рига) о большевистских военных организациях латышских стрелковых полков и К. К. Сийливаска (Таллин) о борьбе большевиков Прибалтики за солдатские и матросские массы в 1917 году. Исследователи из Кишинева Е. Н. Истрати и М. М. Гициу посвятили свои выступления деятельности большевиков на Румынском фронте, А. И. Спреслис (Рига), С. Н. Базанов, Б. Д. Гальперина (Ленинград) — на Северном, М. М. Смолянинов (Минск) — на Западном, Г. С. Меликян (Ереван) и Л. Я. Саэт — на Кавказском. Сужение темы выступлений до хронологически небольшого, но исторически важного периода (например, после июльских дней — у Г. С. Меликяна и М. М. Смолянинова), ограничение предмета исследования (борьба за демократический мир — у С. Н. Базанова, роль большевистской газеты «Окопный набат» — у Б. Д. Гальпериной) дали выступавшим возможность более глубоко осветить ту или иную сторону вопроса. Особый интерес вызвало сообщение В. Л. Глюта (Ленинград) — «Тактика «левого блока» как форма сплочения солдатских масс Северного фронта вокруг большевиков».

Ленинградские историки И. С. Розенталь и В. Ю. Черняев сообщили о различных сторонах деятельности большевиков в гарнизонах Петрограда и его пригородов, а В. И. Старцев впервые обстоятельно проанализировал процесс большевизации солдатской секции Петроградского Совета в сентябре—октябре 1917 года.

Процессу большевизации накануне Октября солдатских масс Московского военного округа было посвящено сообщение Т. Ф. Кузьминой, а тыловых гарнизонов Украины — Ю. М. Гамрецкого (Киев). Отдельные стороны деятельности большевиков в воинских частях Центральной России были отражены в сообщениях Л. Н. Торопова (Калинин) и В. И. Бородин (Опочка).

Заслуживает всяческого одобрения обращение ряда исследователей к вопросам работы большевистских организаций среди солдат нерусских национальностей и борьбы против попыток буржуазных националистов подчинить их своему влиянию. Этой проблематики касались сообщения А. С. Есауленко (Кишинев) — «Провал попыток молдавских буржуазных националистов повести за собой солдат молдавских воинских формирований», О. И. Щусь (Киев) — «Тактика большевиков по завоеванию солдатских масс гарнизонов Украины в борьбе с буржуазно-националистической контрреволюцией (ноябрь — декабрь 1917 г.)», Э. Т. Каупа (Таллин) — «Работа большевиков в эстонских национальных формированиях», И. Р. Тагирова и И. Г. Гиззатуллина (Казань) — о деятельности большевиков среди солдат-мусульман и др.

Организаторы симпозиума поступили правильно, поставив в повестку дня симпозиума ряд сообщений о сломе старой армии после Октября и начальном этапе советского военного строительства — И. М. Ионенко и А. Л. Литвина (Казань), Д. И. Соффера (Днепропетровск), А. Н. Баталова (Новосибирск) и др. Это позволило показать тесную связь и преемственность деятельности ленинской партии по слому старых вооруженных сил и строительству новых, использование революционизированных солдат и матросов для защиты завоеваний Октября.

В выступлениях участников симпозиума содержалось много интересных мыслей, новых данных и суждений. Однако некоторых выступавших буквально подавляло обилие фактического материала, не оставляя им времени для выявления особенностей того или иного региона, того или иного периода, для обобщений, выводов и размышлений, столь необходимых на подобного рода встречах историков.

Итоги трехдневной работы симпозиума подвел в заключительном слове заместитель председателя Научного совета по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» Ю. И. Кораблев. Были обсуждены и приняты рекомендации, главное внимание в которых обращено на вопросы, требующие дальнейшего всестороннего изучения в ходе работы над историей революционного движения в вооруженных силах России в 1917 г. и военной деятельности партии большевиков. К числу этих вопросов относятся: практическая деятельность большевистских центральных военных и местных органов и организаций во фронтовых и тыловых частях; сочетание в военной работе большевиков интернациональных и национальных задач; деятельность и большевизация революционно-демократических организаций в армии и флоте (комитеты, землячества, клубы и т. п.); объективные основы революционного движения в армии и флоте, их отдельных родах, видах и регионах; руководящая роль рабочего класса в революционизировании солдат и матросов, взаимосвязь пролетарского движения с революционной борьбой в вооруженных силах; борьба за решение общедемократических задач в условиях армии и флота и использование ее в интересах победы социалистической революции; антибольшевистские силы в армии и флоте, борьба с ними, их конечное поражение; роль революционных солдат и матросов в развитии революции, ее победе и упрочении; борьба с буржуазно-националистической контрреволюцией в армии и флоте, особенности революционного движения в войсках, расположенных в районах со спецификой классовых, сословных и национальных условий.

М. А. Молодцыгин

Обзоры

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И РАБОЧЕГО КЛАССА СССР ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Среди трудов советских ученых по истории Великой Отечественной войны значительное количество посвящено развитию промышленности, составившей основу военной экономики, и рабочего класса, который во главе с Коммунистической партией сыграл решающую роль в обеспечении разгрома фашистской Германии. Нет сомнения, что эта проблема, важная как в научном, так и в политическом отношении, и в дальнейшем будет находиться в сфере пристального внимания историков, занимающихся исследованием истоков победы советского народа над гитлеровскими захватчиками. Поэтому необходимо периодически подводить итоги проделанной работы, определять пути и задачи дальнейшего исследования проблемы. Особое значение имеет анализ основных направлений и результатов ее изучения в последние годы¹. Советские историки начиная с 1971 г. в общей сложности опубликовали не менее 180 работ, раскрывающих историю индустрии и промышленного рабочего класса СССР периода Великой Отечественной войны. Достоинством большинства этих трудов является то, что в них показано значение руководящей роли Коммунистической партии, ее Центрального Комитета в мобилизации ресурсов страны на разгром гитлеровской Германии.

Многие исследования посвящены истории промышленности военных лет. Если 10—20 лет назад среди работ на эту тему преобладали труды, в которых рассматривалась перестройка ее на военный лад, то в последние годы количество их сократилось. И это объяснимо — в предшествующее время вопрос был изучен сравнительно глубоко. Новые работы на эту тему — небольшие статьи, отражающие процесс преобразования промышленности или ее отдельных отраслей в некоторых районах страны². Объектом пристального внимания по-прежнему остается лишь один аспект перестройки промышленности в начале войны — эвакуация предприятий из прифронтовых и угрожаемых районов. Этой теме посвящено около 20 работ. Если в прошлом исследовались, как правило, демонтаж, перевозка и размещение на новых местах перебазируемого оборудования, то теперь круг изучаемых вопросов заметно расширился.

В статье М. Г. Первухина³, который в первые месяцы войны был заместителем председателя Совета по эвакуации, приводятся новые интересные сведения о работе этого органа, о повседневном внимании к эвакуации производительных сил со стороны ЦК партии и Государственного Комитета Обороны. Предметом специального исследования стали роль планового начала в перемещении промышленных предприятий на Восток, значение дружбы народов нашей страны в решении этой задачи, вклад Советов и комсомольских организаций в размещение на новых местах перебазируемого

¹ Эта задача частично уже решалась в обзорах литературы, предпосланных работам по отдельным вопросам истории советского тыла, и в специальных историографических исследованиях: А. В. Митрофанова, Г. А. Куманев, И. Е. Зеленин, Л. В. Максаква. Советский тыл в годы войны (Проблема и ее изучение в 1965—1973 гг.). «Советский тыл в Великой Отечественной войне». Кн. 1. Общие проблемы. М. 1974; Р. Г. Кузеев, Е. К. Минibaев. Советский рабочий класс в Великой Отечественной войне. «История СССР», 1975, № 5; И. Е. Ворожейкин. Очерк историографии рабочего класса СССР. М. 1975; «Историография советского тыла периода Великой Отечественной войны». М. 1976, и др.

² С. А. Аттукуров. Из истории перестройки промышленности Киргизии на военный лад. «Труды» Киргизского университета, серия истории, 1972; Я. И. Якунов. Пермская областная партийная организация во главе перестройки работы химических предприятий на выпуск оборонной продукции в первый период Великой Отечественной войны (1941—1942 гг.). «Ученые записки» Пермского университета, 1972, № 294; В. В. Алексеев. Перестройка энергетики Сибири на военный лад. «В грозные годы». Омск. 1973, и др.

³ М. Г. Первухин. Перебазирование промышленности. «Советский тыл в Великой Отечественной войне». Кн. 2. М. 1974.

оборудования, участие эвакуированных рабочих и специалистов в развитии промышленности восточных районов страны⁴.

В последнее время сократилось также количество работ по промышленному развитию отдельных регионов в период войны, поскольку многое в этом направлении сделано исследователями в 50—60-е годы. Опубликованы лишь небольшие работы, в которых обычно приводятся сводные данные об общих сдвигах, происшедших в ходе войны в промышленности некоторых районов страны⁵. Вместе с тем значительно возрос интерес к истории отдельных отраслей промышленности: по этой тематике написано около 30 работ. Среди них заслуживает внимания книга Г. Г. Морехиной о черной металлургии⁶. Охарактеризовав исключительные трудности, с которыми столкнулась эта отрасль тяжелой индустрии СССР в начале Великой Отечественной войны, Г. Г. Морехина исследовала, как под руководством Коммунистической партии и Советского правительства рабочие и специалисты перестроили работу металлургических предприятий применительно к условиям военного времени, а затем обеспечили неуклонное наращивание производства чугуна, стали и проката. Особенно обстоятельно проанализирован в книге крупный вклад черной металлургии Юга в обеспечение фронта боевой техникой, оружием и боеприпасами в начальный период войны.

Ряд работ отражает развитие угольной промышленности⁷. П. Г. Агарышев показал, как шахтеры Урала в сложнейших условиях войны повышали добычу каменного угля, вели упорную борьбу за экономию и снижение себестоимости топлива за счет совершенствования добычных работ. Угольная промышленность принадлежала к тем отраслям индустрии, в которых в период войны производительность труда снижалась вплоть до 1943 года. Автор пришел к выводу, что в Челябинском угольном бассейне уже начиная со второй половины 1942 г. производительность труда стала неуклонно расти, однако это заключение не подтверждено цифровыми данными. В работе Н. П. Шуранова впервые раскрывается история угольной промышленности восточных районов страны (а не отдельных бассейнов) периода борьбы с гитлеровскими захватчиками. Автор стремится выяснить причины тех процессов, которые происходили в данной отрасли в 1941—1945 гг., убедительно раскрывает основные направления технической политики партии и вместе с тем выявляет особенности развития отдельных угольных бассейнов.

⁴ М. Петрушин. Плановое перемещение промышленных предприятий в восточные районы (Из истории планирования в период Великой Отечественной войны). «Плановое хозяйство», 1971, № 7; Ш. М. Мунчаев. Дружба народов СССР — важнейшее условие в решении проблемы эвакуации в годы Великой Отечественной войны. «Вестник» Московского университета, серия 9, история, 1972, № 6; Н. В. Куперт. Роль городских Советов Западной Сибири в размещении и вводе в строй эвакуированных промышленных предприятий. «Народы Сибири в Великой Отечественной войне». Кызыл. 1973; В. А. Цукров. Труд горняков Донбасса в сибирском тылу (1941—1943 гг.). Там же; А. Л. Родионов. Участие Омской комсомольской организации в восстановлении перебазированных промышленных предприятий. «В грозные годы»; М. И. Лихоманов. Размещение и использование эвакуированного населения в восточных районах. «Советский тыл в Великой Отечественной войне». Кн. 2, и др.

⁵ А. А. Абшилава. Промышленность Абхазской ССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Сухуми. 1972; М. Г. Леонтьева. О некоторых изменениях в промышленном производстве Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). «Деятельность партийных организаций Сибири по развитию производительных сил в 1925—1965 гг.». Новосибирск. 1972; М. С. Нестеренко. Промышленность Урала в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). «Борьба партийных организаций Урала за развитие тяжелой промышленности». Свердловск. 1972; М. Р. Акулов. Промышленность Сибири в дни войны. «Советский тыл в Великой Отечественной войне». Кн. 2; В. И. Ефимов. Узбекистан — один из арсеналов Красной Армии. Там же; М. К. Козыбаев. Ресурсы Казахстана на защиту Отечества. Там же; Б. Н. Черноусов. Московская промышленность — фронту. Там же, и др.

⁶ Г. Г. Морехина. Великая битва за металл. М. 1974.

⁷ П. Г. Агарышев. В забой, как в бой. Коммунисты Челябинского угольного бассейна в годы Великой Отечественной войны. Челябинск. 1972; А. Ф. Васильев. Развитие угольной промышленности Урала в годы Великой Отечественной войны. «История СССР», 1973, № 3; И. И. Зелкин. Развитие угольной промышленности в 1941—1945 гг. «Советский тыл в Великой Отечественной войне». Кн. 2; Н. П. Шуранов. На угольном фронте. Коммунистическая партия — организатор развития угольной промышленности восточных районов страны в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Кемерово. 1975.

Сдвиги в станкостроении и тяжелом машиностроении, которые сыграли важнейшую роль в развертывании оборонной промышленности в годы войны, раскрыты лишь в статьях М. С. Зинич⁸. К числу недостаточно разработанных проблем советского тыла относится также развитие оборонных отраслей индустрии, для чего, правда, имеются вполне объективные причины. Эти проблемы нашли отражение преимущественно в публикациях мемуарного характера⁹.

Опубликованы работы о развитии легкой и местной промышленности в военных условиях¹⁰, также исследованном пока слабо.

В последние годы продолжалось изучение качественных сдвигов в советской промышленности в годы Великой Отечественной войны, путей совершенствования производства и повышения производительности труда на предприятиях¹¹. Исследовались особенности планирования и управления экономикой в условиях войны¹².

Довольно интенсивно изучалась история восстановления промышленности в период войны на освобожденной от врага территории. Большой интерес представляет монография Ю. А. Приходько, в которой рассмотрены особенности различных этапов восстановления промышленности после изгнания фашистских захватчиков¹³. Автору удалось выявить специфику восстановления различных отраслей индустрии, показать самоотверженный труд рабочих и специалистов, которые творчески подходили к возрождению промышленных предприятий, стремясь ввести их в строй как можно быстрее, с наименьшими затратами, с максимальным удовлетворением нужд фронта и в то же время не в ущерб перспективам развития народного хозяйства в послевоенный период. Возвращению к жизни Донецкого угольного бассейна в годы войны посвятил свой труд Н. Ф. Хорошайлов¹⁴. Много места им отведено восстановлению, развращива-

⁸ М. С. Зинич. Из истории станкостроения и тяжелого машиностроения в первый период Великой Отечественной войны. «История СССР», 1971, № 6; е е же. Станкостроение и машиностроение СССР в 1941—1945 гг. «Вопросы истории», 1973, № 5.

⁹ Н. Э. Носовский. Надежный арсенал вооружения. «Вопросы истории», 1970, №№ 10—11; е го же. Артиллерийская промышленность в Великой Отечественной войне. «Исторические записки», 1971, т. 87; И. И. Волкотрубенко. Боеприпасы и артиллерия в Великой Отечественной войне. «Вопросы истории», 1972, № 11; К. М. Хмельевский. Они ускорили победу! «Вопросы истории», 1972, № 5; А. И. Шахурин. Авиационная промышленность в годы Великой Отечественной войны. «Вопросы истории», 1975, №№ 3—4, и др.

¹⁰ В. С. Городецкая. Легкая промышленность Казахстана в годы Великой Отечественной войны. «История». Алма-Ата. 1972; С. Рахимов. Легкая и пищевая промышленность Узбекской ССР к началу и в период Великой Отечественной войны (Некоторые вопросы состояния и развития). «Сборник научных трудов аспирантов» Института экономики АН СССР. Вып. 1. М. 1972; Е. В. Заруцкая. О некоторых вопросах работы легкой промышленности Сибири в годы Великой Отечественной войны. «Осуществление ленинских идей превращения Сибири в экономически развитый район страны». Кемерово. 1972; е е же. Местная промышленность и промкооперация РСФСР. «Советский тыл в Великой Отечественной войне». Кн. 2.

¹¹ М. И. Еловиков. Деятельность профсоюзов Прикамья по оказанию помощи партийным органам в распространении передового опыта и развитии соревнования в годы Великой Отечественной войны. «Ученые записки» Пермского университета, 1972, вып. 294; Р. П. Елизарьева. Социалистическое соревнование и совершенствование организации производства в Забайкалье (1943—1945 гг.). «Народы Сибири в Великой Отечественной войне»; А. Ф. Васильев. Парторганизации Урала в борьбе за экономию и снижение себестоимости промышленной продукции (1941—1945 гг.). «Вопросы истории КПСС», 1973, № 8; Г. А. Реука. Партийное руководство борьбой за технический прогресс в промышленности Узбекистана в годы Великой Отечественной войны. «Научные труды» Ташкентского университета, 1973, вып. 442, и др.

¹² Д. М. Кукин. Партийное и государственное руководство экономикой в годы Великой Отечественной войны. «Вопросы истории», 1971, № 8; Я. Е. Чадаев. Советская экономика и социалистическое планирование в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). «Плановое хозяйство», 1971, № 6; В. И. Арсеньев. О некоторых изменениях в организации управления военной экономикой в первый период Великой Отечественной войны. М. 1972; Ю. В. Вороновский. Особенности планирования в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). «Развитие планирования народного хозяйства в Узбекистане». Ташкент. 1972; А. М. Беликов. Государственный Комитет Обороны и проблемы создания слаженной военной экономики. «Советский тыл в Великой Отечественной войне». Кн. 1.

¹³ Ю. А. Приходько. Восстановление индустрии (1942—1950 гг.). М. 1973.

¹⁴ Н. Ф. Хорошайлов. Деятельность Коммунистической партии по возрождению Донбасса. 1943—1945 гг. Киев. 1973.

нию и улучшению работы Советов, партийных, профсоюзных и комсомольских организаций Донбасса, что составляет главное достоинство труда. Сложных проблем восстановления советской промышленности в годы войны на территории, освобожденной от оккупации, касались и другие авторы¹⁵.

Продолжалось исследование истории отдельных промышленных предприятий периода Великой Отечественной войны¹⁶. Хотя эти работы на первый взгляд кажутся узкими по тематике, появление их правомерно: они позволяют глубже изучить сущность и пути решения тех проблем, которые поставила война перед советской промышленностью, полнее раскрыть трудовой подвиг рабочего класса и технической интеллигенции СССР.

В печати уже не раз ставился вопрос о необходимости выработки строго научной периодизации развития советской экономики, и прежде всего промышленности, в период борьбы с фашистскими захватчиками. Этой проблемы касается М. Р. Акулов¹⁷. Автор ставил целью дать периодизацию развития промышленности только Сибири, но фактически в статье поставлен вопрос о периодизации развития советской экономики в целом. М. Р. Акулов акцентирует внимание на защите распространенной точки зрения, что наша экономика в годы войны прошла два этапа, не соглашаясь с мнением автора данного обзора, что осенью 1944 г. в ее развитии наступил новый, третий, этап.

Среди проблем, которые особенно интенсивно исследовались в последние годы, одно из первых мест занимает история советского рабочего класса в годы Великой Отечественной войны. Высокую оценку в печати получила монография А. В. Митрофановой¹⁸. На основе анализа и обобщения огромного фактического материала, в большинстве своем извлеченного из архивов, автором показано величие трудового подвига рабочего класса СССР во имя победы над врагом. Особую научную ценность представляют разделы о росте численности и изменениях в составе рабочего класса. Приведенные А. В. Митрофановой новые фактические данные позволяют более глубоко и полно раскрыть динамику восстановления и роста контингента рабочих по различным отраслям промышленности и народному хозяйству в целом. обстоятельно исследуются материально-бытовое положение рабочего класса, идейно-воспитательная работа среди рабочих, повышение ведущей роли рабочего класса в жизни советского общества в годы суровых испытаний.

В. Я. Горовой, Г. А. Куманев и В. Б. Тельпуховский показали не только трудовые подвиги в тылу, но и участие рабочих в первых пограничных боях с врагом, их активную роль в формировании дивизий народного ополчения, в партизанском движе-

¹⁵ Л. М. Молодцов. Братская помощь и сотрудничество союзных республик в восстановлении и развитии промышленности и сельского хозяйства в годы Великой Отечественной войны. «Из истории советского содружества народов». М. 1971; В. Б. Тельпуховский. Восстановление народного хозяйства освобожденных районов СССР в ходе войны. «Всемирно-историческая победа советского народа. 1941—1945 гг.». М. 1971; А. М. Билькевич, Г. Т. Кикалов. Участие комсомола и молодежи в восстановлении промышленности и транспорта западных областей Украины в 1944—1945 гг. «Вопросы общественных наук». Вып. 8. Киев. 1972; В. И. Кияшкo. Деятельность партийных организаций Северного Кавказа по восстановлению промышленности в годы Великой Отечественной войны. «Научные труды» Краснодарского пединститута, 1972, вып. 150; М. С. Зинич. Восстановление заводов станкостроения и тяжелого машиностроения в 1943—1945 гг. «Проблемы общественных наук. Экономика, история, культура». Минск, 1973; В. А. Ежов. Восстановление народного хозяйства в освобожденных районах СССР в условиях войны. «Великая победа советского народа. 1941—1945». М. 1976.

¹⁶ А. С. Акимов. Некоторые вопросы деятельности партийной организации Яхромской фабрики в годы Великой Отечественной войны. «Ученые записки» Московского областного пединститута, 1971, т. 254, история КПСС, вып. 14; А. А. Вострикова. Партийная организация Дальзавода в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). «Ученые записки» Дальневосточного университета, 1972, т. 37; С. М. Карahanян. Подвиг Танкограда. «Труды» Центрального музея революции СССР, 1972, вып. 3; Ш. П. Назимов. Завод — воин и созидатель. «В грозные годы» и др.

¹⁷ М. Р. Акулов. К вопросу о периодизации промышленного развития Сибири в годы Великой Отечественной войны. «Осуществление ленинских идей превращения Сибири в экономически развитый район страны»

¹⁸ А. В. Митрофанова. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М. 1971;

нии, саботаже на предприятиях, оставшихся в оккупированных гитлеровцами районах нашей страны¹⁹. Исследование этих вопросов помогает более полному и всестороннему раскрытию роли рабочего класса СССР в разгроме фашистских захватчиков.

По-прежнему много внимания уделялось трудовым подвигам рабочего класса в период войны, хотя число трудов по этой теме несколько сократилось, поскольку она в числе других обстоятельно изучена в предшествующий период. Наиболее крупная из работ на эту тему — книга Р. П. Сосновской²⁰, в которой автору удалось показать масштабы и результаты трудового героизма рабочих в тылу. Однако некоторые аспекты (например, борьба за экономию топлива, материалов и электроэнергии — одна из главных не только хозяйственных, но и военно-политических задач, которые решали советский народ и партия в 1943 г.) требовали более обстоятельного анализа.

Предметом исследования явился героический труд отдельных отрядов советского рабочего класса в период войны²¹. Эти работы вносят новые существенные штрихи в освещение истории трудового подвига советского народа, который послужил одним из главных источников победы СССР над фашистской Германией.

Продолжалось изучение истории рабочего класса отдельных регионов. В этой области также достигнуты значительные успехи²². Г. А. Докучаев охарактеризовал трудовой героизм рабочего класса восточных районов страны на различных этапах войны, рост его политической активности, изменения структуры и численности рабочих Сибири и Дальнего Востока по годам и по отраслям промышленности. О беспримерном героизме рабочих Ленинграда идет речь в книге А. Р. Дзенискевича. Он показал, как, преодолевая неимоверные лишения и трудности, на оборудовании, оставшемся после эвакуации из города промышленных предприятий, рабочие Невской твердыни в условиях блокады организовали ремонт боевой техники и производство необходимой фронту продукции. Привлекает внимание статья А. В. Митрофановой о рабочем классе Российской Федерации в годы войны. По существу, в ней впервые приводятся некоторые сводные данные о вкладе рабочих крупнейшей союзной республики в общее дело победы над врагом. Другие работы на эту тему раскрывают сдвиги в численности и составе рабочего класса отдельных восточных районов страны.

К наиболее сложным вопросам, которые пришлось решать Коммунистической партии и Советскому правительству в процессе перестройки промышленности и даль-

¹⁹ В. Я. Горовой, Г. А. Куманев, В. Б. Тельпуховский. В Великой Отечественной войне. «Советский рабочий класс. Краткий исторический очерк (1917—1973)». М. 1975.

²⁰ Р. П. Сосновская. Героический труд во имя победы (КПСС — организатор трудового подвига рабочего класса в период коренного перелома в Великой Отечественной войне). Л. 1973.

²¹ В. Е. Царегородцев. Московская партийная организация во главе трудового героизма рабочих и интеллигенции столицы в завершающий период Великой Отечественной войны (1944—1945 гг.). «Путь борьбы и побед». Ч. 2 (1928—1970 гг.). М. 1971; В. И. Ефимов. Патриотический подвиг трудящихся Узбекистана в годы Великой Отечественной войны. Ташкент. 1972; Т. Н. Петрова. Освещение в периодической печати трудового героизма трудящихся Кузбасса в годы Великой Отечественной войны. «Осуществление ленинских идей превращения Сибири в экономически развитый район страны»; Л. И. Исаченко. Трудовые подвиги рабочего класса и крестьянства Кубани и Ставрополя в первый период Великой Отечественной войны. «КПСС в период социалистического и коммунистического строительства». Ставрополь. 1972; К. Н. Голиков. Трудовой подвиг омичей в годы Великой Отечественной войны. «В грозные годы»; Н. И. Кондакова. Трудовой подвиг советских женщин в годы Великой Отечественной войны. «Великая победа советского народа. 1941—1945», и др.

²² И. И. Кузнецов. Изменения в численности и составе рабочего класса Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны. «Забайкальский краеведческий ежегодник». Чита. 1971, № 5; А. Р. Дзенискевич. Военная пятилетка рабочих Ленинграда. 1941—1945. Л. 1972; Г. А. Докучаев. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. М. 1973; А. В. Волченко. К вопросу об изменениях численности рабочего класса Кузбасса в 1941—1945 гг. «Народы Сибири в Великой Отечественной войне»; Р. А. Мальков, Я. И. Бражников. Рабочие горного Алтая в Отечественной войне. Там же; А. В. Митрофанова. Рабочий класс Российской Федерации в годы испытаний. «Советский тыл в Великой Отечественной войне». Кн. 2; е е же Трудовой подвиг советского рабочего класса в годы Великой Отечественной войны. «Великая победа советского народа. 1941—1945».

нейшего развития оборонного производства в годы войны, относится проблема обеспечения предприятий рабочей силой. В последние годы ее касались многие авторы²³. Привлекает внимание книга К. Ю. Оразова. Справедливо отметив, что в литературе уже получили достаточно полное раскрытие вопросы, связанные с производственной деятельностью рабочих Казахской ССР, основное внимание он сосредоточил на проблемах обеспечения промышленности рабочими кадрами в годы войны, анализе изменений численности и состава рабочего класса этого важного экономического района. Автор выяснил источники и способы пополнения рабочего класса республики, проанализировал его количественный и качественный рост, а также способы подготовки и повышения квалификации рабочих. Ряд статей отражает решение этой проблемы в отдельных районах Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока²⁴.

Продолжалось изучение роли трудовых резервов в обеспечении промышленности и других отраслей народного хозяйства квалифицированной рабочей силой²⁵. А. А. Асланишвили прослеживает развитие и раскрывает особенности системы трудовых резервов Грузии в годы войны, приводит обобщенные данные о подготовке молодых рабочих в ремесленных училищах и школах ФЗО республики. Книга Э. С. Котляра отражает состояние и развитие общесоюзной системы трудовых резервов в военный период. Автор исследовал широкий круг вопросов, связанных с деятельностью этой системы. Наибольший интерес представляют разделы, в которых проанализированы основные формы и специфика воспитательной работы в ремесленных училищах и школах ФЗО.

В период Великой Отечественной войны была осуществлена широкая система крупных социальных мероприятий, направленных на улучшение жилищно-бытовых условий рабочего класса и питания рабочих и служащих. Эта важная проблема в последнее время нашла отражение как в трудах более широкого плана, так и в специальных исследованиях²⁶. Освещая заботу Коммунистической партии и Советского

²³ Г. А. Докучаев. Решение проблемы кадров в период Великой Отечественной войны. «В грозные годы»; В. Б. Тельпуховский. Некоторые вопросы обеспечения индустрии кадрами. «Советский тыл в Великой Отечественной войне». Кн. 2; К. Ю. Оразов. Рабочий класс Казахстана в Великой Отечественной войне. Алма-Ата. 1975; А. Ф. Васильев. Партийное руководство подготовкой рабочих кадров в годы Великой Отечественной войны. «Вопросы истории КПСС», 1975, № 2.

²⁴ В. С. Иванов. Профсоюзы Удмуртии — верные помощники партии в деле подготовки рабочих кадров в годы Великой Отечественной войны. «Ученые записки» Пермского университета, 1972, вып. 294; В. И. Меркушин. Деятельность партийных организаций Среднего Поволжья по подготовке рабочих кадров в годы Великой Отечественной войны (на материалах Куйбышевской, Ульяновской и Пензенской областей). «Деятельность местных партийных организаций в условиях строительства социализма». М. 1972; А. В. Самарина. Работа партийных организаций Дальнего Востока по подготовке квалифицированных кадров в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). «Ученые записки» Дальневосточного университета, 1972, т. 37, и др.

²⁵ А. А. Асланишвили. Трудовые резервы Грузии в Великой Отечественной войне. Тбилиси. 1972; О. А. Черных. О подготовке кадров в системе трудовых резервов в годы войны (на примерах Восточной Сибири). «Труды Иркутского политехнического института, 1972, вып. 68А; Т. Г. Зиновьева. Размещение эвакуированных училищ и школ трудовых резервов в Западной Сибири. «Народы Сибири в Великой Отечественной войне»; ее же. Роль трудовых резервов Западной Сибири в обеспечении народного хозяйства кадрами рабочих (1941—1945 гг.). «В грозные годы»; Э. А. Кортелева. Из опыта руководства Пермской областной партийной организации трудовыми резервами (1941—1942 гг.). «Ученые записки» Пермского университета, 1973, № 317; ее же. О партийном руководстве социалистическим соревнованием в системе государственных трудовых резервов Пермской области в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). «Ученые записки» Пермского университета, 1974, № 340; Э. С. Котляр. Государственные трудовые резервы СССР в годы Великой Отечественной войны. М. 1975, и др.

²⁶ Г. П. Бакастова. Деятельность партийных организаций Верхней Волги по удовлетворению материально-бытовых нужд текстильщиц в годы Великой Отечественной войны. «Ученые записки» Ивановского пединститута, 1971, т. 96; З. М. Краюшкина. Забота партийных и комсомольских организаций о материально-бытовых нуждах рабочей молодежи в годы Отечественной войны. 1941—1945 гг. (На материалах Пермской области). «Ученые записки» Пермского пединститута, 1971, т. 86; В. М. Бритов. Забота партийных организаций Верхней Волги о материальном благосостоянии трудящихся в годы Великой Отечественной войны (январь 1943 — май 1945 гг.). «Ученые записки» Ивановского пединститута, 1972, т. 113, вып. 6; Н. В. Куперт. Деятель-

правительства, а также местных партийных и советских органов об удовлетворении нужд тружеников тыла, исследователи показывают, что даже в условиях войны, крайне ограничившей материальные и финансовые возможности страны, забота о человеке была предметом постоянного внимания государственных органов и общественных организаций.

Один из главных источников победы советского народа в Великой Отечественной войне — нерушимый союз рабочего класса и крестьянства. Изучение конкретных проявлений этого союза в специфических условиях военного времени составляет одну из центральных задач исследования истории борьбы советского народа против фашистских захватчиков. К сожалению, в последние годы историки очень мало продвинулись вперед в разработке этой пока что слабо изученной проблемы: ей посвящено лишь несколько небольших статей, где на примере отдельных районов страны очерчена материальная, техническая и культурная помощь городских рабочих колхозному крестьянству во время войны, поставившей советское сельское хозяйство в крайне тяжелое положение²⁷.

Итак, в 1970-е годы советские ученые немало сделали для дальнейшего, более глубокого и всестороннего изучения истории промышленности и рабочего класса СССР периода Великой Отечественной войны. По этим проблемам опубликованы монографии, несомненно, обогатившие историческую науку.

Вместе с тем анализ литературы с учетом работы, проделанной исследователями в предшествующее время, позволяет выявить проблемы, которые нуждаются еще в более обстоятельном рассмотрении. К ним относится история ряда отраслей промышленности (легкой, оборонной, цветной металлургии), а также развитие индустрии некоторых важнейших регионов страны в 1941—1945 годах. Нет пока, кроме упомянутой выше статьи А. В. Митрофановой, специальных исследований по истории промышленности и рабочего класса Российской Федерации, вынесшей на своих плечах основные трудности, связанные с обеспечением фронта всем необходимым, и в первую очередь боевой техникой, оружием, боеприпасами.

Нуждается в дальнейшем изучении ряд сложнейших проблем — политических, экономических, технических, научных, социальных, которые пришлось решать в процессе перестройки промышленности на военный лад после нападения фашистской Германии на СССР. Созрели условия для комплексного исследования истории эвакуации промышленности из прифронтовых и угрожаемых районов в глубь страны, беспрецедентной по своим масштабам и последствиям. Более интенсивная разработка этой проблемы позволила бы полнее раскрыть преимущества социалистической системы хозяйства перед капиталистической, беспримерный героизм советского народа в суровые годы войны.

Не исчерпаны возможности более углубленного исследования крупных качественных сдвигов в советской промышленности после завершения ее перестройки на военный лад. В этом отношении большой интерес представляет рассмотрение технической политики партии в промышленности на различных этапах войны. Ждет своего исследования и такой вопрос, как сроки и масштабы перевода промышленных пред-

ность городских Советов Кузбасса по материальному обеспечению угольщиков в годы Великой Отечественной войны. «Осуществление ленинских идей превращения Сибири в экономически развитый район страны»; М. Г. Леонтьева. Материально-бытовые условия женщин-работниц в 1941—1945 гг. «Народы Сибири в Великой Отечественной войне», и др.

²⁷ С. С. Ивашкин. Помощь советского рабочего класса сельскому хозяйству Казахстана в годы Великой Отечественной войны. «История». Вып. 1. Алма-Ата. 1971; С. К. Рябова. Укрепление союза рабочего класса с крестьянством в годы Великой Отечественной войны. «История». Вып. 5. Алма-Ата. 1972. М. И. Лихоманов. Помощь рабочего класса Сибири колхозному крестьянству в годы Великой Отечественной войны. «Осуществление ленинских идей превращения Сибири в экономически развитый район страны»; В. В. Власов. Деятельность Тюменской партийной организации по укреплению союза рабочего класса с колхозным крестьянством. «В грозные годы»; его же. Укрепление союза рабочего класса и колхозного крестьянства в 1941—1945 гг. (На материалах Омской и Тюменской областей). «Народы Сибири в Великой Отечественной войне»; В. И. Карпушенко. Союз рабочего класса и крестьянства — важнейший источник победы СССР в Великой Отечественной войне. «Великая победа советского народа. 1941—1945».

приятий на выпуск мирной продукции еще до окончания Великой Отечественной войны. Его всестороннее изучение поможет выработать единую точку зрения на периодизацию развития советской экономики в 1941—1945 годах. Требуется более полно исследовать систему и методы управления промышленностью в годы войны, проанализировать сочетание моральных и материальных стимулов, которые умело и эффективно применялись партийными и советскими органами для развития и совершенствования производства на промышленных предприятиях.

Продолжая работу над историей советского рабочего класса за годы Великой Отечественной войны, следовало бы впредь сделать упор на дальнейшем изучении в первую очередь динамики его качественных изменений. Более обстоятельного анализа требует участие рабочего класса в защите Отчизны непосредственно на фронте и в борьбе с врагом на временно оккупированной территории. Специального рассмотрения заслуживают общественно-политическая деятельность рабочего класса в период войны, формы и масштабы участия рабочих в управлении страной и производством. Необходимо полнее раскрыть ведущую роль рабочего класса в жизни всего советского общества, для чего, в частности, следовало бы глубже изучить содержание и особенности союза рабочего класса и колхозного крестьянства в условиях военного времени, роль этого союза в укреплении морально-политического и военно-экономического могущества Страны Советов в период борьбы с фашистскими захватчиками. Важной задачей является также исследование ведущей роли рабочего класса в укреплении единства и дружбы народов нашей страны, всех социальных слоев и групп советского общества в военное время. Ждут изучения вопросы о месте и роли профсоюзов в решении военно-политических и военно-хозяйственных задач.

Все это, вместе взятое, поможет еще более глубоко и всесторонне исследовать историю советского тыла, показать преимущества социалистического строя, предопределившие победу СССР в Великой Отечественной войне.

А. Ф. Васильев

Рецензии

М. Л. БОГДЕНКО, И. Е. ЗЕЛЕНИН. *Совхозы СССР. Краткий исторический очерк (1917—1975)*. Под ред. И. М. Волкова.

М. Политиздат. 1976. 279 стр. Тираж 29 000. Цена 1 руб. 18 коп.

Историография советской деревни пополнилась новым обобщающим трудом. Старшие научные сотрудники Института истории СССР АН СССР доктора исторических наук М. Л. Богденко и И. Е. Зеленин известны монографическими работами о различных периодах истории совхозов¹. На этот раз они опубликовали совместное исследование, представляющее собой первое сводное издание по истории совхозного

строительства за все годы Советской власти. Это особенно важно потому, что изучение развития совхозов значительно отставало от исследования истории колхозной деревни. Первая попытка создания обобщающего исторического очерка могла стать успешной лишь при условии, что в нем не только будет учтено все достигнутое ранее в разработке проблемы, но и приведены результаты научных изысканий, осуществленных авторами в процессе подготовки книги. Эта задача успешно ими решена.

Структура книги исходит из продуманной научной периодизации, положенной в основу рассмотрения таких «сквозных» вопросов истории совхозов, как их строительство, совершенствование управления, форм и ме-

¹ М. Л. Богденко. Строительство зерновых совхозов в 1928—1932 гг. М. 1958; ее же. Совхозы СССР. 1951—1958. М. 1972; И. Е. Зеленин. Зерновые совхозы СССР (1933—1941 гг.). М. 1966; его же. Совхозы СССР (1941—1950). М. 1969; его же. Совхозы в первое десятилетие Советской власти. 1917—1927. М. 1972.

тодов руководства, складывание совхозного отряда рабочих, рост их творческой активности, результаты хозяйственной деятельности совхозов. Авторы показывают развитие и претворение в жизнь ленинских идей о совхозном строительстве, раскрывают главные закономерности и специфику каждого из этапов истории совхозов, что придает очерку ретроспективность и соответствующую завершенность.

Раскрывая ленинские идеи совхозного строительства и их осуществление в первое советское десятилетие, М. Л. Богденко и И. Е. Зеленин сообщают о зарождении совхозов, трудностях их организации, усугубленных гражданской войной. В книге показаны роль В. И. Ленина в создании совхозов, определении их места в социалистическом строительстве, в частности его отношение к вопросу о соотношении совхозов и коммун, о подсобном хозяйстве рабочих совхозов. Четко представлена ленинская оценка международного значения опыта по созданию государственных хозяйств на базе помещичьих имений (стр. 20—21). Вместе с тем желательно было бы отметить значение для последующего колхозно-совхозного строительства опыта преодоления первых неудач и ошибок, исправляемых по инициативе Ленина. Этот опыт, прозорливость Ленина позволили партии быстро и правильно определиться в вопросе о ликвидации перегибов в годы массовой коллективизации. Более полно следовало бы сказать о дискуссиях между сторонниками коммун и совхозов (стр. 14—15).

Рельефно освещен авторами начальный этап формирования отряда совхозных рабочих, однако их производственная деятельность показана слабее. В книге анализируются поиски лучшей системы управления совхозами в 1921—1927 гг., в частности первый опыт перевода совхозов на хозрасчет, начатый по предложению Ленина в 1922 г. (стр. 29), становление системы трестирования как наиболее эффективной в тех условиях формы управления совхозами, организация переработки продуктов в совхозах на индустриальной основе (стр. 31—33). Авторы отмечают, что при заметных успехах отдельных хозяйств совхозы в целом в восстановительный период испытывали серьезные трудности из-за острого недостатка технических средств, слабого финансирования. Более ошутимое укрепление совхозов началось в 1925—1927 гг. в связи с возобновлением бюджетных ассигнований и началом систематического кредитования

(стр. 35—37). Наряду с этим следовало подчеркнуть, что радикальные меры партии по укреплению совхозов к концу 20-х годов проводились как важное подготовительное мероприятие в канун массовой коллективизации, в которой совхозам отводилась особая организующая роль. На стр. 40—41 правильно отмечается, что хотя к 1927 г. в зерновом производстве совхозы играли еще небольшую роль, они были почти единственными производителями селекционных сортов семян. Однако эти хозяйства в книге почти не показаны. Желательно было бы также подробнее охарактеризовать борьбу с противниками аграрной политики партии (стр. 31—49).

Обстоятельно анализируется авторами совхозное строительство периода довоенных пятилеток. В отличие от предыдущего десятилетия, когда основная часть совхозов создавалась на базе бывших помещичьих имений, в конце 20-х — начале 30-х годов совхозный сектор рос прежде всего за счет капитального строительства новых сельскохозяйственных районов. В книге освещаются не только масштабность этого строительства, но и меры партии по устранению левых ошибок, что конкретизирует общую принципиальную линию партии в социалистическом строительстве на селе. Авторами приведены обобщающие данные об изменениях в составе совхозных рабочих, анализируется деятельность политотделов совхозов в 30-е годы, движение новаторов совхозного производства, раскрываются условия жизни рабочих накануне войны, приводятся сведения о размерах заработной платы работников совхозов (стр. 93). Менее удачен материал, касающийся помощи совхозов колхозам (стр. 97—102). Категоричны вывод о том, что политотделы были не только партийными, но и хозяйственными органами (стр. 66), а также утверждение об экстенсивности совхозного производства в годы первой пятилетки как главного его отличия от интенсивного развития во второй пятилетке (стр. 63 и др.).

Кратко, но емко рассказывается в книге о совхозах периода Великой Отечественной войны. Показывая ущерб, нанесенный им гитлеровскими захватчиками, М. Л. Богденко и И. Е. Зеленин справедливо отмечают, что сроки оккупации, как правило, не влияли на характер и размеры причиненного совхозам ущерба, ибо при отступлении враг уничтожал или вывозил все, что мог. Авторы характеризуют массовый трудовой героизм рабочих совхозов в восстановлении

хозяйства. Обобщающие данные о состоянии экономики совхозов убедительно подтверждают вывод, что совхозы, как и все сельское хозяйство страны, успешно выдержали испытания военного времени. Однако в освещении этого периода имеются и недочеты. Односторонне (только засухой) объясняются трудности 1943 г. (стр. 115), между тем из литературы уже известно, что этот год оказался самым тяжелым и потому, что на сельском хозяйстве отразились чрезвычайные трудности, нараставшие с ходом войны. Не аргументирован вывод, что «колхозы собирали более низкие урожаи, чем совхозы» (стр. 114). Приводимые авторами данные относятся к заключительному этапу войны, а в 1941—1943 гг. урожайность в колхозах была несколько выше, чем в совхозах. Слабее раскрыта деятельность политотделов этого периода; дается в уточнении замечание о том, что «основные направления и методы работы политотделов МТС и совхозов не отличались от довоенных» (стр. 106).

Исследуя состояние совхозного производства в первые послевоенные годы, авторы раскрывают тяжелые последствия войны и на этом фоне — беспрецедентную работу по восстановлению хозяйства. Они опровергают суждения о якобы небольших ассигнованиях на восстановление сельского хозяйства, отмечая, что, несмотря на всю сложность обстановки и ограниченные возможности государства, партия и правительство выделили на эти цели в 1945—1950 гг. 2,6 млрд. руб. — значительно больше, чем за первые две пятилетки, вместе взятые (стр. 128). Средства отпускались большие, но и их не хватало, поскольку последствия войны, усугубленные засухой 1946 г., были чрезвычайно тяжелы. Вследствие этого упор делался на восстановление технической оснащённости сельского хозяйства, а жилищно-бытовое строительство велось невысокими темпами; сравнительно низкой была и зарплата работников совхозов (стр. 140). Авторы дают аргументированную оценку исторически обоснованным решениям февральского (1947 г.) Пленума ЦК партии, обращая, в частности, внимание на то, что он подчеркнул необходимость отказа от экономически невыгодной в специфических условиях послевоенных лет узкой специализации совхозов (стр. 130). Принцип историзма выдержан и в освещении такого важного вопроса, как планирование совхозного производства: в те годы оно основывалось на жесткой рег-

ламентации, но уже тогда партия видела и другую перспективу (стр. 148—149).

Наряду с этим в книге несколько односторонне освещается ведущая роль совхозов в сельском хозяйстве. В основном авторы связывают ее с преимущественным финансированием совхозов. Они отмечают, например, что в 1946—1950 гг. совхозы получали 23% всех государственных средств на пополнение фондов сельского хозяйства, обеспечивая лишь 8—15% государственных заготовок (стр. 158), и к тому же указывают, что «в основном в совхозном производстве в эти годы преобладали экстенсивные методы ведения хозяйства» и «в целом совхозная система была убыточной» (стр. 161, 163). Не касаясь сущности этих заключений, заметим, что подобные суждения без показа внутренних источников ведущей роли совхозного производства могут привести к противопоставлению их колхозам. Нельзя согласиться и с категоричным замечанием о том, что действовавшие во время войны методы руководства сельским хозяйством были «сугубо административными» (стр. 141).

Подробно освещают М. Л. Богденко и И. Е. Зеленин развитие совхозов в период завершения социалистического строительства. Опираясь на анализ, данный в материалах сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК и других документах партии, они подчеркивают, что отставание сельского хозяйства было вызвано прежде всего объективными условиями, включая сложную международную обстановку тех лет. Одновременно авторы называют вскрытые партией недостатки в руководстве совхозами и колхозами, прежде всего отступления от ленинского принципа материальной заинтересованности. В книге проанализирована система экономических и организационных мер по ускоренному преодолению отставания сельского хозяйства. Авторы акцентируют внимание на безотлагательном разрешении зерновой проблемы путем широкого освоения целинных и залежных земель в восточных районах, основной формой которого стали совхозы (стр. 172—173). «Строительство новых совхозов...—пишут они,—признавалось на данном этапе основным средством осуществления курса на ускоренное увеличение производства зерна в стране, становилось специфической чертой нового этапа в развитии сельского хозяйства» (стр. 175—176).

В книге дается объяснение таких сложных с экономической и социальной точек

зрения мероприятий, как преобразование слабых колхозов в совхозы и укрупнение старых хозяйств. Авторы не забывают сказать и того, что в этих в значительной мере вынужденных мерах имели место некоторые перегибы и что ЦК КПСС своевременно внес ясность в вопросы, затрагивавшие принципиальные проблемы коммунистического строительства. В результате комплекса мер с 1953 по 1958 г. производство зерна в совхозах возросло почти в пять раз, а животноводческая продукция почти удвоилась. «Эти годы,— пишут авторы,— во многом обогатили практику совхозного строительства, явились периодом напряженных поисков лучших форм организации и управления производством, роста рядов совхозных рабочих, их партийных и общественных организаций, общего огромного возрастания государственного сектора в экономике сельского хозяйства» (стр. 217). Нельзя, однако, без оговорок согласиться с выводом, что «50-е годы еще не стали временем глубоких качественных перемен в развитии совхозного сектора» (там же), ибо речь шла о создании исходных позиций для вступления совхозов в период развитого социализма. Все встанет на свое историческое место, если уточнить, что те годы еще не ознаменовались современными качественными изменениями. Очень бегло рассматривается в книге совхозное строительство в годы семилетки.

Значительную часть своего труда М. Л. Богденко и И. Е. Зеленин посвятили деятельности совхозов в условиях развитого социализма. Особую роль в анализе состояния сельского хозяйства, разработке научно обоснованной программы коренной перестройки всей работы в деревне сыграли решения мартовского (1965 г.) Пленума

ЦК КПСС, развитые затем в документах последующих пленумов ЦК, XXIII, XXIV и XXV съездов партии. Раскрывая выдающееся значение мартовского Пленума, авторы отмечают, что его решения охватывали все важнейшие вопросы аграрной политики партии на современном этапе, отличались комплексным подходом, новизной и глубиной. В книге показано благотворное воздействие на развитие сельского хозяйства резкого увеличения государственных ассигнований, перехода к стабильным планам заготовок, перевода совхозов на полный хозяйственный расчет, ускорения технического прогресса, специализации совхозного производства на новой материально-технической основе, повышения уровня организаторской работы на селе. Авторы приводят некоторые обобщающие материалы из опыта реализации программы межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции, особое внимание обращают на перспективное значение колхозно-совхозных объединений, «в которых развертывается единый процесс производства продуктов, происходит взаимодействие и переплетение колхозно-кооперативной и общенародной форм собственности, что чрезвычайно ускоряет процесс стирания существенных границ между ними» (стр. 243). Обращаясь к вопросу о развитии совхозов на современном этапе, они заключают, что «впервые после многих лет преимущественного развития вширь совхозное производство в последние годы прочно стало на путь углубленной интенсификации, начало расти в основном вглубь» (стр. 269).

В целом книга представляет собой серьезное обобщающее исследование.

В. Т. Анисков

В. М. ГРИДНЕВ. *Борьба крестьянства оккупированных областей РСФСР против немецко-фашистской оккупационной политики. 1941—1944.* М. «Наука». 1976. 231 стр. Тираж 9500. Цена 1 руб. 4 коп.

Книга кандидата исторических наук В. М. Гриднева (Институт народного хозяйства имени Г. В. Плеханова) посвящена еще недостаточно разработанной в советской историографии проблеме — борьбе советского крестьянства против аграрной политики гитлеровских захватчиков и пока-

зу сущности фашистского оккупационного режима. Автор рассматривает положение сельского населения в основном тех оккупированных врагом районов Российской Федерации, которые не входили в состав партизанских краев и зон. До сих пор лишь в одной монографии освещались эти две

тесно взаимосвязанные проблемы¹. Однако в ней рассмотрены только экономические аспекты как оккупационной политики гитлеровцев, так и сопротивления населения захватчикам в городах и сельских населенных пунктах всех оккупированных районов страны. В. М. Гриднев ограничил географические рамки темы (оккупированные районы одной республики — РСФСР) и объект исследования (аграрная политика оккупантов и борьба против нее сельского населения), что позволило ему охарактеризовать более глубоко все виды борьбы крестьянства не только против экономических, но также и против политических, административных, военных и других мероприятий фашистских захватчиков.

Проблемой борьбы советского крестьянства против немецко-фашистских оккупантов занимаются и другие исследователи². Однако до недавнего времени не было издано ни одной монографии, в которой рассматривалась бы в совокупности всенародная борьба в тылу врага или хотя бы борьба крестьянства в оккупированных районах в целом по РСФСР. Исследования о борьбе крестьянства против оккупантов на территории этой республики посвящены либо ее отдельным областям, либо отдельным аспектам проблемы, прежде всего вопросам партийного руководства борьбой крестьян

против фашистских захватчиков в оккупированных районах³. Лишь в монографии Н. И. Макарова⁴ освещается история всенародной борьбы против немецко-фашистских захватчиков на всей оккупированной территории РСФСР.

Книгу В. М. Гриднева можно рассматривать как первую обобщающую работу о борьбе крестьянства на оккупированной части Российской Федерации против гитлеровцев. Он впервые в советской историографии разносторонне проанализировал аграрную политику фашистских захватчиков и их оккупационный режим в советской деревне⁵. Автор ввел в научный оборот множество новых материалов и документов противника по вопросам оккупационной политики в деревне, выявил особенности этой политики в различных районах РСФСР.

В. М. Гриднев раскрывает трудные условия борьбы советского крестьянства против фашистских оккупантов за пределами партизанских краев и зон. Отметим, что эти районы значительно беднее представлены в отложившихся исторических источниках того времени. В монографии глубоко мотивирован патриотизм колхозного крестьянства. Автор убедительно показывает, что колхозники оккупированных районов Российской Федерации боролись против фашистского нашествия, за советский социалистический строй, что они не были «третьей силой», будто бы колебавшейся между фашистской Германией и Советской властью, как это пытаются изобразить буржуазные фальсификаторы. Книга свидетельствует о массовости сопротивления крестьянства захват-

¹ М. М. Загорюлько, А. Ф. Юденков. Крах плана «Ольденбург». О срыве экономических планов фашистской Германии на оккупированной территории СССР. М. 1974. Первое, значительно меньшее по объему издание этой книги было опубликовано в 1970 г под названием «Крах экономических планов фашистской Германии на оккупированной территории СССР».

² Л. Е. Кизя. Народні месники. Львів. 1960; А. И. Залесский. В партизанских краях и зонах. Патриотический подвиг советского крестьянства в тылу врага (1941—1944 гг.). М. 1962; его же. В тылу врага. Борьба крестьянства Белоруссии против социально-экономических мероприятий немецко-фашистских оккупантов. Минск. 1969; его же. Героический подвиг миллионов в тылу врага. Помощь населения партизанских зон народным мстителям. Минск. 1970; его же. Дорогами партизанской Беларуси. Минск. 1974; М. В. Коваль. Історія пам'ятає (Кривавий шлях фашистів на Україні). Київ. 1965; его же. Все для перемоги. Київ. 1970; С. П. Лаута. Колгоспне селянство Радянської України в роки Великої Вітчизняної війни. Київ. 1965; В. І. Кучер. Партизанські краї і зони на Україні в роки Великої Вітчизняної війни. Київ, 1964; «Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза». Тт. 1—3. Киев. 1975, и др.

³ П. Р. Швердалкин. Партизанская война на Новгородской земле. Новгород. 1957; его же. Героическая борьба ленинградских партизан. Л. 1959; его же. Коммунистическая партия — организатор борьбы советского народа в тылу немецко-фашистской группы армий «Север». Л. 1963; Г. И. Иванов. В тылу врага. Майкоп. 1959; его же. Коммунистическая партия — организатор и руководитель всенародной борьбы в тылу немецко-фашистских оккупантов. Краснодар. 1969; его же. В тылу прифронтовым. М. 1971; «Народная война в тылу врага». М. 1971; В. И. Смирнов. Партийное руководство борьбой советского крестьянства с врагом на оккупированной территории (1941—1944 гг.). Автореф. канд. дисс. М. 1975, и др.

⁴ Н. И. Макаров. Непокоренная земля Российской. М. 1976.

⁵ См. также: В. М. Гриднев. Борьба советского крестьянства против фашистского оккупационного режима. «Вопросы истории», 1973, № 6, и др.

чикам на всей оккупированной территории республики — от Ленинградской области до казачьих районов Дона и Кубани. Крестьяне везде активно боролись против оккупантов, хотя, естественно, борьба эта в зависимости от всей совокупности сложившихся местных условий приобретала различные формы. Все они нашли отражение в монографии.

Борьба советских патриотов против фашистских захватчиков проходила под руководством Коммунистической партии. В тылу врага действовало большое количество первичных парторганизаций, райкомов, горкомов, межрайкомов, окружкомов партии. Но во многих районах (в особенности за пределами партизанских краев и зон) подпольных партийных органов не было, и В. М. Гриднев обстоятельно показывает, как осуществлялось здесь партийное руководство борьбой советского крестьянства. Это является серьезной положительной стороной его работы. В некоторых новейших научных трудах поставлен вопрос об идейном влиянии Коммунистической партии на население оккупированных территорий и ее идейном руководстве всенародной борьбой против захватчиков даже в тех районах, где не было подпольных партийных органов, о тесном сочетании и единстве организационно-практической деятельности подпольных партийных органов с сильнейшим идейным влиянием партии в общей системе руководства всенародной борьбой во вражеском тылу⁶. Это дает возможность показать, что Коммунистическая партия, ее Центральный Комитет при помощи таких каналов информации, как радио, забрасывавшиеся за линию фронта листовки и газеты, а также через отдельных членов партии, комсомольцев и беспартийных активистов оказывали колоссальное влияние на широкие массы населения даже в тех районах, где в данный момент не было подпольных партийных органов и организаций (наиболее организованная борьба в тылу врага разворачивалась именно там, где они существовали). Как явствует из рецензируемой книги, это имело место и в оккупированных районах РСФСР. Таким специфическим формам и методам руководства Коммунистической партии борьбой широких масс крестьянства

В. М. Гриднев уделил недостаточно внимания.

Еще один недостаток книги заключается в том, что автор не пользуется таким принятым в исторической литературе понятием, как «лжеколхозы». Коллективные хозяйства советских крестьян, захваченные и подчиненные гитлеровцами, они в 1941 г. для успешного проведения уборки урожая продолжали именовать колхозами. Фактически же последние перестали быть таковыми, поскольку потеряли свой социалистический характер, так как колхозная собственность была превращена в собственность фашистского государства. Называть хозяйства, находившиеся в 1941 г. под контролем оккупантов, колхозами, как это делает В. М. Гриднев (см. стр. 63, 112 и др.), по нашему мнению, неправомерно. Этапы аграрной политики оккупантов автором выявлены правильно, однако при использовании термина «колхозы» вместо «лжеколхозы» он вынужден был неизбежно написать, что и общинные хозяйства со второй половины февраля 1942 г. создавались гитлеровцами «на базе бывших колхозов» (стр. 116), в то время как в действительности базой для общинных хозяйств весной 1942 г. являлись уже не бывшие колхозы, а лжеколхозы.

Автором дан хороший историографический обзор по проблеме. Подобные обзоры (по своим вопросам и периодам) более или менее успешно делали и другие советские историки. Это дает основание говорить о необходимости создания специальных историографических работ о всенародной борьбе в тылу врага, в том числе об истории вооруженных выступлений партизан, деятельности подпольщиков и сопротивлении гражданского невооруженного населения. Надо разобраться в том, что уже исследовано, что ценного появилось в литературе, что лучше и что хуже освещено, какие в ней имеются недочеты и каковы пути их преодоления, какие задачи стоят перед историками в деле дальнейшей эффективной разработки проблемы всенародной борьбы в тылу фашистских оккупантов. Известные успехи в этой области достигнуты. Историки вышли на широкий путь исследования всенародной борьбы, в том числе и такой ее органической составной части, как сопротивление невооруженного населения оккупантам. Книга В. М. Гриднева — заметная веха на этом пути.

⁶ «Во главе защиты Советской Родины». М. 1975, стр. 103—105, 112, 314; «История Белорусской ССР». Т. 4. Минск. 1975, стр. 329; А. И. Залеский. Дорогами партизанской Беларуси, стр. 216—218, 230—236.

Е. Л. РУДНИЦКАЯ. *Шестидесятник Николай Ножин*.
М. Изд-во «Наука». 1975. 230 стр. Тираж 3300. Цена 77 коп.

Люди (человек) сороковых годов, шестидесятники, семидесятники, восьмидесятники, девяностые — слова и устойчивые словосочетания, которые вот уже более ста лет применяются в нашем литературном языке для обозначения определенных типов людей, действовавших в разное время прошлого века. Нередко встречаются эти слова в названиях книг, статей. Еще в конце шестидесятых годов прошлого века появился роман А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов». В начале нашего столетия изданы романы об интеллигенции А. В. Амфитеатрова «Восьмидесятники» и «Девяностые». Книга, о которой я пишу, озаглавлена «Шестидесятник Николай Ножин»; ее автор — Е. Л. Рудницкая, доктор исторических наук (Институт истории СССР АН СССР).

Из названия явствует творческий замысел автора: избрав историко-биографическое письмо, представить в лице Ножина одного из «новых людей» эпохи падения крепостного права в России, шестидесятника и по его научным исканиям (одновременно направленным к проблемам биологии и к острым злободневным социальным вопросам того переломного в нашей истории времени), и по его тесным связям с революционными кругами 60-х годов XIX века. Во введении сжато и четко выражена установка автора: «Шестидесятник» — это именно то понятие, которое наиболее полно и точно определяет индивидуальный и общественный облик Николая Ножина» (стр. 8).

О Ножине часто упоминается в научно-исторической литературе. И довольно часто с характерным эпитетом — не просто Ножин, а «забытый Ножин». Эпитет возник закономерно. Несколько десятилетий после преждевременной смерти Ножина о нем молчали, вынужденно молчали. Биография, деятельность, взгляды Ножина часто упоминались, но в целом не были изучены. Е. Л. Рудницкая начала заниматься этими вопросами почти полтора десятка лет назад. Она публиковала документы Ножина, печатала свои изыскания о нем в виде отдельных статей. Все ее долгие поиски и открытия сведены теперь воедино. Вышла в свет долгожданная книга о Ножине, первая книга о нем, первая специальная монография историка. Однако в этой книге не просто сведено вместе, подытожено и повторено то,

что автор ранее уже печатал. Перед нами новая книга со сложной целостной концепцией как личности Ножина, так и места его в истории идейных исканий «новых людей», в их революционной и демократическо-просветительской работе, работе открытой, гласной и подпольной, конспиративной. Автор четко определяет место Ножина в общественно-идейной жизни тех лет: «Ножин стоял на стыке течений, представленных «Русским словом» и «Современником». Каждое из них стремилось к сохранению живой преемственности с идеями Чернышевского, но по-разному осознавало их» (стр. 18).

Многие факты в книге становятся известны впервые; другие существенно дополнены или уточнены, исправлены. Отдельные важные утверждения, содержащиеся в прежних публикациях автора о Ножине, в новой работе пересмотрены, даны точнее. Так, к примеру, обстоит дело с освещением трудного по состоянию дошедших до нас источников вопроса о сути идейных разногласий и споров между Ножиным и М. А. Бакунинным во Флоренции в начале 1864 года. В одной из первых своих статей о Ножине Е. Л. Рудницкая писала о «революционной фразе бакунинского анархизма и бунтарства»¹, фразе, которая будто бы звучала в тех спорах. В книге же она справедливо заметила, что в 1864 г. бакунинский «анархизм еще не был тем бунтарским анархизмом, теоретиком и практиком которого он (Бакунин.—С. Д.) стал позже» (стр. 64). Значит, и в спорах 1864 г. упомянутая революционная фраза не могла прозвучать. Заметим, что правка такого рода является выразительным свидетельством научной добросовестности автора.

Это и другие подобные уточнения Е. Л. Рудницкая смогла сделать благодаря систематически осуществлявшемуся ею целенаправленному выявлению и изучению всего корпуса источников, связанных с Ножиным и касающихся его. Усилия эти великолепно оправдались. Бумаги самого Ножина считались утраченными после его преждевременной смерти накануне выстрела Д. В. Каракозова. Представление об их исчезновении прочно утвердилось в научной литературе. Однако Е. Л. Рудницкая нашла ар-

¹ Е. Л. Рудницкая. Николай Ножин. В кн.: «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М. 1962, стр. 460.

хив Ножина в «Приложениях» к его делу, хранящихся в ЦГАОР СССР. Теперь благодаря ее разысканиям в научный оборот вводятся и новые тексты самого Ножина (черновые наброски журнальных статей, разные тезисы, записи отдельных мыслей; рукописи и рисунки по биологии; его переводы из Прудона; некоторое количество его писем — не менее 13) и—целое богатство!—около 60 писем к Ножину. Среди его корреспондентов — А. А. Герцен (сын А. И. Герцена), Л. И. Мечников, Н. С. Курочкин, Н. В. Шелгунов, А. О. Ковалевский, С. А. Ольхин, А. П. Мальшинский. Один перечень этих заслуженно известных имен делает наглядно зримой научную значимость находки Е. Л. Рудницкой. Обнаруженный ею архив Ножина состоит из девяти папок, содержащих 929 листов. Совокупность этих бумаг, пользуясь современным термином, составляет «личный архивный фонд Ножина»; отныне он перед нами. Материалы этого фонда широко использованы в исследовании. Кроме того, автор заново изучил и многие другие источники, частично прежде уже известные. Особенно важными из них оказались напечатанные Ножиным статьи и рецензии в «Книжном вестнике», «Искре», «Народной летописи». Много ценного и неизвещенного отыскал автор в судебных и следственных делах лиц, привлеченных по делу Каракозова (И. А. Худяков, Г. А. Лопатин, И. В. Ведерников, Фортаковы и др.), многократно обращался к мемуарным источникам (Н. К. Михайловский, Л. И. Мечников, А. Г. Тройницкий, А. И. Дельвиг, П. А. Черевин, В. А. Черкезов, А. В. Романович-Словатинский и другие лица, писавшие в своих мемуарах о Ножине). В основе монографии лежит, таким образом, очень солидная источниковая база.

В итоге изучения в книге впервые воссоздана довольно полно фактическая сторона биографии Николая Дмитриевича Ножина (8 декабря 1841 г.—3 апреля 1866 г.), этого яркого и богато одаренного деятеля. Десять глав книги в общепринятой манере хронологически последовательного историко-биографического повествования знакомят читателя с мелкопоместной дворянской семьей из Черниговской губернии, семьей, в которой родился Ножин и с которой, едва повзрослев, он решительно порвал. Далее идут годы его учения — сначала (1854—1860 гг.) в Александровском лицее (бывший прославленный Царскосельский лицей), потом (1861—1863 гг.) в немецких

Гейдельбергском и Тюбингенском университетах. И параллельно с этим учением как часть его, как его завершение проходили научные изыскания Ножина по биологии морских животных в Италии и на берегах Средиземного моря в 1863—1864 годах. А затем возврат в Россию, где Ножин развернул бурную легальную и подпольную деятельность, длившуюся до трагической и весьма загадочной его смерти на койке петербургской Марининской больницы в апреле 1866 года. Нельзя попутно не выразить сожаление по поводу того, что и после появления специальной книги о Ножине многие обстоятельства его последних дней и кончины по-прежнему остаются неясными. Главная причина такого положения коренится не только в бедности, недостаточности дошедших до нас источников, но и в том, что в источниках этих лица, их составлявшие, считали в тогдашней обстановке более уместным молчать.

«Как именно следует жить и что надо делать...» — название первой главы монографии. Конец приведенной фразы живо напоминает название знаменитой книги Чернышевского. Близость не случайная. Что делать? Такой именно вопрос носился тогда в воздухе, неотступно требовал от молодежи ответа. Если Ножин — шестидесятник, то Чернышевский — глава шестидесятников в России, так сказать, шестидесятник № 1. В первой из ближайших к ней главах книги обстоятельно показано, как ее герой из воспитанника аристократического учебного заведения (каким был Александровский лицей) быстро развился в «известного нигилиста Ножина...» (название четвертой главы). Такому развитию мощно содействовала вся эпоха: падение крепостного права, совершившееся в обстановке революционной ситуации, определяющее влияние освободительных идей, весь дух конца 50-х и 60-х годов прошлого века, тех самых «шестидесятых годов», которые К. А. Тимирязев именовал «нашей эпохой возрождения»². Этот дух и определил судьбу юного Ножина. «Выходец из привилегированной дворянской среды, Ножин рано приходит к ее полному неприятию. К девятнадцати годам (то есть в декабре 1860 г., когда он закончил полный шестигодичный курс в Александровском лицее.— С. Д.) в нем отчетливо проявляются черты, характеризующие, с одной стороны, тип «ка-

² К. А. Тимирязев. Наука и демократия. М. 1920, стр. 465.

ющегося дворянина», с другой — колоритнейшего представителя разночинско-демократической интеллигенции с присущими ей моральными и этическими принципами» (стр. 39).

Однако не могу согласиться с утверждением автора, будто бы «не лицейский курс наук определил научные интересы Ножина». Этому утверждению явно противоречит следующая буквально за ним фраза: «Участие в лицейском кружке естествознавцев стало решающим фактом в его (Ножина.— С. Д.) биографии ученого» (стр. 38). Уже на последних курсах лицея обращение к естествознанию стало рассматриваться Ножиным «как путь к познанию и решению социальных проблем» (стр. 38). Таким путем шли многие шестидесятники. Понятно, что при этом они должны были одновременно заниматься естествознанием (открыто, гласно) и практическим обществоведением (участвуя в демократическо-просветительских и революционных деяниях передовой молодежи). Потому шестая глава выразительно названа: «В переплетении легального и конспиративного». В ней тщательно выясняются связи Ножина с революционными элементами Петербурга и их объединениями, с деятелями московского и петербургского подполья, с «Издательской артелью», с И. А. Худяковым, Н. В. Соколовым, Н. С. Курочкиным, его причастность к вынашиваемым в глубочайшей тайне замыслам освобождения от царских оков Н. А. Серно-Соловьевича и Н. Г. Чернышевского.

В общих чертах показаны в монографии и чисто научные занятия и труды Ножина, осуществившиеся (в отличие от вышеуказанных) вполне легально. Тут и сообщение Ножина о своих исследованиях в области биологии, и отчет о занятиях за границей, и разработка плана курса публичных лекций на тему «О современном значении естественнонаучного метода по отношению к общественно-экономической науке», наконец, его перевод с латыни зоологического трактата Ван дер Говена³, который Ножин сопровождал своими обильными дополнениями. Попутно замечу, что Е. Л. Рудницкая как историк поступила благоразумно, не беря на себя задачу «разбора и оценки научного значения дополнений, внесенных Ножиным в перевод Ван дер Говена» (стр. 134). Это дело биологов, зоологов, историков естествознания.

Монография дает представление не только о взглядах и действиях, но и о характере, темпераменте, эмоциональном строе Ножина. В ней приведены трогательные слова Л. И. Мечникова о «кротости мученика», с которой 18-летний Ножин перенес гонения со стороны родни (стр. 39); обрисована внешность Ножина, «свойственная ему страстность и энергия» (стр. 50), упомянуто о его «изнывающем нутре» (стр. 63). Заботливо выявляя «чисто человеческие моменты, чрезвычайно характерные для него» (Ножина), автор отнюдь не замалчивает и слабости своего героя, его противоречия и даже срывы. Верно, что «бескомпромиссность, как по отношению к себе, так и к людям, ему близким,—едва ли не определяющая черта характера Ножина, принимавшая подчас болезненно острый характер» (стр. 79). Ножин много работал, работал в горячке поспешности. Не удивительно, что одна из его статей, по меткому замечанию автора, «написана страстно, но сумбурно» (стр. 61). Опубликованные при жизни Ножина его статьи, несмотря на то, что «были результатом многолетней целеустремленной работы», все же оставляли «впечатление импровизации: страстной, увлеченной, при явном отсутствии строгой последовательности, четкости структуры» (стр. 19). Касаясь бегло эпизода (который заслуживал бы более внимательного отношения) увоза Ножиным своей сестры из семьи, где она жила, автор совершенно справедливо квалифицирует это деяние как авантюру, как одно из действий, «имевших во многом мальчишеский, экзальтированный характер» (стр. 101). Из таких, казалось бы, беглых наблюдений у читателя складывается представление о нравственном облике Ножина. Перед нами возникает образ живого человека. В этом немалое достоинство книги.

Включает в себя книга и множество сведений о современниках Ножина — его друзьях, товарищах, недругах и противниках из стана «властей предержащих». Это книга вовсе не только о Ножине, в ней упомянуто 345 имен разных деятелей из числа его современников. Хорошо, что в конце помещен именной указатель, который облегчает использование богатого содержания монографии.

Серьезное исследование изложено занимательно. Книга написана с научной точностью стиля и языка, точностью, доведенной местами до изящества. Чтобы так пи-

³ C. P. Van der Hoven. *Philosophia zoologica*, Lugdini Batavorum. Leiden. 1864.

сать, нужно не только отлично знать предмет, но ценить и любить его.

После появления работы Е. Л. Рудницкой не придется больше говорить о «забытом Ножине». Книга явила весомые доказательства прав Ножина на видное место в истории революционного движения в России, на нашу память о нем.

Высокая оценка монографии обязывает меня обратить внимание на отдельные вопросы, которые и после ее выхода нуждаются в дальнейшем исследовании, на частные недостатки и упущения.

Не представляются убедительными, доказанными довольно категорические суждения автора о будто бы необыкновенно тщательной, совершенной и искусной конспирации землевольцев 60-х годов (стр. 88, 90, 91, 92). К сожалению, она далеко не всегда была таковой. Вряд ли правомерно все общественное и революционное движение рубежа 50—60-х годов XIX в., времени революционной ситуации и падения крепостного права, времени, густо насыщенного весьма сложными и неоднозначными идейно-теоретическими исканиями, называть только «эпохой «Земли и воли» (стр. 12). В таком названии сказалось явное преувеличение значения этой замечательной организации, неоправданная ее, так сказать, персонификация.

Воспроизведение и интерпретация отдельных данных из мемуарных источников местами не точны, данные эти порою толкуются расширительно. Укажем на немногие такие места. Приводя обширные тексты (стр. 62, 63, 64) из мемуарной статьи Л. И. Мечникова «М. А. Бакунин в Италии в 1864 году», автор как бы позволяет читателю думать о длительности и частоте, о постоянном характере встреч и споров Бакунина с Ножиным во Флоренции. Особенно впечатляюще выглядит заявление мемуариста: «Столкновения между Бакуниным и Ножиным случались каждый раз, когда судьба их сводила вдвоем» (стр. 63). Однако известно, что Бакунин обосновался во Флоренции только в январе 1864 г. (стр. 59), а Ножин прожил во Флоренции зиму

1863/64 г. (стр. 53) и покинул этот город в феврале 1864 г. (стр. 66). Из сопоставления этих дат (приведенных в книге) видно, что Бакунин и Ножин находились во Флоренции одновременно никак не дольше одного месяца (в течение каких-то дней января и февраля 1864 г.). Мемуарист писал спустя 33 года после встреч, о которых он вспоминает (статья Мечникова помечена 1897 г.). Поэтому следовало бы привлечь внимание читателя к приведенным датам.

Излагая одно сочинение И. И. Мечникова и приведя из него две цитаты, автор пишет: «При этом в своем очерке истории биологии в России, который мы цитируем, И. Мечников отмечает...» (стр. 70). Однако излагается и цитируется тут другая мечниковская статья, именно «Александр Онуфриевич Ковалевский (Очерк из истории науки в России)».

Разбирая мемуарные источники, автор сообщает, что: «В «Страницах воспоминаний» И. И. Мечников высказывает свои суждения о Ножине как естествоиспытателе» (стр. 25). В издании «Страниц воспоминаний» 1946 г. (которое и указано в сноске) действительно дважды в текстах самого И. И. Мечникова упоминается Ножин (на стр. 19 и 21 этого издания). В первом случае сообщено, что ближайший друг и сожитель А. О. Ковалевского Ножин перевел на русский язык небольшую брошюру Фрица Мюллера «Für Darwin». Из второго упоминания узнаем, что в 1864 г. на съезд немецких естествоиспытателей и врачей в Гиссене «прибыло несколько молодых русских ученых из недалекого отсюда Гейдельберга. В числе их был барон Стюарт, сообщивший о том, что его друзья, Ковалевский и Ножин, деятельно занимаются в Италии историей низших животных». Где же суждения И. И. Мечникова в его «Страницах воспоминаний» о Ножине как естествоиспытателе?

Сделанные замечания касаются частных. Они не могут заслонить или снизить высокие достоинства исследования о шестидесятнике Ножине.

С. С. Дмитриев

В. Ф. ПЕТРОВСКИЙ. *Американская внешнеполитическая мысль. Критический обзор организации, методов и содержания буржуазных исследований в США по вопросам международных отношений и внешней политики.* М. Изд-во «Международные отношения», 1976. 336 стр. Тираж 8000. Цена 1 руб. 62 коп.

Взаимосвязь науки с внешнеполитической практикой, влияние политической мысли на проведение правящими кругами США того или иного курса на международной арене стали в последние годы предметом повышенного внимания советских исследователей. В трудах советских историков-американистов получили освещение вопросы идеологических и организационных основ внешней политики США, ее формирования, планирования и прогнозирования; отдельные важнейшие американские теории международных отношений; некоторые ведущие внешнеполитические концепции и их воздействие на официальную политику Вашингтона. Вместе с тем до последнего времени в советской литературе отсутствовала единая обобщающая картина изысканий американской политической науки в области международных отношений и внешней политики. Этот существенный пробел восполнила увидевшая свет в конце прошлого года монография доктора исторических наук В. Ф. Петровского.

Автор поставил перед собой нелегкую задачу — показать не просто эволюцию американской буржуазной внешнеполитической мысли, а критически с позиций марксистско-ленинской методологии рассмотреть основные процессы, происходящие во внешнеполитическом мышлении в США. В книге использован обширный круг источников, привлечен богатый фактический материал, содержится немало новых интересных данных, глубоко проанализированы работы ведущих американских ученых и исследователей, специализирующихся на изучении внешней политики и международных отношений. Несомненной заслугой автора является то, что из громадного потока изданной по этой тематике в США литературы он сумел выбрать наиболее важные, интересные и значительные работы, особенно повлиявшие на официальную политику США.

В. Ф. Петровский, безусловно, прав, характеризуя эволюцию американской буржуазной внешнеполитической мысли как составную часть общего процесса приспособления стратегической линии империализма США в национальном и международном

планах к новому соотношению сил. «Перемены в мире в пользу социализма, стремительный рост политического, экономического и военного могущества Советского государства и социалистического содружества в целом, углубление общего кризиса капиталистической системы и нарастание трудностей в самих США ставят правящие круги этой страны перед необходимостью пересмотра послевоенных внешнеполитических установок и изыскания новых, наиболее эффективных путей и средств обеспечения внешнеполитических интересов США, внесения определенных коррективов в сложившиеся представления о развитии международных отношений, о пределах возможного и допустимого в своей внешней политике» (стр. 4).

Автор подвергает анализу организацию внешнеполитических исследований в США, их методы — разбирает основные теоретико-методологические схемы и ведущие концепции международных отношений и внешней политики.

Рассматривая сложившуюся в Соединенных Штатах систему управления буржуазной наукой международных отношений, автор справедливо указывает на возросшие масштабы и изменившийся характер использования науки в практике внешней политики. Ныне речь уже идет о сращивании, тесном союзе правительственного аппарата, крупного бизнеса и науки, о целостном политико-академическом комплексе, представляющем собой порожденную господствующей в США системой государственно-монополистического капитализма организационную форму «управления наукой, которая позволяет правительству вкупе с крупным бизнесом систематически и конкретно осуществлять руководство научно-исследовательской деятельностью, в максимальной степени приближать ее к своим практическим нуждам» (стр. 58). Автор показывает, как в настоящее время в США осуществляется принятие внешнеполитических решений, как благодаря государственному регулированию научных исследований и, в частности, правительственным заказам (эти заказы в области международных исследований распределяются почти в претри из бо-

лее чем 2100 университетов и колледжей страны, а также во многих независимых от университетов научно-исследовательских центрах, причем около 38% таких заказов сосредоточивается в 10 университетах и в несколько большем количестве научно-исследовательских организаций), продолжает совершенствоваться система подчинения науки империалистическим целям американского государства. На конкретных примерах автор раскрывает руководящее положение в политико-академическом комплексе монополистического капитала и разнообразные формы его связей с научно-исследовательскими центрами, освещает в общих чертах (к сожалению, слишком кратко) деятельность подобных центров, в том числе специализирующихся на советологии, китаеведении, а также выросших за последние 10—15 лет так называемых «фабрик мысли».

Значительное внимание уделено вопросам, связанным с разработкой общей теории международных отношений, что, по мнению В. Ф. Петровского, составляет важнейшее направление внешнеполитических исследований в США. Автор подчеркивает, что рождение первого в мире социалистического государства, коренным образом изменившее всю систему международных отношений, побудило правящие круги США заняться теоретическим осмысливанием происходящих в мире событий, разработкой «более утонченных средств оправдания и защиты своих действий на международной арене» (стр. 60). В книге прослеживаются основные этапы конструирования общей теории международных отношений в США, начиная с известных «14 пунктов Вильсона», послуживших своеобразным призывом к началу разработки такой теории, до современных теоретико-методологических построений американских исследователей, усматривающих свою основную задачу в обслуживании практических нужд внешней политики Соединенных Штатов.

В конструировании общей теории международных отношений в настоящее время доминирует социологический подход, вытеснивший вскоре после окончания второй мировой войны господствовавшие до этого юридический и историко-описательный подходы. Особенно сильно сказывается влияние бихевиоризма и структурного функционализма. Классификация же американских теоретиков по школам и направлениям представляет, как известно, немалые трудности из-за того, что существует множест-

во различных философских и методологических посылок, которые к тому же сочетаются друг с другом в самых разнообразных вариантах. Показывая неполноту и условность классификационных схем, которые существуют в американской литературе, В. Ф. Петровский выделяет два основных направления современной американской буржуазной науки международных отношений — традиционалистское и модернистское, каждое из которых критически анализируется в монографии.

Традиционалистскому направлению присущ историко-философский или политико-стратегический подход к поискам первопричины поведения государств на международной арене, и оно, по мнению автора, по существу, исчерпывается так называемой школой «политического реализма», которая занимает господствующее место среди американских теоретиков международных отношений. Общеизвестным главой этой школы считается профессор Г. Моргентау, основное кредо которого сводится к признанию борьбы за власть в качестве важнейшего фактора международных отношений.

Даже при беглом перечислении лиц, входящих в когорту «реалистов» — Дж. Кеннан, Р. Страус-Хюпе, У. Росту и Ю. Росту, З. Бжезинский и др., причастных на разных этапах к разработке внешнеполитического курса США, — нетрудно заключить, что идеи «политического реализма» об абсолютизации силы, об исключительном значении «национальных интересов», концепция «баланса сил» как альтернатива тотальной войне и т. д. являются, как подчеркивает автор, неотъемлемой частью внешнеполитического мышления правящих кругов страны.

В монографии подробно разбирается и другая школа, связанная в определенной мере с «реалистами», «школа стратегического анализа», возводящая в наивысший ранг в современных условиях роль стратегии во внешней политике. К группе «гражданских стратегов» принадлежат не менее именитые теоретики — Г. Киссинджер, Р. Осгуд, Б. Броуди, М. Тейлор, Дж. Гэвин, П. Нитце, П. Уорнке и др., которые в качестве альтернативы тотальной войне разрабатывают теорию «ограниченных войн».

Рассматривая модернистские проекты общей теории международных отношений, использующие при построении моделей международных ситуаций логико-математические средства и новейшую электронно-вы-

числительную технику, автор заостряет внимание читателя на разногласиях между «традиционалистами» и «модернистами» (М. Каплан, Е. Макклеланд, Дж. Розенау, Д. Сингер и др.), оценивающими международные отношения как систему, состоящую из взаимосвязанных частей; разбирает тесно соприкасающуюся с теорией международной системы теорию принятия решений, сторонники которой (Р. Спайдер, Х. Брак, Б. Сапин, Дж. Модельский) широко используют в качестве метода исследования системный анализ. Среди теоретических школ модернистского направления в работе особо выделяются ставшие довольно популярными в последние годы в США так называемая «теория игр» (О. Моргенштерн, Т. Шеллинг, А. Уолстеттер, Г. Кан и др.) и разработка методологии прогнозирования международных отношений. В книге убедительно показана тщетность и бесперспективность усилий американских теоретиков по созданию грандиозной схемы международных отношений. Ограниченность подобных проектов, как в рамках традиционалистского, так и модернистского направлений, кризис «грандиозного экспериментирования» обусловили появление частных — «островных» — теорий, предполагающих многофакторный анализ отдельных явлений, проблем и процессов, что также подвергается критическому анализу в рецензируемой монографии.

Подытоживая в целом теоретико-методологические изыскания американских ученых, автор подчеркивает, что «за фасадом теоретического бума скрывается эклектизм, прикрытый новейшей методологией» (стр. 169). Поиски американской буржуазной мысли в области международных отношений фактически оказались бесплодными и не привели, как резюмируется в книге, «к созданию цельного метода, опирающегося на прочную общеметодологическую философскую основу и учитывающего в то же время специфику международных отношений как особого предмета исследования. Усилия ни одной из буржуазных школ не только не привели к созданию общей теории международных отношений, но и сколько-нибудь научно обоснованных теорий второстепенного значения» (стр. 170).

Большое место в монографии отводится критическому анализу ведущих современных концепций международных отношений и внешней политики, разрабатываемых американскими теоретиками. Автор прослеживает взаимосвязь этих концепций с

официальными внешнеполитическими доктринами США, показывает, как последние под влиянием изменений в соотношении сил в мире в послевоенный период стали все больше эволюционизировать — хотя и довольно медленно, с многочисленными зигзагами и колебаниями — в сторону реализма, отхода от опасной политики «холодной войны» и оголтелого антикоммунизма. «К началу 70-х годов нарастание межимпериалистических противоречий, крах агрессивной политики США во Вьетнаме и, главное, усиление могущества мировой системы социализма выявили, по существу, недееспособность основных внешнеполитических концепций США, в том числе и в их модернизированном виде» (стр. 177). Этот тезис автор иллюстрирует очевидным крахом политики «сдерживания», провалом миссии по охране мирового порядка, преследовавшей цель создания удобного США миропорядка; все меньшую результативность опоры на военную силу как главное оружие внешней политики США и т. д. (стр. 177—178).

Красной нитью через всю работу проходит мысль о том, что основные американские внешнеполитические концепции строятся прежде всего исходя из глобального противоборства между двумя общественно-социальными системами, в зависимости от чего оцениваются происходящие в мире изменения и рассматриваются внешнеполитические возможности США, их стратегия и тактика в мировой политике.

В книге подчеркивается, что при разработке вопросов о средствах и методах глобального противоборства с социализмом американские буржуазные теоретики, оставаясь в целом апологетами силового подхода, вместе с тем придают большое значение обеспечению экономического и научно-технического превосходства, «поскольку в нынешних условиях в результате роста военного и экономического могущества СССР резко сузились возможности применять силу в противоборстве с социализмом в военно-политической сфере» (стр. 266). Наряду с этим важными компонентами государственного могущества считаются также идеология и дипломатия, к которым значительно повысился интерес в проводимых ныне в США теоретических исследованиях по внешнеполитической тематике.

В книге подробно исследуется происшедший в последнее время в американской внешнеполитической мысли поворот в сторону мирного сосуществования, признания

переговоров в качестве основы взаимоотношений с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Автор абсолютно прав, характеризуя этот поворот как процесс отнюдь не быстрый, совершаемый с колебаниями и зигзагами, что отражает острую борьбу между здравомыслящими теоретиками и сторонниками «холодной войны». В работе дана принципиальная оценка существенных позитивных изменений к лучшему, происшедших в советско-американских отношениях в 1971—1974 гг., подчеркнуто значение наиболее важных документов и соглашений, заключенных в этот период между СССР и США. Отмечая, что эти положительные сдвиги вызвали к жизни усиленные теоретические поиски концепций, касающихся советско-американских отношений, автор подвергает критическому разбору концепции «конкурентного сосуществования», «ограниченного соперничества», «глобальной конвергенции» и др.

В целом, как обоснованно указывается в итоговом выводе монографии, современные американские внешнеполитические концепции, хотя и отличаются по своему содержа-

нию большой противоречивостью, строятся «с учетом новой ситуации, в частности в военно-стратегической области, необходимости сближения внешней политики с реальными возможностями США, признания возрастающего значения отношений с СССР. Они во многом приближают внешнеполитическое мышление правящих кругов к категорически отвергавшимся еще в недавнем прошлом идеям мирного сосуществования государств с различным социальным строем» (стр. 309).

Нет нужды доказывать актуальность рецензируемой монографии, выполненной на высоком профессиональном уровне. Успешно проведенное автором исследование, в котором критически и всесторонне осмыслены сложные процессы, происходящие ныне во внешнеполитическом мышлении в США, представляет несомненный интерес для всех, кто занимается изучением внешней политики США и международных отношений.

О. Н. Матковская

К. А. АНТОНОВА, Г. М. БОНГАРД-ЛЕВИН, Г. Г. КОТОВСКИЙ.

История Индии. Краткий очерк. М. Изд-во «Мысль». 1973. 558 стр.

Тираж 18 000. Цена 2 руб. 71 коп.

Проблемы истории Индии давно привлекают к себе внимание ученых нашей страны. В Советском Союзе сложилась школа индологов, интенсивно разрабатывающих проблемы истории, экономики, культуры, общественной мысли великой азиатской страны. Результатом их усилий стал четырехтомный капитальный труд по истории Индии с древнейших времен до новейшего времени включительно¹.

Именно на базе этого труда стало возможным написание обобщающего и вместе с тем сжатого очерка истории страны, авторы которого — видные советские индологи из Института востоковедения АН СССР, активно участвовавшие в создании упомянутого четырехтомника, — К. А. Антонова, Г. М. Бонгард-Левин и Г. Г. Котовский не только творчески обобщили достижения со-

ветских и индийских ученых, но и ввели в научный оборот ряд новых источников, поставили и решили ряд важных исследовательских задач. «История Индии» помогает понять сложные процессы, которые происходят в современной Индии.

Раздел о древней истории Индостана, написанный Г. М. Бонгард-Левиным, знакомит с истоками замечательной культуры народов Индостана, показывает, как формировалась индийская цивилизация. Привлечение наряду с письменными источниками археологических материалов позволило сделать ряд интересных научных обобщений, уточнить многие факты и, в частности, датировку и место ряда древнеиндийских памятников. Так, было установлено, что «Риг-веда» — древнейший литературный памятник индо-арийских народов — сложилась в северо-восточных районах Пенджаба. Здесь же анализируются такие важные проблемы, как особенности зарождения рабства и начала становления феодальных отношений.

¹ «Новейшая история Индии». М. 1959; «Новая история Индии». М. 1961; «История Индии в средние века». М. 1968; «Древняя Индия». М. 1969.

складывание специфических социально-экономических и общественных институтов — общины и касты, формирование религиозно-философских систем — буддизма и индуизма.

Анализ сословно-варновой системы, ее возникновения и дальнейшего развития, приведшего к складыванию кастового строя, занимает важное место в работе. Интересной и весьма обоснованной представляется высказанная Г. М. Бонгард-Левиним гипотеза, что варны, как сословные градации, были известны уже в индо-иранский период и, вполне возможно, могли зародиться даже ранее, как профессиональные деления внутри племенной организации, превратившись впоследствии в сословные ранги (подобно архаическим сословным рангам у других народов).

В книге обстоятельно и глубоко раскрыты социально-экономические отношения в древнеиндийском обществе, углубление имущественного и социального неравенства, складывание сложных отношений зависимости, положение различных социальных слоев, в частности, имущественный и гражданский статус рабов, на материалах позднейшей литературы шастр. Привлечение санскритских и палийских памятников, эпиграфики, сообщений античных источников позволило воссоздать картину государственного устройства древнеиндийских монархий и республиканских объединений, системы управления, механизма деятельности различных ведомств, прежде всего налогового.

Несомненным достоинством этого раздела, так же как и раздела по средневековой истории, является включение специальных глав по культуре и истории общественной мысли. Автора можно, однако, упрекнуть в том, что в отличие от других глав этого раздела очерки по буддизму и индуизму написаны несколько схематично.

В разделе по средневековой истории Индии, написанном К. А. Антоновой, прослеживается дальнейшее развитие процесса феодализации, начало которого рассматривалось в предыдущем разделе. Изложение древности и средневековой истории Индии очень хорошо состыковано. Хотелось бы выделить главы, посвященные анализу земельных отношений, становлению частной собственности на землю, влиянию мусульманского завоевания на процесс феодализации общества, различных форм государственного и частного землевладения (халиса, джагир, заминдари и сюргал). Здесь сказалось

то, что К. А. Антонова — автор фундаментальных исследований по проблемам землевладения и землепользования в мусульманской Индии.

Несомненный интерес представляет содержащийся в разделах по средневековой истории Индии анализ изменений, происходивших в общинно-кастовой системе. Хорошо показано, как брахманы превращаются в землевладельцев и военачальников, раджпуты начинают причислять себя к кшатриям, а полноправные общинники становятся шудрами — тягловым сословием.

В то же время автор нередко исходит в своих оценках из более низкого уровня общественного развития Индии к началу могольского периода, чем это было на самом деле. Так, в литературе высказывалось мнение, что известный памятник санскритской литературы «Артхашастра» уже зафиксировал превращение шудр в основное земледельческое податное сословие, а многие формы землевладения (халиса и джагир), рассматриваемые в работе как специфические только для могольской Индии, сложились в период раннего средневековья², что не исключает, естественно, определенного изменения в содержании этих терминов в Могольской империи. Следовало более четко поставить вопрос и об уровне социально-экономического развития феодальной Индии накануне английского завоевания.

К сожалению, в работе не дана сравнительная характеристика народных движений и новых государственных образований в Индии XVII—XVIII веков. Между тем этот вопрос уже освещался в нашей литературе, прежде всего в известных исследованиях И. М. Рейснера³, которые недостаточно учтены в разделах по позднему средневековью и начальному периоду новой истории. Было бы интересно также проследить, как феодальный сепаратизм, с одной стороны, и стремление к укреплению централизованного феодального государства — с другой, проявлялись в двух тенденциях политического развития Индии конца XVII — начала XVIII в., а именно в тенденции к возрождению былой мощи империи Великих Моголов, с одной стороны, и к созданию государств нового типа — на однородной этнической основе — с другой. Пред-

² К. З. Ашрафян. Аграрный строй Северной Индии (XIII—середина XVIII в.). М. 1965.

³ См., например, И. М. Рейснер. Народные движения в Индии XVII—XVIII вв. М. 1961.

ставляется, что создание таких государств с однородной этнической основой на обломках Могольской империи не было простым проявлением феодального сепаратизма, а свидетельствовало о появлении новых, прогрессивных тенденций.

Убедительно и ярко написаны страницы, посвященные культуре средневековой Индии. В книге приводятся интересные данные о взаимодействии индуизма и ислама и о влиянии этого процесса на общественное развитие страны. Материал книги подводит читателя к выводу о большом вкладе, сделанном народами Индостана в развитие мировой культуры и цивилизации. Вместе с тем он позволяет понять, какие особенности внутреннего развития этого субконтинента способствовали тому, что его народы были поработаны иностранными колонизаторами.

В третьей (написана К. А. Антоновой и Г. Г. Котовским) и отчасти четвертой (автор — Г. Г. Котовский) частях книги излагается история Индии в колониальный период. Авторы дают развернутую и аргументированную оценку колониального завоевания и английской политики в Индии, рисуют яркую картину героической борьбы ее народов против британского господства. В центре этой части книги закономерно находятся проблемы национально-освободительной борьбы. Хорошо изложена здесь история национального восстания 1857—1859 годов. Автор повествует о наступлении нового этапа освободительного движения в конце XIX — начале XX века. Ярko показано им влияние революции 1905—1907 гг. на «пробуждение» Индии. Особое внимание уделено влиянию Великого Октября на исторические судьбы народов Индостана, приведен интересный материал о связях В. И. Ленина с индийскими революционерами. Книга раскрывает социально-классовую природу явлений общественной жизни Индии в новое и новейшее время, роль различных классов индийского общества в национально-освободительной борьбе. При этом вполне обоснованно внесены уточнения в принятую ранее периодизацию истории индийского национально-освободительного движения, а также в оценку роли национальных лидеров Индии — М. К. Ганди и Дж. Неру.

В рецензируемом труде впервые в советской научной литературе в обобщающем виде изложена история независимой Индии⁴. Автор этого раздела Г. Г. Котовский охарактеризовал сложные процессы, которые развернулись в бывшей английской колонии после завоевания ею суверенитета, показав, как сформировался политический курс независимой Индии. Не упрощая сложных и порой противоречивых тенденций развития великой страны, книга позволяет понять социальный смысл и значение происходящих в ней процессов. Много внимания уделяется проблемам внешней политики Индии, являющейся одним из лидеров движения неприсоединения. Особо хотелось бы отметить высокий научный уровень параграфов, посвященных возникновению в Индии коммунистического движения, истории КПИ и ее роли в независимой Индии. В книге уделено много внимания русско-индийским связям и, в особенности, истории взаимоотношений между СССР и независимой Индией. Как отметил Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС, «тесное политическое и экономическое сотрудничество с Республикой Индией — это наш постоянный курс»⁵.

Разделы по новой и новейшей истории Индии не свободны, однако, от недостатков. В отличие от первых разделов в этой части книги о вопросах истории культуры говорится мало. Не освещена проблема индийского просветительства, сыгравшего немалую роль в формировании идеологии буржуазного и мелкобуржуазного национализма. Недостаточно отражена индо-мусульманская проблема. Большого внимания заслуживает и проблема национальных отношений, разработка которой позволила бы лучше понять сущность сепаратистских движений в ряде штатов.

Книга снабжена удачно подобранными и хорошо воспроизведенными иллюстрациями и полиграфически прекрасно оформлена.

Л. Р. Полонская, А. Н. Хейфец

⁴ В «Новейшей истории Индии» освещены только первые годы истории независимой Индии.

⁵ «Материалы XXV съезда КПСС». М. 1976, стр. 15.

В. М. МАССОН. *Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии)*. Л. Изд-во «Наука». 1976. 191 стр. Тираж 3450. Цена 79 коп.

Характерной особенностью советской археологии, определившейся у истоков ее формирования, является признание ее наукой исторической, основанной на принципах исторического материализма. Именно советские археологи в конце 1920-х — 1930-х годах первыми в мировой археологии обратили пристальное внимание на изучение экономики и социального строя древних обществ и провели обширные исследования по этой тематике. Это был качественно новый этап в развитии археологии. Об этом необходимо помнить, поскольку сейчас широким фронтом идут разработки вопросов хозяйственной деятельности древних племен, их общественной организации, в англо-американской литературе по преимуществу. Это направление объявлено «новой археологией 60-х годов» и чуть ли не «революцией в археологии». Показателен не только приоритет советской археологии в этих вопросах, но ее прямое и косвенное влияние на само обращение «новых археологов» к социально-экономической проблематике. Критикуя «традиционную археологию» за вещеведение, современные американские сторонники нового направления во многом повторяют те бурные дискуссии, которые велись на эту тему у нас в период формирования советской археологии.

Разработка соответствующей тематики в советской археологии продолжается, хотя и проявлялась тенденция к некоторому прямолинейному упрощению, пользованию своего рода шаблонами. Поэтому очень своевременно появление книги доктора исторических наук старшего научного сотрудника Ленинградского отделения Института археологии АН СССР В. М. Массона, которая специально излагает в суммированном виде опыт соответствующих изысканий советских археологов. Работа эта и очень важная и очень актуальная. Разумеется, она не исчерпывает всей тематики и всего того, что накоплено в этой области советскими исследователями. Отметим, в частности, что опыт экономических и социальных реконструкций, осуществлявшихся археологами-сибиреводами, мог быть представлен в книге В. М. Массона полнее и разностороннее.

В книге последовательно по специальным разделам рассматриваются вопросы

изучения на основании археологических данных различных видов материального производства и восстановления древних социальных систем. Автор опирается в первую очередь на хорошо известные ему материалы Средней Азии и Ближнего Востока, где в освещении древних экономических и социальных процессов его личные разработки получили широкое признание в отечественной и мировой науке¹. Вместе с тем он достаточно широко привлекает материалы из других регионов, особенно для палеолитической эпохи. Насыщенная фактическим материалом, обширной библиографией, книга представляет собой в то же время и ценный справочник. Но особенно важно последовательное проведение принципа историзма археологии как науки, исследующей прошлое человечества, а не одни омертвленные вещи, заключенные в типологические ряды, более или менее искусно сконструированные и закамуфлированные математическим аппаратом. Тесную связь археологии и исторической науки В. М. Массон выдвигает как исходный тезис уже в первой главе, указывая, что предметом археологии является изучение закономерностей развития объектов материальной культуры и различных структур человеческого общества, нашедших отражение в этих объектах (стр. 11). Можно углублять и дополнять подобное определение, но в нем четко указана историческая, гуманитарная природа археологии. Это определение предмета археологии, ранее уже предложенное В. М. Массоном в печати, именно в этом плане получило положительную оценку философов².

Глава вторая, одна из наиболее значительных в книге, называется «Добыча и производство продуктов питания». Здесь на археологических материалах рассматриваются такие виды хозяйства, как охота, земледелие, скотоводство. К сожалению, лишь бегло упомянуто рыболовство (стр.

¹ Так, предложенная В. М. Массоном на материалах Южной Туркмении эволюция жилых домов в связи с общественным развитием полностью приведена в новом издании «Кембриджской древней истории».

² В. Н. Боряз. Методологические предпосылки и принципы определения объекта археологической науки. «Материалистическая диалектика и частные науки». Л. 1976, стр. 185.

33), в исследовании которого советской археологией накоплен немалый опыт. Автор четко проводит принцип выделения фактической базы для восстановления тех или иных хозяйственных систем, которые он рассматривает как состоящие из объекта эксплуатации, орудий труда, природной среды и самого человека с его интеллектуальным и профессиональным потенциалом (стр. 21). В целях реконструкции форм хозяйственной деятельности привлекаются аналогии (или, как сейчас часто принято говорить, «модели» по данным этнографии). При этом очень важным является определение условий использования этнографических параллелей, которые в археологии нередко применяются чрезмерно широко. В. М. Массон считает необходимым в первую очередь установить принадлежность сравниваемых обществ к одному культурно-хозяйственному типу (стр. 17—18). Интересны количественные расчеты охотничьей территории в эпоху верхнего палеолита, опирающиеся на палеоэкономические оценки, предлагавшиеся С. Н. Бибиковым. Система графического анализа различного состава стада (стр. 35—38) наглядно иллюстрирует формирование отдельных типов скотоводческого хозяйства и их эволюционное развитие. Особенно удачно восстановление на основе использования данных о трех видах источников — объекта эксплуатации, орудий труда и природной среды — древних земледельческих систем (стр. 48—56). Эта процедура исследования позволяет снять широко распространенные в литературе заключения о земледельческом хозяйстве, сделанные по одному определенному виду источника, например, по орудиям труда, к тому же иногда по одной зернотерке. В целом этой главой положено прочное начало фундаментальной разработке проблемы восстановления древних хозяйственных систем по данным археологии.

В третьей главе В. М. Массон обращается к изучению древних промыслов и ремесел, указывая, что при этом надо исходить из установления степени профессионализма, которая находит отражение в технологии, из территориального анализа размещения следов производства на поселении и распределения изготавливаемых продуктов путем обмена или торговли (стр. 59). Ценно то, что развитие производства рассматривается в книге с древнейших времен до сложения классового общества. В заключительных разделах автор использует дан-

ные письменных источников по Древнему Востоку. При этом хотелось бы отметить два важных момента. Прежде всего децентрализованный характер домашних производств, начиная с верхнего палеолита до раннеземледельческого поселения Джейтун, тщательно изученного автором. Им же вскрыта картина еще глубоко архаичного производства, когда не было никаких социально-экономических предпосылок для выделения ремесла. Второе — это вычленение особого вида общинного ремесла, по технологическому уровню уже профессионального, но по социальной организации еще полностью первобытного, когда мастера-профессионалы работали не на продажу, а на обеспечение потребностей своей общины именно в силу членства в ней (стр. 63). Теоретическая характеристика такого ремесла дана Ф. Энгельсом, когда он писал, имея в виду так называемые мастерские каменного века, что «мастера, развивавшие здесь свое искусство, работали, вероятно, за счет и на пользу всего коллектива»³. Новые археологические открытия, особенно по достигшим расцвета производствам эпохи ранних земледельцев, полностью подтверждают эту характеристику (стр. 63—65).

Весьма интересной и с точки зрения археологии и с точки зрения политэкономии является глава четвертая «Обмен, торговля, первобытные деньги». Здесь, как и в предшествующих разделах, представлена методика изучения этих явлений на материалах археологии и предлагается, исходя из этого, общий очерк. Для истории первобытного общества очень важно понятие культурного традиционализма как одного из факторов, ведущих к развитию обмена (стр. 78—80) и принципиально отличающих это общество глубокой архаики от более развитых структур. В этой связи В. М. Массон отмечает, что нет оснований для модернизации явлений древней торговли, пусть даже систематической, и выделения в первобытную эпоху класса купцов, как это имеет место в некоторых работах Г. Чайлда (стр. 89). Поэтому очень важно понятие «первобытные деньги», которое В. М. Массон подробно развивает вслед за В. И. Равдоникасом, подчеркивая их коренное отличие от денег классовых обществ, и очень важные для археологии черты чисто морфологической специфики — доведе-

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 160.

ние предметов, становящихся средством обращения, до миниатюрных или гигантских размеров, подрывающих их потребительскую стоимость (стр. 80—85).

Далее в книге рассматриваются два главных вида археологических источников, позволяющих судить об общественной структуре древних племен и народов, — жилища и поселения (гл. 6 — «Планировка жилищ и вопросы общественной эволюции»; гл. 7 — «От охотничьих стоянок к древним городам») и древние погребения и могильники (гл. 8 — «Погребальные обряды и социальная стратификация древних обществ»). Здесь, как и в других случаях, автор правильно и четко определяет методу. В этой связи отметим удачно предлагаемое в книге понятие «поселение», опирающееся на соответствующие разработки видного советского исследователя палеолита А. Н. Рогачева (стр. 127—128). В. М. Массон широко использует свои исследования по эволюции древних жилищ и поселений и сложения древних городов, проведенные им в Южной Туркмении. Характеризуя древние поселения и группы поселений, автор применяет термины «система» и «макросистема», что, возможно, требует еще дальнейшего обоснования (стр. 118—122, 142—146)⁴.

Важная глава, посвященная изучению могильников как социологических источников. В этой области советская археология имеет бесспорный приоритет и соответствующие конкретные разработки, которые автор удачно и систематично суммирует. Здесь особенно существенны введенное В. М. Массоном определение косвенного характера соответствующей информации, обязательный учет идеологических представлений, оказывающих решающее воздействие на погребальный обряд и могущих задерживать или искажать данные об общественном устройстве (стр. 149—150).

Конечно, при таком поистине глобальном

охвате темы «экономика и социальный строй древних обществ» — в территориальном плане — от Северной Азии до Двуречья и Америки, в хронологическом — от ашеля до XIX—XX вв. неизбежны значительные лакуны в охвате материала и в освещении многих важных проблем. Например, рабочая гипотеза «натурального макета», как показала дискуссия в «Советской этнографии», не исчерпывает всех возможностей интерпретации памятников искусства палеолита и требует дальнейшего обоснования. И вообще первобытному искусству в целом как источнику по социологии первобытного общества в книге уделено слишком мало места сравнительно с его значением в жизни древнего человека. То же самое относится к религии. Осталась, по сути дела, в стороне от обсуждения роль труда в становлении человека и общества.

Из мелких, но существенных замечаний можно указать на отсутствие в том месте книги, где речь идет об избирательной охоте в палеолите, сведений об абсолютном преобладании в мустьерском гроте Тешикташ костных останков горного козла, сибирского козерога. Этот факт, пожалуй, ярче всего демонстрирует не только технические возможности неандертальских охотников, но и силу социальных связей, скреплявших их общины. Очень важно было бы использовать в этом плане и такие факты кардинальной важности, как открытие в Шанидаре «первых людей цветов» и останков неандертальца с ампутированной при жизни рукой. Автор при этом справедливо критикует «новую археологию».

В целом же перед нами ценный труд, существенно расширивший наши представления об археологических источниках, их реконструктивных возможностях, обобщающий накопленный опыт, демонстрирующий новые возможности археологии как марксистской исторической науки.

Академик А. П. Окладников

⁴ В. М. Массон. Поселение Джейтун. Проблема становления производящей экономики. МИА, 1971, № 180.

НОВЫЕ КНИГИ

Ленин об Октябре. В. И. Ленин о характере, движущих силах и всемирно-историческом значении Великой Октябрьской социалистической революции. Сборник. Сост. Т. В. Панченко. М. Политиздат. 1977. 143 стр. 2 000 экз. 2 руб. 55 коп.

Ленин — товарищ, человек. Изд. 4-е, доп. Сост. Н. В. Бычкова, Р. А. Лавров. М. Политиздат. 1977. 318 стр. 200 000 экз. 47 коп.— Сборник содержит многочисленные письма и записки В. И. Ленина, его резолюции на телеграммах и заявлениях, а также воспоминания людей, близко знавших Ленина, встречавшихся и работавших с ним.

История СССР

Азербайджанская ССР в период Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. Сборник документов и материалов. В 2-х т. Баку. Азернешр. Т. 1. 1976. 627 стр. 1600 экз. 2 руб. 15 коп.; т. 2. 1977. 376 стр. 1600 экз. 1 руб. 56 коп.

Акты писцового дела. 1644—1661 гг. Сост. С. Б. Веселовский. М. «Наука». 1977. 287 стр. 1650 экз. 2 руб. 31 коп.

Аникеев В. В. Документы Великого Октября. Историкографический очерк. М. Политиздат. 1977. 239 стр. 50 000 экз. 1 руб. 17 коп.

Бухаров С. П., Гольдберг А. М., Кузнецов Д. Н. Московская оборонная. Краткий очерк истории столичной организации ДОСААФ. М. Изд-во ДОСААФ. 1977. 112 стр. 22 000 экз. 29 коп.

Верховцев И., Соколова Е. Через всю жизнь. М. «Московский рабочий». 1977. 192 стр. 30 000 экз. 39 коп.— Историко-публицистический очерк о ветеране трех русских революций, активном участнике социалистического строительства Н. Н. Колесниковой.

Гвелесиани С. Востоковед Георгий Церетели. Тбилиси. «Мерани». 1976. 100 стр. 2000 экз. 21 коп.

Грушевой К. С. Тогда, в сорок первом... М. «Известия». 1977. 333 стр. 30 000 экз. 89 коп.— Воспоминания о деятельности Днепрпетровского обкома партии в предвоенные годы и в первые месяцы Великой Отечественной войны.

Гурвич Л. Орион Алексакис. М. Политиздат. 1977. 119 стр. 100 000 экз. 12 коп.— Документальный очерк о герое гражданской войны.

Далеко от линии фронта. Воспоминания. Документы и материалы. Харьков. «Прапор». 1977. 247 стр. 25 000 экз. 65 коп.

Закалюк К. П. Грачев — «Центру». М. Политиздат. 1977. 120 стр. (Герои Советской Родины). 200 000 экз. 19 коп.— Очерк о Герое Советского Союза Н. И. Кузнецове.

Заре навстречу. Костромской Совет в 1905 году. Сборник документов. Сост. А. В. Малкова и др. Ярославль. Верхне-Волжское книжное изд-во. 1977. 215 стр. 4000 экз. 46 коп.

Исторические записки. М. «Наука». Т. 97. 1976. 304 стр. 2050 экз. 1 руб. 62 коп.; т. 98. 1977. 366 стр. 2000 экз. 2 руб. 22 коп.

История новых городов Узбекистана. Ташкентская область. Ташкент. «Фан». 1976. 255 стр. 1500 экз. 1 руб. 90 коп.

Кабанов С. И. Поле боя — берег. М. Воениздат. 1977. 364 стр. (Военные мемуары). 100 000 экз. 1 руб. 56 коп.— О Великой Отечественной войне.

Камаев В. С. На торпедном катере. Воспоминания. Л. Лениздат. 1977. 160 стр. 100 000 экз. 44 коп.— О Великой Отечественной войне.

Капич Н. Ф. По заветам великого Ленина. Деятельность Компартии Белоруссии по осуществлению ленинских идей о творческой активности масс в социалистическом строительстве. 1926—1937 гг. Минск. «Беларусь». 1977. 303 стр. 1500 экз. 2 руб. 61 коп.

Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М. «Наука». 1977. 335 стр. 2900 экз. 3 руб. 68 коп.

Ковалевская В. Б. Конь и всадник. Пути и судьбы. М. «Наука». 1977. 152 стр. (По следам исчезнувших культур Востока). 40 000 экз. 32 коп.

Козлов И. А., Шломин В. С. Краснознаменный Северный флот. Изд. 2-е, испр. и доп. М. Воениздат. 1977. 287 стр. 60 000 экз. 1 руб. 11 коп.

Коммунисты. Изд. 2-е. Сост. С. Н. Семанов. М. «Молодая гвардия». 1977. 430 стр. (Жизнь замечательных людей. Серия биографий. Вып. 2(559)). 100 000 экз. 1 руб. 12 коп.— О деятельности М. И. Калинина, Н. К. Крупской, Ф. Э. Дзержинского, М. В. Фрунзе, С. М. Кирова, Г. И. Петровского, С. Г. Шаумяна и А. В. Косарева.

Культура села Узбекистана в условиях развитого социализма. Коллективная монография. Ташкент. «Фан». 1977. 199 стр. 1400 экз. 1 руб. 61 коп.

Лайпанов К., Батчаев М. На крыле времени. М. Политиздат. 1977. 126 стр. (Герои Советской Родины). 180 000 экз. 19 коп.— Документальный очерк о революционном и государственном деятеле У. Д. Алиеве.

На поле ратном. Очерки и воспоминания о войнах-рязанцах, Героях Советского Союза. Сост. П. А. Батуркин. М. «Московский рабочий». 1977. 335 стр. 30 000 экз. 65 коп.

Ока Городовиков. Изд. 2-е, испр. и доп. Сост. И. В. Ставицкий. Элнста. Калмкнигоиздат. 1976. 339 стр. 50 000 экз. 1 руб. 23 коп.— Сборник воспоминаний, исследований и документов об известном советском военачальнике.

Особое задание. Изд. 2-е, доп. Сост. И. Поликарпенко. М. «Московский рабочий». 1977. 359 стр. 75 000 экз. 93 коп.— Сборник воспоминаний советских чекистов. *Очерки истории Ташкентской городской партийной организации.* Ред. Э. Ю. Юсупов и др. Ташкент. «Узбекистан». 1976. 446 стр. 3000 экз. 2 руб. 47 коп.

Очерки русской культуры XVI века. В 2-х ч. Ч. 1. Материальная культура. М. Изд-во Московского ун-та. 1977. 389 стр. 7300 экз. 2 руб. 63 коп.

Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1976. М. «Наука». 1977. 405 стр. 10 600 экз. 5 руб. 37 коп.

Пантюхов Г. Г. *Люди одной дивизии. Боевой путь 52-й гвардейской орденов Ленина, Кутузова и Суворова стрелковой дивизии. 1941—1945 гг.* М. Воениздат. 1977. 205 стр. 30 000 экз. 47 коп.

Партия и Великий Октябрь. Историко-графический очерк. Авт. И. Ф. Петров и др. М. Политиздат. 1976. 294 стр. 37 000 экз. 1 руб. 32 коп.

Плиев И. А. *Под гвардейским знаменем. Воспоминания.* Орджоникидзе. «Ир». 1976. 327 стр. 15 000 экз. 85 коп.

Раевский Д. С. *Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии.* М. «Наука». 1977. 216 стр. 4000 экз. 1 руб. 57 коп.

Репида Л. Е. *Роль рабочего класса в строительстве социализма в Молдавской ССР.* Кишинев. «Штинца». 1977. 278 стр. 1080 экз. 3 руб. 14 коп.

Саункин А. А. *Партийные организации Восточной Сибири в борьбе за интенсификацию сельскохозяйственного производства в 1959—1971 гг.* Чит. Восточно-Сибирское книжное изд-во, Читинское отделение. 1977. 298 стр. 1000 экз. 2 руб. 18 коп.

Скифы и сарматы. Сборник статей. Киев. «Наукова думка». 1977. 232 стр. 3800 экз. 1 руб. 92 коп.

Сламин Н. А. *Разоблачение В. И. Ленинской теории и практики троцкизма. 1917—1924 гг.* М. «Мысль». 1977. 336 стр. 20 000 экз. 1 руб. 32 коп.

Совокин А. М. *На путях к Октябрю. Проблемы мирной и вооруженной борьбы за власть Советов.* М. «Мысль». 1977. 328 стр. 12 000 экз. 1 руб. 52 коп.

Средняя Азия в древности и средневековье. История и культура. М. «Наука». 1977. 192 стр. 4000 экз. 2 руб. 89 коп.

Сулейменов Б. С. *Революционное движение в Казахстане в 1905—1907 годах.* Алма-Ата. «Наука» КазССР. 1977. 255 стр. 2800 экз. 2 руб.

Тереножкин А. И. *Киммерийцы.* Киев. «Наукова думка». 1976. 223 стр. 2200 экз. 2 руб. 10 коп.

Титков И. Ф. *Бригада «Железняк».* Минск. «Беларусь». 1976. 270 стр. 50 000 экз. 78 коп.—Воспоминания командира партизанского формирования, действовавшего в годы Великой Отечественной войны в районе Борисовско-Бегомльской зоны.

Томарев В. И. *Большевики Поволжья во главе борьбы пролетариата против царизма.* Волгоград. Нижне-Волжское книжное изд-во. 1977. 343 стр. 2000 экз. 1 руб. 60 коп.

Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне. 1941—1945 гг. М. Воениздат. 1977. 559 стр. 50 000 экз. 1 руб. 81 коп.

Черников И. Ф. *В интересах мира и добрососедства. О советско-турецких отношениях в 1935—1970 гг.* Киев. «Наукова думка». 1977. 198 стр. 1500 экз. 1 руб. 21 коп.

Эполетов Н. И. *История оборонного общества Среднего Урала.* Свердловск.

Средне-Уральское книжное изд-во. 1977. 140 стр. 8000 экз. 97 коп.

Всеобщая история

Агаев С. Д. *Советское ирановедение 20-х годов.* М. «Наука». 1977. 142 стр. 1400 экз. 79 коп.

Белоусова З. С. *Франция и европейская безопасность. 1929—1939.* М. «Наука». 1976. 418 стр. 4600 экз. 1 руб. 65 коп.

Вахрушев В. В. *Канада и страны Южной, Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока.* М. «Наука». 1977. 135 стр. 2700 экз. 73 коп.

Горбик В. А. *Консервативная и либеральная партии в политической системе послевоенной Англии.* Киев. «Наукова думка». 1977. 223 стр. 1000 экз. 1 руб. 30 коп.

Ежегодник германской истории, 1976. М. «Наука». 1977. 373 стр. 2100 экз. 2 руб. 22 коп.

Заборов М. А. *История крестовых походов в документах и материалах.* М. «Высшая школа». 1977. 272 стр. 20 000 экз. 64 коп.—Учебное пособие для студентов.

Зародов К. И. *Социализм, мир, революция. Некоторые вопросы теории и практики международных отношений и классовой борьбы.* М. Политиздат. 1977. 303 стр. 28 000 экз. 1 руб. 36 коп.

История и культура античного мира. Сборник статей. М. «Наука». 1977. 231 стр. 25 100 экз. 1 руб. 79 коп.

Колосков И. А. *Внешняя политика Пятой республики. Эволюция основных направлений и тенденций, 1958—1972.* М. «Наука». 1976. 303 стр. 4150 экз. 1 руб. 27 коп.

Малаховский К. В. *Последняя подопечная. История Микронезии.* М. «Наука». 1977. 144 стр. (Страны и народы). 33 500 экз. 49 коп.

Мельников И. А. *В насильственном круговороте. Положение иностранных рабочих в странах Запада.* М. «Мысль». 1977. 279 стр. 8000 экз. 1 руб. 33 коп.

Общественные науки в МНР. Сборник статей. М. «Наука». 1977. 227 стр. 1200 экз. 1 руб. 65 коп.

Оганова А. С. *Урбанизация и формирование городского рабочего класса Западной Африки.* М. «Наука». 1977. 191 стр. 1200 экз. 1 руб. 7 коп.

Проблемы коммунистического движения. Ежегодник, 1976. Пролетарский интернационализм и борьба за укрепление единства мирового коммунистического движения. М. «Мысль». 1977. 347 стр. 22 000 экз. 1 руб. 39 коп.

Революция, изменившая мир. Слово прогрессивных людей мира о Великой Октябрьской социалистической революции. Сост. Т. Ф. Кузьмина, А. П. Ненароков, Е. Д. Орехова. М. Политиздат. 1977. 333 стр. 75 000 экз. 86 коп.

Республика Шри Ланка: история и современность. Сборник статей. М. «Наука». 1977. 208 стр. 6300 экз. 90 коп.

Скачков П. Е. *Очерки истории русского китаеведения.* М. «Наука». 1977. 505 стр. 2900 экз. 4 руб. 11 коп.

Советская историография Юго-Восточной Азии. Сборник статей. М. «Наука». 1977. 254 стр. 1200 экз. 1 руб. 81 коп.

Современная историография стран зарубежного Востока. Критика буржуазного национализма. Сборник статей. М. «Наука». 1977. 187 стр. 1900 экз. 1 руб. 29 коп.

Сороко-Цюпа О. С. *Рабочее движение в Канаде. 1929—1939.* М. Изд-во Московского ун-та. 1977. 268 стр. 1010 экз. 3 руб. 30 коп.

Социализм и мир неразделимы. Документы эпохи. М. Политиздат. 1977. 149 стр. 5000 экз. 2 руб. 20 коп.

Книги, переведенные
с иностранных языков

ГДР: становление и рост. К истории Германской Демократической Республики. Авт.

З. Томас и др. Пер. с нем. М. «Прогресс». 1977. 455 стр. 7500 экз. 1 руб. 99 коп.

Говорят африканские историки. Сборник статей. Пер. с англ., франц. и араб. яз. М. «Наука». 1977. 155 стр. (Библиотека зарубежной африканистики). 3000 экз. 84 коп.

Куньял А. *Страницы борьбы.* Из истории ПКП и антифашистской борьбы в Португалии. Сост. и пер. В. Ф. Анилова. М. «Мысль». 1977. 356 стр. 1 руб. 7 коп.

Шимаи М. *К третьему тысячелетию.* Пер. с монг. М. «Прогресс». 1977. 421 стр. 9000 экз. 2 руб. 8 коп.—Об основных наиболее важных социально-экономических процессах современного развития общества.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

«Советские архивы» № 2, 1977. Документы о героизме бойцов и командиров Красной Армии в годы гражданской войны. (Публикацию подготовили Б. Г. Дробот, О. Г. Чинова); И. И. Белоносов. Трудовое соревнование в первые годы Советской власти (1917—1920 годы); Л. И. Королева. Документы ЦГАОР СССР о ленинском плане монументальной пропаганды (1918—1920 годы); К. С. Кузнецова. Основные направления и задачи научно-информационной деятельности архивных учреждений СССР; А. С. Малитков. К вопросу о взаимосвязи и преемственности в работе государственных и ведомственных архивов в странах социалистического содружества; А. П. Курантов. ВНИИДАД — научно-исследовательский центр отрасли; Л. Н. Пушкарев. Некоторые источниковедческие проблемы археографического изучения русских древних рукописей; Письма Надежды Осиповны Пушкиной (автографы, обнаруженные в ЦГВИА СССР. Публикацию подготовил А. Е. Шнейдер).

«Преподавание истории в школе» № 2, 1977. Важнейший фактор героико-патриотического воспитания; И. Б. Берхин. 1976 год — начало нового этапа на пути к коммунизму; И. М. Волков. Колхозное крестьянство СССР.

«Украинский исторический журнал» № 3, 1977. В. К. Василенко. XXV съезд КПСС и актуальные вопросы партийного строительства. (Республиканская научно-практическая конференция); Н. В. Пода. Апрельские тезисы — ленинский план борьбы за победу социалистической революции. (К 60-летию Апрельских тезисов В. И. Ленина); В. С. Плясовских. Выдающееся произведение ленинского наследия. (К 75-летию выхода в свет работы В. И. Ленина «Что делать?»); Н. Р. Акулов. Размещение и введение в действие предприятий, эвакуированных с Украины в Сибирь; В. Е. Мельниченко. Деятельность боль-

шевистского подполья в Крыму в период интервенции Антанты (ноябрь 1918 г.—апрель 1919 г.); Н. Н. Варварцев. «Украиноведческие исследования» в идеологических диверсиях империализма (1946—1975 гг.); Л. Д. Мрищук. Проблемы наставничества в трудовом коллективе; Е. Ф. Безродный. Из истории международных связей Советской Украины в области просвещения (1922—1928 гг.); Ю. А. Баглаев. Роль армейской печати в политическом воспитании крестьянства Украины (1918—1919 гг.); В. П. Андриевский. 750 лет Кременцу; Л. Е. Леонтьева. Участие молодежи США в движении солидарности с советским народом в годы Великой Отечественной войны (1941—1943 гг.); П. Л. Варгатюк, В. Ф. Солдатенко, Т. М. Колишер, А. А. Соловьева. Большевики Украины в Октябрьской революции. (Хроника событий). Март 1917 года.

«Народы Азии и Африки» № 1, 1977. Важное направление антиимпериалистической борьбы; В. Д. Буданов, В. М. Мазырин. Южные районы Вьетнама в период государственного воссоединения страны; Л. Д. Яблочков. Развивающиеся страны и перестройка международных отношений; С. И. Иоанесян. Сельское хозяйство Юго-Восточной Азии (некоторые итоги и тенденции послевоенного развития); Л. Ф. Полукэтов. Экономическая помощь стран-членов ОПЕК развивающимся странам; Р. А. Л. Х. Гунавардана. Анализ общественных формаций доколониальной Азии в работах К. Маркса; Р. Г. Ланда. Формы антиколониальной борьбы в Алжире (конец XIX — начало XX в.); И. Я. Златкин. Генезис крепостничества в средневековой Монголии; А. Г. Беляский, В. Ф. Янов. Традиционные культуры и модернизация в развивающихся странах; Н. И. Гаврилов. Перемены в сельском хозяйстве Гвинейской республики; Л. В. Негря. Из истории классообразования в раннесредневековой Аравии; М. Т. Коже-

кина. Дж. Харлан как исследователь Центральной Азии.

«Советское славяноведение» № 1, 1977. Октябрьский Пленум ЦК КПСС и проблемы развития социалистического сотрудничества; А. И. Недорезов. Клемент Готвальд и революционное преобразование чехословацкого общества; Т. М. Исламов, А. Х. Клеванский. Освободительное движение славянских народов и национальные программы социал-демократии России и Австро-Венгрии; Г. Пиастро. Политико-воспитательная работа в советских войсках и среди населения Болгарии. (3-й Украинский фронт. Сентябрь 1944 — май 1945 г.); Э. Урибес. Балканский кризис 1911 г. и европейские державы; И. Светлов. Монумены Народной Польши; А. А. Турилов. Памятники южнославянской книжности в составе русских библиотек конца XV—XVII веков. (По материалам древнерусской библиографии); П. А. Дмитриев, Г. И. Сафонов. Первая послевоенная научная сессия по славяноведению.

«Советское славяноведение» № 2, 1977. В. С. Парсаданова. Советско-польское экономическое сотрудничество в 1944—1949 годах; И. В. Михутина. К вопросу о роли правых оппозиционных группировок в политической системе стран Центральной и Юго-Восточной Европы в 1930-е годы; Ю. Ф. Иванов. Становление марксистской концепции гуситского наследия в межвоенной Чехословакии; А. А. Титова. Проблема аграрной реформы в польском сейме (июнь — декабрь 1923 г.); А. Улунян. К вопросу о пребывании Христо Ботева в России накануне Старозагорского восстания 1875 года; А. С. Мыльников, В. Н. Татищев и «Чешская хроника» В. Гаека.

«Советская этнография» № 2, 1977. Т. А. Жданко, М. А. Итина, Сергей Павлович Толстов; Ю. И. Семенов. Об изначальной форме первобытных социально-экономических отношений; В. А. Шнирельман. Роль домашних животных в периферийных обществах (на примере традиционных обществ Сибири и Америки); В. А. Попов. К исторической типологии систем терминов родства: типы кроу и омаха; М. В. Крюков. Клановые общества китаец-иммигрантов на Кубе в первой половине XX в. (к проблеме структуры и функций традиционных социальных институтов в интонациональной среде); Г. Батнасан. Некоторые особенности перехода к оседлому образу жизни в Монгольской Народной Республике; Я. С. Смирнова. Некоторые количественные показатели отхода от обычаев избегания у кабардинцев и балкарцев; Н. Г. Волкова. Бацбийцы Грузии (этнографические заметки); Г. С. Островский. Сценография фольклорного театра; Т. А. Трофимова. Черепа из склепа курганного могильника близ городища Джеты-асар 2; Ю. В. Маретин. Этнография в Восточной комиссии Географического общества СССР (обзор работ за два десятилетия); С. А. Арутюнов. Новые книги о ранних формах религии.

«Рабочий класс и современный мир» № 2, 1977. Созидательная роль советских профсоюзов; Рабочий класс, автоматизация и профсоюзы; А. И. Соболев. Уроки и опыт португальской революции; А. Б. Вебер. Дилеммы социал-демократии; Социально-экономическое положение трудящихся ведущих капиталистических стран; Забастовочное движение в ведущих капиталистических странах; С. И. Дорофеев. Рабочее движение Италии: достижения и проблемы; С. Л. Агаев. Коммунисты и политика буржуазных реформ в освободившихся странах капиталистической ориентации; Е. В. Голубева. К вопросу о причинах переворота в Индонезии; М. И. Брагинский. Армия наемного труда в Тропической Африке: формирование и структура; Н. А. Егорова. Современное женское движение и идеология неофеминизма; Хартия Малагасийской социалистической революции (документы).

«Средние века». Сборник Института всеобщей истории Академии наук СССР. Вып. 40, 1976. З. В. Удальцова. Проблемы медиевистики на XIV Международном конгрессе исторических наук в Сан-Франциско (22—29 августа 1975 г.); М. Л. Абрамсон. Характерные черты южноитальянского города в раннее средневековье (VI—XI вв.); Л. Т. Мильская. Некоторые проблемы формирования крестьянства раннефеодальной Германии; К. Д. Авдеева. Социальный аспект внутренней колонизации в Англии XII—XIII вв. (Состав ее участников); А. А. Сванидзе. Обмен и эволюция средств обращения в Швеции с XIII до начала XVI в.; М. А. Барг. XIV век в истории манора Ислип (Оксфордшир): эволюция поземельных и рентных отношений с 1279 по 1391 год; Н. В. Савина. Южнонемецкий торгово-ростовщический капитал в горном деле за пределами германских земель (XVI в.); Б. А. Каменецкий. Идеино-политическая борьба в Англии в 30—50-х годах XVI в. (К вопросу об идеологической стороне генезиса капитализма); А. Э. Штекли. Из истории создания «Города Солнца». (К критике господствующей текстологической теории); Н. П. Денисенко. Отчуждение селений и земель королевской властью в Испании XVI в.; Х. Мор. «Ренессанс» и Ренессанс. Рецепция древней культуры в средние века как всемирно-историческая проблема; Б. Г. Могильницкий, Н. С. Черкасов. О некоторых тенденциях развития современной буржуазной историографии ФРГ; Л. А. Котельникова. Аграрная история Италии XIV—XV вв. в современной западной медиевистике и концепции «кризиса»; С. С. Парсамов. Макиавелли в оценке Г. Риттера и Ф. Мейнеке; Л. П. Репина. Проблемы медиевистики в журнале «Past and Present» за 1972—1974 гг.

«Вестник общественных наук» Академии наук Армянской ССР № 12, 1976. И. Минасян. «Техекату» в борьбе за защиту коммуны; С. Есаян, А. Калантарян. Античный некрополь Ошакана.

«Вестник общественных наук» Академии наук Армянской ССР № 1, 1977. А. Стам-

болцян. Внутренняя политика правительства национальной буржуазии Ирана (1952—1953 гг.); Б. Гарибджанян. Критика концепции «грядущего постиндустриального общества» Даниела Белла; А. Папазян. Иноземное господство в Араратской области (XVI век); Р. Гевондян. Участие ЗСФСР в разработке конституции Союза ССР 1924 г.; Ж. Хачатрян. Уникальное погребение позднееллинистического времени; М. Минсян. Переселение амшенских армян на Черноморское побережье Кавказа и первые шаги их хозяйственной деятельности (последняя четверть XIX в.); Р. Матевосян. Институт сотрудничества при Ашоте III; В. Мартиросян. Новые материалы о политическом состоянии Закавказья (60—70-е гг. XVIII в.).

«Известия Академии наук Казахской ССР. Серия общественных наук № 1, 1977. Б. А. Тулепбаев. Актуальные проблемы дальнейшего развития общественных наук в Казахстане в свете решений XXV съезда КПСС; У. Б. Баймуратов, К. Кажмуратов, А. Г. Кравцов. Экономическая сущность взаимосвязи науки с производством; А. С. Такенов. Интернациональная солидарность трудящихся в борьбе за власть Советов (на материале Казахстана); Е. Майлибаев. Участие Казахстана в экономических связях СССР с зарубежными странами (1971—1975 гг.).

«Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки № 1, 1976. Решения XXV съезда КПСС и задачи обществоведов Дона и Северного Кавказа; В. Н. Шапошник. Начало героического пути (Северо-Кавказский военный округ в мае — июле 1918 года); В. А. Коренько. Некоторые теоретические проблемы изучения древних погребений; А. Х. Бижев. Об участии польских радикально-демократических повстанцев в антиколониальной борьбе северокавказских горцев в 30-х годах XIX века; М. В. Вагабов. В. И. Ленин и проблема эмансипации женщин Советского Востока; С. П. Тумасов. Комсомольские организации национальных районов Северного Кавказа в борьбе за раскрепощение горняков (1920—1924 годы); Е. П. Резников. Шефская помощь рабочим селу на Кубани в первые годы нэпа (1921—1925 годы); А. И. Станько. Донская печать XIX века и цензура (по архивным материалам).

«Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки № 2, 1976. В. В. Журавлев. Проблемы развитого социализма в материалах XXV съезда КПСС; Д. П. Зеркин. Программа социального развития страны в документах XXV съезда КПСС; Е. Н. Осколков. XXV съезд КПСС о Коммунистической партии в условиях развитого социализма; В. Е. Давидович. Проблемы гуманизма в материалах XXV съезда КПСС; Н. М. Дружинин. Еще раз о дореформенной промышленности России (ответ П. Г. Рындзюнскому); Р. А. Шипилова. А. В. Луначарский на Дону и Северном Кавказе; Г. Г. Бауман. Апрельско-майская забастовка 1943 года и ее значение в борьбе народа Нидерландов против фа-

шизма; А. И. Карагодин. К истории торговли Астраханского края (конец XVIII — первая половина XIX века); Н. Г. Князькова. Пополнение партийных рядов за счет тружениц села в 1921—1925 годы (по материалам партийных организаций Северного Кавказа).

«Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки № 3, 1976. В. Е. Давидович, Ю. А. Жданов. Концепция культуры и исторический материализм; Е. Я. Режабек. Проблемы культуры в марксовской концепции общественно-исторического развития; В. В. Журавлев. Ленинская концепция социалистической культурной революции; Э. С. Маркарян. Теория культуры в системе общественных наук; З. И. Файнбург. К вопросу о понятии культуры и периодизации ее исторического развития (некоторые проблемы методологии); М. С. Каган. Принципы построения историко-культурной типологии; Л. М. Косарева, Т. П. Матяш. Наука в истории культуры; В. П. Крикунов. Некоторые вопросы изучения хозяйства горцев, крестьян, казаков (по данным военно-конских переписей 1891—1903 годов); А. А. Аникеев. Аграрная политика германского фашизма накануне второй мировой войны; В. Е. Максименко. О стоянках кочевого населения Нижнего Дона в скифское время.

Межвузовский сборник Горьковского государственного университета. 1976. Критика современных буржуазных исторических концепций. С. А. Евстигнеев, П. П. Щаров. Изучение в СССР английской буржуазной исторической литературы о второй мировой войне; А. Ф. Носкова. Немецко-фашистская оккупация стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в марксистской и буржуазной историографии (обзор литературы 60—70-х гг.); И. Ф. Сергеев. Проблемы истории фашизма и антифашистского Сопротивления в буржуазной исследовательской литературе США; Л. М. Макарова. Некоторые аспекты нацистской пропаганды в освещении буржуазных историков; В. С. Павлов. Буржуазные истории ФРГ о позиции церкви в нацистской Германии; А. Н. Мерцалов. К вопросу об освещении в буржуазной литературе ФРГ итогов второй мировой войны.

«Труды Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева. Т. 265. Вып. 7. Серия историческая. 1976. Вопросы истории международных отношений. Т. А. Бычкова. Характер и цели пропагандистской деятельности США в Западной Германии в 1945—1950 гг.; А. Е. Глушков. Некоторые тактические приемы нацистской пропаганды против Англии и Франции в период «странной войны» (сентябрь 1939 — апрель 1940 гг.); С. С. Григорьевич. Эволюция концепции «силы» в теории внешней политики США (1947—1970 гг.); Б. С. Жигалов. Английская дипломатия и подготовка Вашингтонской конференции (июнь — октябрь 1921 гг.); Н. С. Индукаева. Позиция правительства президента Вильсона и внутриаполитическая борьба в США по вопросу о перемирии с Германией

(октябрь — ноябрь 1918 г.); Л. А. Тырса. Дебаты в конгрессе США по вопросу о включении «помощи» гоминьдановскому правительству Китая в план Маршалла (март 1948 г.); В. С. Шутов. Обсуждение вопроса о послевоенной политике в Германии в правящих кругах США в 1943—1944 годах; С. П. Цыганкова. Политика правительства США в связи с японской агрессией в Китае в 1933—1934 гг.; С. В. Вольфсон. Обоснование Дж. Ф. Даллесом внешнеполитической программы республиканской партии на президентских выборах в США в 1952 г.; М. Я. Пелипасъ. Пропагандистская подготовка к заключению и ратификации Североатлантического пакта в США (март 1948 г. — май 1949 г.).

«Сборник трудов» Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской. 1976. Актуальные проблемы истории СССР. В. И. Сергеев. Происхождение и эволюция понятия «Сибирь»; В. И. Сергеев. Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков; В. М. Андреев. «Неделя крестьянина» в 1920 году; Ю. П. Алексеев. Самостоятельные заготовки хлеба в системе ленинской продовольственной политики; И. Д. Кустарев. Народнохозяйственное сотрудничество СССР и ГДР в 1966—1972 гг.

«Научные труды» Курского государственного педагогического института. Т. 61 (154), 1976. Из истории международных отношений и политических движений в Европе в новое и новейшее время. Е. И. Чанкевич. Вопросы внешней политики России эпохи империализма в трудах В. И. Ленина; А. Д. Кожурякин. Разоблачение В. И. Лениным, большевистской партией империалистической идеологии кадетов в годы нового революционного подъема (1910—1914 гг.); З. П. Яхимович. Италия и боснийский кризис 1908—1909 гг.

«Ученые записки» Казанского государственного педагогического института. Сборник VII. Вып. 150. 1975. Вопросы историографии и источниковедения. В. В. Иванов. Историзм и научная методология исследования современности; А. П. Кулапин. К вопросу о ленинской методологии иссле-

дования государственно-монополистического капитализма; Н. П. Муньков. К изучению вопросов русской дипломатии и внешней политики СССР (обзор литературы 1969—1975 гг.); Р. М. Бикметова. Личные анкеты делегатов съездов Советов Татарии как источник; И. М. Абдрашитова. Из истории научного общества татароведения (1923—1929 гг.); Е. Г. Бушканец. Ученики Н. Г. Чернышевского по саратовской гимназии; С. Х. Алишев, А. Г. Мухамадиев. Об одной ошибочной версии возникновения Казани; Э. А. Салимова. О дате возникновения Казани; М. Р. Булатов. Совещание в Институте истории СССР АН СССР о времени возникновения Казани; П. Г. Ахметьянов. О топониме Казань; А. Х. Халиков, Л. С. Шавохин. У истоков ранней Казани; В. В. Иванов. Об источниковедении истории возникновения Казани.

«Сборник научных трудов» Высшей школы профсоюзного движения ВЦСПС. Вып. 6. 1977. Актуальные проблемы борьбы профсоюзов против антирабочей политики международных монополий. А. Е. Ефремов. Некоторые проблемы борьбы трудящихся и их профсоюзов против антирабочей политики международных монополий; В. И. Егоров. Международные объединения профсоюзов и проблемы борьбы трудящихся против международных монополий; Л. А. Свердлов. Рабочий класс развивающихся стран в борьбе против диктата нефтяных монополий.

«Труды» Горьковского института инженеров водного транспорта. Вып. 147. Серия общественных наук. Сборник 7. 1976. Е. А. Егоров. К вопросу о численности рабочих Сормовского завода в 1900—1917 годах; Е. А. Егоров. Динамика численности рабочих Приокского индустриального района (1900—1917 годы); В. Н. Жиляев. Комсомольцы Волжского объединенного ордена Ленина речного пароходства в навигации 1967 года — юбилейного года Советского государства; З. Б. Нестеров. Социалистическая индустриализация в процессе обобществления производства; В. С. Ильина. Участие молодежи г. Горького в деятельности местных органов власти.

Хроникальные заметки

13—15 апреля с. г. в Ташкенте состоялась Всесоюзная научно-теоретическая конференция «Великий Октябрь и торжество пролетарского интернационализма в СССР». В работе конференции приняли участие зарубежные делегации. Конференцию вступительным словом открыл вице-президент АН СССР П. Н. Федосеев. С докладом «Торжество пролетарского интернационализма в СССР и его международное значение» выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП

Узбекистана Ш. Р. Рашидов. На пленарном заседании были заслушаны выступления «Интернациональная солидарность в борьбе против империализма и реакции» — Р. Арисменди (Уругвай), «Октябрь и современный капитализм» — акад. Н. Н. Инноземцев, «Интернациональное воспитание как фактор повышения политической и трудовой активности трудящихся в условиях зрелого социализма» — секретарь ЦК КП Украины В. Е. Маланчук, «Место и роль пролетарского интернационализма в

общей системе солидарности революционных сил современности» — чл.-корр. АН СССР Т. Т. Тимофеев, «Роль и значение пролетарского интернационализма в осуществлении ленинской национальной политики КПСС» — секретарь ЦК КП Белоруссии А. Т. Кузьмин, «Социалистическая революция в идеологии и культуре в СССР и ее интернационалистская сущность» — чл.-корр. АН СССР М. Т. Иовчук, и др. На конференции функционировали секции. В секции «Братское сотрудничество народов Советского Союза — интернационализм в действии» были заслушаны доклады: «Интернациональное и национальное в строительстве социализма» — акад. Ю. В. Бромлей, «Интернациональный вклад трудящихся Прибалтики в борьбу за власть Советов» — акад. АН ЭССР В. А. Маамяги, «Братское сотрудничество народов СССР в борьбе за индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства» — чл.-корр. АН УзССР Р. Х. Аминова, «Общие закономерности и особенности борьбы за социализм в республиках Средней Азии и Казахстана» — чл.-корр. АН УзССР Э. Ю. Юсупов, «Воплощение и развитие социалистического интернационализма в национально-государственном строительстве» — чл.-корр. АН УзССР А. А. Агзамходжаев, «Развитое социалистическое общество — воплощение в жизнь ленинских принципов социалистического интернационализма» — чл.-корр. АН СССР Ц. А. Степанян, «Борьба за коммунизм — основной фактор дальнейшего укрепления единства наций и народностей Союза ССР» — акад. АН АрмССР Г. Б. Гарибджанян, «Верность марксизму-ленинизму и пролетарскому интернационализму — решающее условие дальнейшего успешного выполнения заветов Великого Октября» — В. Квеш (ЧССР), и др. В работе секции «Международная солидарность трудящихся и ее развитие в современную эпоху» выступили с докладами: «Берлинская конференция коммунистов Европы и сотрудничество коммунистических партий, всех прогрессивных миролюбивых сил» — Г. Нойберт (ГДР), «Интернационализм — основа политики и идеологии революционного рабочего движения (на примере Польши)» — Я. Голембовский (ПНР), «Мировой социализм и развитие национального освободительного движения» — чл.-корр. АН СССР Г. Ф. Ким, «Рабочий класс в условиях научно-технической революции и проблемы интернационализма» — М. Гулакова (ЧССР), «Исторический опыт движения антифашистской солидарности в годы второй мировой войны» — чл.-корр. АН УССР А. Н. Шлепаков, «Пролетарский интернационализм и критика антикоммунизма» — Д. Митев (НРБ), «Осуществление идей пролетарского интернационализма в Венгрии» — И. Сперулис (ВНР), «Развитие марксистских исследований по проблемам пролетарского интернационализма» — А. Касецкий (ПНР), и др. В работе секции «Пролетарский интернационализм: проблемы идеологии и культуры» выступили с докладами: «Социалистический интернационализм и взаимодействие

культур» — чл.-корр. АН СССР М. С. Асимов, «Некоторые проблемы интернационалистского воспитания молодежи в современных условиях» — акад. АН ТуркССР Б. П. Малаванова, «Утверждение социалистического интернационализма и преодоление националистических пережитков в первые годы Советской власти» — чл.-корр. АН УзССР Х. Т. Турсунов, «Взаимосвязи и взаимодействия литератур как арена идеологической борьбы» — акад. АН УзССР М. К. Нурмухамедов, «Некоторые проблемы развития социалистической культуры» — А. Стойков (НРБ), и др. На заключительном пленарном заседании были подведены итоги работы конференции.

15 апреля с. г. в Москве состоялась научная конференция, посвященная 80-летию со дня рождения акад. А. М. Панкратовой. Конференция была организована Высшей школой профсоюзного движения ВЦСПС. Вступительное слово произнес чл.-корр. АПН СССР Г. В. Шаранов. Были заслушаны доклады: «А. М. Панкратова — выдающийся советский историк и общественный деятель» — Г. А. Арутюнов, «Роль академика А. М. Панкратовой в развитии исторического образования в СССР» — акад. АПН СССР Н. П. Кузин, «История революционного движения России в научном наследии академика А. М. Панкратовой» — А. Ф. Смирнов, «Проблема пролетарского интернационализма в трудах академика А. М. Панкратовой» — Н. В. Кузнецова. На секции общих исторических проблем было сделано 14 сообщений. На историографической секции состоялось 9 выступлений, в том числе: И. А. Кириллов — «О жизненном и творческом пути акад. А. М. Панкратовой», Е. П. Михайлова — «Деятельность ученого-историка А. М. Панкратовой в годы Великой Отечественной войны», Л. В. Бадя — «Научное наследие академика А. М. Панкратовой», Г. В. Игнатова — «Академик А. М. Панкратова как исследователь первой русской революции», Н. В. Полякова — «Проблемы партийного руководства профсоюзами в трудах А. М. Панкратовой». Итоги конференции были подведены на заключительном пленарном заседании.

21—23 апреля 1977 г. в г. Грозном состоялось научное совещание заведующих кафедрами всеобщей истории Северокавказского региона совместно с представителями Института всеобщей истории АН СССР, журналов «Вопросы истории», «Новая и новейшая история». Совещание открыл ректор Чечено-Ингушского государственного университета (ЧИГУ) М. П. Павлов, были заслушаны доклады: В. А. Дунаевский — «Научный совет по проблеме «История исторической науки» и задачи координации исследований по историографии всеобщей истории в масштабе региона (на примере СКНЦ ВШ)», В. С. Шилов — «Основные проблемы всеобщей истории в трудах Института всеобщей истории АН СССР», А. С. Гроссман — «Проблематика всеобщей истории на страницах журнала «Вопросы истории», Е. И. Тряпцын — «Основные проблемы новой и новей-

шей истории на страницах журнала «Новая и новейшая история». На совещании были также заслушаны следующие сообщения: А. А. Косаковский — «Критика буржуазной историографии Октябрьской революции в работах советских историков», Г. С. Кучеренко — «Проблемы общественной мысли в общем курсе истории нового времени», В. И. Дурновцев — «Россия в исторических концепциях русских историков Запада (К постановке проблемы)», Л. Ф. Туполева — «Английское рабочее движение и ирландский вопрос в 80-е гг. XIX в. (К историографии проблемы)», Г. С. Остапенко — «Колониальная концепция консервативной партии Великобритании в послевоенные годы (1945—1951 гг.)», Н. В. Потоква (ЧИГУ) — «Проблема Техаса в истории Северной Америки (1821—1845 гг.) (Из истории территориальной экспансии США)», Н. А. Акимкина (Ростовский госуниверситет) — «Борьба Компартии Великобритании за единство левых сил в 1964—1970 гг.», И. В. Андрианов (ЧИГУ) — «Всеобщая стачка в Виннипеге (Канада) 1919 г.», В. Г. Дядькин (Северо-Осетинский госуниверситет) — «Обзор материалов журнала «Новая и новейшая история» за 1975—1976 годы», М. А. Аленберги (Дагестанский госуниверситет) — «Зарубежная (восточная) историография освободительной борьбы украинского народа против турецко-татарской агрессии во второй половине XVI — первой половине XVII в.», Д. С. Песчаный (Кубанский госуниверситет) — «Формирование научных направлений в университетах Северокавказского региона».

14 февраля 1977 г. в Москве, в Институте востоковедения АН СССР, состоялись VI чтения памяти П. Е. Скачкова, видного исследователя русско-китайских отношений и истории отечественного востоковедения, автора широко известной в нашей стране и за рубежом «Библиографии Китая», изданной в 1932, а затем с дополнениями (за четверть века) опубликованной в 1960 году. Чтения, проводимые ежегодно Отделом Китая ИВАН при участии научной общественности академических институтов и высших учебных заведений, совпали на этот раз с 85-летием со дня рождения П. Е. Скачкова и выходом в свет его монографии «Очерки истории русского Китаеведения» — результата многолетнего труда автора в архивах и библиотеках. Заседание открыл Л. П. Делюсин, отметивший вклад П. Е. Скачкова в развитие советского Китаеведения и подчеркнувший важную роль чтений в дальнейшей разработке проблем, над которыми трудился этот ученый. Доклад об установлении дипломатических отношений Русского государства с цинским Китаем сделал В. С. Мясников. Н. Ф. Демидова рассказала о судьбе тобольского собрания цинских грамот, полученных сибирским губернатором кн. М. П. Гагариным из Китая в 1704—1717 годах. О поездке в Пекин в 1714—1715 гг. устюжанина Никиты Панкратьева поведал В. А. Моисеев (Алма-Ата). В докладе А. Н. Хохлова «Н. Я. Бицури и Кяхтинское училище китайского языка» на основе архивных материалов

была показана роль известного востоковеда в создании первого в России учебного заведения, в стенах которого началось преподавание китайского языка. Участники заседания заслушали также сообщение В. Л. Сычева о мужском костюме кочевников. Итоги чтений подвел Л. П. Делюсин.

23 марта 1977 г. секция «Генезис и развитие феодализма» Научного совета «Закономерности исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой» Отделения истории АН СССР, сектор истории средних веков Института всеобщей истории АН СССР и кафедра средних веков Московского университета провели совместное заседание, посвященное памяти доктора исторических наук Я. А. Левицкого в связи с 70-летием со дня его рождения. Вступительное слово произнес А. Н. Чистозонов. Доклад о жизненном пути и научной деятельности Я. А. Левицкого сделала А. А. Сванидзе. Было заслушано сообщение Е. В. Гутновой — «Левицкий как историк-англовед». Об архивном наследии Я. А. Левицкого рассказала Т. С. Осипова. Воспоминаниями о нем как об ученом, педагоге и человеке поделились Н. К. Шур, Н. А. Богодарова, Е. Я. Левицкий, С. В. Шейнкю.

«Проблемы коммунистического движения. Ежегодник, 1976» — книга, вышедшая в издательстве «Мысль» (М. 1977). В ней рассматриваются содержание и формы пролетарского интернационализма в современных условиях, дается анализ экономических основ интернационализма, показывается его место и роль в мировом коммунистическом движении. На основе конкретного фактического материала очерчена борьба компартий за воплощение в жизнь принципов пролетарского интернационализма. Значительное место отводится проблемам борьбы с антикоммунизмом, национализмом, правым и левым оппортунизмом.

Обобщение ленинского опыта борьбы с «левыми», с мелкобуржуазной революционностью, имеющего непреходящее значение для деятельности коммунистических и рабочих партий в современных условиях, раскрывается в монографии Н. А. Сламина «Разоблачение В. И. Лениным теории и практики троцкизма (1917—1924 гг.)» (М. «Мысль». 1977).

Э. А. Баграмов «Ленинская национальная политика: достижения и перспективы» (М. «Мысль». 1977) — работа, в которой, исходя из решений XXV съезда КПСС, автор характеризует углубление братского сотрудничества народов СССР в коммунистическом строительстве, дальнейшее укрепление интернациональной сплоченности советских людей. Большое внимание уделяется международному значению ленинской национальной политики.

Издательство «Карелия» выпустило книгу Я. А. Балагурова «Карелия в годы первой русской революции (1905—1907)» (Петрозаводск. 1977). На основе документов, хранящихся в архивах Петрозаводска, Москвы, Архангельска, периодической печати тех лет, воспоминаний автор рассказывает о положении рабочих и крестьян Ка-

релии накануне революции 1905—1907 гг., о пробуждении их классового сознания под влиянием революционной пропаганды политических ссыльных, отбывавших ссылку в различных уездах Олонецкой губернии. В книге описаны революционные события в Петрозаводске весной и летом 1906 г., стачечное движение, выступления крестьян в Карелии в 1906—1907 годах.

◆ Сборник «О войне, о товарищах, о себе. Великая Отечественная война в воспоминаниях участников боевых действий. Аннотированный указатель военно-мемуарной литературы (1941—1945 гг.)» выпущен Воениздатом (М. 1977). В нем проанализировано около 900 военно-мемуарных трудов и сборников, посвященных Великой Отечественной войне, написанных непосредственными участниками боевых действий и опубликованных центральными и местными издательствами. В сборнике приводятся сведения об авторах мемуаров, а также о рецензиях, напечатанных в периодической печати о той или иной книге. В аннотациях кратко раскрывается основной круг вопросов, получивших освещение в мемуарах, сообщается о времени описываемых событий, их месте и характере.

◆ Издательство «Мысль» выпустило в свет работу М. М. Максимовой «СССР и международное экономическое сотрудничество» (М. 1977). В ней исследуются в свете решений XXV съезда КПСС вопросы экономического сотрудничества СССР с социалистическими, капиталистическими и развивающимися странами. Особое внимание уделяется «всемирному хозяйству» наших дней и возрастающей роли в нем экономики Советского Союза.

◆ В книге Н. М. Катунцевой «Опыт СССР по подготовке интеллигенции из рабочих и крестьян» (М. «Мысль». 1977) на фактическом материале показана история развития рабфаков за весь переходный период от капитализма к социализму, их роль в подготовке кадров СССР. Автор раскрывает значение этого советского опыта для стран социалистического содружества.

◆ Вышла в свет книга А. М. Совокина «На путях к Октябрю. Проблемы мирной и вооруженной борьбы за власть» (М. «Мысль». 1977). В ней разоблачается несостоятельность мелкобуржуазных партий, выступавших против перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, раскрывается ведущая роль русского пролетариата, который под руководством партии большевиков победил в Октябре 1917 года.

◆ В работе Г. С. Филатова «Демократические силы Италии против неонацизма» (М. «Мысль». 1977) прослеживаются история современного неонацизма в Италии, его социальные и политические корни, идеологическая платформа и методы деятельности; анализируются направления, по которым действуют итальянские антифашисты, мобилизуя общественное мнение и трудящиеся массы на борьбу против реакции; показана роль ИКП—ведущей силы в борьбе против неонацизма.

◆ В монографии С. И. Яковлевой «Экономическое принуждение трудящихся и со-

временный капитализм» (М. «Мысль». 1977) исследуются методы эксплуатации рабочего класса на предпринятиях монополий, вскрывается связь этих методов с развитием научно-технической революции и политикой социального маневрирования буржуазного государства в условиях нового соотношения сил на мировой арене.

◆ Монография «СССР и страны Африки. Дружба, сотрудничество, поддержка антиимпериалистической борьбы» (М. «Мысль». 1977) представляет собой комплексное исследование истории, состояния и перспектив отношений Советского Союза с независимыми странами Африки в политической, экономической, научной и культурной областях.

◆ В Издательстве политической литературы Украины (Киев. 1976) вышла книга М. И. Куличенко «Укрепление интернационального единства советского общества». Автор анализирует важнейшие факторы и условия интернационализации жизни в СССР, укрепления единства социалистических наций. В работе отражены изменения в структуре советского общества, развитие наций, народностей, национальных и этнических групп СССР.

◆ В учебном пособии для вузов «История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX в.» (Тюмень. ТГУ. 1976) освещены две проблемы: общее место политической ссылки в системе карательных мер царизма в его борьбе с революционным движением; функционирование этой ссылки в 50-е — 80-е годы XIX века. Автором, Л. П. Рошевской, специально рассмотрены такие вопросы, как деятельность Тюменского приказа о ссыльных, их связи с «волей», Красный Крест народо-вольцев. В исследовании использованы разнообразные источники — законодательные документы, делопроизводственная переписка, нарративные и эпистолярные источники, мемуары, архивные материалы.

◆ Монография Р. С. Васильевского и В. А. Голубева «Древние поселения на Сахалине (Сусуйская стоянка)» вышла в свет в издательстве «Наука» (Сибирское отделение. Новосибирск. 1976). Она посвящена исследованию древних культур острова. Анализируя ранее известные и новейшие археологические данные, авторы показывают особенности хозяйственного и бытового инвентаря, рассматривают вопросы периодизации охотской культуры. Значительное место уделяется культурной адаптации населения к прибрежным условиям, становлению и развитию приморского типа хозяйства в Прихотье.

◆ В монографии Н. И. Лебедева «Крах фашизма в Румынии» (М. «Наука». 1976) рассматриваются основные проблемы истории Румынии накануне и в период второй мировой войны. Автор показывает усиление реакционных тенденций в политике правящих румынских кругов, анализирует причины установления в стране фашистской диктатуры. Значительное место уделено борьбе румынских коммунистов с политической национальной предательством, подготовке и проведению антифашистского восстания 23 августа 1944 г., освещаются ход и

характер движущихся народно-демократической революции, приход к власти правительства Национально-демократического фронта.

◆ В книге В. Я. Кауфмана «Современная Танзания (Некоторые проблемы политического и социального развития африканского государства социалистической ориентации)» (М. «Наука». 1977) рассматриваются различные стороны развития этой африканской страны: структура местного общества, социально-экономические преобразования, внешняя политика, культурное развитие. Работа освещает наиболее существенные изменения, происшедшие в политической и социальной жизни Танзании за годы независимости. Особое внимание уделяется тенденциям в развитии этой страны по пути социалистической ориентации.

◆ Сборник «Республика Шри Ланка: история и современность», составленный в связи со 100-летием путешествия выдающегося русского востоковеда И. П. Минаева на о. Цейлон, вышел в издательстве «Наука» (М. 1977). Он включает статьи о вкладе И. П. Минаева и других русских ученых в развитие отечественной цейлонистики, по проблемам этнографии, о социальной структуре и экономическом положении классов и слоев современного общества республики.

◆ Монография Ю. Д. Квашнина «Иностранные рабочие в Западной Европе» (М. «Наука». 1976) посвящена социально-экономическим и политическим аспектам трудовой миграции, положению и борьбе трудящихся Западной Европы, усилению интернациональной сплоченности рабочих разных стран.

◆ Величко Добрянов — автор монографии «Проблемы теории развитого социализма», вышедшей в издательстве «Мысль»

(М. 1976). В книге анализируются общие черты и особенности двух фаз коммунистической формации — социализма и коммунизма, а также этапы развития первой фазы. Строительство развитого социалистического общества рассматривается автором как закономерный исторический этап, высшая степень социализма, подготавливающая условия для перерастания его в коммунизм. В книге анализируются основные признаки и критерии зрелого социализма.

◆ На трассе строящегося водопровода Павлополь — Жданов Донецкая археологическая экспедиция АН УССР обнаружила около 80 древних захоронений. Значительный интерес представляют раннескифские и сарматские погребения, в которых найдено оружие, украшения, бытовые и культовые предметы. Среди находок — железный нож, относящийся к эпохе бронзы.

◆ Римская монета IV в. н. э. найдена возле села Новосветовка, Ширяевского района Одесской области. Выпущена она монетным двором античного города Сиссии, находившегося на территории нынешней Югославии. Находка свидетельствует о том, что в 60-е — 70-е годы IV в. между племенами, населявшими юг Украины, и античным Римом поддерживались торговые связи.

◆ На Оренбуржье, между селом Преображенкой и дер. Ляхово (Бузулукский район), во время земледельческих работ найден кинжал I тысячелетия до нашей эры. Это оружие сарматского воина — обоюдоострое, с перекладиной у основания ручки и навершием в форме слабо изогнутой дуги. Железная рукоятка поражает незначительными размерами: ее длина — около 8 см при общей длине кинжала в 33 сантиметра.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМЕ ПАДЕНИЯ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

15—17 сентября 1976 г. в Лейпциге проходила конференция историков по проблеме социальной революции при переходе от рабовладельческого строя к феодальному в Западной Европе. Конференция, организованная отделом истории Лейпцигского университета имени Карла Маркса и секцией древней истории Общества историков ГДР, была приурочена к 1500-летию падения Западной Римской империи. В ней приняли участие историки ГДР, а также СССР, Польши, Чехословакии, Венгрии и некоторых капиталистических стран. Доклады и сообщения были посвящены различным аспектам социальной революции, знаменовавшей собой смену античности средневековьем в Западной Европе: истории политического и экономического развития Европы в период крушения Западной Римской империи и образования на ее территории варварских королевств, отражению этих событий в античной и византийской литературе и в историографии нового времени.

В ряде докладов рассматривались общие закономерности и специфика социального переворота, который вел к ликвидации рабовладельческого строя в Западной Римской империи. В докладе Р. Гюнтера (ГДР) «Эпоха социальной и политической революции» анализировался характер процесса перехода от рабовладельческого строя к феодальному в Западной Европе. По мнению докладчика, этому переходу присущи такие общие черты социальной революции, как наличие противоречия между производительными силами и производственными отношениями, революционное уничтожение мощи господствующего класса и создание основы для возникновения новой политической власти, длительность револю-

ционного процесса. Но существенной особенностью рассматриваемой революции является отсутствие революционного класса, способного самостоятельно разрушить старый строй. Внутренние силы могли лишь подорвать, но не уничтожить господствующий порядок. Это сделали внешние силы — варвары-федераты, к которым примкнула и часть крупных землевладельцев римских провинций. Эпоха социальной революции началась в Римской империи в конце V века. Перевороты 476 и 486 гг. сыграли свою роль в ее развитии, так как свержение старого центрального правительства расчленило части германских народов путь к феодализации. Но еще сохраняла значительное влияние римская политическая организация, жив был еще античный город. Имели место попытки реставрации (политика Юстиниана). Политическая революция осуществлялась путем ожесточенной борьбы, в ходе которой некоторые новые государства (вандалов, остготов) погибли. С самого начала политическая революция не была результатом борьбы революционного класса. Но благодаря синтезу феодальных элементов двух гибнущих формаций возникли силы, способные взять в свои руки политическую власть. Окончательную победу феодальных отношений на территории Римской империи автор относит к X веку.

А. Р. Корсунский в докладе «О проблеме возникновения элементов феодальных отношений в Римской империи» охарактеризовал основные варианты решения этого вопроса в буржуазной и марксистской историографии. Анализируя сущность возникавших в недрах римского рабовладельческого общества новых институтов, необходимо, с одной стороны, учитывать,

насколько они еще связаны с рабовладельческой системой в целом, и с другой — в какой мере содержат в себе зачатки соответствующих элементов феодальной системы. Позднеримский колонат, полагает докладчик, был специфической формой крепостничества, но, будучи тесно связан со всей рабовладельческой системой, не являлся собственно феодальным институтом (так же, как и не был уже институтом рабовладельческой системы). Такие явления, как сближение понятий собственности и владения, появление «разделенной собственности», не означали возникновения феодальной иерархии. Установление в IV—V вв. правовой дифференциации среди свободных (деление на *honestiores et humiliores*) является показателем разложения социальной структуры рабовладельческого общества. Но это нельзя рассматривать как возникновение сословного деления, свойственного феодализму. Отдельные группы свободных отличались друг от друга главным образом в отношении государственных повинностей и в уголовном праве. Дифференциация не охватывала общественного положения соответствующих групп свободного населения в целом, как это характерно для средневековья. К сдвигам в идеологии позднеримского общества докладчик отнес появление зачатков нового отношения к производительному труду, особенно в идеологии народных масс, а также в христианской литературе. Тем не менее говорить о коренном изменении в эту эпоху взгляда на труд нет основания. Таким образом, в поздней Римской империи возникали зачатки феодализма, но сохранявшаяся рабовладельческая система мешала их превращению в собственно феодальные отношения.

В докладе Т. Котулы (Польша) «К вопросу об упадке римского общественного устройства в Северной Африке» отмечалось, что результаты новейших исследований противоречат традиционному тезису о начале кризиса римского порядка в Африке еще в IV веке. По мнению докладчика, можно говорить о политическом кризисе в этой римской провинции, который был тесно связан с социальными конфликтами, о ликвидации римского господства вследствие вторжения вандалов. Но нельзя утверждать, что имел место хозяйственный и культурный упадок, так как в тот период процветали сельское хозяйство и города. Все эти факты требуют, как полагает докладчик, пересмотра сложившегося мнения

о хронологических рамках периода перехода от рабовладельческого общества к феодальному, во всяком случае для Северной Африки.

Доклад Е. М. Штаерман «Идеологическая подготовка гибели рабовладельческого общества» (в связи с отсутствием автора) был зачитан. В докладе была сделана попытка анализа симптомов кризиса античной идеологии, возникшего на основе кризиса античной городской общины. К этим симптомам Е. М. Штаерман относит углубление чувства «отчуждения», вызванного исчезновением целей и перспектив человеческой деятельности, что сказалось в упадке стоицизма, утрате веры в целостность и гармоничность существующего миропорядка, распространении дуалистических учений и «утопий», расколе культуры на культуру элиты и народных масс в результате обострения социальных противоречий. Попытки Секста Эмпирика и Плотина возродить на новой базе основы античного мировоззрения не увенчались успехом. Протест народных масс против идеологии государства и высших классов обусловил торжество христианства, что можно считать идеологической подготовкой к новым общественным отношениям.

Некоторые доклады касались политической истории Западной Римской империи накануне ее крушения и событий, которые обычно рассматриваются как падение империи. Так, в докладе Б. Сюча (Венгрия) «Петроний Максим, император сенаторской знати Италии в 455 г.» характеризовалась социальная база власти одного из последних западноримских императоров. Докладчик отмечал, что Максим не имел сколь-нибудь прочной опоры даже среди сенаторской аристократии, которая становилась все более равнодушной к делам и судьбам империи. Л. Варади (Венгрия) в докладе «Об иллюзии единства империи накануне революционного века поздней античности» остановился на разделении империи в IV в. и отражении этого факта в общественном мнении. В требовании Аммиана Марцеллина о создании «абсолютного правового государства» и законности, в тезисе о «вечности» Рима отражено было, по мнению докладчика, стремление к восстановлению единства империи. Но такое единство было уже только иллюзией. Доклад И. Буриана (Чехословакия) был посвящен толкованию исторического процесса теми кругами позднеримского общества, которые сохранили верность древнеримским

традициям. В докладе Р. Шоттлендера (ГДР) рассматривалось толкование Августином «катастрофы» как фактора исторического развития. Э. Демушко (Франция) в докладе «Может ли считаться 476 год датой конца Римской империи на Западе?» сопоставляла значение для судеб античности переворота, совершенного Одоакром в 476 г., и захвата власти Теодорихом в 488 году. На основании тщательного анализа всех свидетельств источников о двух названных событиях она приходит к выводу, что концом Западной Римской империи правильнее считать 488 год. В соответствии с нормами римского публичного права, действительного и на Востоке и на Западе, восточноримский император даровал свои имперские права остготскому королю Теодориху, пришедшему к власти в Италии.

Проблемы состояния производства в Риме в эпоху рассматриваемой социальной революции в отличие от вопросов социального и политического развития и идеологии не получили широкого освещения на конференции. Помимо упомянутого доклада Т. Котулы, эта тема была затронута также в докладе Э. Мароти (Венгрия) «Данные по истории техники в период перехода от рабовладельческого строя к феодальному». В докладе рассматривалась роль водяной мельницы в производстве в указанное время.

Некоторые доклады касались социальных отношений и политической борьбы в варварских королевствах, основанных на прежней римской территории, и судеб этих государств. В докладе Д. Клауде (ФРГ) «Социальные столкновения в Вестготском государстве» освещались выступления рабов, колонов и крестьян в этом варварском королевстве (доклад был зачитан в связи с отсутствием автора). Э. Реймер (ГДР) сделал сообщение о военной организации Вестготского королевства. С. Вебер (ГДР) выступила с сообщением о положении свободных общинников по варварским Правдам, Г. Калекса (ГДР) — о процессе феодализации у лангобардов.

Ряд докладов и сообщений касался политики Византии по отношению к варварским королевствам и различных проблем ранней истории Византии. В докладе Г. Хэртеля (ГДР) «К проблеме прагматических санкций, особенно к вопросу *Sanctio pragmatica pro petitione Vigiliis*», раскрывается реставраторский характер законодательного акта Юстиниана от 554

года. Содержание Прагматической санкции характеризуется как попытка «обеспечить контрреволюции политико-правовую основу». Эта политика не могла, однако, быть долговечной. Другие проблемы ранневизантийской истории затрагивались в сообщениях Э. Полаи (Венгрия) «Гермогенианский вопрос в юстиниановской кодификации», Б. Малиха (ГДР) «Ремесло и ремесленные объединения в Византии при переходе к феодализму», Ф. Винкельмана (ГДР) «К политической роли патриарха Константинополя в V—VII веках», И. Рохова (ГДР) «Языческие» обычаи населения Византии в VII веке.

В некоторых докладах рассматривалось отражение факта падения Западной Римской империи в позднеантичных памятниках. Так, в докладе И. Ирмшера (ГДР) «Конец Западной Римской империи в византийской литературе» было отмечено, что переворот 476 г. характеризовался византийскими авторами VI—IX вв. как событие локального значения. В указанной литературе сложилась традиция использовать описание гибели Западной Римской империи и ее варваризацию для идеализации роли Константинополя как хранителя римского континуитета, как продолжателя римского мирового господства. Отражению этих событий в латинской средневековой историографии был посвящен доклад М. Думмера (ГДР) «События 476 г. в историографии латинского средневековья», а в историографии нового времени — доклад И. Германа (ГДР) «Гибель Западной Римской империи в исторической мысли XVIII — начала XIX века в Германии».

Специфической проблемы применения понятия «революция» к истории римского мира в историографии нового и новейшего времени касался доклад П. Каталано (Италия) «Отражение в историографии концепции «революции» по отношению к римскому миру». Докладчик отметил, что в настоящее время в буржуазной историографии вырос интерес к римским общественным учреждениям. Заметно также стремление уточнить такие понятия, как «революция» и «государство», что следует объяснить влиянием исторического материализма. В итальянской историографии революцию теперь чаще рассматривают не только в аспекте политическом, юридическом и идеологическом, но и как изменение в способе производства, в отношениях господства. Правда, при индентификации

самой этой революции античного мира высказываются различные мнения. П. Каталано остановился на использовании древнеримского духовного наследия в историографии нового и новейшего времени, в трудах основоположников марксизма-ленинизма.

Сравнительно-исторический материал для изучения проблемы перехода от рабовладельческого строя к феодальному сохранился в докладах Г. Диттена (ГДР) «Заметки по поводу древнейших проявлений образования государственности у славян», И. Ньямаша (ГДР) «Изменения в формах собственности при пере-

ходе к феодализму в Индии» и М. Шеттелиха (ГДР) «Некоторые аспекты перехода к феодализму в Индии (к специфике феодальных отношений)».

В докладах В. Шмитта, В. Кирша, К. Рудольфа, Э. Пауля, В. Германа (все из ГДР) рассматривались отдельные проблемы позднеантичной идеологии, литературы и искусства.

Конференция явилась плодотворным примером сотрудничества историков разных стран в разработке сложных и спорных вопросов мировой истории.

А. Р. Корсунский

Обзоры

ПРОБЛЕМЫ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ В ЖУРНАЛЕ «KWARTALNIK HISTORYCZNY» ЗА 1970—1976 ГОДЫ

Журнал «Kwartalnik historyczny», орган Института истории Польской Академии наук — одно из старейших в Польской Народной Республике научных изданий. В этом году оно отмечает 90-летие выхода своего первого номера.

Тематический диапазон публикаций журнала чрезвычайно широк, авторский актив журнала многочислен¹. Подавляющее большинство статей посвящено истории Польши, но вместе с тем время от времени печатаются содержательные материалы по истории стран социалистического содружества, Англии, Франции, реже по истории США², Италии; почти отсутствуют специальные статьи по истории Германии, что объясняется, видимо, наличием такого печатного органа, как «Przegląd Zachodni», уделяющего большое внимание новой и новейшей истории Германии.

Предлагаемый обзор журнала за минувшие семь лет, естественно, не может претендовать на исчерпывающую полноту. За пределами рассмотрения остаются разнообразные исследования по истории древности и средневековья, в том числе русского, к проблематике которого журнал обращается постоянно³. Ниже речь идет лишь о некоторых материалах, главным образом по новейшей истории Польши и по теоретическим проблемам исторической науки.

Большой интерес представляет номер журнала, посвященный XIII Международному конгрессу исторических наук (1970, № 3). В нем сосредоточены материалы по актуальным проблемам истории стран Юго-Восточной и Центральной Европы, причем в большинстве статей анализируются события XIX и XX веков.

Вопросы образования и становления системы европейских национальных государств в послеоктябрьский период рассматривают в своих исследованиях Я. Жарновский и А. Чубиньский. Оба автора тщательно изучают причины становления национальных государств в Центральной и Юго-Восточной Европе, убедительно подчеркивают влияние Великой Октябрьской социалистической революции на развитие национально-освободительного движения народов европейских стран. При этом Чубиньский аргументированно критикует утверждения буржуазной историографии о решающей роли ведущих стран Запада и их лидеров в возрождении национальной независимости ряда европейских государств.

Большой раздел того же номера посвящен аграрной истории. В статье Е. Бродовской «Крестьянское движение в Центральной и Восточной Европе в XIX — начале XX в.» анализируются проблемы развития капитализма в сельском хозяйстве, специфика положения крестьян в разных странах этого региона; характер и формы кре-

¹ Кроме польских авторов довольно часто выступают в журнале советские историки, историки-марксисты Франции и Италии.

² В этом смысле выделяется № 2 за 1976 г., три статьи которого касаются истории США.

³ См. статью советского автора В. Б. Вилинбахова «Структура древнерусской культуры X — XII вв.» (1972, № 4), а также историографический обзор З. Вуйцка, посвященный последним советским исследованиям об эпохе Ивана Грозного (1975, № 2).

стьянского движения, его лозунги и требования; возникновение политических организаций крестьянства. Автор обращает внимание на то, что активизация крестьянского движения часто совпадала по времени с подъемом национально-освободительной борьбы. Это обстоятельство особенно характерно для Польши. Бродовская останавливается на таком малоисследованном вопросе, как взаимозависимость между развитием массового движения крестьян и ростом их самосознания, аргументированно показывая, что представления о монархических взглядах крестьян, довольно часто встречающиеся в историографии, значительно преувеличены. Характер аграрной реформы в народной Польше в том же разделе исследует Г. Слабек. Тщательно анализируя ленинский подход к решению аграрного вопроса и советский опыт преобразований в деревне, автор убедительно доказывает, что реорганизация сельского хозяйства, проведенная в Польше в 1944—1948 гг., заложила прочный фундамент сотрудничества рабочего класса и его партии с крестьянством.

Завершает раздел историографическая статья Ю. Шафлика об исследовании истории крестьянского движения в Польше. Автор отмечает, что в последние годы изучение этой проблемы велось достаточно интенсивно. Появилось много содержательных статей и монографий по проблемам крестьянского движения в период разделов Польши и в межвоенное двадцатилетие. Менее всего изучена борьба крестьян в годы гитлеровской оккупации. В статье подчеркивается, что без всестороннего показа разных этапов крестьянского движения нельзя создать полного и глубокого представления о проблемах истории Польши в новейшее время.

Серьезное внимание уделяет журнал проблемам социально-экономического развития Польши, справедливо трактуя эти проблемы как ключевые в понимании сложных процессов, имевших место после создания независимого Польского государства. В статьях «Объем картелизации промышленности в период Второй Речи Посполитой» (1974, № 4) и «Развитие картельного законодательства в межвоенной Польше в свете экономической политики правительства» (1972, № 1) З. Ландау, сопоставляя многочисленные статистические данные, приходит к выводу о весьма высокой степени картелизации польской промышленности. Картелизованы были именно крупные предприятия, в то время как мелкие, обладавшие ограниченными финансовыми ресурсами, ни в какие картели не входили. Ландау, однако, считает, что количество монополистических объединений, существовавших в стране, еще не свидетельствует о степени картелизации промышленности. Главное, по его мнению, не численность картелей, а объем продукции, выпускаемой этими объединениями. Автор приходит к выводу, что до 1926 г. картели не играли сколько-нибудь существенной роли в польской промышленности. После 1926 г. процесс картелизации проходил значительно интенсивнее. В начале 30-х годов 40% промышленной продукции, поступавшей на внутренний рынок, принадлежало картелям. В 1935 г. картелизованные акционерные общества владели 80% всех капиталов. 60% всей польской промышленной продукции давали предприятия, входившие так или иначе в крупные монополистические объединения. Даже уменьшение количества картелей в 1937 г. не снизило доли выпускаемой ими продукции.

Ландау отмечает, что Пилсудский, стремясь к расширению социальной опоры режима, безуспешно пытался привлечь на свою сторону влиятельные хозяйственные круги, до той поры находившиеся под сильным влиянием эндеции. Определенная зависимость правительства от крупного капитала обуславливалась и тем, что наиболее крупные представители финансовой буржуазии субсидировали политическую деятельность пилсудчиков. Вследствие этого, считает Ландау, возникла уния между аппаратом власти и монополиями. Представляется справедливым замечание автора, что в период экономического кризиса и особенно в конце его ситуация изменилась. Теперь уже крупный капитал нуждался в широкой поддержке со стороны правительства. Все заметнее становилось стремление «санации» подчинить хозяйственную жизнь страны государственной политике. В годы экономического кризиса недовольство режимом в значительной степени усилилось, и дальнейшее сужение его социальной опоры грозило серьезными осложнениями. Ландау пишет, что органическая слабость и отсталость польской экономики предопределили ограниченную роль монополий в политической жизни межвоенной Польши.

О роли иностранных капиталов в развитии экономики межвоенной Польши речь идет в статье Я. Кофмана «Крупная промышленность и иностранный капитал в 1920—1939 гг.» (1975, № 2). Автор считает, что с 1918 по 1930 г. государство всеми способами стремилось привлечь иностранный капитал, в то время как в 30-е годы в связи с сокращением притока инвестиций наблюдается иная тенденция — опереться на собственные силы. Такая перемена курса, отмечает автор, объяснялась глубоким кризисом, поразившим экономику крупнейших капиталистических стран, что, в свою очередь, вызвало утечку капитала с польского рынка, сделало иностранных предпринимателей ненадежными партнерами. Кроме того, Кофман подчеркивает, что 30-е годы были периодом усиления автаркических тенденций в экономике, тоталитарных — в политике и общественной жизни Польши. Все это вызывало враждебное отношение к иностранному капиталу преимущественно со стороны мелкой и средней буржуазии. В то же время крупный промышленный и банковский капитал, земельная аристократия связывали с иностранными инвестициями надежды на более интенсивный рост отечественной экономики.

В отличие от широко распространенной в польской историографии точки зрения⁴, что в развитии польской экономики следовало опираться прежде всего на отечественный капитал и внутренние силы, Кофман считает ориентацию на широкое привлечение иностранных средств теоретически более зрелой и для тех условий оптимальной. Он высказывает мысль о том, что Польша в силу ряда причин (положение в системе международных отношений, исторические традиции, размах рабочего движения, многочисленные профсоюзы) не могла стать ни марионеткой в руках иностранных капиталистов, ни сферой их беспощадной эксплуатации. Однако Польша в то время не была и страной высокоразвитого капитализма (как, например, Германия или Бельгия), куда охотно устремлялся частный иностранный капитал, получая высокую прибыль. Таким образом, экономические постулаты крупных польских предпринимателей не выдержали испытания практикой. Суровая действительность вынудила правительство (особенно в последние предвоенные годы) пересмотреть принципы экономической политики, заставила его в большей степени ориентироваться на собственные силы, активнее вмешиваться во все сферы финансово-экономической и хозяйственной деятельности.

Многие из затронутых проблем, как признают и сами польские исследователи, нуждаются в дальнейшем изучении. В целом же вопросы экономического развития межвоенной Польши рассматриваются на страницах журнала довольно подробно и обстоятельно.

Несколько слабее, как нам представляется, отражена картина социального и политического развития страны в эти годы. В журнале пока еще мало публикаций, анализирующих стратегию главных политических партий и лагерей, раскрывающих специфику польских парламентарно-республиканских институтов, выясняющих генезис упадка польского парламентаризма, причины слабости демократической левицы. В дальнейшем изучении нуждаются идеологические особенности и характер санационного режима и направления его эволюции, источники, его питавшие.

В известной степени этот пробел восполняет статья Л. Хасса «У социальных истоков майского переворота» (1970, № 2), в которой рассматривается идейно-политическая эволюция интеллигентско-радикальных кругов, выясняются причины поддержки ими майского (1926 г.) переворота, совершенного Пилсудским. Большой фактический материал дает автору возможность проследить политическое кредо и тактические установки различных групп интеллигенции с самого начала существования независимого Польского государства. Политический либерализм, под знаменем которого выступали эти группы, обилие буржуазно-радикальных программ, имевших целью сгладить социальные конфликты, были обусловлены, по справедливому замечанию Хасса, тем, что старое равновесие сил после Октября 1917 г. безвозвратно исчезло. На арену политической жизни вышел и активно заявил о себе рабочий класс, усилились крестьянские движения. В этих условиях все либеральные и радикальные ин-

⁴ См. Z. L a n d a u. Wpływ kapitałów obcych na gospodarkę Polski 1918—1939 (uwagi ogólne). «Finanse», 1965, № 1.

интеллигентские группы сочли необходимым объединиться, причем самыми горячими сторонниками консолидации были группы интеллигенции, испытывавшие на себе влияние пилсудчиков. Представители именно этих групп к моменту спада революционной волны в Европе сочли себя выразителями высших государственных интересов, стоящими над интересами отдельных классов.

Результаты первых выборов в сейм показали, однако, что принадлежность к интеллигенции перестала быть привилегией, обеспечивающей преимущество на выборах. Кандидаты интеллигентских групп потерпели на этих выборах сокрушительное поражение. С тех пор в среде интеллигенции появляются, а затем и усиливаются антидемократические и антипарламентарные настроения. Граница между многочисленными кругами интеллигенции и пилсудчиками, стоявшими на антипарламентских позициях и ободренными успехом итальянских фашистов, становилась все менее различимой. Автор прослеживает активное сотрудничество либерально-радикальных интеллигентских групп и пилсудчиков начиная с 1923 г. и вплоть до государственного переворота 1926 года. Процесс идейной капитуляции и морального разоружения интеллигенции, как справедливо полагает Хасс, был обусловлен сильнейшим воздействием на нее буржуазной идеологии. В меньшей степени проанализированы в статье исторические, социологические, философские и психологические причины, породившие движение интеллигентских групп вправо.

Раскрытию социальной базы режима Пилсудского посвятил свою статью «Пилсудчиковские профсоюзы» (1971, № 3) С. Айзнер. Он исследует причины, по которым до майского переворота и длительное время после него лагерь пилсудчиков пользовался поддержкой некоторых крупных рабочих организаций. Объяснение этому он находит в незаконченном процессе формирования польского рабочего класса, в организационной разобщенности его даже после возрождения национальной государственности. Кроме того, заблуждение по поводу прогрессивного значения майского переворота, долгое время бытовавшее среди рабочих, в совокупности со сравнительно благополучной экономической конъюнктурой (1926—1929 гг.) усилило в пролетарской среде популярность лозунгов санации. Это, в свою очередь, было на руку реформистской пропаганде пилсудчиковских профсоюзов, декларировавших лозунг борьбы с партийностью и провозглашавших профессиональные организации единственным средством преобразования общества. Пилсудчиковские профсоюзы, пишет автор, выступали за реформы, которые должны были упрочить режим санации. Взамен они «ожидали скромных уступок в социально-экономической области» (стр. 573). Несмотря на то, что четыре крупных профессиональных союза находились под идеологическим влиянием пилсудчиков, Айзнер все-таки не относит их к организациям правого толка. В их деятельности он усматривает и некоторые прогрессивные моменты. К сожалению, в дальнейшем изложении тезис этот не конкретизирован и не подкреплён достаточно веской аргументацией.

Анализ идеологических и политических концепций одной из ведущих и крупнейших партий польской буржуазии, постоянного и сильного соперника пилсудчиков в борьбе за власть содержит статья Р. Вапиньского «Национальная демократия и национальный вопрос в 1893—1939 гг. Из истории националистических тенденций» (1973, № 4). Она интересна не столько новизной материала, сколько попыткой проследить эволюцию взглядов эндеков в тесной связи со спецификой и особенностями исторического развития Польши. Говоря о генезисе этой националистической партии, автор выделяет три важных обстоятельства ее появления. Он обращает внимание, во-первых, на острую конкуренцию, которую испытывал польский капитал со стороны русской, германской и еврейской буржуазии; во-вторых, на интенсивное развитие социалистического движения, порождавшего у национальной буржуазии ощущение слабости своих позиций; и, наконец, в-третьих, на усилившиеся в начале XX в. тенденции германизации и русификации Польши, которые побуждали польскую буржуазию стремиться к сплочению собственных сил.

Документом, окончательно сформулировавшим основные положения националистической доктрины, Вапиньский считает книгу Р. Дмовского «Мысли современного поляка» (1903 г.), ставшую катехизисом польского националистического движения. Социальный характер эндековской идеологии наиболее полно проявился в 1904—1908 годах. Благодаря умелой и дифференцированной пропаганде эндеки пользова-

лись значительным влиянием в кругах ремесленников, рабочих и крестьян. Сильные позиции занимала эта партия и в среде господствующих классов. В первые годы XX в. эндеки формулируют в качестве своей главной политической цели достижение широкой автономии Королевства Польского, что, по сути дела, означало компромисс с царизмом. В этом, как справедливо считает Р. Вапиньский, конкретно проявился реакционный характер эндеков, их воинствующий антисоциализм, страх перед надвигающейся революцией. «Нельзя также забывать, что господствующим классам, интересы которых все более явственно выражала эндеция, более импонировали легальные формы борьбы, ибо они не угрожали экономическому союзу польской буржуазии и русского капитала» (стр. 830). Вапиньский полагает, что Дмовский не мог определить до конца своего отношения ни к России, ни к «восточным кресам» (восточным окраинам шляхетской Польши). Ярый национализм эндеков и их конечные, далеко идущие цели мешали этому.

Мировая война и последовавший за ней период становления независимого Польского государства заставили руководство эндековского лагеря более интенсивно заниматься проблемами текущей политики. В 1922—1939 гг., замечает исследователь, наибольшее влияние на развитие националистических концепций оказывали внутренние противоречия и органические слабости Польского государства, прежде всего сложный национальный вопрос⁵ и слабые позиции Польши в послевоенном мире. Заметную роль в развитии эндековских доктрин сыграли националистические круги университетской молодежи, особенно усилившиеся после майского переворота 1926 года. Подвергнув жестокой критике старшее поколение эндеков, обвинив его в филистерстве, фразерстве, беспомощности и приверженности к парламентаризму, они сформулировали новую программу, содержавшую идею сильного правительства и создания мощного национального капитала. Международный аспект этой программы предполагал укрепление польских позиций в Центральной Европе, включение Гданьска в состав Польши, ликвидацию Литвы как самостоятельного государства. Кроме того, они считали, что в пропаганде националистических лозунгов активнее и значительнее должна быть роль католической церкви. Особое внимание, по мнению Вапиньского, должно быть уделено исследованию национального вопроса в программных требованиях молодых эндеков, которые пытались трактовать литовское, русское и белорусское население Польши как единый польский народ, объединенный духовной общностью и историческим прошлым. В 30-е годы реакционные черты эндековской идеологии приобрели крайние формы. Атмосферу экономического кризиса и подъема революционного движения партия использовала для того, чтобы с помощью махрово-националистических лозунгов усилить свое влияние на мелкую буржуазию и крестьянство. Главной целью эндеков было достижение политической власти.

Сравнительно-исторические исследования, пишет в заключение Вапиньский, дают возможность говорить о том, что националистическая идеология в интерпретации эндеков напоминает в большей степени карлизм в Испании и глинковщину в Чехословакии. В меньшей степени похожа она на германский национал-социализм и итальянский фашизм, несмотря на то, что сами эндеки считали идеологию и тех и других близкой и родственной своим взглядам. Аргументируя свою мысль, Вапиньский указывает на долговременную эволюцию эндековской идеологии от умеренных форм к крайним и на усиление связи между националистским мистицизмом и католицизмом, присущей в равной степени эндекам, карлистам и глинковцам. Думается, однако, что выводы автора должны были подкрепляться более тщательным и всесторонним анализом проблемы, особенно в той части, где речь идет о сопоставлении эндековских доктрин с идеологическими установками фашизма.

Время от времени журнал обращается к вопросам истории и идеологии фашизма. Историографический очерк Ф. Рышки «Общественность и власть при фашизме. К вопросу об истории гитлеризма в свете новых исследований» (1970, № 3) представляет собой обстоятельный разбор работ западногерманских и американских буржуазных авторов, исследовавших главным образом генезис фашизма, процессы становления и укрепления гитлеровской власти, массовую базу фашизма и его взаимоотношения с

⁵ Примерно 40% населения страны составляли лица непольских национальностей.

традиционной элитой, некоторые наиболее существенные черты идеологии и практики фашизма. Внимание автора привлекает стремление ряда буржуазных ученых использовать социологический и психологический анализ в качестве инструмента исследования. Вместе с тем хотелось бы, чтобы автор более определенно показал, в какой мере подобные исследования углубляют и расширяют познания о фашизме, а в какой искажают его подлинную суть. Это тем более важно, что целью очерка, по словам Рышки, является уточнение существующих оценок фашизма и акцентирование на проблемах, еще не исследованных.

Вторая статья того же автора — «Авторитаризм и фашизм» (1972, № 2) — посвящена анализу наиболее характерных черт «санационного» режима. Нужно сказать, что вопрос этот является предметом довольно острых споров и дискуссий в польской исторической науке, не утихающих и по сей день⁶. Многие польские историки, социологи, юристы признают наличие фашистских тенденций в межвоенной Польше⁷. Вместе с тем некоторые из них считают, что в тот период в Европе и, в частности в Польше, существовали авторитарные режимы, отличные от фашизма. Основная мысль статьи сводится к тому, что полный тоталитаризм, который отличает фашистские режимы от всех других моделей диктаторской власти, был свойствен лишь муссолиниевской Италии и гитлеровской Германии. Таким образом, автор дает понять, что представления о санации как польской разновидности фашизма сильно устарели.

Иной, практически неразработанный аспект истории фашизма исследует Е. Борейша в статье «Италия и проявление фашистских тенденций в прибалтийских странах (1922—1940 гг.)» (1974, № 1). Широко используя итальянские источники, автор подробно выясняет характер взаимоотношений Италии с Латвией, Литвой, Эстонией и Финляндией, останавливаясь на том идеологическом влиянии, которое оказывал итальянский фашизм на становление диктаторских режимов в этих странах. Анализ большого и разнообразного фактического материала позволяет ему довольно точно определить генетические связи, существовавшие между итальянским фашизмом и диктаторскими режимами в Прибалтике. Автор указывает на причины, обусловившие распространение в странах этого региона именно итальянской, а не германской модели фашизма. Е. Борейша не идентифицирует итальянский фашизм с военно-полицейской диктатурой, сложившейся в прибалтийских странах. Напротив, он отмечает весьма заметные различия, имевшие место между ними. Однако стремление прибалтийских диктаторских режимов усвоить черты фашистской идеологии, попытки перенести на собственную почву идеи корпоративного государства, а также воинствующий антикоммунизм, как подчеркивается в статье, определяли близость итальянского фашизма и методов господства буржуазии в странах указанного региона.

Содержание журнала свидетельствует о серьезном интересе польских историков к проблемам методологии. В этом плане привлекает внимание статья Е. Топольского «Современные методологические проблемы исторических наук» (1974, № 3). Подвергнув психоаналитические и структуралистские упражнения буржуазных историков глубокой и острой критике, автор отмечает, что их теории не оказали сколько-нибудь заметного воздействия на польскую историографию в силу того, что она прочно опирается на марксистскую теоретическую базу. Топольский выступает за комплексное изучение истории общественной жизни, за создание моделей и использование количественных методов исследования исторического процесса. В связи с этим он ставит вопрос о расширении и обновлении источниковой базы путем привлечения новых категорий источников, относящихся к исторической демографии и позволяющих рассматривать различные общественные группы в их развитии. Автор ратует за более тесные контакты истории с социологией и социальной психологией.

В статье «Экономическое развитие и формирование нации» (1975, № 3) Топольский вскрывает механизм действия разнообразных сил, формирующих нацию, и прежде всего экономического фактора. При этом подчеркивается, что воздействие от-

⁶ См., например, информацию о советско-польском симпозиуме по проблеме «Европейский фашизм»: «Советское славяноведение», 1976, № 4.

⁷ См. A. Kamiński. *Faszyzm*. Warszawa. 1972.

дельных факторов может в значительной степени разниться в зависимости от специфических особенностей существования того или иного государства. Выводы статьи сводятся к следующему: 1. Нация является определенной структурой, развивающейся динамически. 2. Экономический фактор (развитие хозяйства) необходим для развития нации в такой степени, в какой он необходим для возникновения современного общества и государства; однако этот фактор не является достаточным условием появления нации. 3. В различных ситуациях на первый план могут выступать в качестве главных иные факторы, хотя в принципе экономический фактор играет все-таки решающую роль в формировании нации. 4. Экономический фактор никогда не проявляет себя непосредственно. Он находит свое выражение в сознательной деятельности людей. Экономические процессы — результат этой деятельности. 5. Формирование нации, равно как и экономические процессы, может быть и спонтанным и сознательно направляемым.

Другая статья Топольского «Революция в новой и новейшей истории (XVII — XX вв.)» (1976, № 2) во многом созвучна с работой советского исследователя М. А. Барга, посвященной аналогичным проблемам⁸. «Революции являются наивысшим проявлением исторической активности общества», — пишет автор (стр. 263). Он уделяет большое внимание их движущим силам, роли масс, подробно анализирует интересы различных общественных групп в той или иной революции; выявляет роль и непреходящее значение революций во всемирном историческом процессе.

Таким образом, взгляд на историю как на оружие идеологической борьбы, действенное средство революционного обновления мира, столь убедительно прозвучавший в выступлениях ведущих польских историков на II конгрессе польской науки (1973, № 2), широко реализуется в материалах, публикуемых на страницах журнала «Kwartalnik historyczny». Отличительной чертой всех публикаций является широкая источниковая база и высокий научный уровень. Вместе с тем, несмотря на свой сугубо академический характер, журнал адресуется не только историкам-профессионалам, но и массовому читателю. Редакция проявляет постоянный интерес к новым, еще не исследованным сюжетам, ищет своеобразные и свежие формы подачи материала. Относительно большое место занимают в журнале статьи и обзоры, посвященные различным проблемам истории последних 100 лет, что также свидетельствует о возрастающем значении исследований по новой и новейшей истории в современной польской историографии.

Б. Я. Табачников

⁸ М. А. Барг. Сравнительно-историческое изучение буржуазных революций XVI—XVIII вв. «Вопросы истории», 1975, № 9,

Рецензии

«Revolutionäres Parteiprogramm—Revolutionäre Arbeitereinheit. Studien zum Kampf um die Vereinigung des Marxismus mit der Arbeiterbewegung». Dietz Verlag. Berlin. 1975. 622 S.

«Революционная партийная программа — революционное рабочее единство. Исследования о борьбе за соединение марксизма с рабочим движением»

Институты марксизма - ленинизма при ЦК КПСС и ЦК СЕПГ издали в Берлине на немецком языке сборник статей, подготовленный коллективом историков СССР и ГДР¹ и посвященный 100-летию юбилею двух крупных и взаимосвязанных исторических событий: объединения Социал-демократической рабочей партии (СДРП) со Всеобщим германским рабочим союзом в Готе в мае 1875 г. и работы К. Маркса «Критика Готской программы».

100-летие этого важнейшего произведения основоположника научного коммунизма широко отмечалось коммунистическими партиями, вызвало отклики в печати и в научной литературе. Однако рецензируемый сборник оригинален по замыслу и содержанию. Выбор в качестве объекта исследования проблем борьбы за научный и революционный характер программы пролетарской партии и одновременно борьбы за политическое единство рабочего класса позволяет с предельной исторической конкретностью, без модернизации и упрощения, проанализировать и изложить ряд аспектов сложного процесса соединения марксизма с рабочим движением. Сама «Критика Готской программы» предстает благодаря этому перед читателем не только как чрезвычайной ценности теоретический труд, но и как документ политической борьбы, оказавший существенное влияние на формирование и развитие рабочих партий. Но составители и авторы сборника пошли еще дальше: они рассматривают как работу Маркса, так и Готское объединение в исторической перспек-

тиве, прослеживая развитие идеи рабочего единства и борьбы марксистов за научную основу этого единства на протяжении полувека — от «Манифеста Коммунистической партии» до разработанной В. И. Лениным программы РСДРП.

Подход к событиям, 100-летию которых посвящен сборник, как к составному элементу исторического процесса, охватывающего не только Германию, но и международное рабочее движение в целом, является большим достоинством книги и придает ей цельность, обычно достижимую лишь в монографических исследованиях. Авторы большинства статей, где это необходимо, выходят за пределы исследуемого периода, указывают, какое значение имел приобретенный опыт для последующих поколений борцов рабочего класса, какое развитие получали в дальнейшем те или иные теоретические положения и выводы. Они не ограничиваются изложением марксистско-ленинской точки зрения на анализируемые события, но и полемируют со взглядами буржуазных и социал-реформистских историков. Все это делает книгу в высшей степени актуальной.

Статьи, входящие в сборник, расположены по хронологическому принципу. Но по содержанию их можно, хотя и условно, разделить на две группы. В одной из них подвергнуто анализу развитие взглядов классиков марксизма - ленинизма на ряд важнейших проблем теории и практики рабочего движения, в частности проблем единства рабочего класса, а также рассмотрен вклад Маркса, Энгельса и Ленина в разработку программных документов пролетарских партий. Другую группу составляют статьи, в которых непосредственно исследуются некоторые этапные события немецкого и международного рабочего движения и участие соратников Маркса и Энгельса в пропаганде марксизма. Вместе взятые, статьи сборника убедительно демонстрируют неразрывную связь теорети-

¹ Составители и редакторы сборника: Е. Н. Барвенко, У. Германн, Р. Длубек, Э. Кундель (руководитель редакционного коллектива), Б. Г. Тартаковский. Авторы: Г. А. Багатурия, М. Байер, Е. Н. Барвенко, У. Германн, Л. И. Гольман, Р. Длубек, Ю. Зайдель, Э. Кундель, В. А. Морозова, В. Опитц, Б. Рик, Г. Скамбракс, Б. Г. Тартаковский, О. Хинкель.

ческих трудов основоположников научного коммунизма со жгучими проблемами классовой борьбы и с живой революционной практикой.

В открывающей сборник статье Л. И. Гольмана убедительно показано, что уже в «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс выразили мысль о необходимости политического единства рабочего класса для его победы над буржуазией и овладения политической властью. Путь к такому единству лежит через создание самостоятельной политической рабочей партии. Всем своим содержанием «Манифест» учил, что идейной платформой единства может быть лишь революционная теория, научно выражающая интересы рабочего класса. В специфических условиях кануна революции 1848—1849 гг. (а затем и в изменившейся обстановке послереволюционного периода) Маркс и Энгельс ставили проблему борьбы за рабочее единство как проблему идеологическую, политическую и организационную, стратегическую и тактическую, национальную и международную — проблему, требующую для своего решения понимания и учета как главных принципов классовой борьбы, так и особенностей их применения в различных странах.

Создание в Германии в 1869 г. СДРП, первой в истории самостоятельной пролетарской партии, действующей в рамках одной страны, нельзя отделить от деятельности I Интернационала и Маркса как секретаря-корреспондента Генерального Совета — такова ведущая мысль статьи В. А. Морозовой. Образование этой партии было шагом к обеспечению единства рабочего движения на основе революционной программы. Автор исследует деятельность секций и отдельных членов Интернационала, содействовавших решению этих исторических задач. Одним из важнейших факторов, способствовавших идейному созреванию немецкого рабочего класса и объединению двух течений, стал «Капитал». Г. Скамбрасс, посвятивший свою статью этому вопросу, отмечает, что труд Маркса решающим образом содействовал распаду лассальянства и идейно-политическому росту не только эйзенахцев, но и лассальянцев. Е. Н. Барвенко прослеживает процесс нарастания стремления к единству среди немецких рабочих в предшествующие объединению 1871—1874 годы. Она подчеркивает значение Парижской Коммуны как поворотного момента в этом процессе

и показывает, что пролетарское единство создавалось в результате взаимодействия стихийных выступлений рабочих, профсоюзного движения и деятельности революционной эйзенахской партии, престиж и влияние которой росли в ходе проводимых ею (иногда совместно с лассальянцами) политических и экономических акций.

Необходимые предпосылки организационного объединения рабочих партий сложились к осени 1874 года. Непосредственно истории объединения посвящена статья Э. Кунделя, которая дает довольно полную сводку основных фактов, характеризующих сложный и противоречивый процесс образования объединенной партии — Социалистической рабочей партии Германии (СРПГ). Автор указывает, что уже создание СДРП было победой в борьбе за будущее рабочее единство, а основные этапы истории партии — этапами этой борьбы. Готская программа СРПГ была плодом противоречивого развития, которое на заключительной стадии объединительного процесса оставило лишь выбор между объединением на основе компромиссной программы или крушением объединительных стремлений. Автор пишет не только о сектантских и оппортунистических ошибках Готской программы, но и о ее позитивных сторонах: выдвижении ряда важных и правильных социальных и политических требований, провозглашении идеи пролетарского интернационализма, ориентации на борьбу за социалистический общественный строй, заявлении о том, что освобождение рабочего класса должно быть делом самих рабочих. Готская программа была первой в Германии социал-демократической программой, формулировавшей задачу обобществления средств производства.

Р. Длубек и Э. Кундель обстоятельно анализируют теоретическое содержание «Критики Готской программы», особо выделяя постановку Марксом таких проблем, как историческая роль революционной рабочей партии, руководствующейся научной программой, необходимость диктатуры пролетариата, стратегия и тактика рабочей партии в борьбе за власть, сущность пролетарского интернационализма, закономерности коммунистического преобразования общества. Авторы стараются рассматривать эволюцию этих проблем, выявляя, что нового внесла в теорию и практику рабочего движения «Критика Готской программы», как были развиты ее идеи в на-

вых условиях Лениным и коммунистическими партиями. Возникновение и развитие марксистского учения о главных этапах коммунистического преобразования общества исследуются Г. А. Багатурией. Он выделяет и характеризует три главных периода в процессе формирования марксистской концепции будущего общества (1842—1848, 1848—1871, 1871—1895 гг.), которые, в свою очередь, распадаются на несколько стадий. Учение о двух фазах коммунизма, сформулированное Марксом и Энгельсом и развитое далее Лениным и его последователями, имело длительную предысторию, прежде чем выработалось в цельную и определенную систему. Оно явилось итогом исключительно напряженной, более чем 30-летней теоретической работы, освоения и обобщения опыта социально-экономического развития и классовой борьбы.

Две статьи раскрывают вклад соратников Маркса и Энгельса в распространение марксизма в немецком рабочем движении. У. Германн рассматривает на материале периода исключительного закона против социалистов взгляды А. Бебеля на партию. Она показывает, что деятельность Бебеля определялась правильным пониманием исторической роли рабочего класса и его партии. Применяя марксистские принципы к проблемам строительства массовой пролетарской партии, Бебель решающим образом способствовал формированию в Германии такой партии, которая в целом соответствовала представлениям Маркса и Энгельса и благодаря этому оказалась способной пережить исключительный закон против социалистов. Роли журнала «Neue Zeit» в деле разработки революционной партийной программы в 1886—1891 гг. посвящена статья Б. Рик.

История разработки выдающегося программного документа германской социал-демократии — Эрфуртской программы СДПГ — излагается в статье М. Байер. Автор характеризует обсуждение программного вопроса на съезде в Галле в 1890 г., рассматривает проект программы, подготовленный правлением партии, замечания Энгельса на этот проект, проект редакции «Neue Zeit», дискуссию в партии перед Эрфуртским съездом и после него. Байер сообщает, что при составлении проекта редакции «Neue Zeit» Каутский имел возможность учесть присланный ему по просьбе Энгельса отзыв последнего о проекте правления. Этим лишний раз подтвержда-

ется, какой важный вклад внес Энгельс в подготовку окончательного проекта программы. Анализируя постановку в Эрфуртской программе проблемы государства и политической власти, автор справедливо отмечает, что революционные лидеры германской социал-демократии, хотя и не могли включить в программу требование диктатуры пролетариата, но выступали в защиту этой идеи. Однако понимали они ее несколько односторонне и не во всей глубине, видя в диктатуре пролетариата лишь средство для подавления сопротивления буржуазии. Принятие Эрфуртской программы означало победу марксистского мировоззрения в немецком рабочем движении. В эпоху домонополистического капитализма она была наиболее зрелой в научном отношении из всех программ марксистских рабочих партий.

Ю. Зайдель посвятила свою статью сотрудничеству немецкой и французской рабочих партий при подготовке к основанию II Интернационала. Созыв Парижского рабочего конгресса 1889 г. стал возможен благодаря тому, что немецкие и французские марксисты при неоценимой помощи Энгельса преодолели в духе пролетарской солидарности многочисленные трудности, препятствия и разногласия. Предметом статьи Б. Г. Тартаковского является до сих пор недостаточно исследованная проблема отражения марксистских идей в программах социалистических партий в последней четверти XIX века. При всей своей принципиальной требовательности к научному уровню партийных программ, Маркс и Энгельс учитывали в каждом отдельном случае и уровень идеологической зрелости, и степень организованности, и исторический опыт рабочего движения данной страны. Особая требовательность их по отношению к германской социал-демократии объяснялась, в частности, ведущей ролью, которую к середине 70-х годов прошлого века начинало играть рабочее движение Германии. Автор показывает, что в 70-е — 80-е годы XIX в. программные документы социалистических партий и организаций Австрии, Бельгии, Великобритании, Дании, Испании, Италии, России, Швейцарии, Швеции и других стран создавались под влиянием Готской программы СРПГ или программы Французской рабочей партий. Уже в это время основные идеи научного коммунизма стали в большей или меньшей степени общим достоянием сознательных рабочих, хотя партий-

ные программы несли еще на себе печать мелкобуржуазных утопических влияний. Возникновение II Интернационала в 1889 г. и принятие Эрфуртской программы СДПГ в 1891 г. открыли новый этап в идеологическом развитии партий, способствовали закреплению марксистских принципов в их программных документах. Но и тогда в партийных программах, соответствовавших в общем идеям научного коммунизма, ставился абстрактно или даже обходился вопрос о путях и средствах завоевания политической власти пролетариатом, отсутствовала характеристика государства переходного периода. Задачу дальнейшего уточнения и совершенствования программных документов социалистических партий в эпоху империализма решила революционная российская социал-демократия под руководством Ленина.

Помощи, которую Энгельс оказывал немецкому рабочему движению в 1890—1895 гг. в распространении марксизма и в борьбе против оппортунизма, посвящена статья В. Опитц. В работах Энгельса, в его замечаниях и советах, адресованных руководителям немецкой социал-демократии, выяснение теоретических проблем самым тесным образом увязывалось с усилиями обеспечить выдержанность партийной идеологии и политики. Энгельс добивался понимания того, что оппортунизм классово враждебен рабочему движению; в число носителей оппортунистических идей он включал не только проникающие в партию мелкобуржуазные элементы, но и «аристократию в рабочем движении», равно как переродившихся партийных чиновников и литераторов. Уже тогда Энгельс говорил о необходимости разрыва с оппортунистами, если они проявляют неспособность отказаться от своих чуждых пролетариату и вредных взглядов.

Завершает сборник статья О. Хинкеля о разработке Лениным программы РСДРП. Автор констатирует тесное родство ленинского подхода к формулированию партийной программы с программными документами Маркса и Энгельса, с их критическими замечаниями в адрес проектов Готской и Эрфуртской программ. Принятая II съездом РСДРП программа впервые в истории международного рабочего движения выдвигала задачу установления диктатуры пролетариата, ранее ставившуюся только в работах основоположников марксизма.

Конечно, сборник не исчерпывает поставленную проблему. Коль скоро он в широком плане исследует процесс вызревания в немецком рабочем движении предпосылок для создания подлинно научной, марксистской программы, в нем явно недостает работы о предыстории, содержании и роли Эйзенахской программы СДРП. Лишь фрагментарно рассмотрен чрезвычайно важный для идеологического роста германской социал-демократии, укрепления ее единства и утверждения в ней марксизма период от Готского объединения до Эрфуртского съезда, в особенности—эпоха исключительного закона против социалистов. Из-за этого остается недостаточно выявленной роль ряда важных произведений Маркса и Энгельса, а также имеющих программное значение работ деятелей немецкого рабочего движения.

Частные недостатки есть и в отдельных статьях. В. А. Морозова, обрисовав вкратце историю созыва Эйзенахского съезда, к сожалению, лишь глухо упомянула о том, что еще в апреле 1869 г. А. Бебель и В. Либкнехт начали подготовку к созыву съезда Союза немецких рабочих обществ с целью его преобразования в «демократически-социалистическую партию». Между тем это — крайне важный факт, свидетельствующий (вопреки тому, что до сих пор пишут буржуазные историки), что инициатива создания социал-демократической партии исходила не от бывших лассальянцев, порвавших с И. Б. Швейцером, а от марксистов. Об этом стоило бы сказать подробнее. Е. Н. Барвенко и Э. Кундель при анализе объективных и субъективных предпосылок преодоления раскола в рабочем движении не уделили должного внимания общезвестному и очень значительному обстоятельству: уходу в прошлое тактических разногласий между партиями в связи с завершением объединения Германии.

Сборник отличается высоким научным уровнем, содержательностью и глубиной анализа, богатством фактического материала. Даже в тех случаях, когда речь идет о вопросах изученных, авторы не повторяют уже написанного ранее, а предлагают новые выводы, вводят новые, либо систематизируют под углом зрения проблематики сборника уже известные факты.

В. В. Чубинский

Věra a Miroslav Hrochovi. *Křižáci v Levantě*. Praha. «Mlada Fronta». 1975. 313 s.

В. и М. ГРОХИ. *Крестоносцы на Востоке*.

Крестовые походы на Восток — «вечная» тема исторической науки. В трудах буржуазных медиевистов и ориенталистов она стала в послевоенный период одной из ведущих¹. Ученые-марксисты, раньше сравнительно мало занимавшиеся ее изучением, ныне активно разрабатывают эту проблематику.

Изучение истории крестовых походов с позиций марксистско-ленинской методологии осуществляется в первую очередь исследователями, работающими в СССР и других социалистических странах. Рецензируемая книга принадлежит перу чехословацких историков — преподавателей философского факультета Карлова университета в Праге супругов В. и М. Грохов. Она представляет собой первую и, насколько нам известно, единственную в чешской историографии обобщающую работу на данную тему.

Авторы придали книге научно-популярную форму, что отнюдь не лишает ее характера научного исследования. В значительной мере оно строится на основе первоисточников (латинских хроник XII—XIII вв., сочинений современных крестовым походам арабских и византийских писателей и историков, записок путешественников и т. п.). В то же время авторы довольно полно учитывают результаты новейших исследований (советских, западноевропейских и американских).

Добротная в целом «фактура», на которую опираются авторы, позволила им достоверно рассказать об этом феномене средневековья, передать историю крестовых походов как массового военно-колониационного движения, направленного в страны Восточного Средиземноморья. Сравнительно с традиционным освещением фактического материала книга интересна, в частности, тем, что она затрагивает почти не изученные эпизоды «священных войн». Так, авторы особо останавливаются на участии чехов в завоевательных войнах западноевропейского рыцарства в Палестине, напри-

мер, во II и в III крестовых походах (стр. 118—120, 173, 176). «Национальный колорит» присутствует и в рассуждениях, касающихся укоренившейся на Западе апологетической традиции крестовых походов (рассказ о посещении чешским королем Карлом IV французского двора, когда высокому пражскому гостю была продемонстрирована инсценировка победоносного сражения крестоносцев во время I крестового похода — стр. 285). Вероятно, выделение этой темы подсказано не столько действительной исторической значимостью участия чешских воинских отрядов в крестовых походах, сколько стремлением авторов учесть специфические интересы читательской аудитории.

Главное, однако, чем привлекает книга, — это оригинальный ракурс, в котором излагается фактическая история крестоносных войн. Авторы считают, что крестовые походы «интересны для нас не своими битвами и завоеваниями», существенно, пишут они, другое: осмысление этих войн как «встречи трех цивилизаций — западноевропейской, византийской и мусульманской» (стр. 6). Безусловно, такой подход к изучению названной проблематики чрезвычайно перспективен, особенно потому, что он позволяет выяснить подлинное значение крестовых походов во всемирной истории, крайне преувеличиваемое апологетической буржуазной историографией. Представление о крестоносцах как «пионерах величия Запада и соответствующая «актуализация» крестоносных войн в ряде трудов, изданных в последние десятилетия, были идеологически и политически заострены против национально-освободительных движений, в частности арабских народов, и в период «холодной войны» — против социалистических стран. Правда, указывается в книге, усилиями реалистических мыслящих буржуазных исследователей (А. С. Атия, К. Казн и др.), в том числе традиционалистов (С. Рэнсмен), создана более критичная интерпретация крестовых походов. Однако и до сих пор все еще продолжают появляться работы вроде книги американца А. Даггена², в которых грабители

¹ В обширной литературе последних лет выделяется монументальное, запланированное в шести томах и уже наполовину реализованное издание американских историков. «A History of the Crusades». General Editor — K. M. Setton. Vol. I—III. Madison—Milwaukee — J. 1969—1975.

² A. D u g g a n. The Story of the Crusades, 1097—1291. N. Y. 1964 (в 1969 г. эта книга была переиздана в Лондоне).

и убийцы по-прежнему идеализируются и изображаются героями, а читателей пытаются убедить в том, что «западные рыцари основывали королевства, где процветали свобода и справедливость» (стр. 287).

В свете этих соображений избранный авторами угол зрения на крестовые походы в высшей степени оправдан. Многие положения и выводы книги заслуживают в целом положительной оценки. Это в первую очередь относится к характеристике внутреннего строя государств крестоносцев на Востоке (гл. 5), где оттеняется, в частности, религиозно-политическое бесправие как восточных христиан, так и прежде всего мусульман в период владычества западных завоевателей (стр. 204 и сл.). В плане разоблачения мифа о «цивилизаторской миссии» Запада интересно изложение перипетий IV крестового похода (гл. 6): авторы отклоняют различные, как они утверждают, «позитивистски ограниченные» (стр. 227) версии об «уклонении крестоносцев с пути», исходя из того, что все эти версии (теория «германской интриги» и др.) покоятся на заведомо ложном представлении о бескорыстии баронов и рыцарей. Ход событий, приведший в апреле 1204 г. к разгрому Византии, объясняется куда проще: определяющие интересы феодалов-грабителей и представившийся им случай разбогатеть за ее счет совпали. В итоге Константинополь пал жертвой завоевателей (стр. 230—231).

Наиболее содержательна и в полной мере соответствует намеченной авторами постановке проблемы глава о ближайших и отдаленных итогах крестовых походов. Основной вывод книги сводится к тому, что крестоносцы не достигли целей, за которые сражались, а если они и добились кратковременного утверждения своего господства на Востоке, то крайне дорогой ценой: крестовые походы не только «подняли мутную волну массовых убийств мусульманского и христианского населения в завоеванных восточных городах», но и возбудили в мусульманском мире ответную реакцию — разгорелась священная война ислама (джихад), ознаменовавшаяся на протяжении столетий такими же жестокостью и фанатизмом, как и те, которые сопровождали крестовые походы (стр. 288).

Господство крестоносцев на Востоке оказалось скоропреходящим. Их государства там исчезли навеки, и «песок забвения занес следы закованных в латы рыцарей

зadolго до того, как на Западе поблекли воспоминания об их жестоких и героических деяниях» (стр. 289). Существование государств крестоносцев не внесло каких-либо принципиальных перемен в левантскую торговлю, что часто приписывается крестовым походам: если ее расширение и происходило, то «вне зависимости от фанатизма европейских крестоносцев», а основные пути коммерческих сношений Запада с Востоком в XII—XIII вв. проходили отнюдь не через портовые города государств крестоносцев, но через Византию и Египет (стр. 284). Что касается «вклада» крестовых походов в культурное развитие Европы, то представление, будто крестоносцы опосредовали культурный обмен европейского и арабского миров, лишено основания. Прославленные плоды арабской цивилизации и культуры, подчеркивается в книге, как, впрочем, и в ряде других работ историков-марксистов приходят в XII—XIII вв. в Европу главным образом через Испанию, Сицилию и Северную Африку. «Даже во времена наивысшего расцвета государств крестоносцев Западная Европа гораздо больше воспринимала восточные влияния и античные традиции от умирающей Византийской империи, чем через страны Леванта» (стр. 290).

Общее заключение об итогах «встречи» трех цивилизаций сформулировано в книге весьма четко. В противовес концепциям апологетов крестовых походов авторы выдвигают и обосновывают три основных положения: тезис о несостоятельности идеи единства западных христиан как во время крестовых походов, так и впоследствии (стр. 289); тезис о превосходстве мусульманской и византийской цивилизаций над западноевропейской, представлявшей в XI—XIII вв. более низкую ступень развития феодального общества (стр. 290—291); тезис об отрицательном в целом историческом значении крестовых походов. Итогом взаимодействия трех цивилизаций, протекавшего во времена крестовых походов в форме длительного вооруженного конфликта, с полным основанием указывают авторы, явилось не сближение этих цивилизаций, а обострение противоречий между ними, их отдаление друг от друга и в конечном счете их уход в глухую изоляцию. «Этот результат, безусловно, принадлежит к самым важным и заслуживающим внимания сторонам в истории средневекового феодального общества» (стр. 292).

Ряд положений книги представляется недостаточно аргументированным и спорным. Так, при освещении фактической истории событий авторы нередко отказываются от традиционных толкований отдельных явлений. Однако не всегда такой шаг обоснован, а объяснения, предлагаемые авторами, не везде покоятся на солидной основе. Давно устарел, например, взгляд, принятый когда-то историками крестовых походов, будто «вершиной хронографии» этого движения является труд Гийома Тирского (стр. 124—125). Ведь он писал много десятилетий спустя после событий 1096—1099 гг., опираясь на произведения непосредственных участников, komponуя их известия сообразно собственным взглядам и логике; в отношении достоверности и непосредственности восприятия его труд намного уступает сочинениям очевидцев, писавших по горячим следам событий, и не имеет значения наиболее важного, как полагают авторы, источники по истории I крестового похода, то есть вовсе не составляет в этом смысле «вершину» хронографии.

Успехи первых крестоносцев объясняются в книге преимущественно поддержкой, оказанной им Византией, ее сухопутными войсками и военно-морским флотом, осадными механизмами и продовольствием (стр. 128—129). Это, конечно, значительное преувеличение. Известно, например, что, находясь под Антиохией в 1098 г., крестоносцы стремились избавиться от коварного и преследовавшего своекорыстные цели союзника: отряд византийского военачальника Татикья поспешил ретироваться из лагеря осаждавших Антиохию крестоносцев, как только распространились слухи о приближении армии мосульского атабега Кербоги. При столкновении с нею крестоносцы были предоставлены собственной участи и одержали верх над войском эмиров без какого бы то ни было содействия Византии.

Характеризуя причины участия рыцарей в I крестовом походе, авторы отвергают традиционное представление, в соответствии с которым в погоню за землями особенно рьяно включались младшие, оставшиеся без уделов сыновья феодальных сеньоров. Для XI в., полагают авторы, такое представление-де неправильно, поскольку в это время имущество сеньора уже делилось поровну между всеми прямыми потомками (стр. 138). В действительности, как это доказано в специальных ис-

следованиях³, именно в XI—XII вв., когда, например, в некоторых районах Франции фонд свободных земель был исчерпан, возникает тенденция к «замыканию» феодальных родов: поскольку дробить вотчинные владения было запрещено, увеличивалось число рыцарей, не имеющих ленов, не обзаведшихся семьей и т. д. Это были в первую очередь младшие сыновья светских феодалов.

Авторы справедливо указывают на общее оскудение рыцарства, которое и побуждало его отправляться на чужбину, однако обстоятельство, породившее это оскудение, освещают не вполне адекватно: в книге утверждается, что в обстановке умиротворения, наступившего в Европе после прекращения набегов норманнов, арабов и венгров, в условиях укрепления королевской власти «сократился спрос на услуги рыцарей» и поэтому у них повысился «интерес к судьбам восточных христиан» (там же). На самом деле об умиротворении в западном феодальном обществе для конца XI в. говорить вовсе не приходится — ведь как раз одной из задач Клермонского собора было наведение порядка в этом отношении. А о каком укреплении королевской власти может идти речь для этой эпохи — времени расцвета феодальной раздробленности? Авторы поневоле сдвигают «назад» исторические процессы, относящиеся, по существу, к более поздним временам. Да и вообще едва ли верно представлять рыцарей XI в. в качестве неких ландскнехтов, как это невольно получается в книге при описании их положения. Особая воинственность, в частности французского рыцарства, готового участвовать в любой военной авантюре и составлявшего, по Ж. Дюби, «наиболее агрессивный элемент» в феодальном обществе⁴, коренилась прежде всего в условиях развития феодальной экономики данного периода.

Причины отправления на Восток крупных феодалов Запада также изображаются несколько неточно: их будто бы толкали честолюбие, «престижные соображения» (стр. 138 и сл.). Между тем такие князья, как Боэмунд Тарентский — и об этом свидетельствует все его поведение во время

³ См.: G. Duby. Les «Jeunes» dans la société aristocratique dans la France de Nord-Ouest au XII siècle. In: G. Duby. Hommes et structures du Moyen âge. Recueil d'articles. P. 1973, pp. 213—223.

⁴ G. Duby. Op. cit., p. 216.

переговоров с Алексеем Комнином в Константинополе в 1096—1097 гг. и в месяцы борьбы за Антиохию в 1098 г. — пустились в крестовый поход вовсе не по престижным мотивам: будучи обладателями пышных титулов, они не располагали необходимыми для их носителей земельными владениями.

Вызывает возражения и объяснение в книге причин участия крестьян в крестовом движении (стр. 140 и сл.). Авторы и здесь отбрасывают установившееся в науке представление об XI столетии как времени жестокого феодального гнета, неурожая и голода; напротив, по их мнению, в этот период будто бы наметились тенденции к освобождению крестьян от крепостной зависимости и повышению их жизненного уровня, стала расти урожайность (технический прогресс в сельском хозяйстве) и т. д. (стр. 141). Утверждения подобного рода не опираются на проверенные факты и во всяком случае решительно противоречат свидетельствам хронистов конца XI — начала XII века. Что касается динамики урожайности, то первые данные для каких-либо сопоставлений в этом плане появляются в источниках только в XIII веке. Для конца XI в. такие сведения совершенно отсутствуют. А тот факт, что это было время жесточайшего крепостнического гнета, является, пожалуй, общепризнанным в литературе⁵. Отвергая его, авторы возвраща-

ют читателя к давно изжитому в историко-географии взгляду на причины массовости I крестового похода: эти причины, как утверждается в книге, коренятся в росте населения (стр. 141—142). Таким образом, движение сотен тысяч людей на Восток объясняется чисто демографическими факторами. Конечно, рост населения, по-видимому, имел место, но он происходил крайне медленно, неравномерно в отдельных областях и сам по себе ни в коей мере не объясняет массового характера I крестового похода.

Можно было бы отметить ряд мелких погрешностей в книге, однако лицо ее, разумеется, определяется не теми или другими недочетами. Перед нами — серьезная и содержательная работа о крестовых походах. Последние рассматриваются в ней в качестве важного звена в цепи европейских миграционных движений и крупного эпизода в истории военно-феодальной экспансии. Поэтому авторы правомерно сравнивают крестовые походы на Восток с захватническими предприятиями немецкого рыцарства в Восточной Европе в XII—XIII веках (стр. 291). К достоинствам книги следует отнести и тщательно выполненный картографический материал, а также лаконичную, но полезную хронологическую сводку основных событий крестовых походов (таблицу), помещенную в виде приложения в конце работы.

М. А. Заборов

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

«Исторически преглед». София. 1977, № 1.

Б. Матеев. II конгресс Болгарского исторического общества; Д. Петрова. Из истории политической деятельности Болгарского земледельческого народного союза (1930—1931 гг.); А. Данчева-Васильева. Болгария и Латинская империя (1207—1218 гг.); Сообщения: М. Д. Дихан, Г. П. Чернявский. Организация болгарских политэмигрантов в СССР (1922—

1929 гг.); Г. Плетнев. Государственная деятельность тынновского фабриканта Ст. Карагезова в период национального Возрождения; И. Божилов. Болгарский князь Белота (начало XIII в.); Методология и методика: А. Тодорова. Некоторые проблемы методологии истории; Дискуссии и обсуждения: Д. Косев. По поводу дискуссии о роли болгарской буржуазии в национально-освободительном движении; И. Митев. К вопросу

о движущих силах болгарской национальной революции и участия в ней буржуазии.

«Asien, Afrika, Lateinamerika». Berlin. 1977, № 1.

Г. Вебер. Пятая конференция глав правительств неприсоединившихся стран в Коломбо; А. Бабинг, Р. Фойгтлендер. Освещение конференции неприсоединившихся стран в Коломбо западногерманской прессой; Р. Фронхёфель. Международные объединения производителей минерального сырья в развивающихся странах. Их организация и роль в антиимпериалистической борьбе; О. Баттман, К. Якоб. Проблема рабочей силы в арабских странах; А. Г. Коккиев. Развитие национально-демократической революции в Эфиопии; Г. Левин. Искажение литературных и исторических традиций Китая в ходе «культурной революции»; Р. Гриниг. Показатели уровня развития стран Азии, Африки и Латинской Америки.

«Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung». Berlin. 1977, № 2.

Г.-Ю. Арендт, Й. Кирхнер, И. Мюллер, Е. Шотте, С. Шольце. 30 лет Демократического союза женщин Германии — 30 лет борьбы за мир, демократию и социализм; Х. Бартель. К вопросу о борьбе марксизма против ревизионизма в германском рабочем движении в конце XIX в.; Г. Бензер. Первое Мая в год освобождения; Документы и материалы: Кто написал статью «Республика в Испании»? (В. Оплиц); Научные сообщения: В. Чубинский, В. И. Ленин о В. Либкнехте; Д. Гётце. Развитие международного коммунистического женского движения в период между III и IV конгрессами Коминтерна; Г.-Ю. Арендт. Международный женский конгресс против войны и фашизма в 1934 г. в Париже; Р. Беккер. Поддержка КПГ со стороны Межрабпома в создании единого фронта рабочего класса и всех трудящихся (1929—1932 гг.); Биографические очерки: Морис Торез — великий ленинец (Г. Кёлер).

«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1977, № 3.

Э. Диль. Задачи исторической науки ГДР после IX съезда СЕПГ; М. Вайсбеккер. Ультраправые организации империализма и трудящиеся массы; И. Петцольд. Монополистический капитал и фашистская идеология. К вопросу о роли «молодых консерваторов» в Веймарской республике; Г. Бляйбер. Буржуазия и буржуазный переворот в Германии. Состояние разработки и задачи исследования проблемы.

«Dzieje Najnowsze». Warszawa. 1976, № 3.

Ж. Корманова. Профессор Н. Гонсеровская; М. Папежиньская-Турек.

Православная церковь в Польше в 1918—1927 гг. Юридическое положение и внутренние конфликты; К. Бобиньска-Романова. Экономическая отсталость и тенденции развития в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (1920—1929 гг.); Я. Майхровски. Национал-радикальный лагерь в период легальной деятельности (1935 г.); Ж. Ванвелькенхаузен. Освобождение Северной Франции и Бельгии. Некоторые аспекты военных операций; А. В. Вильчак. Дилемма разделения и объединения Германии в общественном мнении ФРГ.

«Przegląd Zachodni». Poznań. 1976, № 3.

Е. Красуски. Германия в творчестве Ю. Словацкого; Е. Слезиньски. Ян III Собеский в германской беллетристике (1870—1970 гг.); Б. Перлак. Возникновение, развитие и упадок немецкого историзма; М. Чаплиньски. К вопросу о начале строительства военно-морского флота вильгельмовской Германии; Материалы: Проблематика Западных земель в деятельности Союза обороны западных границ — Польского западного союза (1921—1939 гг.).

«Zapiski historyczne». Toruń. 1976, № 3.

Г. Ловмяньски. Три концепции феодализма в польской историографии до 1939 г.; К. Ясиньски. Разрушение Гданьска Тевтонским орденом в 1308 г.; А. Вычаньски. Женщины — заведующие фольварками в Серадзском старостве в XVI в.; А. Мончак. Заработная плата и деньги в сельском хозяйстве Польши XVI—XVII вв.; З. Гульдон. Организация обществ скиперов, штурманов и хлебомеров в Северной Польше в XVI—XVII вв.; С. Сальмонович. О регламентации мешанских нравов в г. Торунь XVI—XVIII вв. (очерк проблематики); Е. Дыгдала. Крупнейшие города Королевской (польской) Пруссии в отношении к реформе монетных дворов 1765—1766 гг.; А. Пионтковски. Город Нове на Висле в первой половине XIX в. Из проблематики малых городов провинции Западная Пруссия; Источники и материалы: Первоисточники о приговоре императора Сигизмунда Люксембургского в польско-тевтонском судебном процессе во Вроцлаве 6 января 1420 г.

«Zapiski historyczne». 1976, № 4.

Э. Рымар. «Wartizlaus Złauinie». К вопросу о родословной князей Западного Поморья в XII в.; Б. Зентара. Прусские дела в политике Генрика Борогатого; С. Хмелевски. Рыбно-садовое хозяйство Мальборкского замка в 1396—1400 гг.; Г. Боокманн. Ян Фалькенберг и Тевтонский орден; А. Мончак. Олендры и гбуры (свободные крестьяне) в Зайончковском арендуемом земельном владении Поморского воеводства. Эмфитевтическая аренда в фольварочно-барщинной системе

XVI—XVII вв.; Р. Козловски. Население Быдгошского (Поморского) воеводства в 1945—1948 гг. (ч. II).

«Z pola walki». Warszawa. 1976, № 4.

Т. Сероцки. Концепция Польской рабочей партии (ППР) относительно единства рабочего движения в 1942—1948 гг.; Р. Назаревич. Эволюция концепции ППР относительно вооруженного восстания (1942—1944 гг.); Н. Коломейчик. ППР и коммунистические и рабочие партии Центральной и Юго-Восточной Европы в народной революции (1944—1948 гг.); Ю. Якубовски. Проблемы восстановления Варшавы в деятельности столичной организации ППР (1945—1948 гг.); Биографии: Б. Дымек. Судьбы семьи Налязкув; Материалы и воспоминания: В. Качоха. Проблематика культуры в программных документах и публицистике ППР в 1942—1944 гг.; М. Спыхальски. Из воспоминаний.

«Anuarul Institutului de istorie și arheologie «A. D. Xenopol». Iași. XIII. 1976.

Д. Чуря. Молдавия в период 1834—1849 гг.; Н. Гостар. Лонгин — полководец императора Траяна на Дунае; К. А. Стоиде. Отношения между Молдавией и Польшей в 1683—1684 гг.; Н. Гайдагис. Из истории Центральной библиотеки университета в Яссах; А. Зуб. Иоан Сбира (1836—1916 гг.) и румынская Академия наук; Г. Бузату. Образование и раскол «парламентского блока» 1919—1920 гг. Глава из политической истории Румынии; В. Ф. Добринеску. Яские студенты и революционные преобразования в Румынии после второй мировой войны; Е. Негричу. Изготовление униформы для молдавских «слуйтори» в начале XIX в.; Т. Матееску. Деревня Добруджи в XIX в. (ч. I); К. Ангелеску. Организация судебной системы Молдавии в середине XIX в., по описанию греческого юриста; М. Ватаву. Б. Стефанеску-Делавранча и борьба за национальное единство Румынии; И. Агригорэи. Социалистическая партия и некоторые проблемы национальной экономики (1918—1921 гг.); С. Истрате. Конфронтация между предпринимателями и рабочим классом Румынии по проблемам трудового законодательства (1923—1928 гг.); Ш. Бужоряну. Проф. О. Тафрали и его исследования; Д. Шандру. Конверсия долгов народными банками в 1929—1933 гг.;

И. Бендитер. Политика Англии в отношении Германии в 1934—1937 гг.

«Slezský sborník». Opave. 1976, № 1.

О. Каня. Наука и агрессивная политика германского империализма в период Веймарской республики (ч. I); И. Матейчек. Население окраинных зон промышленных областей в 1880—1914 гг.; Ш. Бартошова. О нацистских планах «окончательного решения» чешского вопроса; Б. Грацова. Польская «санационная» пресса и экономические проблемы Чехословакии в конце 1938 года.

«Slezský sborník». 1976, № 2.

Д. Гавречки, Я. Махачова. Рабочее движение в Северо-Западной Чехии до 1938 г. Состояние изучения, литература, источники; О. Каня. Наука на службе агрессивной политики германского империализма в период Веймарской республики (ч. II); В. Арндт. Банкротство фашистской аграрной и национальной политики в Северной Моравии; Э. Вавровски. Эмиграция Л. Свободы из Чехословакии в 1939 году.

«Slezský sborník». 1976, № 3.

Перспективы развития общества; К. Помайзл. О современном этапе национальных отношений в Чехословакии; Г. Соколова и др. Об исследованиях по проблеме национальных отношений в Остравской области; И. Матейчек. Основные тенденции экономического развития Северочешского угольного бассейна; Я. Кутногогоска. Исследования о роли полупролетариата в развитии рабочего движения в период капитализма; Л. Чермакова. Развитие культурной структуры населения Шумперской области в период капитализма (до 1930 г.); Л. Докоупил. Территориальное происхождение населения Остравской области до первой мировой войны.

«Slezský sborník». 1976, № 4.

Материалы конференции о состоянии и перспективах исследования промышленных областей; И. Пржикрыл. Отклики на нападение фашистской Германии на Советский Союз в антифашистском движении Сопротивления в Центральной и Северной Моравии; В. Коваржова. К вопросу о процессе концентрации населения в Остравской области (1869—1930 гг.).

РЕЦЕНЗИИ НА СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ *

Анисимов Г. Охрана памятников истории и культуры. Сборник документов. М. 1973. 191 стр. Рец.: Maliszewski J.—«Ochrona zabytków». Warszawa. 1976, № 1, s. 71—72.

Башарин Г. П. Некоторые вопросы историографии вхождения Сибири в состав России. Якутск. 1971. 136 стр. Рец.: Watrons St.—«American Historical Review». Washington. 1976, vol. 81, № 4, pp. 905—906.

Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения 1815—1832. М. 1975. 626 стр. Рец.: Saul N. E.—«Russian Review». Stanford. 1976, vol. 35, № 4, pp. 473—474.

Борисов О. Б., Колосков Б. Т. Советско-китайские отношения 1945—1970. Краткий очерк. М. 1971. 479 стр. Рец.: Lensen G. A.—«American Historical Review». Washington. 1976, vol. 81, № 4, p. 913.

«Во главе защиты Советской Родины. Очерк деятельности КПСС в годы Великой Отечественной войны» (Авт.: Н. А. Буцко, А. Н. Вербило и др.). М. 1975. 407 стр. Рец.: Materski W.—«Z pola walki». Warszawa. 1976, № 3, s. 245—249.

«Города Сибири (Экономика, упр. и культура городов Сибири в досоветский период)». Новосибирск. 1974. 300 стр. Рец.: Watrons St.—«American Historical Review». Washington. 1976, vol. 81, № 4, pp. 905—906.

«Документы и материалы по истории советско-польских отношений». Т. 7. 1939—1943 гг. М. 1973. 511 стр. Рец.: Burks R. V.—«American Historical Review». Washington. 1976, vol. 81, № 4, p. 918.

Ефремов А. Е. Европейская безопасность и кризис НАТО. Банкротство политики «устрашения». М. 1975. 271 стр. Рец.: Цветков Л.—«Международные отношения». София. 1976, кн. 4, стр. 130—132.

Жилин П. А. Проблемы военной истории. М. 1975. 397 стр. Рец.: Ságvári Gyö.—«Hadtörténeti közlemények». Budapest. 1976, № 4, 731—732. old.

«Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М. Ф. Раевского. 40—80 гг. XIX в.». М. 1975. 576 стр. Рец.: Podrimavský M.—«Historický časopis». Bratislava. 1976, č. 4, s. 601—604.

Заседателева Л. Б. Терские казаки (Середина XVI—начало XX в.). Ист.-этногр. очерки. М. 1974. 423 стр. Рец.: Menning B. W.—«Russian Review». Stanford. 1976, vol. 35, № 4, pp. 474—475.

«История второй мировой войны. 1939—1945». В 12-ти тт. Т. 1. М. 1973. 367 стр. Т. 2. М. 1974. 479 стр. Рец.: Cieślak T.—«Kwartalnik historyczny». Warszawa. 1976, № 1, s. 205—209.

«История второй мировой войны 1939—1945». В 12-ти тт. Т. 4. М. 1975. 535 стр.

Рец.: Tóth S.—«Hadtörténeti közlemények». Budapest. 1976, № 4, 725—726. old.

Копылов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII—начала XIX в. Новосибирск. 1974. 252 стр. Рец.: Watrons St.—«American Historical Review». Washington. 1976, vol. 81, № 4, pp. 905—906.

«Крах первого нашествия империалистов на Страну Советов». (Авт.: Н. Н. Азовцев, Б. И. Баромыкин, П. Н. Дмитриев и др.). М. 1973. 439 стр. Рец.: Józsa A.—«Hadtörténeti közlemények». Budapest. 1976, № 4, 733—735. old.

Круталевич В. А. Рождение Белорусской Советской Республики (На пути к провозглашению республики. Октябрь 1917—декабрь 1918 гг.). Минск. 1975. 334 стр. Рец.: Tomaszewski J.—«Kwartalnik historyczny». Warszawa. 1976, № 4, s. 913—916.

Лаврычев В. И. Крупная буржуазия в пореформенной России. 1861—1900 гг. 1974. 252 стр. Рец.: King V. A.—«Russian Review». Stanford. 1976, vol. 35, № 4, pp. 480—481.

Осипова Т. В. Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М. 1974. 350 стр. Рец.: Veuga D.—«Jahrbuch für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden. 1976. Bd. 24. H. 3, S. 426—430.

«Проблемы государственного строительства в первые годы Советской власти». Л. 1973. 363 стр. Рец.: Науманн Н.—«Jahrbuch für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden. 1976, Bd. 24. H. 3, S. 431—433.

«Проблемы археологии и древней истории угров». Сб. статей сов. и венг. археологов. М. 1972. 312 стр. Рец.: Häusler A.—«Zeitschrift für Archäologie». Berlin. 1976, № 1, S. 146—150.

«Проблемы развития феодализма и капитализма в странах Балтики. Доклады исторической конференции. 25—27 ноября 1975». Тарту. 1975. 349 стр. Рец.: Klonder A.—«Przegląd historyczny». Warszawa. 1976, z. 4, s. 671—674.

«Рабочий класс — ведущая сила Октябрьской социалистической революции». Сб. статей. М. 1976. 414 стр. Рец.: Frisch B.—«Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung». Berlin. 1977, № 1, S. 154—157.

«Развитие советской исторической науки 1970—1974». М. 1975. 479 стр. Рец.: 1) Katsch G.—«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1976, H. 12, S. 1446—1447. 2) «Biuletyn informacyjny (Instytut krajów socjalistycznych PAN)». Warszawa. 1976, № 41, s. 78—81.

Репид А. В. Образование Молдавской АССР. Кишинев. 1974. 183 стр. Рец.: Jacobs F. M.—«Slavic Review». Seattle. 1976, vol. 35, № 3, p. 554.

Свешников И. К. Історія населення Передкарпаття, Поділля і Волині в кінці III—на початку II тисячоліття до нашої ери. Київ. 1974. 207 стр. Рец.: 1) Buchvaldek M.—«Archeologické rozhledy». Praha. 1975, č. 5, s. 585. 2) Krzak Z.—«Archeologia Polski». Wrocław e. a. 1976, t. 21, z. 2, s. 409—413.

* Перечень составлен по журналам, поступившим в Институт научной информации по общественным наукам АН СССР в феврале 1977 года.

Хроникальные заметки

◆ В связи с 75-летием со дня выхода ленинской работы «Что делать?» в марте 1977 г. в Лейпциге состоялась теоретическая конференция. Йохен Поммерт сделал доклад об актуальном значении этого труда для повседневной идеологической работы. Дитер Улиг выступил с сообщением «75 лет «Что делать?» и свобода критики сегодня». Дальнейшая работа конференции развернулась в пяти секциях, где обсуждались следующие проблемы: значение марксистско-ленинской теории для построения развитого социалистического общества в ГДР, возрастание роли СЕПГ, формирование социалистической идеологии, обострение идеологической борьбы двух систем, политическая работа в массах. В конференции принимали участие ученые и партийные работники из Болгарии, Польши, СССР и ЧССР.

◆ Научный совет по империализму (ГДР) провел в апреле 1977 г. конференцию, посвященную главным проблемам труда В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма». Был сделан ряд докладов и сообщений по общей теме «Ленинская теория империализма и современные международные монополии». Вступительный обзор исследований по теме представил Хорст Хайнинггер. В ходе дискуссии рассматривалась борьба профсоюзов против международных монополий.

◆ В ГДР увидел свет исторический атлас Америки. В него вошли 76 карт из старинных публикаций, дающие представление об открытии, исследовании и заселении Нового Света, а также об отдельных этапах этих процессов и топографической истории развития крупнейших городов. К изданию на английском яз. приложены введение и комментарии на немецком яз. («America in Maps Dating from 1500 to 1856». Zusammengest. und hrsg. von E. Klemp. Leipzig. Verlag für Kunst und Wissenschaft. 1977. 294 S.).

◆ Материалы научной конференции, посвященной 30-летию подписания договора о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Польшей, вошли в сборник «СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь». В статьях сборника дана оценка этого сотрудничества, освещены его этапы, рассказано о материально-технической и политической помощи, которую СССР оказал Польше. Отдельно подобраны выступления по экономическим вопросам, научно-техническому сотрудничеству, идеологическим связям, братству по оружию, общим действиям по укреплению социалистической системы, борьбе за мир и безопасность народов («ZSSR—Polska: przyjaźń, współpraca, pomyś wzajemna». Materiały konferencji naukowej poświęconej 30-leciu Układu o Przyjaźni, Pomocy Wzajemnej i Współpracy Po wojennej pomiędzy ZSSR i PRL. Warszawa. KiW. 1976. 508 str.).

◆ 18 статей польских и советских авторов помещены в сборнике «История польско-русских контактов в сфере этнографии».

Они повествуют об этнографических изысканиях на территории Сибири и Средней Азии в XIX в., в которых участвовали представители польской науки («Historia kontaktów polsko-radzieckich w dziedzinie etnografii». Wrocław. Ossolineum. 1976. 260 str.).

◆ Материалы тематического симпозиума, состоявшегося во время XI съезда польских историков, составили содержание сборника «Крестьянство в политической жизни стран третьего мира. О сравнительном анализе истории крестьянских движений». Среди статей: К. Гавликовский. Исторические традиции и обусловленность развития крестьянских движений в Китае нового времени; З. М. Ковалевский. Крестьянство и революционное партизанское движение в странах третьего мира («Chłopsztwo w życiu politycznym trzeciego świata». Z rozważań porównawczych nad dziejami ruchów chłopskich. Red. T. Łepkowski. Wrocław. Ossolineum. 1976. 193 str.).

◆ В книге Тадеуша Сероцкого «Варшавская организация ППС в 1944—1948 гг.» нашли отражение следующие вопросы: особенности деятельности этой организации; формы ее работы в годы гитлеровской оккупации (начальный период подполья, образование ВРН, борьба за единство пепезовцев, участие в Варшавском восстании); восстановление организации и ее повседневная практика после освобождения страны. Заключительная глава посвящена сотрудничеству ППС и ППР вплоть до их объединения (T. Sierocki. Warszawska organizacja PPS 1944—1948 гг. Warszawa. PWN. 1976. 348 str.).

◆ Коллективный труд «Чтоб не покрывались мраком забвения» посвящен роли польских женщин в борьбе с гитлеровскими оккупантами. В него вошли материалы научной сессии, проведенной еще в 1971 г. Лигой женщин, Союзом борцов за свободу и демократию и Военно-историческим институтом. Материалы излагаются по разделам: женщины в рядах Войска Польского; женщины в движении Сопротивления; женщины на военной службе; женщины в подпольной учебе и в борьбе за сохранение памятников национальной культуры; мартиролог польских героинь («By nie odeszły w mrok zapomnienia». Udział kobiety polskiej w II wojnie światowej. Warszawa. KiW. 1976. 449 str.).

◆ На фоне социально-политической действительности 1870-х — 1880-х годов представил деятельность организатора первой польской пролетарской партии Л. Варыньского Ежи Таргальский. Упор сделан на период, предшествовавший созданию партии «Пролетариат» (J. Targalski. Ludwik Waryński. Warszawa. KiW. 1977. 268 str.).

◆ Воспоминания Юзефа Когутека, члена Компартии Польши и Польской рабочей партии, охватывают межвоенный период и годы фашистской оккупации. Деятельность автора развевывалась на Жешувщине и Краковщине, а затем в районе Варшавы, где он руководил боевыми действиями

Гвардии Людовой и Армии Людовой (J. Kogutek. Gdy byliśmy osaczeni. Warszawa. MON. 1976. 338 str.).

◆ Основываясь на личных воспоминаниях и опросе свидетелей, Томаш Собаньский рассказывает о злодеяниях фашистов в Польше в 1939—1945 гг. и последующей карьере многих нацистских палачей. Он отдает также дань уважения немецким антифашистам (T. Sobański. Zbrodnie, kary i kariery. Warszawa. MON. 1976. 202 str.).

◆ Проблемы организации польских военных формирований на Западе в годы второй мировой войны исследовал Винцент Ивановский. Вторая часть его книги посвящена боевым действиям этих соединений (W. Iwanowski. Z dziejów formacji polskich na Zachodzie 1939—1945. Warszawa. MON. 1976. 398 str.).

◆ Германские планы агрессии на Восток, которые вынашивались в первой половине 1919 г., накануне подписания Версальского договора — тема новой книги Петра Лоссовского. Он рассматривает усилия, предпринимавшиеся тогда немецкой реакцией для закрепления своего влияния в Восточной Европе (P. Łossowski. Między wojną a pokojem. Niemieckie zamysły wojenne na Wschodzie w obliczu traktatu wersalskiego, marzec — czerwiec 1919 roku. Warszawa. KiW. 1976. 353 str.).

◆ Драматическая судьба Клайпеды в межвоенные годы, клайпедская проблема в европейской политике, а особенно в немецком Drang nach Osten рассмотрены в монографии Сергиуша Микулича (S. Mikulicz. Kłajpėda w polityce europejskiej 1918—1939. Warszawa. KiW. 1976. 352 str.).

◆ Отношений между государством и церковью в социалистических странах касается книга Михала Сташевского. Автор исследует также вопрос о контактах этих стран с Ватиканом (M. T. Staszewski. Państwo a związki wyznaniowe w europejskich krajach socjalistycznych. Warszawa. KiW. 1976. 411 str.).

◆ Увидел свет первый том «Истории искусства в очерках», написанный Мечиславом Порембским. Книга охватывает эпоху от каменного века до средневековья. Автор раскрывает связь между искусством и социально-экономическими и идеологическими факторами (M. Porębski. Dzieje sztuki w zarysie. T. I. Warszawa. Arkady. 1976. 303 str.).

◆ Институт балканистики Болгарской АН регулярно публикует ежегодную хронику событий «Болгария на Балканах». В последнем выпуске, охватывающем 1974 г., отмечены основные вехи внешней политики Болгарии в балканском регионе, контакты обществности, деятельность различных организаций. Специально оговорено, почему затронуты также отношения с Кипром. В целом этот выпуск является продолжением опубликованной ранее «Хроники внешнеполитической деятельности НРБ за 1944—1973 годы» («България на Балканите. Хроника на събитията, 1974». София. БАН. 1976. 123 с.).

◆ Широко иллюстрированное издание о памятниках войны за независимость в Плевенском округе, увидевшее свет к ее сто-

летию, содержит пояснительный текст Г. Тодоровой и М. Василевой к каждой фотографии. В книге приведены также памятные материалы о второй мировой войне. Вторая часть книги посвящена русским героям битвы 1877 г. под Плевной с изложением их биографий («Паметници на признателността в Плевенски окръг». София. Партиздат. 1976. 157 с.).

◆ Центр исторической социологии (Франция) выпускает «Материалы по истории рабочего движения». 2-я тетрадь серии, в рамках подсерии о движении трудящихся масс между двумя мировыми войнами, касается 1929—1936 годов. Авторы А. Дебрюсс, А. Голе и А. Монтрэ построили свою работу в виде системы восьмилетних хроник, в каждой из которых взят на рассмотрение конкретный сюжет: жизнь и деятельность текстильщиков, металлостов, шахтеров, строителей, кожевников, химиков, сельскохозяйственных рабочих, каменщиков, пищевиков, транспортников, моряков, рыбаков, докеров, связистов, рабочих прочих специальностей (в совокупности). В заключение рассмотрены общенациональные и местные формы пролетарского движения (H. Desbrousses, A. Gaulet, A. L. Montré. Le Mouvement des masses ouvrières en France entre les deux guerres. Fasc. 2. Lyon. Vauvecour. 1976. 160 p.).

◆ Известный американский историк Герберт Аптекер написал для серии «История американского народа» книгу о первых годах существования независимых США (1783—1793). Основное внимание он уделяет проблеме выработки конституции (борьба вокруг ее отдельных статей, движение за принятие новой конституции, лежавшие в ее основе политические теории, социальное содержание, утверждение), а также рассматривает деятельность первого правительства, положение индейцев и негров, реставровку классовых сил в стране, роль города и деревни в борьбе за независимость (H. Aptheker. Early Years of the Republic. New York. International Publishers. 1976. 167 p.).

◆ Очередной, 22-й том бумаг Вудро Вильсона охватывает ноябрь 1910—май 1911 г., когда будущий президент США стал сенатором и одним из лидеров Демократической партии. Публикуются его интервью, переписка с видными политическими деятелями, речи, газетные статьи, должностные выступления и телеграммы. Главный редактор издания — Арчер Линк («The Papers of Woodrow Wilson». Vol. 22. Princeton. PUP. 1976. 630 p.).

◆ «Общество любекской истории и древностей» (ФРГ) выпускает свой ежегодник. В его очередной, 56-й том включены следующие статьи: В. Хубач. Любек и император Фридрих II; Г. Нойманн. Любекский синдик XV в. Иоханнес Остхузен; Э. Хардер-Герсдорфф. Русский экспорт XVII в. через Ригу в Любек; Л. Вилльде. О памятниках ганзейского города Любек; У. Ланге. Происхождение Любека; Ю. Рэец. Два любекских духовных лица XIV в. Генрих из Кульма и Госвин Гропе. В томе помещен также ряд сообщений о средневековых Любеке, Гамбурге, Бремене,

Ганзе в целом, Голштинии и Шлезвиге («Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde». Bd. 56. Lübeck. Verlag Max Schmidt-Römhild. 1976. 142 S., VIII Taf.).

◆ Преподаватель Австралийского национального университета, археолог и этнограф К. Макнайт в работе о роли макассарских ловцов трепангов, моряков и торговцев в освоении Северной Австралии воссоздает малоизученные страницы истории этой части материка с XVIII по начало XX века. Специальные рубрики посвящены им индонезийскому и китайскому мореплаванию в Арафурском море и контактам азиатских мигрантов с австралийскими аборигенами (C. C. Macknight. *The Voyage to Marege*. Carlton (Victoria). MUP. 1976. 175 p.).

◆ Гийрагэ считался крупнейшим мастером историко-эпистолярного жанра в XVII веке. 300 неизданных его писем, касающихся различных сторон тогдашней жизни во Франции и Португалии и представляющих собой любопытный исторический источник, опубликованы отдельным изданием. Их первый анализ дал во введении Франсуа Деллоффе (Guilleragues. *Correspondance*. Vol. 1—2. Genève. Droz. 1976. 1124 p.).

◆ Одним из своеобразных средневековых западноевропейских источников являются анонимные «авантюрные» сочинения, отображающие феодальный быт. Порою они оформлялись в виде «ле» — небольших повестей, иногда рифмованных. Ирландская исследовательница О'Тобин характеризует такие анонимы XII—XIII вв. из Бретани, разделяя их по жанру на феерические (мифология), сюрнатуралистические (легенды), дидактические (церковно-нравоучительная мистика), бурлескные (ярмарочный фольклор) и обычные (сельские повествования) (P. M. O' Tobin. *Les lais anonymes bretons des XIIe et XIIIe siècles*. Genève. Droz. 1976. 416 p.).

◆ Неаполитанский маркиз Джованни Бонифачо в 1557—1597 гг. находился в изгнании, участвуя в политической борьбе,

развернувшейся вокруг Реформации, и оставил ценную библиотеку в Гданьске. Его биографию написал Манфред Велти, проживший к ней ряд редких неопубликованных документов той эпохи (M. E. Welter. *Giovanni Bernardino Bonifacio, Marchese d'Oria, im Exil*. Genève. Droz. 1976. 318 p.).

◆ В 1976 г. археологи Венгрии вели исследовательские работы в 173 местах страны. В г. Печ выявлен средневековый христианский мавзолей с находящейся под ним позднеантичной базиликой. В г. Сомбатхей расширены раскопки на месте дворца императорского наместника в селении Сабарий возле лагеря римских легионеров.

◆ В ходе раскопок, проводившихся американскими археологами в Греции, на Коринфском перешейке, обнаружена мозаика на полу бани I в. до нашей эры. Она составлена из черных и белых мраморных плит с изображениями нимф, восседающих на тритонах, и Эроса верхом на дельфине. Вокруг них резвятся рыбы и ползают раки. Центральная часть пола обрамлена прямоугольниками, покрытыми геометрическими фигурами. Это помещение являлось частью святилища Посейдона и служило местом сбора для участников церемоний на «морских» празднествах.

◆ Чехословацкие египтологи в Абу-Сире (юго-западнее Каира) нашли прошедшим летом в песках гробницу Хекеретнебти, дочери фараона Джеккара Исеси (XXV в. до н. э.). Несмотря на то, что в свое время гробница была разграблена, в ней сохранился ряд предметов обихода — алебастровые блюда, бронзовые сосуды, связки игл и спиц. Саркофаг изготовлен из цельного куска известняка. На внутренних стенках саркофага много надписей и рисунков.

◆ Иранские археологи вели раскопки в северо-западной части страны, где открыли осенью 1976 г. поселения эпохи древнего Урарту. Обнаружены массивные крепостные укрепления, жилые дома, храмы с фресками на внутренних порталах, предметы быта.

МНИМАЯ «ДРЕВНЕЙШАЯ ЛЕТОПИСЬ»

Более 20 лет назад в малоизвестном журнале «Жар-птица», издававшемся на русском языке в Сан-Франциско (США) ротационным способом, была опубликована серия статей двух русских эмигрантов — писателя Ю. П. Миролюбова и этимолога-ассиролога А. А. Кура. В сенсационном духе эти авторы, весьма далекие от специальных занятий русской историей, сообщали об открытии древнейшего якобы источника по истории восточных славян — так называемой Влесовой книги (в ней упоминается Велес, Влес — бог скота и денег у восточных славян). Они утверждали, что находка является оригинальным памятником, составленным около 880 г. языческими жрецами, которые использовали знаки докириллического алфавита. Написана книга, по уверению Миролюбова, на дощечках (в количестве примерно 35). В 1919 г. во время наступления белогвардейских войск на Москву некий Ф. А. Изенбек, полковник Добровольческой армии, нашел эти дощечки в каком-то помещицком имении то ли Курской, то ли Орловской губернии; принадлежало имение то ли князьям Задонским (или Донским, Донцовым), то ли князьям Куракиным. Текст «Влесовой книги» в 1954—1959 гг. был опубликован в том же эмигрантском журнале.

Уже эти сведения настораживали. Никакого княжеского рода Задонских (или Донских, Донцовых) в России не существовало. Справки, наведенные у одной из Куракиных, не подтвердили наличия имения, принадлежавшего этой фамилии в указанных губерниях. Кто такой Изенбек, у которого Миролюбов якобы видел в 1925 г. пресловутые «дощечки» в Бельгии, где оба они проживали после бегства из революционной России? Примечательно, что ни тот, ни другой не показали их никому, в том числе специалистам из Брюссельского университета. «Дощечки» (если они существовали) исчезли после смерти Изенбека (август 1941 г.), остались только копии (прориси и фотографии), сделанные Миролюбовым и переправ-

ленные им в Русский музей — архив в Сан-Франциско.

Несмотря на многие темные и неясные моменты в истории с находкой «дощечек», нашлись люди, поверившие Миролюбову. Среди них был и С. Я. Парамонов — энтомолог, бежавший в 1943 г. вместе с фашистскими оккупантами из Киева, перебравшийся затем в Австралию и получивший там должность правительственного энтомолога. Помимо основной своей специальности, он занимался историей и литературоведением. В 1950—1960-е гг. им был опубликован (под псевдонимом Сергей Лесной) ряд книг о происхождении славян, истории Древней Руси, «Слове о полку Игореве»; в некоторых из них он сообщал об упомянутых выше «дощечках». Наконец, в 1966 г. он выпустил посвященное им сочинение «Влесова книга» (вып. I. Виннипег. 1966). Дилетантизм С. Лесного в гуманитарных науках, псевдонаучность и крайне низкий уровень его трудов в этой области давно отмечены советскими учеными.

Характерно, что те лица, которым стал доступен текст «дощечек», на протяжении многих лет хранили молчание об этом как будто бы уникальнейшем памятнике. Все они были в науке людьми случайными. С. Лесной даже в наиболее близкой ему области (например, в работах о «темных местах» «Слова о полку Игореве», связанных с упоминаниями природных явлений) проявил себя как дилетант. «Его исследования», — отмечалось в «Трудах» Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома АН СССР, — порочное, позорное явление в истории изучения «Слова о полку Игореве», в полном смысле темное место в изучении великого памятника»¹.

¹ Н. В. Шарлемань. Сергей Парамонов и «Слово о полку Игореве». ТОДРЛ. Т. XVI. М.-Л. 1960, стр. 616. В примечании к этой работе говорилось: «Редакция ТОДРЛ не считает возможным вступать в спор с С. Лесным по вопросам филологическим, историческим и прочим ввиду полной его некомпетентности в гуманитарных науках» (там же, стр. 611).

Итак, со времени обнаружения «дощечек» никто из специалистов за рубежом ими не занимался. В конце 1950-х годов фотография текста одной из них (точнее, фото с прориси или копии Миролубова) была прислана С. Лесным на заключение в Комитет славистов СССР. В отзыве, данном 15 апреля 1959 г. акад. В. В. Виноградовым, и в статье Л. П. Жуковской² указанный текст характеризовался как подделка. Это устанавливалось путем анализа графики, палеографии, орфографии текста, воспроизведение которого весьма далеко от научных способов (изготовление фотографии не с «дощечки», а с прориси или копии, наличие ретушировки).

Казалось бы, все это должно было положить конец дальнейшему распространению сведений о так называемой Влесовой книге. Однако в статье В. Скурлатова и Н. Николаева («Неделя», 1976 г., № 18) читатели были вновь оповещены о существовании памятника, который (если будет доказана его подлинность) должен быть причислен к открытиям, проливающим якобы новый свет на древнейшую историю восточных славян. Правда, авторы ставят вопрос как будто альтернативно: памятник, который они называют «таинственной летописью» или «Влесовой книгой», может быть, с их точки зрения, или подделкой, «интересной мистификацией», или «бесценным памятником мировой культуры»; «следствие» о «Влесовой книге», пишут они, «еще не закончено, и научный суд над ней не вынес окончательного приговора». Содержание же статьи показывает, что В. Скурлатов и Н. Николаев склонны считать «таинственную летопись», написанную на «дощечках», источником достоверным, подлинным. Поскольку содержание ее «необычно», «не укладывается в рамки существующих представлений о древности славянской письменности», постольку, многозначительно замечается во вводных словах к статье, «недоверие было первой реакцией некоторых ученых». Тем самым авторы как бы отмежевываются от ученых, высказывающих сомнения в подлинности «Влесовой книги».

Вопрос об ее подлинности важен потому, что в ней идет речь о восточных славянах, их хозяйственных занятиях, верованиях, столкновениях с соседями и прочих событиях, происходивших с начала I тыс. до

н. э. почти до конца IX в. н. э., то есть на протяжении почти двух тысяч лет. В. Скурлатов и Н. Николаев полагают, что прародителем русов был Богумир и что «во времена Богумира, то есть в конце II тыс. до н. э., и в Северную Индию и в нынешнюю Венгрию пришли из Центральной Азии племена скотоводов, одинаковые по хозяйственному укладу, обычаям, обрядам, богам, горшкам и внешнему облику. Они очень похожи на древних славян-русов, изображенных во «Влесовой книге». В статье утверждалось также, что «древней письменностью пользовались обитатели пространств от Дуная до Хуанхэ» за две с лишним тысячи лет до финикийцев, в IV тыс. до нашей эры».

С той же «легкостью необыкновенной» В. Скурлатов и Н. Николаев подходят к обстоятельствам находки рекламируемого ими памятника и к оценке его содержания и языка. «В начале этого века,— пишут они,— в старинном имени под Орлом была найдена рассыпавшаяся связка ветхих дощечек, испещренных неизвестными письмами». Туман некоей таинственности окутывает и все последующее изложение, вводя читателей в явное заблуждение. Авторы склонны думать, что «Влесова книга» написана русским докирилловским письмом, в котором использованы знаки, предшествовавшие тем, которые были включены Кириллом в составленный в 863 г. вариант славянской азбуки. Вполне возможно, что до Кирилла и существовало какое-то «руское письмо». Но В. Скурлатов и Н. Николаев ошибаются, когда утверждают: «К сожалению, даже сама эта мысль допускается редко»,— и делают многозначительный вывод: «А где не ждуть, там и не ищут». Далее высказывают соображения о том, какими путями следует вести поиск: о рунических письменах германских и тюркомонгольских племен и народов, с которыми «активно общались» древние славяно-русы; алано-хазарских надписях на камнях и флягах VIII—IX вв. (их знаки «почти совпадают с буквами кириллицы и особенно глаголицы»); финикийском алфавите, древнееврейской, древнегреческой и других системах письма. В обстановке возникновения и развития древних систем письма и могли появиться древние славяно-русские памятники дохристианской поры; именно таким свидетельством, возможно, и является «Влесова книга»,— заключают В. Скурлатов и Н. Николаев. К сожалению, указанные авторы не одиноки в попытках усмотреть

² Л. П. Жуковская. Поддельная докириллическая рукопись (К вопросу о методе определения подделок). «Вопросы языкознания», 1960, № 2, стр. 142—144.

реть во «Влесовой книге» достоверный источник. Время от времени сообщения подобного рода продолжают появляться³.

Между тем по проблеме существования письменности у восточных славян дохристианского периода накопилась обширная литература, и само существование докирилловского письма — «протокириллицы», а также «протоглаголицы» — изучалось дореволюционными и советскими учеными⁴. Формирование «протокириллицы» (на основе использования греческого буквенно-звукового письма) они относили к VII—VIII векам. Черноризец Храбр в сказании «О письменах» (конец IX — начало X в.) сообщает о славянах-язычниках, что они не имели «книг» и букв, а использовали «черты» и «резы»; эта более древняя манера письма, так называемая пиктографическая, или фигурная, начала применяться, согласно новейшим исследованиям (например, о «календарных знаках» на вазах и кувшинах черняховской культуры), уже во II—V веках. Приведенные и многие другие свидетельства источников давно показали, что в дохристианский период восточные славяне использовали какое-то не сохранившееся до нашего времени письмо (или разные его виды) в силу растущих потребностей своего общественного развития, сначала в пору формирования из небольших и разрозненных родовых коллективов более крупных, сложных и прочных объединений — племен и союзов племен, затем в эпоху вызревания в среде последних элементов классовых отношений и государственности. Протокириллическим письмом и были, возможно, написаны те книги и документы дохристианской поры, о которых глухо упоминают древние авторы.

«Влесова книга» не может быть отнесена к числу памятников того времени. Дело в том, что подделки под древний текст можно довольно легко выявить, зная закономерности развития языка, путем сравнительно-исторического изучения родственных языков и диалектов. Как известно, языки развиваются во времени, но это развитие неодинаково реализуется в пространстве. В результате в определенное время и на определенной территории язык характеризуется сочетанием только ему присущих

особенностей. Благодаря этому можно установить предыдущие и последующие этапы развития языковых черт. Историкам, знакомым с древнерусскими и средневековыми письменными источниками новгородского происхождения, хорошо известно, например, «цоканье» — неразличение на письме (вследствие неразличения в устной речи!) букв Ц и Ч. Так же, если писец не слышал разницы между Ф и фитой, он путал обе буквы. Имея опору в своем произношении, тот же древнерусский писец не спутает М и Ж, Р и П, З и К, но может спутать Ч и Ц, Ф и фиту и т. д.; позднее начнется неправильное употребление букв Е — ять, О — А и т. п. На совпадении безударных гласных основаны многие ошибки нашего правописания. Однако в рукописях XII—XIII вв. (если исключить смоленские с их ранним смешением Е и ять) таких ошибок нет, так как в то время все названные звуки произносились различно в соответствии с происхождением (этимологией).

Фальсификатор, желающий подделаться под древний язык, если создаваемый им текст достаточно велик, непременно допустит какую-либо нелепую ошибку, которой не может быть в подлинном тексте или из-за его хронологической отнесенности, или из-за территориальной (следовательно, языковой и этнической) приуроченности. Например, о фальсификаторе первой трети XIX в. А. И. Сулакадзе академик И. И. Срезневский писал: «В подделках он употреблял неправильный язык по незнанию правильного, иногда очень дикий»⁵.

«Влесова книга» выдается за текст, написанный до того, как у славян появились глаголица и кириллица. В то время у них (всех славян!) бытовали только открытые (оканчивающиеся на гласный звук) слоги, носовые гласные О и Е, особые звуки ять, Ъ, Ь; после мягких согласных могли следовать только определенные гласные звуки, а после твердых, наоборот, другие. Были и иные особенности фонетики и морфологии, позднее исчезнувшие или изменившиеся по разным языкам. Но орфография «дощечек» показывает, что тот, кто их надписал, не умел обозначать носовые: он воспроизводил их в соответствии с тем, как это гораздо позже делалось в польском языке; в то же

³ См., например, заметки В. Вилинбахова и В. Старостина. «Неделя», 1976, № 33; Д. Жукова — «Огонек», 1977, № 13, стр. 29.

⁴ См., например: В. А. Истрин. 1100 лет славянской азбуки. М. 1969.

⁵ «Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями И. Срезневского». «Сборник Отделения русского языка и словесности». Т. V, вып. 2. СПб. 1873, стр. 412.

время на «дощечках» есть места, показывающие изменения, которые позднее произойдут в сербском, хотя эти процессы взаимоисключают друг друга. Во «Влесовой книге» отражено смещение Е и ять, которое появится только в смоленских грамотах в начале XIII в., отвердение шипящих и Ц — процесс еще более поздний в славянских языках; приведена глагольная форма БЯ вместо существовавшей бѣ; при слове женского рода употреблено числительное в мужском роде; имеется ряд нелепостей в склонении существительных, в образовании причастий и т. п. и т. д.

Содержание «Влесовой книги», ее язык (о чем можно судить хотя бы по тому отрывку, который приведен в статье В. Скурлатова и Н. Николаева) свидетельствуют, что перед нами явная подделка. Авторы, пытающихся доказать обратное, нисколько не спасают рассуждения о «совершенно неожиданной картине далекого прошлого славян». Во «Влесовой книге» речь идет о славянах-скотоводах, живших «за тысячу триста лет до Германриху» — за 13 столетий до готского вождя середины IV в. Германариха (то есть в начале I тыс. до н. э.). Ни автор «Повести временных лет» (начало XII в.), располагавший многими источниками, ни авторы первых повестей, летописей и предполагаемых летописных сводов конца X—XI в. не сообщают о славянских племенах и князьях даже V—X вв. таких сведений, какие содержит составленная якобы в конце IX в. «Влесова книга» о временах гораздо более отдаленных, отстоявших от ее «появления» почти на два тысячелетия! Не спасают В. Скурлатова и Н. Николаева и исторические параллели, связанные с характеристической передвижкой из Центральной Азии в Европу скотоводческих племен, среди которых, по их мнению, могли быть и славяне. Эту «оригинальную версию о степном центральноазиатском происхождении наших предков» авторы, со ссылкой на историков-«евразийцев», а также на итальянских археологов, ведущих раскопки в Пакистане, поддерживают, хотя давно доказано, что славяне задолго до этого (еще в III тыс. до н. э., во времена трипольской культуры) были земледельцами и автохтонами, то есть обитали в районе Среднего Поднепровья.

Текст «Влесовой книги», повествующий о славянских праотцах Богумире и Оре, их дочерях и сыновьях, от которых пошли названия славянских племен (древляне, кри-

вичи, поляне, северяне, русь), настолько наивен, что даже В. Скурлатов и Н. Николаев вынуждены признать, что ее язык «действительно понятен не до конца», что в тексте встречаются «лингвистически вроде бы противоречивые языковые образования». Тем не менее они утверждают, что «писцы «Влесовой книги» знали, о чем писали», а на дереве писали-де многие древние народы (далее сказано и о Бояне, который «растекался мыслью по древу», и о берестяных грамотах, и о еловой палочке из киргизского Ачекташа с вырезанной на ней «Таласской надписью», и т. д.).

В. Скурлатов и Н. Николаев, которые приводят ряд правильных сведений о древнейших этапах истории восточных славян, развитию их письменности, в основном заполнили свою статью рассуждениями и параллелями, не опирающимися на новейшие достижения науки. На приведенный ими отзыв В. В. (а не Л., как у В. Скурлатова и Н. Николаева) Виноградова, авторитетнейшего специалиста по истории русского языка, авторы, по существу, не обратили внимания. Между тем высказывавшееся им мнение о «Влесовой книге», как одной из подделок Сулакадзева, имеет веские основания. Акад. М. Н. Сперанский отмечал «грубую и наивную» подделку Сулакадзева, названную последним «Перуна и Велеса вещания в киевских капищах жрецам Мовеславу, Древославу и прочим...». В 1812 г. отрывок из этих якобы древних «вещаний», поверив в них, перевел на современный русский язык Г. Р. Державин. Сулакадзев имел своего рода «музей», в котором хранились и подлинные рукописи (нередко со вставками на полях самого фальсификатора) и подделки, изготовленные им самим. В каталоге своего собрания рукописей Сулакадзев упоминает, между прочим, источники, вырезанные на досках, например, «предревний» синодик. Там же числится сочинение «Патриарси (то есть патриархи.— Авт.). На 45 буквых досках Ягипа, Гана, смерда IX в»⁶. Как тут не вспомнить, что и так называемая «Влесова книга» доведена до последней четверти IX века.

В. И. Буганов,
Л. П. Жуковская,
академик Б. А. Рыбаков

⁶ М. В. Сперанский. Русские подделки рукописей в начале XIX в. (Бардин и Сулакадзев). «Проблемы источниковедения». Вып. V. М. 1956, стр. 68, 91, 101.

КОСТРОМА, 1905 ГОД

Весть о мужественной борьбе иваново-вознесенских текстильщиков, создавших в мае 1905 г. первый общегородской Совет рабочих депутатов¹, быстро распространилась по фабрикам, заводам, рабочим поселкам Костромского края. Нарастание революции и события в соседнем районе вдохновили костромских пролетариев. По призыву Костромской группы Северного комитета РСДРП 21 июня забастовали рабочие фабрики Чумакова², 1 июля выступили текстильщики Большой мануфактуры³, а на следующий день к ним присоединились рабочие всех крупных предприятий Костромы⁴. Забастовка стала всеобщей. Большую роль в ее организации сыграли посланцы иваново-вознесенского пролетариата А. К. Гастев (Лаврентий) и В. Морковин (Федор)⁵. Под влиянием их агитации было принято решение создать по примеру иваново-вознесенцев массовую организацию, которая охватила бы своим влиянием всех бастующих, выработала бы общие требования к фабрикантам и возглавила стачку. На нелегальных встречах рабочие определили сроки выборов в Совет, место их проведения и нормы представительства⁶. Выборы проводились на общих собраниях по предприятиям и цехам путем открытого голосования. От 50 человек избирался один депутат. 4 июля избрали своих представителей в Совет ткачи и прядильщики Большой мануфактуры, 6 июля — рабочие других фабрик и заводов. Всего было избрано 108 де-

путатов, главным образом участников пролетарского движения. В состав Совета вошли и большевики.

Возникновение в Костроме Совета рабочих депутатов — одного из первых в России — ярко иллюстрирует ленинскую мысль о том, что Советы «создавались исключительно революционными слоями населения, они создавались вне всяких законов и норм всецело революционным путем, как продукт самобытного народного творчества»⁷. Характеризуя эти невиданные ранее в истории общественные органы, В. И. Ленин подчеркивал, что они есть «органы массовой непосредственной борьбы». Они возникли как органы борьбы стачечной. Они стали очень быстро, под давлением необходимости, органами общереволюционной борьбы с правительством»⁸. Эта характеристика может быть полностью отнесена и к Костромскому Совету.

Первое его заседание состоялось 6 июля. По свидетельству участников событий, оно проходило в обстановке ликования. Депутаты исключили из состава Совета черносотенцев, обманом пробравшихся в него, затем сформулировали общие требования: 8-часовой рабочий день, повышение заработной платы, создание необходимых для ухода за детьми условий трудящимся матерям, созыв Учредительного собрания и др. Всего было выработано более 30 пунктов⁹. Было принято также решение доведения сведения владельцев предприятий и губернатора, что пролетарии сами будут обеспечивать порядок в городе. «Мы, забастовавшие рабочие, — говорилось в резолюции, принятой Советом, — ручаемся за спокойствие, тишину и порядок и за неприкосновенность личности фабричной администрации, а также требуем, чтобы в нашу мирную забастовку не вмешивались войска и полиция». Совет возглавили члены РСДРП А. А. Симановский, И. А. Набегин, Г. П.

¹ См. А. В. Шипулина, Ю. А. Якобсон. Иваново-Вознесенский Совет рабочих депутатов в 1905 году. «Вопросы истории», 1977, № 2.

² Ныне — Крупной комбинат (здесь и ниже даты — по старому стилю).

³ Ныне — комбинат имени В. И. Ленина.

⁴ Государственный архив Костромской области (ГАКО), ф. 133, оп. 36, д. 2, лл. 194, 261—263; ф. 749, оп. 1, д. 173, л. 130.

⁵ «1905 год в Костроме». Сборник статей. Кострома. 1926, стр. 49.

⁶ Партийный архив Костромской области (ПАКО), ф. 383, оп. 1, д. 12, л. 2.

⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 12, стр. 317.

⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 13, стр. 320.

⁹ ПАКО, ф. 3215, оп. 2, д. 304, л. 507.

Федосеев, И. К. Вульпе. Секретарем Совета избрали П. Ф. Яхонина.

7 июля на втором заседании Совета для выполнения текущих дел и подготовки общих собраний депутатов и бастующих были избраны стачечная и финансовая комиссии, по 12 человек в каждой¹⁰. В наиболее напряженные моменты Совет заседал непрерывно, обычно же — дважды в день. С немалым искусством и достоинством вел Совет переговоры с предпринимателями. Последние настаивали на том, чтобы рассматривать не общие требования бастующих, а отдельно требования рабочих каждой фабрики и только в присутствии депутатов от данного предприятия. Совет отклонил такой метод, рассчитанный на то, чтобы «посеять рознь между депутатами и всей массой»¹¹. Предприниматели и городская администрация вынуждены были считаться с Советом как с реальной силой. Отмечая подобные факты, ленинская газета «Пролетарий» 16 августа 1905 г. писала: «Бастующая масса под давлением социал-демократии выделяет из себя демократические органы, которые очень скоро легализуются, становясь официальными, всеми признаваемыми центрами. Губернатор говорит с председателем депутатского собрания, фабриканты против своей воли говорят со всеми депутатами, дума обращается к депутатскому собранию рабочих с официальными бумагами и запросами».

Совет проявлял заботу о бастующих и их семьях. Из числа депутатов он выделил четырех сборщиков, которые с чековыми книжками и удостоверениями Совета собирали среди населения деньги в фонд бастующих. К тяжелому положению стачечников Совет привлек внимание городской думы, и она после долгих проволочек выделила 1 тыс. рублей. На собранные деньги была организована выпечка хлеба, открыты четыре столовые, по талонам стачечной комиссии выдавались хлеб и обеды, а детям — молоко¹². Много сил и внимания уделял Совет рабочей милиции. Она была сформирована в составе 110 человек. Ее возглавлял член РСДРП рабочий В. А. Косульников¹³. Большевицкая организация имела свою боевую

дружину. Командовал ею член Коммунистической партии с 1901 г. М. С. Кедров. Рабочая милиция и боевая дружина действовали совместно, следили за порядком в городе, обеспечивали безопасность участников собраний и митингов, вели борьбу с черной сотней и полицией.

Всю работу Совета направлял Костромской комитет РСДРП¹⁴. Ежедневно по утрам он проводил заседание стачечной комиссии, на котором обсуждался план действий на день, определялась тактика, назначались ораторы для выступлений. Затем начиналось депутатское собрание. На нем рассматривались ход забастовки и рекомендации стачечной комиссии. В полдень на берегу р. Костромы собирались бастующие. Перед ними выступали руководители Совета и члены комитета РСДРП. Они рассказывали о ходе переговоров с фабрикантами и городской администрацией. После этого депутаты шли к своим избирателям, давали разъяснения по всем вопросам, знакомили с решениями Совета, распространяли листовки и бюллетени комитета РСДРП. Вечером в лесу, под охраной милиции и боевой дружины, большевицкая организация подводила итоги дня. На эти собрания приглашались и беспартийные передовые рабочие. Обсуждались насущные задачи, ближайшие цели, формы и методы борьбы¹⁵. Собрания и митинги, проводимые Советом под руководством большевицкой организации, являлись школой политического воспитания рабочих. Они позволяли комитету РСДРП внедрять большевицские лозунги в массы и вовлекать в ряды партии новых членов из пролетарской среды.

...Забастовка длилась уже четвертую неделю. Материальное положение стачечников становилось все труднее. Поступление средств в фонд бастующих прекратилось, их семьи голодали. По просьбе предпринимателей в город были введены казачьи части, над рабочими нависла угроза кровавой расправы. В этих условиях Совет вынужден был объявить о прекращении забастовки. Утром 24 июля состоялось собрание бастующих. После длительного и горячего обсуждения оно высказалось в поддержку этого решения Совета. Вместе с тем рабочие поклялись с новой силой продолжать

¹⁰ «Революционное движение в 1905—1907 гг. в Костромской губернии». Сборник документов. Кострома. 1955, стр. 94—95, 101—104, 115—119.

¹¹ Там же, стр. 112—113.

¹² ПАКО, ф. 383, оп. 2, д. 21, л. 15.

¹³ Там же, д. 15, л. 58; «Пролетарий», 11.X.1905.

¹⁴ Костромской комитет РСДРП — официальное название Костромской социал-демократической организации с 1 июля 1905 г. (после упразднения Северного комитета РСДРП).

¹⁵ ПАКО, ф. 383, оп. 1, д. 12, лл. 2—11.

борьбу, как только это станет возможным. С красными знаменами и пением революционных песен 15-тысячная масса рабочих двинулась от берега Костромы в фабричный район. Уже возле города произошло столкновение демонстрантов с казаками¹⁶.

Костромская забастовка не привела к победе, но закончилась не поражением, а планомерным отступлением. Рабочие сохранили веру в свои силы, добились повышения заработной платы, улучшения условий труда и сокращения рабочего дня. В ходе стачки окреп Совет депутатов, выросла его популярность. Хотя после забастовки Совет объявил о самороспуске, он продолжал жить в памяти рабочих. При возникновении новых конфликтов пролетарии поручали своим делегатам вести переговоры с фабрикантами. Они же потребовали от властей прекратить преследования бывших активистов Совета. «Если нас выведут из терпения,— писали текстильщики губернатору,— то мы пойдем, как лава, которую ничто не остановит, мы разрушим все»¹⁷. Предупреждение заставило реакцию действовать осторожнее.

Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г. и возникновение Петербургского Совета послужили толчком к воссозданию в Костроме Совета рабочих депутатов. В отличие от своего предшественника он формировался на более широкой основе. Выборы, состоявшиеся 16 и 17 ноября, показали, что подавляющее большинство членов июльского Совета вновь были избраны депутатами. Он пополнился представителями профсоюзов почтово-телеграфных служащих, типографских рабочих, интеллигенции, а всего было избрано 135 депутатов, в том числе 38 женщин. Все члены Костромского комитета РСДРП, находившиеся на легальном положении (А. М. Стопани, Я. А. Андреев, А. К. Гастев, О. А. Квиткин), вошли в Совет¹⁸. Изменилась и его структура. На организационном собрании, состоявшемся 20 ноября, была учреждена исполнительная комиссия из 12 человек: 10 — от фабрик и заводов, 2 — от местного комитета РСДРП. Она вела текущую работу, реализовывала решения Совета, проводила выборы новых депутатов, издавала газету «Известия Совета рабочих депутатов горо-

да Костромы». Совет принял свой устав, образовал стачечную кассу, судебную и кассовую комиссии. Депутаты от каждой фабрики составляли отдельные секции. Председателем Совета и секретарями были избраны большевики С. В. Малышев (Пожарный), Н. Н. Соколов и П. Н. Караваев¹⁹.

Авторитет Совета был огромен. За помощью к нему обращались не только рабочие и служащие, но и крестьяне близлежащих деревень²⁰. Он твердо стоял на страже интересов трудящихся: не позволял фабрикантам увольнять рабочих за участие в забастовках, добивался смещения ненавистных мастеров, вел борьбу с хулиганством. Милиция и боевая дружина осуществляли постоянное патрулирование в фабричном районе. Совет не ограничивался защитой экономических интересов рабочих, а ставил перед собой и политические задачи: в обход цензуры выпускал газету и листочки, призывал трудящихся не выполнять распоряжений царской администрации. Под его руководством пролетарии явочным порядком завоевали тогда право на свободу сходок, слова, печати. Если в дни июльской забастовки, писал в своих воспоминаниях один из активных участников тех событий П. Н. Караваев, «к рабочей массе приходилось подходить, главным образом, со стороны ее экономических интересов, то теперь мы обращались к ней с общими задачами и лозунгами 1905 г., развертывая агитацию за Временное революционное правительство, Учредительное собрание, за вооруженное восстание»²¹.

Деятельность Костромского Совета осенью 1905 г. не была изолированной от общей борьбы российского пролетариата. Совет выступал с протестами против гонений на массовые организации трудящихся и преследований их руководителей в разных концах страны, оказывал материальную помощь ярославским и московским рабочим, 4 декабря 1905 г. принял резолюцию солидарности с Петербургским Советом²². Местная администрация, напуганная ростом его влияния, всеми мерами препятствовала его деятельности, поощряла монархистов и черносотенцев в их стремлении разгромить 6 декабря (в день тезоименитства Николая II) костромские Совет и комитет РСДРП.

¹⁶ «Революционное движение в 1905—1907 гг. в Костромской губернии», стр. 130.

¹⁷ ГАКО, ф. 207, оп. 1, д. 428, лл. 45—46.

¹⁸ «Революционное движение в 1905—1907 гг. в Костромской губернии», стр. 157—161.

¹⁹ Там же, стр. 162—169.

²⁰ Там же, стр. 154.

²¹ «1905 год в Костроме», стр. 75.

²² «Костромской листок», 4, 6.XII.1905.

Однако рабочая милиция и боевая дружина дали решительный отпор реакции.

Революция шла на подъем. Костромской Совет призвал пролетариев готовиться к вооруженному восстанию, усилил оснащение боевой дружины и милиции оружием. Костромской комитет РСДРП 9 декабря обратился к рабочим с призывом запастись оружием. В знак солидарности с московским пролетариатом, начавшим 7—8 декабря всеобщую политическую забастовку, перешедшую затем в вооруженное восстание, Костромской Совет объявил 9 декабря всеобщую политическую забастовку в городе. «Смелей, товарищи!— говорило в манифесте Совета и комитета РСДРП.— Правительство или сейчас же отступит... или эта забастовка перейдет в народное восстание!»²³. Остановились фабрики и заводы. Всюду проходили митинги и собрания под лозунгом «Долой самодержавие!». Губернатора постоянно охранял отряд казаков, части местного гарнизона практически вышли из повиновения начальству. Власти в смятении слали в Петербург телеграммы, требуя направить в Кострому войска. Вскоре, опираясь на волю большинства трудящихся, Совет принял решение о роспуске городской думы²⁴. Действия царской администрации фактически были парализованы. Трудящиеся выполняли лишь распоряжения Совета. Правда, в декабре 1905 г. в Костроме дело не дошло до вооруженной схватки между пролетариатом и властями. Для ее предотвращения в город были введены новые казачьи части. Они организовали настоящую охоту за активистами Совета. Общие собрания выборного органа прекра-

тились. 13 декабря по решению Совета политическая забастовка закончилась, а в ночь на 28 декабря была арестована исполнительная комиссия²⁵.

В деятельности Костромского Совета решающее значение имело большевистское руководство. Местная организация РСДРП была полностью большевистской. Еще в конце 1904—начале 1905 г. партийную работу в городе вел Я. М. Свердлов. Под его руководством организация в короткий срок сумела приобрести устойчивый авторитет среди рабочих и укрепилась на ленинских позициях. С лета 1905 г. ее возглавляли такие деятели партии, как А. М. Стопани, А. К. Гастев, М. С. Кедров. С июля по декабрь 1905 г. большевистская организация выросла в два раза и насчитывала более 350 человек²⁶. Костромской комитет РСДРП планомерно подготовлял стачечное движение в городе и руководил им, претворяя в жизнь решения III съезда РСДРП. За время деятельности обоих Советов комитет выпустил восемь специальных бюллетеней и свыше 60 названий различных листовок. Важную помощь костромские большевики получили от газет «Вперед» и «Пролетарий», которые систематически помещали информации о событиях в Костроме. Эти публикации широко использовались местными большевиками.

Деятельность Костромского Совета 1905 г. оставила неизгладимый след в сознании рабочих. Примечательно, что они в первые же дни после Февральской революции возродили Совет, причем из его депутатов 20 являлись таковыми еще в 1905 году.

М. И. Синяжников

²³ «Революционное движение в 1905—1907 гг. в Костромской губернии», стр. 110, 191—192, 194—195.

²⁴ «Костромской листок», 14.XII.1905.

²⁵ ПАКО, ф. 3215, оп. 2, д. 304, л. 66.

²⁶ Там же, д. 175, л. 19.

В ДЖУНГАРСКОМ ПЛЕНУ

Феодалное государство западных монголо-ойратов — Джунгарское, или Ойратское, ханство (1635—1757 гг.) почти в течение столетия сдерживало напор маньчжур, пытавшихся установить здесь свое господство¹.

¹ См. подробнее: И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства. М. 1964.

Правители Джунгарского ханства стремились повысить боеспособность своих войск, главным образом с помощью создания собственной артиллерии, ибо пушки часто решали исход сражений. Плоды этих усилий сказались уже в ходе войны 1729—1733 годов.

Весной 1731 г. во время одного из ожесточенных сражений со стороны джунгар неожиданно ударила артиллерия, и на головы неприятеля обрушились десятки ядер и бомб. Один из офицеров противника, как рассказывал контайша (джунгарский хан) Галдан-Цэрэн прибывшему к нему весной 1731 г. русскому посланнику майору Л. Угримову, «велел одну бомбу принести перед себя посмотреть, думал, что от нее ничего не родится, то токмо перед него оную принесли, то тот час он и при нем другие без годов явились... думали, что тем играют»². Появление у джунгар артиллерии вызвало тревогу у врагов. Поэтому попавших в плен ойратов они настойчиво допрашивали: «Откуда де вы получили артиллерию, чего де у вас николи не бывало», не допуская мысли, что ойраты сами могли справиться с таким делом. Пленные нарочно отвечали, что пушки и мортиры «присланы к нам... и при них де прислано искусных людей сто человек»³.

Тем временем послы, торговцы и все, кто посещал тогда Ургу (ставку хана), поражались невиданному здесь ранее зрелищу: неподалеку от ставки несколько раз в неделю кочевая знать (нойоны, зайсаны, старшины) под руководством какого-то одетого в европейское платье человека, построившись в колонны и шеренги, маршировала, производила развороты и перестроения, выполняла ружейные приемы и стреляла залпами, словом, делала все то, что было принято делать на учениях в регулярных армиях Европы. Однако как ни старались ойраты сохранить в тайне это военное обучение и его руководителя, вскоре все выяснилось.

Во время Северной войны 1700—1721 гг. пленных шведов отправляли в различные города России. В 1711 г. попал в Тобольск взятый в плен под Полтавой сержант шведской армии Иоганн (Юхан) Густав Ренат. Сведений о тобольском периоде его жизни обнаружить не удалось, но вряд ли она отличалась от жизни в плену других его соотечественников. Некоторые из них, вернувшись на родину, опубликовали свои воспоминания⁴. Пользуясь относительной свободой и не испытывая недостатка в пропита-

нии, пленные шведы занимались ремеслами и промыслами, торговали и открывали трактиры. Местные власти нередко привлекали их к строительству рудников, каналов, зданий⁵. Люди образованные из числа пленных занимались научными изысканиями, собирали рукописи, изучали язык, обычаи и историю народов Сибири (например, И. Страленберг (Табберт), участвовали в исследовательских экспедициях, сопровождали приезжавших от азиатских правителей послов, основали школу и кукольный театр в Тобольске⁶.

Честь «открытия» Рената принадлежит шведскому писателю А. Стриндбергу, обнаружившему в 1879 г. в Линчёпингской королевской библиотеке карты Джунгарии, привезенные Ренатом⁷. Публикация этих карт вызвала интерес исследователей к личности Рената⁸. Однако и сегодня наука не располагает сколько-нибудь достоверными данными о его занятиях в Джунгарии. На этот счет высказываются противоположные точки зрения. Так, А. Стриндберг и С. Гедин утверждали, что Ренат был главнокомандующим ойратских войск в войнах Джунгарского ханства, нося звание «генерал-фельдмаршал». А. Макшеев считал, что Ренат вообще не принимал участия в боевых действиях⁹.

Выявленные нами в советских архивах документы позволяют в какой-то мере уточнить сведения о деятельности Рената в Джунгарии. В 1714 г. по указанию Петра I направлялись в Восточный Туркестан (Малую Бухарию) две экспедиции. Одна из них под командованием подполковника И. Д. Бухгольца формировалась в Тобольске. Ей предстоял путь к месту назначения по Ир-

⁵ Я. Гроде. О пребывании пленных шведов в России при Петре Великом. «Журнал министерства народного просвещения», 1853, ч. 77, № 2—8, стр. 123.

⁶ М. Г. Новлянская. Филипп Иоганн Страленберг. Его работы по исследованию Сибири. М.-Л. 1966, стр. 14.

⁷ А. Макшеев. Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом во время его плена у калмыков с 1716 по 1733 г. «Записки» имп. Русского географического общества. Т. XI. СПб. 1881, стр. 105—145.

⁸ A. Strindberg, S. Hedin. Renats-karte über den Jon-nor. «Mitteilungen aus Justus Perthes, geographischer Anstalt. T. 57. 1911; G. Cahen. Les cartes de la Sibirie au XVIIIe siècle. P. 1911; J. F. B a a d e l y. Russia, Mongolia, China. L. 1919.

⁹ A. Strindberg. En Svensk karta över Jon-nor och tarimbäcken av John Gustav Renat. Stockholm. 1910—1912, s. 133; A. Макшеев. Указ. соч., стр. 111.

² АВПР, ф. «Зюнгорские дела», 1731—1733 гг., оп. 113/1, д. 3, л. 102.

³ Там же, 1731 г., оп. 113/1, д. 1, л. 360 об.

⁴ «Qvennerstedt. Karolinska krigares gäsböcker». Tt. I—X. Stockholm. 1901—1914; B. A. E n n e s. Biografiska minnen af conung Carl XII. Tt. 1—2. Stockholm. 1818—1819.

тышу через Джунгарию. Бухгольцу предписывалось сыскать в Тобольске «несколько человек из шведов, которые в минералах разумеют, которых с воли губернаторской взять»¹⁰. Так Ренат попал в состав экспедиции. Как известно, она потерпела неудачу в столкновениях с ойратами и, потеряв большую часть людей, в апреле 1716 г. возвратилась обратно. Ренат, находясь в транспортном отряде, везшем продовольствие и и казну, попал в плен к джунгарам. Ойраты намеренно провели пленных этого отряда перед осажденной ими крепостью, и «между сими пленными находился и шведский штик-юнкер Иоган Ренат, который после научил калмыков железную руду плавить, пушки и бомбы выливал и был главным над калмыцким войском противу китайцев предводителем, ... нажив несчетное сокровище золота, серебра и драгих каменьев».

Вместе с другими пленниками Ренат первое время выполнял тяжелую физическую работу: ломал и возил камни, заготавливал дрова, копал землю. Но уже через полтора года, как показал возвратившийся из Джунгарии житель гор Кузнецка И. Сорокин, Ренат вместе со своим товарищем поручиком Дешем начал с согласия ойратских зайсанов «делать сукна как украинские и учить контайшинцов, чего для и мельницы завели, от чего ныне в контайшинских улусах немалое число из природных контайшинцов суконщики находятся»¹². Прошло несколько лет. Ренат стал пользоваться большим уважением кочевников. В школе, им открытой, он начал «учить малых детей лет от 12 до 13 арифметике». Контайша Цэван-Рабдан покровительствовал Ренату и поощрял его деятельность. Решив использовать его знания и опыт, он предложил ему построить в Джунгарии пушечный завод, пообещав, если он «ево людей всему тому научит, чему сам искусен», отпустить его в Германию через Индию¹³. «Шведа Ягана Рената, да другова оружейного мастера сыбиряка Зеленоскаго,— сообщает в Черепановской летописи,— контайша обещанною им своею милостию и немалыми награждениями склонил их на свою сторону»¹⁴.

Ренату были даны для обучения 20 оружейных мастеров и 200 рабочих в помощь для изготовления оружия. Кроме того, ежедневно несколько тысяч человек назначались на подсобные работы¹⁵. Прежде всего Ренат «потребовал для перевозу дощеников чрез озеро Тескел на другой берег железной руды, так как прежде сего обваживали оную руду около того озера на скотах на другой берег в гору, отстоящую в пяти верстах где к жжению угля, лесу довольно и тамо в горнах плавил»¹⁶. Русские купцы, ведшие с Ойратским ханством мирную торговлю, в развитии которой были заинтересованы обе стороны, вернувшись из Джунгарии, рассказывали, что: Ренат «начал лить медные пушки, тажог чугунные маджеры, бомбы и ядра и тех канонеров тому обучать и указывать стрелять и как чинятся ядры». Эта деятельность тщательно скрывалась, и «русских людей до заводов не допускают и контайшинцы в тайне содержат. А волжских калмыков не токмо к тому ничем не употребляют, но ниже ничего знать не дают»¹⁷.

Несмотря на то, что количество изготовленных пушек было невелико (по свидетельству Рената, он «всех пушек зделал токмо четырехфунтовых 15, да малых 5, да мартир десятифунтовых з дватцать»¹⁸), действия ойратской артиллерии оказались весьма эффективными. Галдан-Цэрэн говорил Угримову, что они побеждают с помощью мортир¹⁹. Ренат сам неоднократно участвовал в боевых действиях при отряде под командованием Цэрэн-Дондоба-старшего²⁰. Об одном из сражений он рассказывал Угримову: летом 1731 г. ойратских войск «отправлено было ... к городу Любчину тысяч пять под командою зайсана Септеня, при котором де войске и я был с небольшою артиллериею... Недопустя до помянутого города Любчина в пятнадцати тысячах из оной команды с четириста человек калмык убили, а достальных уже я выручил: тем же летом ойраты взяли реванш, разгромив на Алтае 40-тысячное войско противника, «и тысяч с семь в полон взяли при том пять пушек медных у них китайцев отбили»²¹.

¹⁵ АВПР, ф. «Зюнгорские дела», 1731 г., оп. 113/1, д. 1, л. 219.

¹⁶ Там же, ф. 3 Д, 1731 г., оп. 113/1, д. 1, л. 218.

¹⁷ Там же, л. 218 об.

¹⁸ Там же, л. 360.

¹⁹ Там же, 1731—1733 гг., оп. 113/1, д. 3, л. 102.

²⁰ Там же, ф. «Сношения России с Китаем», 1732 г., оп. 62/1, д. 9, л. 24 об.

²¹ АВПР, ф. «Зюнгорские дела», 1731 г., оп. 113/1, д. 2, л. 360.

¹⁰ «Памятники сибирской истории XVIII в.» Т. 2. СПб. 1885, стр. 36.

¹¹ Г. Ф. Миллер. Известие о песочном золоте в Бухарии. «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие», 1760, т. 16, ч. 1—4, стр. 48.

¹² АВПР, ф. «Зюнгорские дела», 1731 г., оп. 113/1, д. 1, л. 218.

¹³ Там же, лл. 218, 219.

¹⁴ ЦГАДА, ф. 196, д. 1542, л. 124.

Интересно высказывание Рената о боевых качествах цинских солдат: «Как ис пушек, так и из ружья к палбе не очень искусны, и в баталию вступают спешая и строяцца баталион декарием шириной в десять и больше, и ежели де увидят хотя малый у себя урон, то немедленно назад ретируются и когда разстроятся уже не скоро могут поправиться»²². В целом оценка Ренатом характера и хода войны отличается от освещения ее китайскими авторами, обвинявшими во всем ойратов и рисовавшими войну как почти непрерывную серию побед цинских армий²³. Источники свидетельствуют также о том, что Ренат принимал непосредственное участие в боевых действиях, но отнюдь не в качестве главнокомандующего. Регулярно он обучал джунгарских военачальников, «как в поле и в лагерях поступать по европейскому обычаю»²⁴.

За военные заслуги ему были пожалованы ханом звание зайсана (князя) и соответствующий удел с плодоносными садами, раскинувшимися в долине р. Или. К нему приезжал охотиться Галдан-Цэрэн. Ренат женился на шведке, муж которой погиб в плену у ойратов. Не без оснований опасавшийся, как бы ему не пришлось держать ответ перед правительством России за свою службу у ойратов, Ренат говорил русским людям, находившимся в Джунгарии, что он хотя и учит здесь детей ойратов арифметике и льет пушки и мортиры, но «в том де он вины своей не признавает, понеже шведские полоненики чинили в России тому подобное ж, а он штик-юнкер не токмо российской, но и контайшин пленник и служб в России не принимал»²⁵.

Весной 1731 г., когда Угримов прибыл в Джунгарию, война с Цинской империей была в самом разгаре. Галдан-Цэрэн ввиду

тяжелого положения его страны, связанного с войной, несмотря на настойчивые просьбы как самого Рената, так и русского посланника, приказал задержать Рената «еще на два года»²⁶. Война же шла с переменным успехом. Ренат, информируя русского посланника о тех или иных событиях, обращал его внимание на попытки обеих сторон расколоть лагерь противника. Например, джунгары нередко находили на дорогах вражеские доски с надписями агитационного содержания²⁷. Со своей стороны, и джунгарские военачальники распространяли аналогичные «универсалы» среди халхасцев, «чтоб они, мунгалцы, не дожидаясь себе разорения, шли под владение зенгорское»²⁸.

Лишь после прекращения военных действий и начала мирных переговоров контайша разрешил в 1733 г. Ренату вместе с посольством Угримова возвратиться в Россию. 26 июня того же года посольство прибыло в Tobolsk²⁹, а в конце года Ренат уже был в Швеции. Остаток жизни он провел в Стокгольме, где служил в звании лейтенанта в королевском арсенале; умер в 1744 г., 62 лет от роду³⁰. В Джунгарии долго помнили дела этого человека. Так, ойратский посол Донрюнг в 1741 г. горделиво говорил русским чиновникам, что у них «имеется пушек походных, которые на верблюдах возят, три тысячи, ломовых пятьдесят, мартир тридцать, при них артиллерийские служители из их же зенгорских калмык», и это благодаря тому, что «штик-юнкер их зенгорцев ту артиллерию делать и некоторых своему языку обучил и книги артиллерийской науки им оставил»³¹.

В. А. Мусеев

²⁶ Там же, 1731—1733 гг., оп. 113/1, д. 3, л. 79.

²⁷ Там же, 1731 г., оп. 113/1, д. 2, л. 360.

²⁸ Там же, д. 3, л. 95.

²⁹ Там же, л. 45 об.

³⁰ «Svenska män och Kvinnor». Т. 6. Stockholm. 1950, s. 235.

³¹ ЦГАДА, ф. 248, 1742 г., оп. 113, д. 145, л. 99.

²² Там же.

²³ Вэй Юань. Шен у цзи. Б. м., б. г.

²⁴ АВПР, ф. «Зюнгорские дела», 1731 г., оп. 113/1, д. 1 лл. 219, 219 об.

²⁵ Там же, л. 219 об.

АНТИЧНЫЕ «ТАНКИ»

В античные времена в ходе войны действовали «живые танки» — слоны. Они имели три применения: служили заслоном от конницы врага, атаковали вражескую пехоту впереди своей, врвались в укрепления¹. Как известно, слонов специально приручали. Вероятно, первыми, научившимися делать это, были индийцы². По утверждению Страбона, слоны столь легко приручаются, что их обучают даже метать в цель камни³. Некоторые слоны выносили с поля боя своих погонщиков, павших или ослабевших от потери крови; спасали бойцов, попавших меж их передними ногами, закрывая их собой и защищая.

Слоны имели боевое снаряжение. На их спине устанавливали башенку, в которой помещалось до четырех бойцов, вооруженных луками и дротиками. На шее животного сидел погонщик. Иногда слона защищали панцирем, спину покрывали цветным покрывалом, на бивни надевались острые железные наконечники, для устрашения неприятеля на шею животному подвешивали колокол⁴. Слонов объединяли в группы, которые перемежались отрядами пехоты⁵. В бою слоны действовали как массой своего тела, так и ударами клыков, а также были обучены схватывать врагов хоботами, бросать на землю и растаптывать их ногами⁶.

Первые известные Западу боевые слоны поступали из Индии, где они проходили специальную подготовку. Позднее цари Египта из династии Птолемеев организовали военную дрессировку африканских слонов. Особенное внимание уделяли их ловле и обучению Птолемеи II Филадельф (285—247 гг. до н. э.) и Птолемей III Эвергет (247—221 гг.). На западном берегу Красного моря город Птолемида-Охотничья являлся центром сбора слонов, которых потом на барках доставляли в Египет⁷. В Африке ловили будущих боевых слонов и карфагеняне.

Из памятников восточной литературы известно, что использование слонов в качестве военной силы имело место задолго до знакомства европейцев с этим родом войск. «Победа царя зависит главным образом от слонов»,⁸ — утверждается в индийской «Артхашастре». Запад же вплотную встретился с боевыми слонами во время походов Александра Македонского, причем не как с «экзотической диковиной», а как с грозным оружием, потребовавшим применения новых тактических приемов и средств борьбы⁹. В битве при Гавгамелах в персидской армии Дария было 15 слонов. Их привели туда инды¹⁰. Слоны и боевые колесницы прикрывали центр армии и ее левое крыло. Александр Македонский сумел захватить их в плен¹¹. Диодор сообщает, что в Индии полководец завладел и другими такими слонами¹². У ассакенов, выступивших в Индии против Александра, имелось на 30 тыс. пехоты и 2 тыс. конницы 30 боевых слонов¹³. А первое реальное столкновение македонян с этими «танками» состоялось в 326 г., во время битвы при Гидаспе между Александром и индийским царем Пором, у которого было около 4 тыс. конницы, 300 колесниц, 30 тыс. пехоты и десятки боевых слонов¹⁴.

Как же они там действовали? На поле боя в первой линии войск находились слоны, во второй — пехота, часть которой была выстроена также в интервалах между животными. Пехота стояла и на флангах, далее в обе стороны расположилась конница, перед которой размещались колесницы. Македонская пехота, двинувшись на слонов, поражала их самих и погонщиков дротиками, а македонская конница маневрировала, то атакуя, то отступая. Когда слоны были оттеснены и загнаны в узкое место, то они, толкаясь и топчая людей, нанесли страшный вред своей пехоте. Раненые слоны беспорядочно бродили по полю битвы, бросая на кого попало. Наконец, животные устали, обессилели и начали отходить назад, «словно корабли, которые идут

¹ W. Tarn. The Hellenistic Military and Naval Developments. N. Y. 1966, p. 95.

² «Культура древней Индии». М. 1975, стр. 385.

³ Strabo. XV, 43, 705.

⁴ Liv. XXXVII, 40; Plut. Eum., 14.

⁵ J. Kromayer, G. Weith. Heerwesen und Kriegsführung der Griechen und Römer. München. 1928, S. 141.

⁶ «Эллинистическая техника». М. 1948, стр. 276.

⁷ Там же, стр. 275.

⁸ «Артхашастра», II, 2; VII, 11.

⁹ М. Горелик. Шагающие крепости. «Вокруг света», 1976, № 1, стр. 42.

¹⁰ Arr. III, 8, 6.

¹¹ Ibid. III, 15, 6.

¹² Diod. XVII, 86, 2—3.

¹³ Arr. IV, 25, 5.

¹⁴ Diod. XVII, 87, 2; Curt. VIII, 13, 6—7.

вспять»¹⁵. Главную роль в битве сыграло то обстоятельство, что воины Александра подрубали слонам топорами ноги и хоботы¹⁶. В то же время слоны в их грозном воинском уборе произвели на греков сильнейшее впечатление, особенно когда они начали топтать людей и пронзать их клыками¹⁷. Медлительные в самостоятельной атаке, слоны значительно укрепляли ряды сражающихся как заслон¹⁸. При умелом обращении они прорывали строй любой пехоты. Зато управление ими требовало высокого мастерства и искусства.

Когда один из командиров армии Александра Македонского Селевк позднее стал царем, он приказал разводить боевых слонов, причем последние являлись не только особым родом войск, но и символом династии Селевкидов¹⁹. Сделавшись хозяином Центральной Азии, Селевк около 305 г. до н. э. попытался повторить индийский поход Александра Македонского, но при вторжении в Индию встретился с мощным антигреческим восстанием²⁰, которое возглавил Чандрагупта, основатель империи Маурьев, образовавшейся и расширившейся за счет сатрапий и государств, основанных либо сохраненных Александром. У Чандрагупты было 600 тыс. пехоты, 30 тыс. колесниц и 9 тыс. слонов²¹. Воспользовавшись напряженной обстановкой на Западе, где шла жестокая борьба диадохов за власть, он стал освобождать территории, захваченные Александром, а затем отшедшие к Селевку²². Подробности самого похода Селевка против Чандрагупты неизвестны. Но после него Чандрагупта установил союз с Селевком, женившись на его дочери и передав ему 500 боевых слонов. Это позволило Селевку двинуться в поход на Антигона, своего главного врага.

Когда Селевк вступил в Каппадокию, чтобы принять участие в сражении при Иссе, с ним было 480 боевых слонов. Это число в 6 раз превышало то, которым располагал Антигон²³. Сражение началось с

обоюдной кавалерийской атаки, которой руководил со стороны Антигона его сын Деметрий, а со стороны Селевка — его сын Антиох. Деметрию удалось рассеять всадников Антиоха. Однако он не обратил внимания на то, что происходит сзади него. А Селевк приказал поставить слонов как заслон, чтобы Деметрий, возвратившись, не смог соединиться со своей пехотой. И когда обратный путь преградили серые гиганты, то фаланги Антигона остались без прикрытия, чем Селевк тотчас воспользовался и потеснил их²⁴. Вскоре армия Антигона была разбита, сам он погиб, а Деметрий бежал²⁵.

В 275 г. до н. э. Антиох одержал во Фригии «слоновую победу» над галатами, вторгшимися в Малую Азию. Несмотря на то, что галаты превосходили сирийцев в численностью, и отличной конницей, и лучшим вооружением, они не смогли воспользоваться этим преимуществом, так как противник пустил в дело 16 слонов, спрятанных за рядами пехоты. Этих животных галаты увидели впервые, ужаснулись и дрогнули. Одурманенные пьянящими напитками, слоны дали волю ярости: догоняли противника, топтали его, пронзали людей бивнями, а беглецов доставали стрелы лучников, сидевших в башнях на спинах животных. В честь одержанной победы Антиох повелел воздвигнуть на этом месте памятник с изображением слона.

С того же времени познакомились со слонами как военной силой и римляне. В битве при Геракле (280 г. до н. э.) 7 раз римские легионы сталкивались с греческой фалангой Пирра, а исход сражения все еще оставался нерешенным²⁶. Тут против римской конницы были выведены слоны. Коня тотчас помчались прочь вместе со всадниками, даже не успев приблизиться к противнику. Слоны стали истреблять ряды бегущих, и никто из них, вероятно, не уцелел бы, если бы римский солдат Гай Минуций не сумел нанести одному из слонов рану. Последний, мечась, задержал других животных, и часть римлян спаслась²⁷. Вторично эти же армии сошлись в 279 г. подле Аускула. У Пирра было 19 слонов. Сначала римляне оттеснили Пирра в места, не

¹⁵ Arr. V, 15, 7.

¹⁶ Curt. VIII, 14, 30.

¹⁷ Diod. XVII, 87, 5; 88, 1.

¹⁸ P. Schachermeyr. Alexander der Grosse. Wien. 1949, S. 347.

¹⁹ W. Tarn. Alexander the Great. Vol. II, pp. 95—97.

²⁰ «Всемирная история». Т. II. М. 1956, стр. 544—545.

²¹ Plin. VI, 21—22.

²² Г. М. Бонгард-Левин. Индия эпохи Маурьев. М. 1973, стр. 59—60.

²³ И. Г. Дройзен. История эллинизма. Т. II. М. 1893, стр. 305.

²⁴ И. Г. Дройзен. Указ, соч., стр. 307—308; P. Cloché. La Dislocation d'un empire. P. 1959, p. 217.

²⁵ Plut. Demetr., 30.

²⁶ Т. Моммзен. История Рима. Т. I. М. 1936, стр. 375.

²⁷ Plut. Pyr., 17.

проходимые для его конницы, к лесистым берегам быстрой реки, откуда слоны тоже не могли напасть на вражеский строй. Ночь прервала сражение. На следующий день, задумав перенести битву на равнину, чтобы бросить в бой слонов, Пирр заранее подкрепил наиболее уязвимые позиции караульными отрядами и, расставив между слонами метателей дротиков и стрелков из лука, двинул на противника. плотно сомкнутый строй фаланги. Пехотинцы, прикрывавшие слонов, прогнали римских колесничих, осыпав их градом стрел, камней и сумев перерезать построения у их колесниц. После этого слоны двинулись в атаку и смяли легионеров²⁸. Так ценою больших жертв была одержана «пиррова победа».

В третий раз Пирр встретился с римлянами в 275 г. до н. э. при Беневенте на Арузинском поле. После горячей борьбы исход сражения снова решили слоны, но уже в пользу римлян. Собрав в группу самых свирепых слонов, Пирр двинулся во мраке ночи, чтобы занять высоты, господствующие над полем. Тропы приходилось отыскивать при свете факелов, воины заблудились, было потеряно много времени. И, когда рассвело, римляне увидели врагов, поднимающихся по гребню холмов. Тотчас консул двинулся вперед и опрокинул передние ряды наступающих. Было перебито множество солдат Пирра и захвачено несколько слонов, что позволило римлянам перенести бой на равнину. Другие слоны Пирра наткнулись на расставленные заранее жаровни. Животных забросали горящими стрелами и повернули вспять. Обезумевшие от страха и боли, те рванулись сквозь ряды собственного войска, увлекая всех за собой. Причем одна слониха, услышав вой раненого слоненка, прибежала и произвела дополнительную сумятицу. Римляне ворвались в лагерь Пирра, убили двух слонов, а восемь остальных захватили. Эти животные явились самым главным украшением триумфа, с которыми консул Курий Дентат вернулся в Рим²⁹.

Наконец, в последнем сражении Пирра с римлянами, при Аргосе, его же «танки» сыграли роковую роль. Когда в глубокой тьме Пирр приблизился к стенам города, он обнаружил, что ворота открыты. Воины царя устремились в них, но массивные туши сло-

нов не пролезали сквозь узкие ворота. Пришлось снимать с их спин башни, а потом в темноте вновь водружать их. На это ушло много времени. Аргосцы, услышав шум, поспешили занять укрепленные места. Сражение разгорелось во тьме. Нельзя было разобрать, где свои, а где чужие. Самый большой слон, упав поперек ворот, преградил дорогу подкреплению³⁰. Другой слон, ища раненого погонщика, упавшего с его спины, стал гнать попережку врагов и друзей. Когда же он нашел труп погонщика, то, подхватив его хоботом, повернул назад и стал валить наземь и топтать всех встречных. В этой битве погиб и сам Пирр³¹.

Еще один театр военных действий, где принимали участие боевые слоны, — Африка. Во время I Пунической войны против Карфагена была направлена экспедиция под руководством консула Марка Регула. В сражении финикийская конница и 100 слонов просто раздавили большинство римлян³². Такую же роль сыграли «живые танки» при подавлении карфагенским полководцем Гамилькаром с помощью 70 слонов мятежа восставших наемников³³. А во II Пунической войне Ганнибал повел на Рим, среди прочих своих сил, 37 слонов³⁴. После тяжелейшего перехода через Альпы из этих животных уцелело только одно, на котором ехал сам Ганнибал. В Италии «живые танки» у него отсутствовали.

В 217 г. до н. э. в Келесирии произошло сражение между Птолемеем IV и Антиохом III при Рафии. Полибий оставил нам яркое свидетельство о действиях отрядов слонов, которые были введены в дело с самого начала: «И вот немногие из слонов Птолемея столкнулись с противником. На них превосходно дрались башенные бойцы, врукопашную колоди и поражали друг друга дротиками, но еще лучше бились слоны, держа со всей силой и сталкиваясь во встречном бою. Ибо дерутся эти животные так: переплетаясь и упершись клыками друг в друга, они толкают изо всей силы и топчутся на месте, пока один, одолев другого, не оттеснит его мордой в сторону; а как только один, оттеснив, поставит другого боком к себе, он ранит его клыками совершенно так же, как быт — рогами. Большинство же слонов Птолемея трусливо уклонилось от

²⁸ Т. Моммзен. Указ. соч., стр. 379; Plut. Pyr., 21.

²⁹ Plut. Pyr., 25; И. Г. Дройзен. Указ. соч. Т. III. М. 1893, стр. 92; Т. Моммзен. Указ. соч., стр. 386—387.

³⁰ Plut. Pyr., 26.

³¹ Plut. Pyr., 32.

³² Polyb. 32, 9; 33, 9—10; 34, 1—8.

³³ Polyb. 75, 2—3; 76, 9; 78, 11.

³⁴ Т. Моммзен. Указ. соч., стр. 543.

боя, как поступают обычно африканские слоны. Они не выносят запаха и голоса индийских слонов, и, как мне кажется, пораженные их величиной и силой, они сейчас же, как только завидят их, обращаются в бегство. Так случилось это и теперь, когда слоны [египтян] в беспорядке оттеснены были к своим, гвардия Птолемея под их натиском подалась назад, а войска Антиоха, миновав слонов, напали с флангов и с тыла на Поликрата и на его всадников. Одновременно находившиеся между слонами ряды греческих наемников, напад на птолемеевских пелтастов, уже ранее приведенных в замешательство слонами, погнались их прочь»³⁵.

Важную роль боевые слоны сыграли также при победе Фламиния над македонянами у Киноскефал (197 г. до н. э.)³⁶; при разгроме римлянами сирийцев у Магнезии (190 г. до н. э.), когда слоны растоптали собственное войско³⁷; при Тапсе (46 г. до н. э.), где «живые танки» республиканцев, испуганные полетом метательных снарядов, повернули назад, кинулись на своих и затем стали добычей легионеров Цезаря.

В целом основную задачу боевых слонов составляла борьба с неприятельской конницей, а при натиске на пехоту их использование не давало важных результатов, если пехотинцы не поддавались психологическому воздействию³⁸. Вообще же атака слонов против пехоты оказывалась успешной лишь в случае, когда пешие воины пытались встречать ее, сплотившись в фалангу. Такое скопление бойцов представляло со-

бой удобный объект для действия «танков» и оканчивалось для оборонявшихся катастрофически. Рассеянный же строй давал пехоте преимущество. Даже простые средства обороны вроде досок, утыканных гвоздями, оказывались достаточными для того, чтобы остановить слонов. Обычно такие примитивные средства против слонов применялись в ходе осадной войны³⁹.

Предпринимались и попытки использования животных для форсирования городских укреплений, предварительно ослабленных подкопами. Типичным в этом отношении примером является осада Мегалополя в 318 г. до н. э. Полисперхонтом, который бросил на штурм города слонов. Но один старый и опытный солдат, служивший еще Александру Македонскому, набросал во рвы доски с гвоздями. Напоревшиеся на них слоны, обезумев от боли, внесли беспорядок в ряды атакующих и принесли им гибель⁴⁰. Если же животные встречали огненную завесу, то, пугаясь, они чаще оказывались более опасными для собственных войск, чем для противника. А после утверждения римской тактики манипул, основанной на использовании преимуществ и гражданского ополчения, и профессиональной армии, атаки боевых слонов стали вообще малоэффективными. «Живые танки» утратили былое значение и оказались невыгодными еще и вследствие огромных затрат на их содержание, оплату специалистов по дрессировке и уходу⁴¹. И если на Востоке серыми гигантами пользовались в сражениях еще и позднее, то на Западе их теперь привлекали лишь как участников цирковых игр.

А. С. Шофман

³⁵ Polyb. V, 84.

³⁶ Polyb. XVIII, 25, 4—7.

³⁷ Т. Мооммзен. Указ. соч. стр. 697—699.

³⁸ W. Tarn. The Hellenistic Military., p. 95.

³⁹ Ibid., pp. 96—97.

⁴⁰ Diod. XVIII, 1, 69—72.

⁴¹ «Эллинистическая техника», стр. 278.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Сенявский Спартак Леонидович — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР, автор монографий: «Рост рабочего класса СССР (1951—1965 гг.)», «Рабочий класс СССР (1938—1965 гг.)» (в соавторстве), «Изменения в социальной структуре советского общества (1938—1970 гг.)», «Рабочий класс — ведущая сила советского общества (Вопросы методологии и историографии)» (в соавторстве) и других трудов.

Китаев Владимир Анатольевич — доцент Горьковского университета, кандидат исторических наук. Специализируется по истории русской общественной мысли XIX века. Автор монографии «От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50—60-х гг. XIX в.» и других работ по указанной теме.

Казакова Наталия Александровна — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР. Специалист по истории внешней политики, общественной мысли и культуры России XIV—XVI веков. Автор монографий «Вассиан Патрикеев и его сочинения», «Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века», «Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в.» и ряда статей.

Сизоненко Александр Иванович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Латинской Америки АН СССР. Специализируется по истории советско-латиноамериканских отношений. Автор книг «В стране ацтекского орла», «Очерки истории советско-латиноамериканских отношений», «Советский Союз и Латинская Америка (современный этап отношений)» и других работ.

Лавров Сергей Владимирович — аспирант Дипломатической академии МИД СССР. Специализируется в области новейшей истории Англии.

Виноградов Вадим Николаевич — научный консультант отдела зарубежной истории журнала «Вопросы истории». Специализируется по проблеме буржуазного либерализма в период Веймарской республики.

Дьяконова Ирина Алексеевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории СССР АН СССР. Специализируется по экономической истории России конца XIX — начала XX в. и истории международных отношений. Автор статей и публикаций по указанной проблематике.

Андреев Игорь Львович — преподаватель средней школы (г. Москва). Специализируется по истории России XVI—XVII веков.

ОБ ИТОГАХ IV ВСЕСОЮЗНОГО КОНКУРСА РАБОТ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ, ПОСВЯЩЕННОГО XXV СЪЕЗДУ КПСС

Подведены итоги IV Всесоюзного конкурса работ молодых ученых по общественным наукам. 36 человек награждены дипломами лауреатов. В том числе по истории КПСС: Б. В. Чернышев (Саратовский обком ВЛКСМ) — за рукопись монографии «К вопросу о стиле устных выступлений В. И. Ленина (1918—1922 гг.)»; А. Н. Баранова (Московский автомеханический институт) — за статью «В. И. Ленин о студенчестве и его роли в революционной борьбе в период реакции (1907—1910 гг.)»; В. А. Уланов (Ленинградский пединститут) — за рукопись монографии «Письма В. И. Ленина 1892—1903 гг. (источниковедческое исследование)», П. И. Бондарь (Белорусский университет) — за статьи о деятельности КП Белоруссии по повышению роли сельских культурно-просветительных учреждений в коммунистическом воспитании трудящихся (1956—1961 гг.); по истории ВЛКСМ, международного молодежного движения: А. Н. Мельников (Алтайский крайком ВЛКСМ) — за рукопись монографии «Деятельность союзов молодежи по реализации социалистической экономической интеграции (на примере СССР и НРБ)», В. П. Ведерников (ВКШ при ЦК ВЛКСМ) — за рукопись монографии «Ленинский комсомол — помощник партии в культурном строительстве на селе (1946—1950 гг.)», В. М. Орлов (комитет ВЛКСМ треста «Тындаспецстрой») — за рукопись монографии «История становления Сахалинской комсомольской организации и ее участие в развитии экономики области в годы первых пятилеток», А. Г. Тимошенко (Томский университет) — за статьи о политике демократической партии США по отношению к молодежи; по истории СССР и всеобщей истории: О. И. Чеченкина (1-й Московский мединститут) — за главу «Культурное строительство в СССР в освещении буржуазной историографии» в монографии «Критика буржуазной фальсификации национальной политики КПСС», Б. А. Богомолов (ВКШ при ЦК ВЛКСМ) — за рукопись монографии «Компартия Колумбии и крестьянство (апарно-крестьянский вопрос в стратегии и тактике Коммунистической партии Колумбии. 1961—1971 гг.)», Я. Н. Пивоваров (Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР) — за главы «Установление народно-демократического строя. Переход к социалистическому строительству», «Современный этап строительства социализма» в монографии «Демократическая Республика Вьетнам», Л. В. Бадя (НИЦ ВКШ при ЦК ВЛКСМ) — за рукопись монографии «Академик А. М. Панкратова — историк рабочего класса СССР».

Секретариат ЦК ВЛКСМ, Президиум АН СССР, Коллегия Министерства высшего и среднего специального образования СССР, Коллегия Министерства просвещения СССР, Президиум Академии педагогических наук СССР приняли совместное постановление о проведении V Всесоюзного конкурса работ молодых ученых по общественным наукам, посвященного 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Утвержден состав Оргкомитета конкурса во главе с вице-президентом АН СССР акад. П. Н. Федосеевым и Положение о конкурсе.

К участию в конкурсе допускаются авторы изданных книг, брошюр, опубликованных статей, а также рукописей объемом не менее трех печатных листов по марксистско-ленинской философии, научному коммунизму, политической экономии, конкретной экономике, истории КПСС, истории ВЛКСМ, международного молодежного движения, истории СССР, всеобщей истории, праву, психологии, педагогике и проблемам коммунистического воспитания молодежи. Выдвигаемые на конкурс работы должны представлять собой самостоятельно выполненные исследования по актуальным проблемам общественных наук, определенных постановлением ЦК КПСС от 14 августа

1967 г. «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве», документами XXV съезда КПСС.

Конкурс будет проходить в два тура. Первый проводится в областях, краях, автономных и союзных республиках. Право выдвижения работ молодых ученых на конкурс предоставляется отделам или секторам научных учреждений, кафедрам общественных наук вузов, комитетам комсомола, советам молодых ученых. При выдвижении представляются следующие документы: отзыв-рекомендация, краткая аннотация работы, характеристика научной и общественной деятельности автора. На 1 ноября 1977 г. возраст авторов не должен превышать 33 лет. Первый тур конкурса заканчивается в ноябре 1977 — январе 1978 г. в форме областных, краевых, республиканских совещаний (конференций) молодых ученых-обществоведов, на которых подводятся итоги, награждаются победители тура и выносятся рекомендации об участниках второго тура конкурса.

Лучшие работы представляются на второй тур конкурса до 1 марта 1978 г. во Всесоюзный оргкомитет в двух экземплярах (для рукописей первый экземпляр обязателен) с аннотацией, характеристикой и отзывом-рекомендацией республиканского (областного, краевого) оргкомитета. В краткую аннотацию объемом не более двух-трех страниц машинописного текста включаются фамилия, имя, отчество автора, название научного учреждения или вуза, где выполнена работа, год ее написания и объем. В аннотации раскрываются краткое содержание работы и ее выводы. Аннотация подписывается автором с указанием его служебного и домашнего адресов и телефонов. В характеристике указывается фамилия, имя, отчество, год рождения, партийность, национальность, занимаемая должность, образование, основные показатели общественной и научной работы, имеющиеся публикации автора. Характеристика должна быть заверена подписями руководителя соответствующего научного учреждения или вуза, секретарей партийной и комсомольской организаций. В отзыве-рекомендации оценивается научное содержание работы, высказываются критические замечания, перечисляются опубликованные рецензии на данную работу. Если представлен коллективный труд, необходимо указать вклад каждого автора (кем и какие разделы написаны и т. д.). Отзыв-рекомендация утверждается на заседании республиканского, областного (краевого) оргкомитета и заверяется подписью его председателя.

Рукописные работы должны быть оформлены в соответствии с инструкцией Всесоюзного института научной и технической информации (ВИНИТИ) «О порядке приема, хранения и размножения в ограниченных тиражах научных работ», отпечатаны на машинке через полтора или два интервала четким черным шрифтом без помарок, на белой бумаге, вычитаны, отредактированы. Работы должны быть снабжены титульным листом, оглавлением, подшиты в твердых папках.

Второй тур конкурса завершается в октябре 1978 года.

Адрес Всесоюзного оргкомитета: Москва, Центр, ул. Богдана Хмельницкого, 3/13. Отдел научной молодежи ЦК ВЛКСМ. Телефоны: 206-85-49; 206-89-08.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Институт истории СССР АН СССР объявляет прием в аспирантуру по следующим специальностям:

1. История СССР (с отрывом и без отрыва от производства).
2. История международных отношений и внешней политики (без отрыва от производства).
3. Историография и источниковедение (с отрывом и без отрыва от производства).

Прием документов до 15 августа 1977 года. Приемные экзамены с 15 сентября с. г.

Справки по адресу: г. Москва 117036, ул. Дм. Ульянова, 19. Телефон: 126-94-79.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Институт всеобщей истории Академии наук СССР объявляет прием в аспирантуру на 1977 год по следующим специальностям:

С отрывом от производства

1. Новая история Великобритании.
2. Новейшая история Скандинавских стран.

Без отрыва от производства

1. Новейшая история Африки.
2. Новая история Германии.
3. Новая история США.

Приём документов до 25 августа, вступительные экзамены в сентябре.

Справки по адресу: Москва 117036, ул. Дм. Ульянова, 19, Институт всеобщей истории АН СССР. Телефон: 126-94-12.

SUMMARIES OF ARTICLES

S. L. SENIAVSKY. The Social Progress of Soviet Society in the Conditions of Developed Socialism

The article analyzes the social progress of Soviet society in the conditions of developed socialism in two principal directions: further improvement of the social structure of Soviet society and the rising material and cultural standards of the working people. The growing rapprochement between classes and social strata, the gradual elimination of essential distinctions between town and country, between physical and mental labour, the shaping of social homogeneity, the development of the socialist social relations into social relations of the communist type are viewed by the author as the most important objective laws governing the improvement of the social structure of developed socialism. The article also traces the interaction of the scientific and technological revolution, the rising cultural and technical level of the working people, particularly the working class, showing the connection of these processes with the rising material and cultural standards of the Soviet people.

V. A. KITAYEV. The Slavophiles in the Early Post-Reform Period

The article examines the socio-political position of the Slavophiles I. S. Aksakov, Y. F. Samarin and A. I. Koshlev in the 1860's. The author shows the contradictory character of their appraisals of the bourgeois reforms carried out in the 1860's, their struggle against revolutionary democratism and materialist philosophy, the failure of their attempts to revive Slavophilism. The collapse of these attempts, the author concludes, signified the end of the ideology of nobiliary liberalism.

N. A. KAZAKOVA. European Countries in the Memoirs of Russian Travellers in the Mid-15th Century

The article analyzes the memoirs written by the participants in the Russian embassy to the Ferrara-Florence Council of 1438-1439 and relating to some aspects of life in Germany and Italy in the mid-15th century, including a number of large German and Italian towns. The materials examined by the author testify to the keenness of observation manifested by the Russian people, to their faithful and objective account of the various aspects of life in the countries which they happened to visit in the course of their travels.

A. I. SIZONENKO. The Development of Relations Between the U.S.S.R. and Latin America in the 1930's

The attention in the article is focussed on two questions of the utmost importance: 1. The Soviet Union's contacts and co-operation with Latin American countries in international organizations, first and foremost in the League of Nations; 2. Bilateral relations. The author comes to the conclusion that Soviet-Latin American relations in the period under review became more diversified and covered a wider range of problems than in the 1920's. It was precisely in the 1930's that a firm foundation was laid for the Soviet Union's relations with Latin American countries and the basic preconditions were created for the further development of their mutual relations.

S. V. LAVROV. The Struggle in the Political Circles of Great Britain Around the Anglo-Soviet Negotiations of 1920-1921 (in the light of new materials)

The article analyzes the contradictions that arose in Britain's ruling circles over the question of her policy towards the Soviet state at the different stages: from the armed intervention against Soviet Russia to the Anglo-Soviet negotiations culminating in the

conclusion of a trade agreement in 1921 and signifying the de facto recognition of the Soviet state. The author shows the alignment of forces in Britain's ruling circles, the influence exerted by the interests of different groupings on the government's policy towards Soviet Russia, its interrelation with other spheres of Britain's foreign policy and with domestic politics trend in British policy.

V. N. VINOGRADOV. The Crisis of Bourgeois Liberalism in the Years of the Weimar Republic as Reflected in West-German Historiography

The problem of the crisis of bourgeois liberalism in the years of the Weimar Republic is studied in the Federal Republic of Germany primarily from the viewpoint of class collaboration, which corresponds to the present-day aspirations of the ruling element in that country. The experience of German liberalism in this respect is evaluated as a "great service," as a "contribution to the discussion" on enlisting the working class to play a "constructive role" in bourgeois society. The vast majority of West-German historians fail to bring out the actual causes responsible for the crisis of the liberal parties, reducing these causes to subjective factors. A number of progressive-minded authors come out against apologetic conceptions and expose the real culprits responsible for the fall of the Weimar Republic.

CONTENTS

of the journal "Problems of History" No. 6, 1977

Articles: S. L. Seniavsky. The Social Progress of Soviet Society in the Conditions of Developed Socialism; V. A. Kitayev. The Slavophiles in the Early Post-Reform Period; N. A. Kazakova. European Countries in the Memoirs of Russian Travellers in the Mid-15th Century; A. I. Sizonenko. The Development of Relations Between the U.S.S.R. and Latin America in the 1930's; S. V. Lavrov. The Struggle in the Political Circles of Great Britain Around the Anglo-Soviet Negotiations of 1920-1921; V. N. Vinogradov. The Crisis of Bourgeois Liberalism in the Years of the Weimar Republic as Reflected in West-German Historiography. **Publications:** Excerpts from V. N. Lamsdorf's Diary. Historical Science in the U.S.S.R. and Abroad. **Surveys:** A. F. Vasilyev. Present-Day Research in the History of the Soviet Union's Industry and Working Class During the Second World War; B. Y. Tabachnikov. Problems of Contemporary History and Methodology as Reflected in the Journal "Kwartalnik historyczny" for 1970-1976. **Book Reviews:** M. L. Bogdenko, I. E. Zelenin. State Farms in the U.S.S.R. A Brief Historical Survey (1917-1975); V. M. Gridnev. The Struggle Waged by the Peasantry in the Occupied Regions of the Russian Federation Against the Nazi Occupation Policy. 1941-1944; V. F. Petrovsky. American Foreign Policy Conceptions. Critical Review of the Organization, Methods and Content of U. S. Bourgeois Research in Diverse Aspects of International Relations and Foreign Policy; K. A. Antonova, G. M. Bongard-Levin, G. G. Kotovsky. A History of India. A Brief Outline; Academician A. P. Okladnikov. V. M. Masson. The Economic and Social System of Ancient Societies (in the light of archeological data); Vera and Miroslav Hrochovi. The Crusaders in the East (Prague), etc. Letters and Notes. Facts, Events, People. Articles in Soviet and foreign historical journals. New books in the U.S.S.R. and abroad.

SOMMAIRE

de la revue « Questions d'histoire » n° 6, 1977

Articles: S. D. Sèniavski. Le progrès social de la société soviétique dans le contexte du socialisme développé; V. A. Kitaev. Les slavophiles dans les premières années après la Réforme; N. A. Kazakova. Les pays européens dans les notes de voyages des Russes du milieu du XVe siècle; A. I. Sizonenko. Le développement des relations entre l'U.R.S.S. et l'Amérique latine dans les années 30; S. V. Lavrov. La lutte menée dans les milieux politiques de Grande-Bretagne autour des pourparlers britano-soviétiques de 1920-1921; V. N. Vinogradov. La crise du libéralisme bourgeois dans les années de la république de Weimar vue par l'historiographie de la R.F.A. **Ecrits inédits:** Extraits du journal de V. N. Lamsdorff. La science historique en U.R.S.S. et à l'étranger. **Aperçus:** A. F. Vassiliev. Les recherches les plus récentes sur l'histoire de l'industrie et de la classe ouvrière de l'U.R.S.S. de la période de la Grande Guerre nationale; B. Y. Tabatchnikov. Les problèmes de l'histoire contemporaine et de la méthodologie dans la revue « Kwartalnik historyczny » pour les années 1970-1976. **Comptes rendus des livres:** M. L. Bogdenko, I. E. Zélinine. Les sovkhozes de l'U.R.S.S. Précis d'histoire (1917-1975); V. N. Gridnev. La lutte des paysans des régions envahies de la R.S.F.S.R. contre la politique d'occupation nazie. 1941-1944; V. F. Petrovski. La pensée de politique extérieure américaine. Aperçu critique de l'organisation, des méthodes et du contenu des recherches faites aux Etats-Unis sur les questions de relations internationales et de politique extérieure; K. A. Antonova, G. M. Bongard-Lévine, G. G. Kotovski. Histoire de l'Inde. Bref aperçu; A. P. Okladnikov, de l'Académie. V. M. Masson. L'économie et le régime social des sociétés anciennes (à la lumière des données archéologiques); V. et M. Hrochovi. Les croisés en Orient (Praha) et autres. Lettres et notes. Faits. événements, hommes. Article dans les revues historiques soviétiques et étrangères. Livres nouveaux en U.R.S.S. et à l'étranger.

SUMARIO

de la revista «Cuestiones de historia» № 6, 1977.

Artículos: S. L. Seniavski. Progreso social de la sociedad soviética en las condiciones del socialismo desarrollado; V. A. Kitaev. Eslavófilos en los primeros años después de la reforma del 1861; M. A. Kasakova. Países europeos en los apuntes de los viajeros rusos a mediados del siglo XV; A. I. Sizonenko. Desarrollo de los lazos entre la URSS y la América Latina en los años 30; S. V. Lavrov. Lucha en los círculos políticos de la Gran Bretaña en torno a las negociaciones anglo-soviéticas de 1920—1921; V. N. Vinogradov. Crisis del liberalismo burgués en los años de la república de Weimar vista por la historiografía de la RFA. **Publicaciones:** Del diario de V. N. Lamsdorf. La ciencia histórica en la URSS y en el extranjero. **Revistas:** A. F. Vasiliev. Novísimas investigaciones en materia de la historia de la industria y de la clase obrera de la URSS en el período de la Gran Guerra Patria; B. Y. Tabáchnikov. Problemas de la novísima historia y metodología en la revista «Kwartalnik historyczny» en los años 1970—1976. **Reseñas de libros:** M. L. Bogdenko, J. E. Zelenin. Granjas estatales de la URSS. Breve ensayo histórico (1917—1975); V. M. Gridnev. Lucha del campesinado de las regiones de la República Socialista Federativa Soviética de Rusia contra la ocupación fascista alemán. 1941—1944; V. F. Petrovski. Pensamiento norteamericano en materia de la política exterior; K. A. Antonova, G. M. Bongard-Levin, G. G. Kotovski. Historia de India. Breve esbozo; V. M. Masson. Economía y régimen social de las antiguas sociedades (a base de los hechos de la arqueología) Vera y Miroslav Hrochovi. Cruzados en el Oriente (Praha), y otros. Cartas y notas. Hechos, acontecimientos, personalidades. Artículos en las revistas históricas soviéticas y extranjeras. Nuevos libros en la URSS y en el extranjero.

Редакционная коллегия: В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ (главный редактор), Р. Т. АХРАМОВИЧ, В. И. ВОВЫКИН, Л. С. ГАПОНЕНКО, П. А. ГОЛУБ, И. В. ДУДИНСКИЙ, И. И. ЖИГАЛОВ, М. П. КИМ, Ю. С. КУКУШКИН, Н. В. МАТКОВСКИЙ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Н. Г. НЕФЕДОВ, Ю. А. ПОЛЯКОВ, Б. А. РЫБАКОВ, А. Н. САХАРОВ, И. В. СОЗИН (заместитель главного редактора), А. И. ТИТОВ (заместитель главного редактора), И. А. ФЕДОСОВ, С. С. ХРОМОВ, А. С. ЧЕРНЯЕВ.

Технический редактор З. П. Кузнецова.

Адрес редакции: 103781, Москва, ГСП, М. Путинковский пер., ½. Телефон 209-96-21.

Сдано в набор 27 IV 1977 г.
А 00365. Подписано к печати 1/VI 1977 г. Формат 70×108/16.
Усл. печ. л. 19,60. Учетно-изд. л. 22,29. Тираж 25 000 экз. Изд. № 1498. Зак. № 516.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

НОВЫЕ КНИГИ

BLAINEY G. *Triumph of the Nomads. A History of Ancient Australia*. South Melbourne—North Sydney. Macmillan. 1976. X, 285 p.

MEANEY N. K. *A History of Australian Defence and Foreign Policy 1901—23*. Vol. I. The Search for Security in the Pacific, 1901—14. Sydney. Sydney Univ. Press. 1976. XII, 306 p.

FARRELL M. *Northern Ireland: the Orange State*. London. Pluto Press. 1976. 406 p.

HOBSBAWM E. J. *The Age of Capital 1848—1875*. London. Weidenfeld and Nicolson. 1976. XV, 354 p.

KELLENBENZ H. *The Rise of the European Economy. An Economic History of Continental Europe from the Fifteenth to the Eighteenth Century*. Rev. and ed. by Gerhard Benecke. London. Weidenfeld and Nicolson. 1976. XI, 354 p.

Nationalism. *The Nature and Evolution of an Idea*. Ed. Eugene Kamenka. London. Arnold. 1976. 135 p.

HEIMREICH J. E. *Belgium and Europe. A Study in Small Power Diplomacy*. The Hague—Paris. Mouton. 1976. XIII, 451 p.

KROES R. *New Left, Nieuw Links, New Left*. Verzet, beweging, verandering in America, Nederland, Engeland. Alphen a. d. Rijn—Brussel. Samsom. 1975. VIII, 130 blz.

CARO BAROJA J. *Los pueblos de España*. Madrid de bolsillo Istmo. Vol. 1. 1976. 231 p.; vol. 2. 1976. 219 p.

SANTORIUS N. *El resurgir del movimiento obrero*. Pról. de Simón Sánchez Montero. Barcelona. Laia. 1976. 186 p.

BUONARROTI F. *Scritti politici*. A cura di Franco della Peruta. Milano—Napoli. Ricciardi. Torino. Einaudi. 1976. XXXIV, 100 p.

SPADOLINI G. *L'opposizione cattolica da Porta Pia al 98*. Milano. Mondadori. 1976. XXI, 523 p.

VALETTI BONINI I. *Le Comunità de valle in epica signorile*. L'evoluzione del-

la Comunità di Valcamonica durante la dominazione viscontea (Secc. XIV—XV). Milano. Vita e pensiero. 1976. VI, 293 p.

OGELSBY J. C. M. *Gringos from the Far North*. Essays in the History of Canadian—Latin American Relations, 1886—1968. Toronto. Macmillan of Canada—Maclean—Hunter Press. 1976. XIV, 346 p.

GONSALVES C. *A traição de Salazar*. (Uma análise dos primeiros anos do fascismo português). Lisboa. Iniciativas. 1975. 174 p.

VIANA, JOSÉ MARTINS GONÇALVES. *A evolução anarquista em Portugal*. Pref. e notas de Carlos da Fonseca. Lisboa. Seara nova. 1975. 133 p.

ASHKENASI A. *Modern German Nationalism*. New York a. o. Schenkman-Wiley. 1976. XV, 222 p.

GUNDERSON G. *A New Economic History of America*. New York. a. o. McGraw-Hill. 1976. X, 530 p.

Women in Africa. Studies in Social and Economic Change. Ed. by Nancy J. Hafkin and Edna G. Bay. Stanford (Calif.). Stanford Univ. Press. 1976. X, 306 p.

WOODWARD R. L. *Central America*. A Nation Divided. New York. Oxford Univ. Press. 1976. 344 p.

LIEBKNECHT W. *Kleine politische Schriften*. Frankfurt a. M. Röderberg—Taschenbuch. 1976. 410 S.

ISELIN B. *La France et les Français*. Vol. 1. Des rives de la Seine aux côtes d'Armor. 1975. 339 p.; Vol. 2. Du Val de Loire au Pays Basque. 1975. 356 p.; Vol. 3. Des Grêtes Pyrénéennes aux Sommets Alpains. 1976. 356 p.; Vol. 4. Des Vignes de Bourgogne aux Moulins de Flandre. Terres d'Outre-mer. 1976. 328 p. Paris. Nathan.

Les vikings et leur civilisation. Problèmes actuels. Rapports scientifiques publ. sous la dir. de Régis Boyer. Paris—La Haye. Mouton. 1976. 242 p.

SALINGER P. *La France et le nouveau monde*. Paris. Laffont. 1976. 348 p.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вопросы истории» принимает статьи объемом не более 1,5 авторского листа (36 стр. машинописи, через два интервала); воспоминания, исторические очерки и публикации — по предварительному соглашению, обзоры — до 16 стр., рецензий, письма и заметки — 6—8 стр., заметки о статьях, опубликованных в зарубежных журналах — 3 стр. Все материалы представляются в редакцию в 2-х экземплярах. В случае отклонения рукописи автору возвращается один экземпляр, другой остается в архиве редакции.

**ВСЕ ЖИЛЫЕ
ДОМА И
ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ
ПОСТРОЙКИ,**

находящиеся в личной собственности граждан, застрахованы в обязательном порядке. В случае их гибели или повреждения от пожара, наводнения, землетрясения и других стихийных бедствий органы Госстраха гарантируют их владельцам выплату страхового возмещения.

● В дополнение к обязательному проводится и добровольное страхование строений, которое обеспечивает гражданам получение более полного возмещения ущерба в случае перечисленных событий, а также внезапного выхода подпочвенных вод, паводка, необычных для данной местности продолжительных дождей, обильного снегопада, аварий отопительной системы и водопроводной сети.

● Добровольное страхование строений проводится исходя из оценки строений по действующим государственным розничным ценам.

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ

Если Вас заинтересовал этот вид страхования и Вы хотите более подробно ознакомиться с условиями его проведения и оформить договор, обратитесь в районную инспекцию Госстраха или к страховому агенту.

ГОССТРАХ ПРЕДЛАГАЕТ ВАМ СВОИ УСЛУГИ.

ГОССТРАХ РСФСР